ISSN 0135-1672

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 22

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 22.

Ответственный редактор
академик АН УзССР *А. А. Аскаров*

ТАШКЕНТ, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР, 1988.

Сборник включает статьи по археологии и смежным дисциплинам. В научный обиход вводится новый фактический материал из раскопок на территории Узбекистана, отличающийся широким хронологическим диапазоном от эпохи бронзы до позднего средневековья.

Ряд статей носит характер обобщающего исследования экономической и политической истории, идеологических воззрений, материальной культуры и искусства древних народов Узбекистана.

Для историков, археологов, студентов гуманитарных факультетов вузов и всех интересующихся древней историей Средней Азии.

Рецензенты:
кандидаты исторических наук *Г. В. Шишкина, Э. В. Ртвеладзе*

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 22

Утверждено Учёным советом Института археологии АН УзССР, Бюро отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор *Л. А. Леус*
Художник *В. С. Тий*
Технический редактор *О. А. Бакалова*
Корректор *А. А. Петренко*

ИБ № 3947

Сдано в набор 26.08.88. Подписано к печати 14.09.88 Р14796. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 14,7. Тираж 1000. Заказ 203. Цена 3 р. 30 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя 70.
Типография Издательства «Фан»: Ташкент, проспект М. Горького 79.

И 0507000000—3896 / М 355(04)—88 15—88

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, Ташкент, 1988 г.

В. ИОНЕСОВ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ ДЖАРКУТАН 4В

Археологические исследования поселения и могильника эпохи бронзы Джаркутан были начаты в 1973 г. Шерабадским археологическим отрядом Института археологии АН УзССР под руководством А. А. Аскарова[1]. За прошедшее с тех пор время был получен громадный фактологический материал для всестороннего изучения материальной и духовной культуры общества, стоящего на пороге раннегородской цивилизации.

С целью получения дополнительных материалов по погребальным комплексам Джаркутана в 1985 г. было продолжено вскрытие погребений на могильнике Джаркутан 4 В.

Могильник Джаркутан 4 В представляет собой отдельно стоящий холм, примыкающий к восточному берегу старого русла Бустансая. Уже в 1982 г. здесь было раскопано 48 погребений различной степени сохранности, весной 1985 г. на площади более 350 м^2 было вскрыто еще 41 погребение (№ 48—88), принадлежавших к трем основным этапам жизни поселения — джаркутанскому (1500—1350 гг. до н. э.), кузалинскому (1350—1200 гг. до н. э.) и моллалинскому (1200—950 гг. до н. э.). Из них 27 погребений оказались ограбленными.

Господствующим типом погребальных сооружений на всех этапах является подбой — 19 могил. Реже практиковались захоронения в ямах — 13 могил. В девяти случаях из-за плохой сохранности могил их устройство определить не удалось. Среди обширной коллекции находок выделяется керамика. Из 138 найденных глиняных сосудов — 126 археологически целые. Это преимущественно вазы на высоких ножках, кувшины, горшки, кринки и миски. Почти все они сделаны на гончарном круге быстрого вращения. Металлические изделия зафиксированы в восьми погребениях. Они представлены украшениями из бронзы и золота (серьги, клипсы, бусы, бронзовые пластинки и др.), а также символическими бронзовыми орудиями погребального предназначения (ножи, бритвы, наконечники и др.) (рис. 1). В 12 погребениях обнаружены кости животных. Скелеты людей найдены в

[1] Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 46.

27 погребениях, из них 11 женских, 8 мужских и один череп младенца. В остальных семи случаях пол умерших антропологически не определен*.

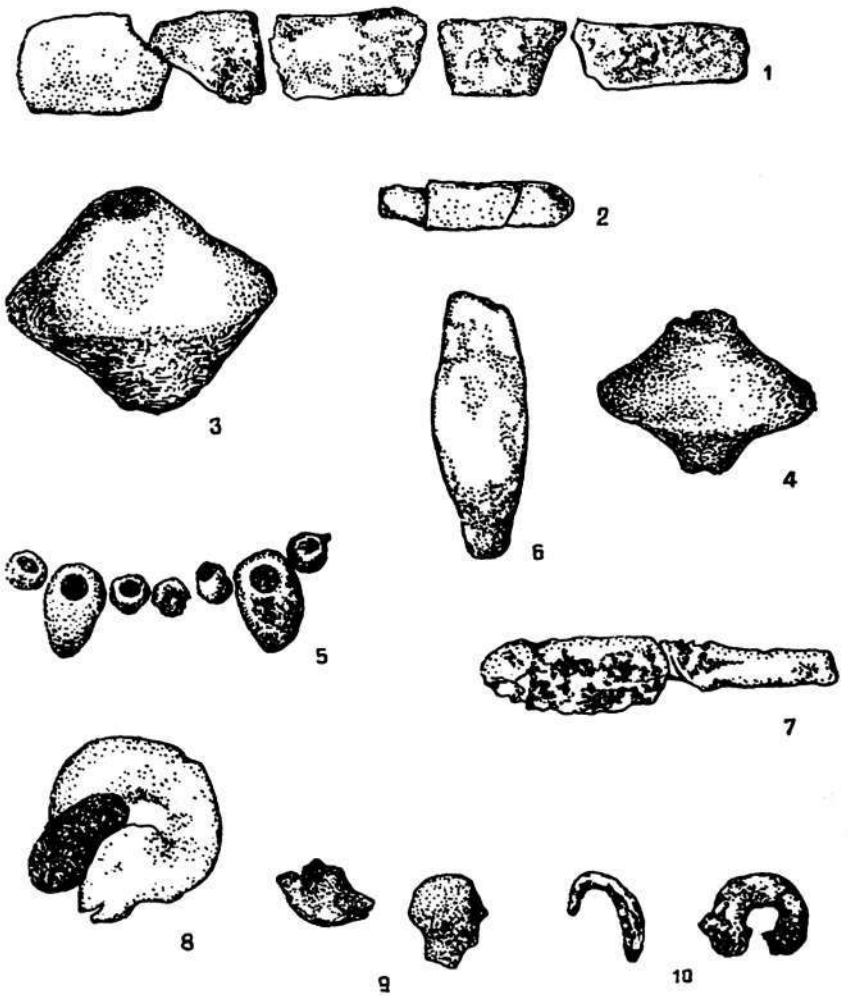


Рис. 1.

Остановимся на некоторых погребениях, которые представляются нам наиболее интересными.

Джаркутанский этап. Погребение 52 — подбойное, не ограблено (рис. 2). Контуры могильного пятна зафиксированы на глубине 150 см от современной поверхности. Размеры погребальной ка-

* Все антропологические заключения, использованные в статье, сделаны С. Мустафакуловым под руководством Т. К. Ходжайова.

меры — 200×170 см, входной ямы 170×50×30 см, последняя располагалась в восточной части могилы, о чем свидетельствует наличие фрагментов кирпичей от входного отверстия. Погребаль-

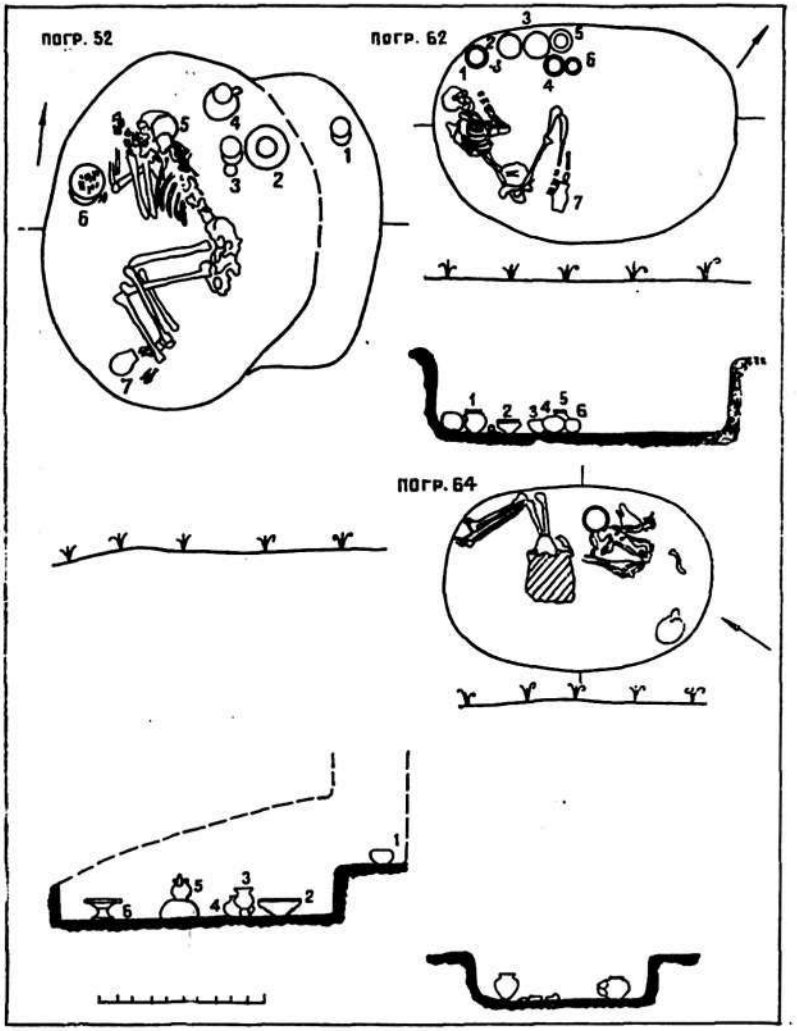


Рис. 2.

ная камера овальной формы, ориентирована по оси С—Ю. Заполнение могилы в верхних слоях рыхлое, мягкое, в нижних — плотное с «жирными» глиняными прослойками. В центральной части погребальной камеры на песчаном грунте обнаружен скелет мужчины 35—40 лет, лежащий на правом боку в скорчен-

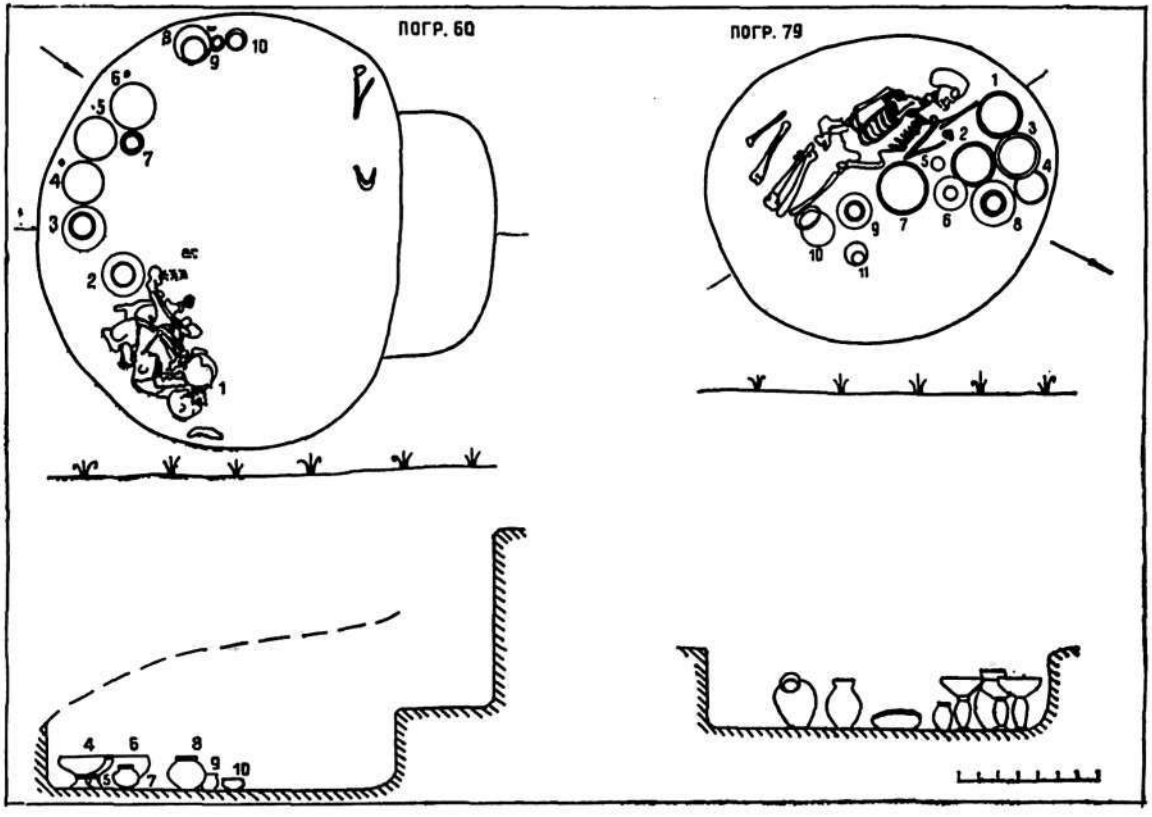


Рис. 3.

ном положении, головой на север. В погребении было найдено 7 сосудов. В северной части погребальной камеры стояли — миска крупного размера (2), на дне которой сохранились остатки мясной пищи, кубок (3) и горшковидный чайник с трубчатым носиком (4). На черепе погребенного лежал чайник (5) с отпечатками каких-то зерен внутри. У западной стенки могилы перед лицом усопшего располагалась ваза на массивной приземистой ножке (6). В ней и вокруг нее находились ребра и позвонки мелкого рогатого скота. У ног умершего в южной части могилы лежала кринка (7), направленная горлом к левой ступне погребенного. В северо-восточной части погребения во входной яме стоял биконический горшок (1).

Кузалинский этап. Погребение 79, не ограблено (рис. 3). Контуры могильного пятна зафиксированы на глубине 130 см от современной поверхности. Конструкцию погребального сооружения определить не удалось. Входная яма не обнаружена. В заполнении могилы и рядом с ней — большое количество углей, возможно, остатки поминальной тризны. Могила округлой формы, размером 175×155 см по оси СЗ—ЮВ. Дно могилы зачищено на глубине 170 см от современной поверхности. В центральной части погребения обнаружен скелет женщины 35—40 лет, лежащий на левом боку в скорченном положении головой на С—З. Правая рука костяка под прямым углом согнута на животе, левая — под острым углом у лицевой части скелета. Ноги согнуты так, что стопы находились под тазовыми костями усопшей. Любопытно, что покойница лежала на какой-то подстилке темно-коричневого цвета. В области черепа обнаружены следы красной краски. В могиле найдено 11 сосудов, пряслице и одна отшлифованная галька. Вся керамика располагалась в северной половине погребения. Справа от черепа стояла ваза на высокой ножке с горизонтально загнутым внутрь венчиком (1), внутри нее находились остатки ритуальной пищи (кости животного), рядом с ней — такая же ваза (2), затем еще одна ваза на высокой ножке (3). За ними стояла небольшая ваза с открытым венчиком (4). Ближе к центру располагались два небольших горшка (5, 6). В живот усопшей упиралась ваза на высокой ножке (7). Позади нее стояли три больших кувшина с вытянутыми горловинами (8, 9, 10). За ними лежал небольшой горшковидный сосуд (11). Заметим, что под вазами (1, 2, 3) рядом с черепом находилось множество костей барана (?) — ребра, позвонок, альчик, конечности. Тут же лежало глиняное пряслице. В восточном углу за кувшином находилась отшлифованная галька.

Моллалинский этап. Погребение 48 — ямное, не ограблено (рис. 4). Контуры могильного пятна зафиксированы на глубине 70 см от современной поверхности. Могила округлой формы, размером 150×140 см по оси С—Ю. Сохранившаяся глубина могилы 100 см. Заполнение могилы натечного характера, без каких-либо находок. Костей человека в могиле не обнаружено, что сви-

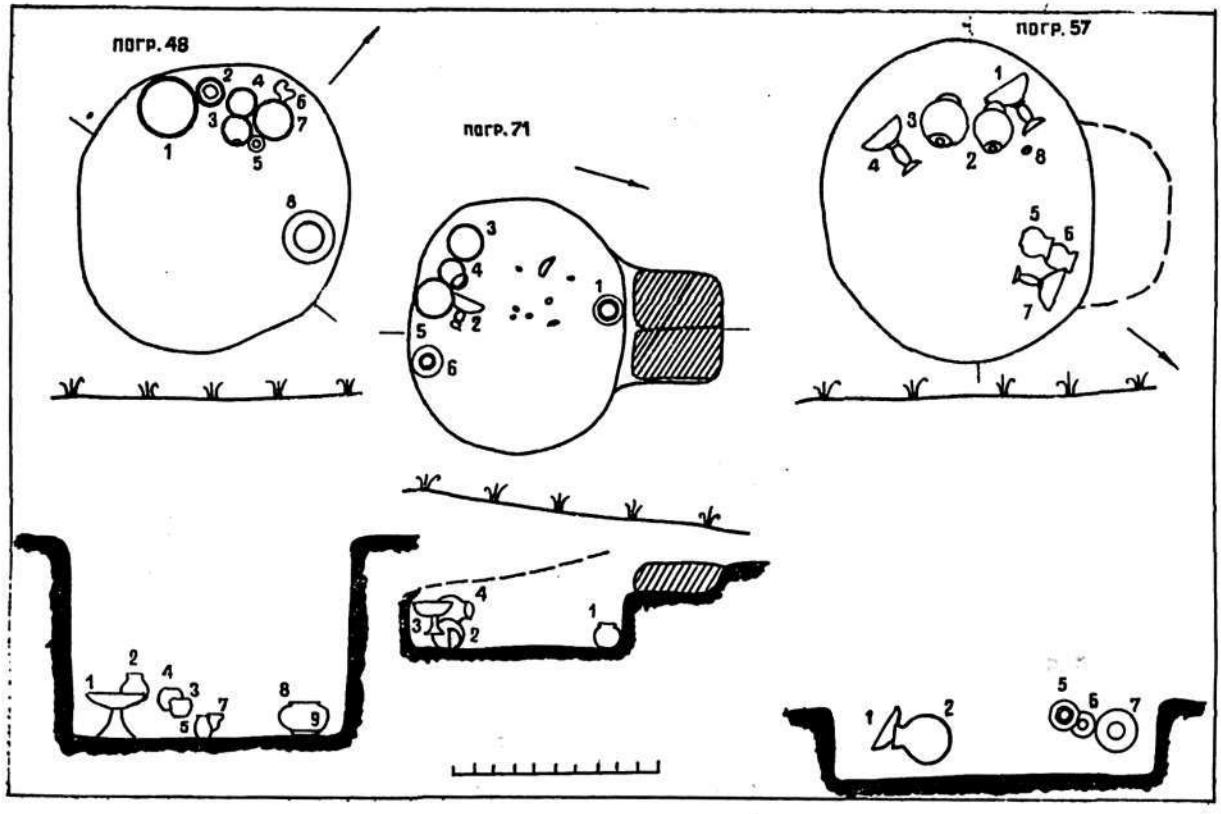


Рис. 4.

детельствует о кенотафном захоронении. В погребении находилось 9 сосудов. У северной стенки могилы располагались плотным скоплением семь сосудов. В северо-западном углу стояла ангобированная ваза (1) с костными остатками барана (позвонок, ребра). Рядом с ней узкогорлый горшок (2), затем три биконических горшка (3, 4, 6), кринка (5) и миска (7). В восточной части могилы находился крупных размеров горшковидный сосуд (8). Внутри него — миниатюрная слегка обожженная ритуальная чашечка (9). Вся южная половина могилы пустовала и предназначалась, видимо, для умершего человека. Кенотафные захоронения в исследуемом могильнике составляют целую группу (погр. 48, 51, 54, 57, 65, 66, 71, 76, 85, 87). Большинство из них принадлежит моллалинскому этапу сапаллинской культуры.

Погребение 60 — подбойное, не ограблено (рис. 3). Контуры могильного пятна зафиксированы на глубине 30 см от современной поверхности. Могила состоит из двух частей — погребальной камеры и входной ямы, размеры которых 220×180 см и 125×50 см соответственно. Погребальная камера вытянута по оси В—З. Входная яма примыкает к северной стороне погребальной камеры. В заполнении входной ямы найдены остатки кирпичной кладки, а на дне — густые скопления золы. Уровень дна входной ямы отмечен на глубине 90 см от верхней границы могилы. Выявленная глубина погребальной камеры 130 см. В восточной части погребальной камеры обнаружены костные останки мужчины 35—40 лет. Судя по тому, что кости были сложены в кучку на небольшой площади, нетрудно догадаться, что перед нами обряд захоронения расчлененного скелета человека. Череп костяка был направлен на северо-восток. Нижняя челюсть лежала в противоположном углу камеры вместе с двумя лучевыми костями погребенного. В могиле находилось 10 сосудов, которые были установлены правильной вереницей вдоль южной стенки погребальной камеры. Рядом с черепом стоял горшковидный сосуд красноватого цвета (1), южнее, позади костяка, два кувшина (2, 3). За ними вдоль стенки располагались соответственно — три вазы на высоких ножках (4, 5, 6), три горшка (7, 8, 9) и чашечка (10). Рядом с последней лежали кости животного. Во многих сосудах сохранились остатки ритуальной пищи. В погребении обнаружено также три бронзовых миниатюрных предмета, имитирующих основное воинское оружие — бронзовый наконечник, находящийся во входной яме, бронзовый нож и «меч», лежащие в погребальной камере между вазой (6) и горшком (8). На лобной части черепа погребенного сохранились остатки какого-то серебристого вещества (головной убор или имитация шлема?), а сам костяк был обсыпан красной охрой. Следует указать, что важной особенностью погребений с расчлененным скелетом человека является обсыпка костей красной охрой. Этот обряд имел место в ряде аналогичных погребений Джаркутана 4В (погр. 60, 83, 88).

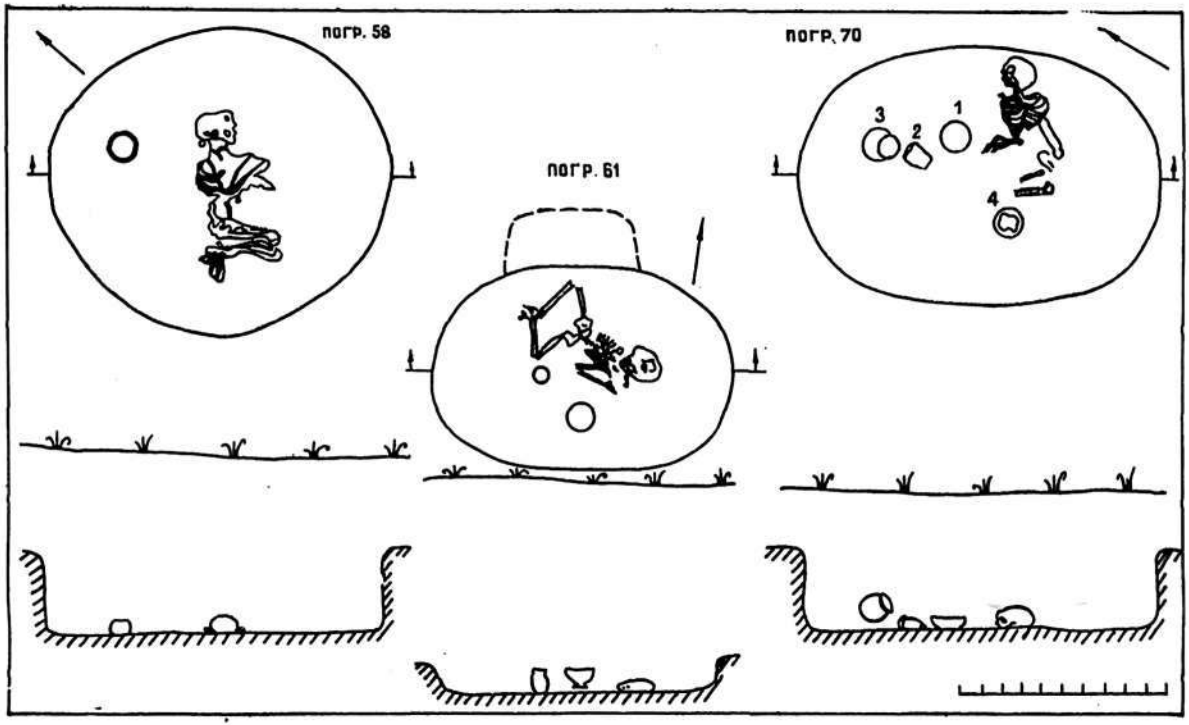


Рис. 5.

Погребение 61 — подбойное, не ограблено (рис. 5). Могила выявлена на глубине 130 см от современной поверхности. К северо-западу от погребения зафиксированы остатки кирпичной кладки, однако входная яма не сохранилась. Погребальная камера овальной формы, размером 145×100 см по оси В—З. На дне камеры обнаружен скелет девочки 10—15 лет, лежащий в скорченном положении на спине с согнутыми в локтях руками, головой на восток. Ноги погребенной расставлены в стороны, правая рука согнута на груди, левая на земле. У черепа обнаружены бронзовая сережка, обмотанная золотой проволокой, и украшение в виде серьги. С левой стороны от скелета стояла небольшая

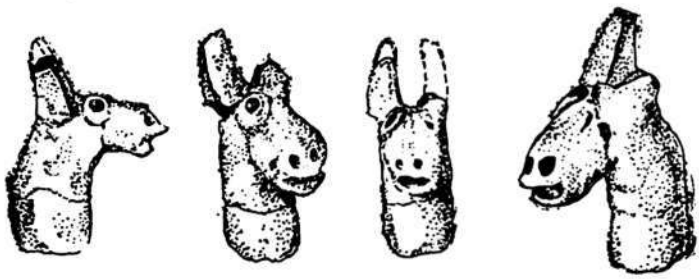


Рис. 6.

ваза на низкой ножке (1), а далее у ног — кринка (2). Обряд захоронения с расставленными в стороны ногами зафиксирован в погребении 32, где была погребена тоже молодая девушка 14—16 лет. Подобный обряд отмечен и в ряде погребений Джаркутан 4А (погр. 497, 512, 604)[2].

Суммируя данные археологических раскопок могильника Джаркутан 4В и учитывая ранее исследованные погребальные комплексы, можно констатировать, что погребальная практика древних земледельцев от этапа к этапу усложняется. Так, если на джаркутанском этапе мы видим относительно устойчивую традицию погребения умерших (в скорченном положении, на боку, головой на север)[3], то на моллалинском этапе картина заметно меняется и уже возникают захоронения с различными ритуальными установками. Только материал последних раскопок демонстрирует как минимум четыре варианта захоронений в погребальной практике джаркутанцев на моллалинском этапе:

1. Захоронения людей в скорченном положении на боку в подбойных, реже ямных могилах;
2. Захоронения людей на спине с расставленными в стороны ногами;
3. Захоронения расчлененного скелета человека.
4. Кенотафные захоронения.

[2] Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент, 1983. С. 45.
[3] Там же. С. 10.

Такая неоднородность в обрядовой системе джаркутанцев, вероятно, связана с тем, что разложение первобытнообщинных отношений непременно затрагивало представления людей о потустороннем мире. Начавшаяся социальная дифференциация вела к возникновению дифференциации духовной. Говорить о социальных истоках того или иного ритуала, о конкретных исторических предпосылках его возникновения пока что не представляется возможным.

Одной из интересных находок весеннего полевого сезона, несомненно, является фигурка головы осла (лошади?), обнаруженная на глубине 70 см над восточным бортиком погребения 70 (рис. 6). Фигурка сделана из обожженной глины и покрашена в красный цвет. Шея осла (лошади) слегка согнута, уши направлены вверх, рот приоткрыт. Специальным круговым налепом рельефно выделены наглазники, четко обозначены ноздри. Высота фигурки 6 см. Возникает вопрос: как могла скульптурка осла (лошади?) оказаться над погребением человека, каков ее ритуальный смысл? Образы осла и лошади, судя по этнографическим сведениям, имели исключительно широкий спектр значений. Изображения их почитались как олицетворение солнца и неба, земли и воды[6]. Особое отношение к ним зафиксировано в некогда бытовавших ритуальных традициях таджиков, осетин, армян, китайцев[5], что наиболее сильно проявилось в погребальной практике этих народов. В горных таджикских районах с ослом связывали благополучие[6]. По сведениям М. С. Андреева, таджики долины Хуф клали в могилу мальчика игрушечного деревянного коня[7]. Традиция почитания осла, так же, как и лошади, нашла отражение в авестийской мифологии. И то и другое животное принадлежит к добрым существам зороастрийского пантеона. Так, осел назван в Авесте «святым» и «пречистым», а лошадь — «истинным праведником»[8].

Подобные джаркутанской находке изображения осла (лошади) не являются единичными для эпохи бронзы. Напротив, их нетрудно отыскать в целом ряде памятников в различных регионах Востока. Поражает своей близостью к джаркутанской находке скульптурное изображение ручек сосудов в форме голов живот-

---

[4] Евсюков В., Комиссаров С. Колесницы на земле и в небесах// Атеистические чтения. Вып. 14. 1985. С. 80—94; Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 171—181.

[5] Народы мира. Народы Кавказа. М., 1960. С. 334; Мифы народов мира. Т. 1. Конь. М., 1980. С. 666; Т. 2. Осел. М., 1982. С. 264—265.

[6] Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956. С. 58; Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908. С. 97—98.

[7] Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. 1. Сталинабад, 1953. С. 192; Чвырь Л. А. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений//Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 136.

[8] Брагинский И. С. Из истории... С. 53, 55; Авеста, В. II. Ясна, ХС, строка 57 (XII, 4); Ясна, XI, 1.

ных из Трои VI[9]. Некоторое сходство можно найти и с терракотовыми фигурками из Алтын-депе[19]. Утверждать что-либо определенное об этих аналогиях пока преждевременно. Однако уже само их существование свидетельствует о большой близости в культурных традициях народов эпохи бронзы.

Итак, завершая сообщение о минувших археологических раскопках на Джаркутане 4В, есть все основания считать, что полученные новые археологические материалы послужат ценным источником в исследовании жизни, быта и мировоззрения оседлого населения Северной Бактрии конца II тысячелетия до н. э.

Т. ШИРИНОВ, Ш. ШАЙДУЛЛАЕВ

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ КУЧУКТЕПА

Поселение Кучуктепа было впервые открыто в 1962 г. Л. И. Альбаумом[1], археологическое исследование его началось

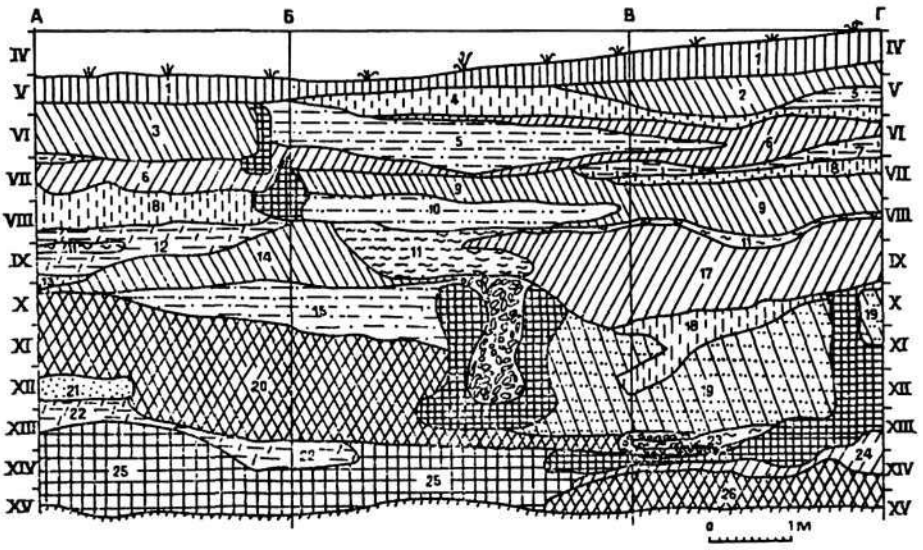


Рис. 1. Развертка шурфа.

в 1963 г. и проводилось на протяжении ряда лет[2] (1965—1969 гг., 1977 г.). Нами в 1984 г. был заложен стратиграфический шурф

[9] Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. С. 86.

[10] Массон В. М. Алтын-депе. Л., 1981. Табл. XIII.

[1] Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа в Узбекистане//Материалы сессии, посвященной итогам археолого-этнографических исследований 1964 года в СССР (Тезисы докладов). Баку, 1965.

[2] Альбаум Л. И. К датировке верхнего слоя поселения Кучуктепа//

№ 4 (3×4), который находится на восточном склоне холма, за пределами укрепленной центральной части поселения.

Уровень современной дневной поверхности площади шурфа находится ниже установленного ранее репера на 150 см — на границе III и IV ярусов.

Всего в шурфе вскрыто 26 слоев (рис. 1). На глубине 5,9 м от уровня современной дневной поверхности отмечен материковый грунт.

1 слой. Оплывы занимают всю площадь шурфа, толщина слоя 10—40 см. Слой светлого цвета с примесью угольков. Встречены остатки пахсовых стен очень плохой сохранности, вследствие чего выявить их расположение не удалось.

2 слой. В V ярусе под слоем оплывов в западной части шурфа обнаружен слой зеленоватого цвета с примесью гумуса и золы. Толщина его от 5 до 40 см.

3 слой. Он лежит на одном уровне со 2 слоем в восточной части шурфа. Светлый, с зеленоватым оттенком, довольно рыхлый, с примесью золы и гумуса. Толщина слоя достигает 70 см.

4 слой. В V ярусе по южному и западному краю шурфа отмечен слой гумуса зеленоватого цвета, подстилающий слой 3. В южной части шурфа толщина его достигает 35 см, в западной сохраняется до 10 см.

5 слой. На границе V и VI ярусов четвертый слой подстилает зольный слой черного цвета. Толщина его в южной части шурфа достигает 60 см.

6 слой. На границе VI и VII ярусов, почти по всей площади зафиксирован рыхлый слой светлого цвета. Толщина его колеблется в пределах от 5 см до 50 см.

7 слой. В северо-западной части шурфа в VI ярусе под слоем 6 идет зольный слой серого цвета. Толщина его от 5 до 25 см.

8 слой. В VII ярусе, в северо-восточной части шурфа обнаружен гумусный слой зеленоватого цвета. Толщина его достигает 50 см. Этот слой расширяется на запад, уменьшаясь в толщине до 5 см.

9 слой. На глубине VII и VIII ярусов подстилает в юго-западной части шурфа слой 8. Структура слоя рыхлая, зеленоватого цвета с большой примесью гумуса и золы. Толщина в западной части достигает 70 см, в южной части она уменьшается до 20 см.

10 слой. В VIII ярусе в южной части шурфа обнаружен мощный зольный слой, в отличие от предыдущих зольных слоев он беловатого цвета. Толщина его достигает 45 см.

11 слой. Подстилает слой 10 на границе VIII—IX ярусов в южной части шурфа. Составлен из обгорелой земли. Толщина слоя в южной части шурфа достигает 70 см и, расширяясь к западу, уменьшается до 5 см.

ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1968; Аскаров А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент: Фан, 1979.

12 слой. Находится на границе VIII—IX ярусов в северо-восточном углу, состоит он из земли с примесью золы серого цвета. Толщина его достигает 50 см.

13 слой. Подстилает слой 12 на границе IX—X ярусов в северо-восточном углу шурфа. Слой гумусный, зеленоватого цвета, толщина достигает 20 см.

14 слой. В IX ярусе отмечен рыхлый зеленоватый слой земли с большой примесью золы и гумуса. Он расширяется в восточной части шурфа, толщина колеблется от 10 до 80 см.

15 слой. В X ярусе, в юго-восточном углу раскопа обнаружен мощный зольный слой черноватого цвета. Толщина — 75 см.

16 слой. В центре шурфа, начиная с глубины X яруса, обнаружен большой бесформенный завал из сырцовых кирпичей. Он доходит до середины XII яруса. В завале найдены целые сырцовые кирпичи размерами 50×30×8 см и обломки пахсы, ширина завала 55 см, глубина 1,5 м.

17 слой. В IX ярусе, в юго-западной части шурфа обнаружен рыхлый слой светлого цвета, толщина слоя, расширяющегося к западу, достигает 1,20 м.

18 слой. В западной части шурфа на уровне X яруса зафиксирован гумусный слой зеленоватого цвета. Он наклонен к северу и доходит до середины XII яруса. Толщина слоя от 5 до 40 см.

19 слой. В юго-западной и западной части шурфа между X и XIII ярусами лежит рыхлый гумусный слой с кусками комковой глины, толщиной до 1,75 м. В середине 19 слоя отмечен большой кусок оплывшей пахсы.

20 слой. В юго-восточной части шурфа с середины X яруса толщиной 1,50 м начинается плотный слой земли светлого цвета. Слой в шурфе лежит неровно, с восточной стороны он начинается с середины X яруса, доходит до конца XIII яруса, в южной части шурфа он начинается с XI яруса и тоже доходит до конца XIII яруса.

21 слой. В северо-западной части шурфа, в середине XII яруса, подстилая 20 слой, лежит обгорелый слой земли толщиной до 25 см и длиной до 1,70 м.

22 слой. В восточной части шурфа подстилает слои 20 и 21 и лежит на глубине XIII яруса. Слой черного и серого оттенков, толщина его от 7 м до 27 см.

23 слой. В западной части шурфа, в конце XIII яруса, под слое 19 лежит обгорелый слой земли толщиной до 20 см, длиной до 1,70 м. На том же уровне вокруг 23 слоя обнаружена прослойка мелкого гравия толщиной 5—7 см. В этой прослойке археологических находок нет.

24 слой. В юго-западной и западной частях шурфа на глубине XIV яруса обнаружен рыхлый грунтовый слой светлого цвета толщиной от 5 см до 50 см.

25 слой. В восточной части шурфа с середины XIII яруса под

слоем 22 и в южной части шурфа с конца XIII яруса под слоем 20 обнаружен плотный слой земли зеленоватого оттенка. В восточной части толщина слоя до 1,15 м, в южной — до 35 см.

26 слой. В западной и юго-западной частях раскопа с середины XIV яруса, под слоем 24 обнаружен плотный слой земли, в отличие от 25 слоя цвет его светлый. Толщина достигает 55 см.

В XV ярусе обнаружен материк. Уровень поверхности материка в восточной и западной частях неровный.

В результате предыдущих исследований, на основании археолого-стратиграфических данных А. Аскаров и Л. И. Альбаум выделили четыре периода обживания Кучуктепа:

Кучук I (конец XI — середина VIII в. до н. э.)

Кучук II (середина VIII—VII в. до н. э.)

Кучук III (конец VII—VI в. до н. э.)

Кучук IV (конец VI—V в. до н. э.).

Новый шурф в целом дал такую же последовательную картину обживания Кучуктепа, однако нами внесен целый ряд уточнений к керамическому комплексу каждого из этих этапов.

Сопоставление керамических форм и их статистический анализ показали, что период К—I делится на две фазы. К первой фазе периода К—I относятся самые нижние слои шурфа (слои 26, 25, 24). Из общей массы обнаруженных керамических изделий этого этапа 75% лепные, из них 2% составляет расписная керамика, а остальные 25% — станковая.

Таким образом, первая фаза периода К—I характеризуется прежде всего увеличением лепной керамики по сравнению со станковой. Лепную керамику комплекса Кучуктепа можно разделить на две группы: с расписным орнаментом и неорнаментированную.

Для комплекса лепной керамики К—I характерна грубая ручная лепка ленточным способом или на матерчатом шаблоне, красный, коричневый и реже серый цвета черепка, примесь крупнозернистого песка или шамота в тесте, недостаточный обжиг и пятна разных оттенков на поверхности изделий, преобладание светлофонной посуды.

Лепная керамика представлена в основном 5 типами сосудов. Материалы периода К—Iа и К—Iб представлены на рис. 2.

I. Горшки разных размеров:

а) широкогорлые, с раздутым туловом и отогнутым краем венчика, иногда оформляются подтреугольником;

б) с вытянутым туловом и вертикальным венчиком;

в) с широким устьем (аналогичные горшки известны в комплексе керамики Яз I Мургабского оазиса[3] и на поселении Тилля-тепе в Северном Афганистане)[4].

---

[3] Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы//МИА. Вып. 73. Табл. XVII, *1, 10;* XIX, *1, 2.* М., 1959.

[4] Сарианиди В. И. Раскопки Тилля-тепа в Северном Афганистане. М., 1972. Рис. 11, *5.*

II. Чаши с туловом полусферической формы. Аналогичные сосуды известны среди керамики чустской культуры[5].

III. Миски:

а) полусферические;

б) большие, неглубокие или приземистые. Схожие по форме миски были найдены на поселении Уч-тепа 10 в Южном Туркменистане[6].

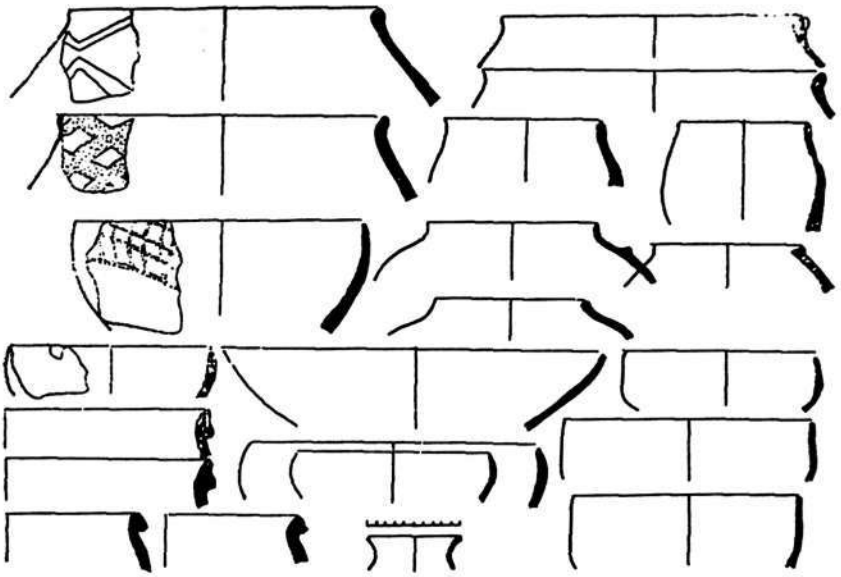


Рис. 2. Керамический комплекс периодов Кучук — I а, I б.

IV. Котлы:

а) с округлым туловом и вертикальным венчиком;

б) кухонные, с отогнутым краем венчика;

в) небольшие кухонные горшки с плоским донцем, округлым туловом и слегка отогнутым краем венчика. Вся поверхность стенок имеет следы закопченности.

V. Жаровня. Найдена в 23 слое в единичном экземпляре. Имеет плоскую округлую форму с невысоким слегка отогнутым бортиком.

Как мы уже отмечали, 2% керамики лепной посуды имеет расписной орнамент. Эта группа сосудов по форме не отличается от остальной лепной керамики. Она представлена горшками, горшковидными хумчами, чашами и мисками. Орнамент нанесен

[5] Матбабаев Б. Х. Классификация керамики Чустского поселения// ОНУ. 1984. № 7.

[6] Масимов И. С, Удеумурадов Б. Н. Новые материалы по раннежелезному веку низовьев Мургаба//Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад, 1984. С. 15.

по светлому или светло-коричневому фону красной или темно-красной краской. Сюжет орнамента довольно простой, состоит из треугольников, ромбиков, косой заштриховки, каплевидной насечки, трехзубчатой вилки. Расписная керамика Кучуктепа характерна для комплекса керамики Джаркутана[7], Бандыхана, Миршаде[8], Кызыл I, Буйрачи II[9], соседних районов этого региона и Яз I[10], Тилля-тепа[11], памятников чустской культуры[12].

В комплексе керамики первой фазы периода К—I 25% составляет станковая керамика. Черепок в изломе светло-коричневого, красноватого цвета, плотный, без видимых примесей, прекрасного обжига, снаружи покрыт светлым или белым ангобом. Преимущественно это чаши, горшки, хумы, кувшины.

I. Чаши:

а) полусферические, с заостренным краем венчика;

б) полусферическая, с округленным венчиком;

в) с округло-биконическим профилем тулова;

г) цилиндроконические, с прямой невысокой стенкой в верхней части корпуса.

II Горшки:

а) кувшинообразные с шаровидным туловом и затупленноотогнутым валикообразным краем венчика;

б) с раздутым туловом и подтреугольным профилем края венчика;

в) приземистые, с подбиконическим туловом и заостренным краем венчика;

г) крупные, с хумообразным корпусом и клювовидным венчиком подтреугольной формы.

III. Хумы комплекса первой фазы периода К—I:

а) с усеченным туловом и подманжетовидным венчиком, нижний край которого оформлен в виде треугольника плавных очертаний;

б) с цилиндрическим туловом и крючковидным венчиком, диаметр венчика до 30 см;

в) с вытянутым округлых очертаний туловом и манжетовидным венчиком, нижний край которого оформлен в виде треугольника.

---

[7] Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. С. 230. Табл. IXVIII.

[8] Беляева Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде//История античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 44—50.

[9] Сагдуллаев А. С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа/По материалам памятников района Шурчи—Байсуна: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1979. С. 7—10.

[10] Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы//МИА. Вып. 73. Табл. XVIII.

[11] Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. С. 110.

[12] Матбабаев Б. Х. Локальные варианты чустской культуры Ферганы: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1985. С. 12.

В 26 слое найден в единичном экземпляре венчик (диаметр 10 см) узкогорлого кувшина.

Станковая керамика первой фазы периода К—I имеет прямые аналогии с комплексом керамики моллалинского этапа сапаллинской культуры[13].

Керамические комплексы периода К—Ia в нашем стратиграфическом шурфе представлены 26—24 культурными слоями мощностью 2,20 см. В стратиграфическом отношении 24 и 23 слои также резко отличаются друг от друга. Между ними лежит мощный слой оплывов стен толщиной до 50 см. Итак, керамический комплекс и ситуация микроположений позволяют объединить 26, 25, 24 культурные слои в одно целое и выделить их как отдельный горизонт, качественно отличающийся от вышележащих слоев.

Выше была упомянута датировка Кучук I и приведен ряд аналогов.

Следует отметить, что облик лепной керамики Чуста, Бургулюка, Кызыл I во всех этапах их обживания почти не меняется.

Лепная керамика периода Кызыл I аналогична материалам лепной керамики периода Кызыл III[14], хотя между ними большой хронологический разрыв. Исходя из сказанного, не представляется возможным брать за основу датировку лепной керамики типа Кучук, Кызыл и других памятников Северной Бактрии. Прежде всего следовало бы индикатором хронологии этого периода для данной территории взять станковую керамику, так как в конце II тыс. до н. э. в Северной Бактрии уже существует мощный пласт носителей ее культуры. Доля станковой керамики в нижних слоях Кучуктепа составляет 25%, которая отражает первую фазу Кучук I.

В хронологическом отношении К—Ia следует отнести выше моллалинского этапа сапаллинской культуры, так как в комплексе моллалинского этапа в Джаркутане доля лепных сосудов незначительна (около 1%), а в периоде К—Ia — основная (75%). Увеличение количества лепной керамики в периоде К—Ia говорит само по себе о его более поздней дате, чем моллалинский этап, который, как известно, датируется XI—X вв. до н. э.[15]

Исходя из изложенных фактов нижнюю дату К—Ia следует отнести к концу X в — перв. половине IX в. до н. э.

Характерные черты комплекса керамики второй фазы периода К—I. Из XXIII—XXI слоев получен керамический комплекс, характеризующий первую и вторую фазы периода Кучук—I.

---

[13] Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Рис. 32.

[14] Сагдуллаев А. С. О культурных связях Северной Бактрии с областью Чача до середины 1 тыс. до н. э./Материалы по археологии Средней Азии//Сб. научных трудов ТашГУ. № 707. Ташкент, 1983. С. 4.

[15] Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983. С. 44.

В этих слоях повышается количество гончарных сосудов (70%), уменьшается количество лепных (30%), появляются новые формы сосудов, сокращается число гончарных полусферических чаш, одновременно увеличивается количество чаш с прямой невысокой стенкой, сосудов с крючковидным венчиком.

Встречаются почти все типы сосудов, характерные для комплекса керамики первой фазы периода К—I, но в единичных экземплярах. Расписная керамика характеризуется исчезновением сюжетов росписей, но появлением однофонных полос.

В 23 слое обнаружена хумча с широким горлом и шаровидным туловом, под венчиком которого прочерчен знак в виде трехзубчатых вилок, остриями вниз, что характерно и для хумов из Джаркутана.

В стратиграфическом отношении эта фаза включает в себя 23—21 микрослои, которые по характеру заполнения отличаются от вышележащих слоев.

Итак, керамический комплекс Кучук Iб можно датировать второй половиной IX в. до н. э.

Керамика комплекса Кучук II и переходные формы сосудов к периоду Кучук III. Керамика комплекса К—II или раннего этапа древнебактрийского времени представлена материалами из 20—19 слоев, толщина слоев до 1,5 м.

Характерные особенности керамики этого времени — исключительное преобладание сосудов с клювовидным венчиком, появление чаш с подбиконическим или округло-биконическим профилем корпуса. На переходном этапе к К—III впервые появляются сосуды с манжетовидным венчиком (18 слой). Ниже манжетки у них проходят четкие желобки. Сосуды снаружи покрыты светлым и светло-коричневым ангобом, примесь в тесте незначительна, черепок плотный, светло-коричневого и красного цветов.

Керамика периода К—II представлена 6 типами (рис. 3):

I. Цилиндроконические хумы и хумча с крючкообразным венчиком;

II. Чаши:

а) с подбиконическим профилем;

б) с округло-биконическим профилем;

в) полусферические;

III. Цилиндроконические миски;

IV. Тагора:

а) усеченно-конической формы с крючкообразным венчиком;

б) конической формы с плавным, почти округлым ребром и клювовидным венчиком;

V. Котлы:

а) с шаровидным туловом и притупленным венчиком, к которому прикреплена в виде полумесяца ручка;

б) с вытянутым туловом и слегка отогнутым венчиком.

VI. Жаровни представлены фрагментом всего лишь одного сосуда с обычной для данного вида формой — массивный, большого диаметра диск с невысоким бортиком по краю.

Керамика типа Кучук II обнаружена на Кызылча 6[16], на Бандыхантепе 2, на Буйрачи 2[17], в комплексе керамики Тилля 2[18] в Северном Афганистане.

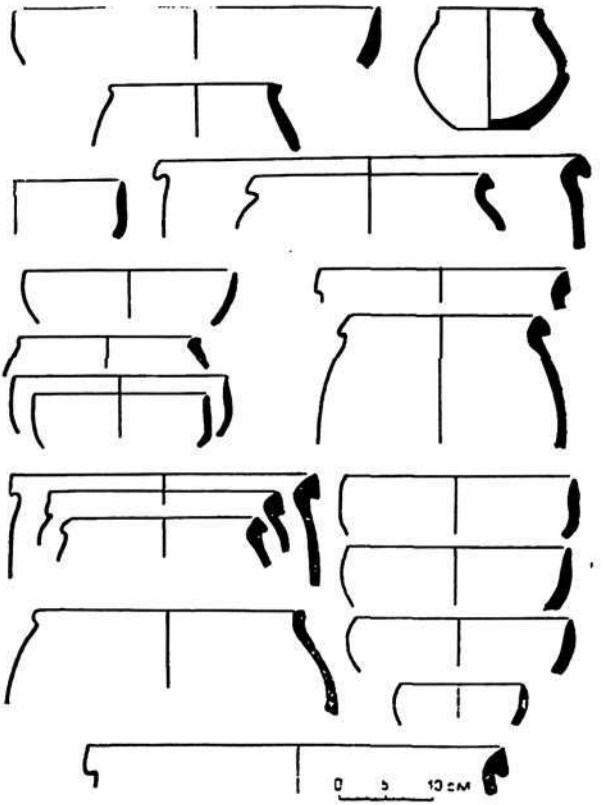


Рис. 3. Керамический комплекс периодов Кучук—I б, II.

Переходные формы сосудов от К—II к К—III обнаружены в слое 18. Почти все характерные типы сосудов К—II продолжают использоваться, но крючковидные венчики имеют более притупленный вид, появляются манжетовидные венчики, ниже которых проходят четкие желобки. У большинства сосудов ниже первого желобка обычно есть и второй, более узкий.

[16] Сагдуллаев А. С. Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6 (по итогам работ 1974—1976 гг.)//СА. 1980. Вып. 2. С. 232. Рис. 3.

[17] Сагдуллаев А. С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. С. 11.

[18] Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. С. 110.

Керамический комплекс периода Кучук II, при помощи ранее проведенных аналогий можно датировать VIII — первой половиной VII в. до н. э.

Керамика комплекса К—III и переходные формы сосудов к К—IV. Керамика комплекса К—III, или развитого этапа древнебактрийского периода представлена материалами из 10—17 слоев,

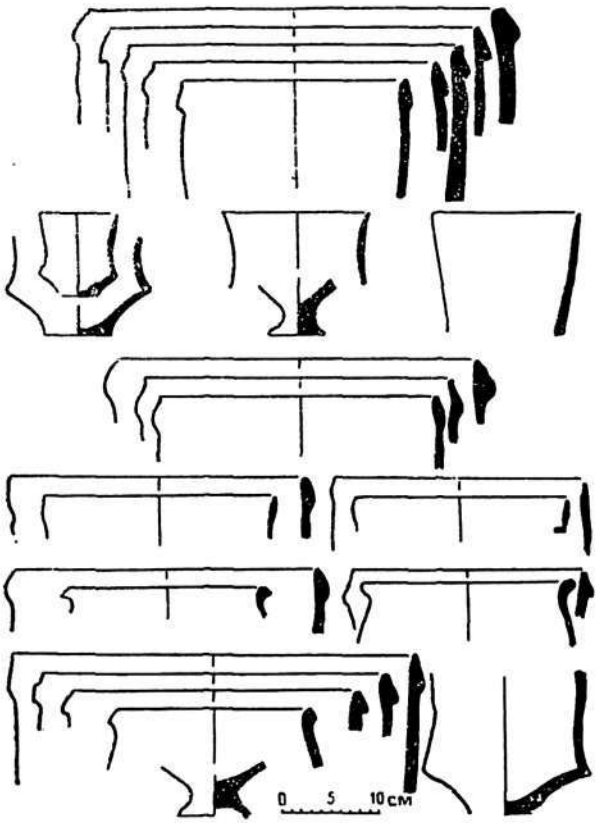


Рис. 4. Керамический комплекс периода Кучук—III.

общая толщина которых — до 1,5 м. Для этого керамического комплекса характерен светлый и светло-коричневый ангоб. Исчезает крючкообразный профиль венчика, преобладают сосуды с манжетовидным венчиком, банки и чаши имеют острое ребро; придонная коническая часть становится выше, чем цилиндрическое тулово. Всего выявлено 9 типов сосудов (рис. 4):

I. Цилиндроконические хумы. Их отличают:

а) манжетовидный венчик с притупленным краем и желобком;

б) манжетовидный венчик с округлым краем;

в) вогнутый манжетовидный венчик с желобком;

г) манжетовидный венчик подтреугольной формы.

II. Цилиндроконическая хумча. По форме и по оформлению венчика не отличается от хумов;

III. Цилиндроконические банкообразные сосуды:

а) миски цилиндрической формы, высотой до 40 см, диаметром до 25 см, иногда с невыразительным манжетовидным венчиком;

б) чаши высотой до 20 см, диаметром до 18 см;

в) банки с небольшим плоским дном и скошенной придонной частью. Тулово в середине сужено, а его верх конусовидно расширяется, заканчиваясь прямым приостренным венчиком. Высота их 15—25 см, иногда 10 см.

IV. Горшки:

а) с раздутым туловом;

б) с вытянутым туловом и клювовидным венчиком;

в) с вытянутым туловом и отогнутым краем венчика.

V. Тагора:

а) усеченно-конические;

б) с округлым туловом и манжетовидным венчиком.

VI. Кувшины. Представлены единственным экземпляром. Он имеет коническое вытянутое тулово и с отогнутым краем венчик.

VII. Вазы:

а) на низкой ножке;

б) на низком плоском донце.

VIII. Кухонные котлы по форме тулова не отличаются, они все шаровидные.

IX. Жаровни. Массивный, большого диаметра диск, с невысоким отогнутым по краю бортиком.

Керамика типа К—III обнаружена на Кызылча 6[19], Газимуллатепе[20], на Талашкан 1[21], на Пшактепе[22].

Переходные формы сосудов от К—III к К—IV получены из слоя 9. В этом слое появляется посуда с красноватым и розоватым ангобом наряду со светлым и светло-коричневым ангобом. Сохраняются почти все типы сосудов, характерные для периода К—III. Керамический комплекс К—III датируется второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э.

Комплекс керамики периода К—IV. Комплекс керамики периода К—IV или позднего древнебактрийского времени представлен материалами из 8—I слоев толщиной до 2 м.

---

[19] Сагдуллаев А. С. Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6. С. 233.

[20] Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана//Бактрийские древности. Л., 1976. С. 99.

[21] Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкантепе 1//Бактрийские древности. Л., 1976. С. 22.

[22] Аскаров А. А Раскопки на Пшак-тепе на юге Узбекистана//ИМКУ. Вып. 17. 1982. С. 39.

В этом периоде широко распространяется посуда с красноватым и розоватым ангобом наряду со светлым и светло-коричневым. Здесь преобладают сосуды с манжетовидным профилем венчика, ширина манжета до 5,5 см. Край венчика часто заострен и вогнут, иногда поверхность манжетовидного венчика плавно округлая. Исчезает желобок под венчиком, повышается количество

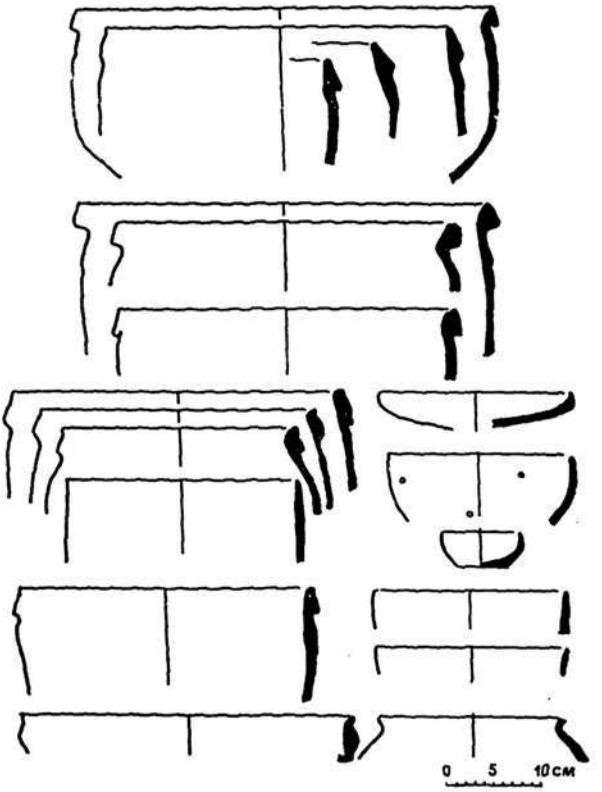


Рис. 5. Керамический комплекс периода Кучук—IV.

горшкообразных сосудов с клювовидным венчиком, цилиндроконические «банки» имеют острое ребро, придонная коническая часть становится низкой, а цилиндрическое тулово их более глубоким. Выявлено 8 типов сосудов (рис. 5).

I. Цилиндроконические хумы, по оформлению венчика представлены четырьмя вариантами:

а) манжетовидный венчик с широким профилем;
б) вогнутый манжетовидный венчик;
в) манжетовидный венчик с притупленным краем;
г) манжетовидный венчик с округленным краем.

II. Как в предыдущих периодах, хумча по форме и по оформлению венчика не отличается от хумов.

III. Цилиндроконические сосуды:

а) миски цилиндрической формы с округленным краем венчика, высотой до 35 см, диаметром до 20 см;

б) чаши высотой до 20 см, диаметром венчика до 18 см;

в) банки высотой до 20 см, диаметром до 14 см.

IV Горшки:

а) с вытянутым туловом и клювовидным венчиком;

б) с вытянутым туловом и отогнутым краем венчика.

V. Ваза представлена в единственном экземпляре. Она имеет биконическую форму.

Единственными экземплярами представлены также:

VI. Тагора;

VII. Котлы;

VIII. Жаровни.

Керамика комплекса К—IV имеет прямые аналогии в материалах периода Кабодиан I в Таджикистане[23].

Тилля — 3 в Северном Афганистане[24], Афрасиаб—I в Самарканде[25], Яз—III в Мургабском оазисе[26]. Керамический комплекс К—IV датируется второй половиной VI—V в. до н. э.

Как известно, в начале I тыс. до н. э. в Средней Азии широко распространяется лепная керамика. По всей вероятности, это было связано с этническими передвижениями. Материалы периода Кучук—Ia свидетельствуют, что в это время в Бактрии появляется новая этническая группа. Но ее влияние не было длительным и доминирующим. Как показывают материалы, новая этническая группа не смогла полностью вытеснить носителей культуры Сапалли, так как станковая керамика, характерная для сапаллинской культуры в пору Кучук—Ia, не исчезает, хотя и составляет 25% всего керамического комплекса.

В период Кучук—Iб вновь возрождается и усиливается пласт сапаллинской культуры, где 70% составляет станковая керамика. Это свидетельствует о формировании новой, собственно древнебактрийской культуры. Вот в связи с чем и было связано разделение периода Кучук—I на две группы «А» и «Б»: пришлые этнические группы (Кучук—Ia) полностью ассимилировались с носителями местной культуры, вследствие чего и образовалась качественно новая культура, древнебактрийская (Кучук—Iб). Этот исторический процесс отражается в археологических комплек-

---

[23] Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кабодиан)//МИА. Вып. 37. М.—Л., 1953. С. 279—282.

[24] Сарианиди В. И. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М., 1972. С. 23—25.

[25] Филанович М. И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе//Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969. С. 206—209.

[26] Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы//МИА. Вып. 73. М.—Л., 1959. С. 39—41.

сах, которые, к сожалению, датируются одним общим периодом Кучук—I, что не соответствует действительности.

В период Кучук—II полностью формируется древнебактрийская культура и широко распространяется по всей Бактрии. Керамический комплекс этого периода обнаружен в Бандыхан 2 (Байсунский р-н), Кызылтепа (Шурчинский р-н), Исмоилтепа (Джаркурганский р-н) и др.

В период Кучук—III влияние бактрийской культуры доходит до южного и центрального Согда, а в периоде Кучук—IV — до Бухарского оазиса и даже Хорезма.

К. АБДУЛЛАЕВ

О КУЛЬТЕ ГЕРАКЛА В БАКТРИИ (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИКОНОГРАФИИ)

329—328 гг. до н. э. связаны с походом Александра Македонского в Среднюю Азию и покорением Бактрии и Согдианы. Греко-македоняне приносят с собой свой пантеон олимпийских божеств и их культов. Греко-македонские базилевсы, стоящие во главе возникшего после Александра греко-бактрийского царства, чеканят на монетах изображения своих божественных покровителей, сопутствующих им в их более или менее удачливой завоевательной политике. Наиболее популярными являются такие божества, как Зевс, Аполлон, Афина, Артемида, Диоскуры, Ника, Геракл, Посейдон, Тихе.

Сообщения античных авторов, в частности «Индика» Мегасфена, дошедшая до нас в сочинении Диодора Сицилийского, свидетельствуют о том, что культы, например, Диониса и Геракла получают широкое распространение вплоть до Индии. Индийцы, живущие в горах, утверждают, что наряду с Дионисом был у них и Геракл, и подобно эллинам наделяют его палицей и львиной шкурой[1]. В этом же источнике говорится, что Геракл был основателем многих городов, самый известный среди которых назывался Паталиботра (Паталипутра). Традиция относит это ко времени, предшествующему походу Александра. Однако другие античные авторы оспаривают истинность подобных сообщений (Эратосфен, позднее Страбон). Страбон отмечает, что движения Геракла и Диониса должны были быть засвидетельствованы народностями, которые населяли пространство между греками и Индией, однако подобных сообщений в письменных источниках не зафиксировано. Наиболее убедительной представляется версия о возникновении культа Геракла в Индии именно с момента прихода Александра. Подтверждением этому может послужить упоминание Филострата об установлении Александром 12 алтарей, посвященных эллинским богам, к которым был причислен и Геракл.

[1] Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. II. М., 1980 С. 126.

Культ Геракла в областях Греко-Бактрии и Парфии наиболее наглядно, как уже отмечалось, отражен на монетах греко-бактрийских базилевсов и парфянских царей, сюда можно отнести чеканы Евтидема, Деметрия, Евтидема II, Агафокла, Лисия, Стратона, Зоила. Мауэса, Аза, Азилиса, Спалагадамеса, Кадфиза, Хувишки[2]. Монетные изображения дают несколько устойчивых иконографических разработок в передаче Геракла.

I. Изображение Геракла в виде бородатого обнаженного атлета, сидящего на камне (скале), в правой руке палица, опирающаяся о скалу. Этот тип иконографии можно проследить на монетах Евтидема, Агафокла. По своему построению он напоминает скульптуру «Отдыхающего Геракла» Лисиппа. Незначительные изменения в деталях (как-то — более короткая форма палицы, опирающейся о колени героя) можно наблюдать на монетах Евтидема, Азилиса, Спалагадамеса[3].

II. Иконографический тип представляет фигуру молодого Геракла, в левой руке которого палица и львиная шкура, правая рука венчает голову. Этот тип фиксируется на монетах Деметрия, Евтидема II, Лисия, Зоила, Аза, Азилиса, Спалагадамеса, Кадфиза I[4].

III. Бюст Геракла, бородатая голова увенчана диадемой, шею охватывает львиная шкура, над плечом палица — подобный тип встречается на монетах Деметрия. Атрибуты в виде пальмовой ветви и палицы характерны для монет Лисия.

IV. Изображение Геракла передается в виде коренастого атлетически сложенного бородатого мужчины с палицей, опущенной вниз. Этот тип представлен на монетах кушанского царя Хувишки (золотая монета). Фигура обращена влево, правая рука держит сучковатую палицу, которая опирается о землю. На одной из групп монет Хувишки можно видеть изображение божества с поднятой правой рукой, палицей и львиной шкурой. Иконографически оно тяготеет к образу Геракла, однако надпись ОНРО не соответствует этому. По мнению Г. А. Пугаченковой, данное изображение можно рассматривать как местный эквивалент божества, близкого по своим функциям Гераклу[5].

Медные монеты Хувишки демонстрируют изображение Геракла с палицей на левом плече. Эти монеты напоминают матхурские рельефы с Гераклом и немейским львом или кушанскую гемму с изображением героя, борющегося с кобылой-людоедом Диомеда[6].

Все вышеприведенные данные могут указывать на отдаленность от канонических образцов греческого полубога, чей культ распро-

[2] Gardner P. The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886. P. 3—9, 11, 29, 40, 52, 68, 73, 93.
[3] Ibid. P. 4.
[4] Ibid. P. 6, 8, 29, 52, 89, 95, 99, 122.
[5] Пугаченкова Г. А. Геракл в Бактрии//ВДИ. 1977. № 2. С. 83.
[6] Göbl R. Münzprägung des Kusanreiches. Wien, 19184. Taf. 177.

странился так широко в западной и Центральной Азии в позднеэллинистический и римский периоды и претерпел некоторые изменения в иконографии. По наблюдению Моне де Вилара, иконография Геракла в виде коренастой фигуры с опущенной вниз палицей появляется не столько в наследство от индо-греков, сколько как тип, происходящий из западной Азии, как образ, навеянный изображением Геракла из Хатры, или Геракла-Сераписа, найденного в Беграме, и происходивший из восточных областей Римской империи. Медные же монеты Хувишки, как бы то ни было, следуют образцам локальных индо-греческих прототипов[7].

Культ Геракла довольно широко был распространен на Ближнем Востоке, свидетельством тому могут служить не только данные нумизматики, но и памятники монументального искусства — скульптурные рельефы Хатры, Дура-Европос[8], Селевкии-на-Тигре, Нимруд-Дага, Суз[9].

На территории Бактрии культ Геракла отражен в произведениях монументального искусства, торевтики, терракоты, в частности, можно отметить центральную часть фриза дворца в Халчаяне, представляющей глиняный с окраской бюст Геракла, венчающий центральную композицию с восседающей на троне супружеской парой рода Гераичей[10]. Изображение Геракла в данной сцене можно, пожалуй, трактовать как символ покровительства царской власти.

В связи с этим следует напомнить, что в качестве божественного покровителя Геракл был избран Александром, который выводил от него свою родословную и часто обращался к нему за покровительством, например, утверждая свою власть в Фессалии. Со времен войны с трибаллами и успешного форсирования Дуная источники упоминают «о Геракле как о помощнике Александра»[11]. Однако со временем притязания Александра расширяются настолько, что он не ограничивается почитанием и жертвоприношениями своему божественному предку, но стремится сравняться с ним мощью и даже отождествляет себя с божеством. Доказательством тому может служить изображение Александра Македонского с городища Тахти-Сангин (III в. до н. э.)[12], в котором сливаются черты мифического героя-бога и реальные черты великого полководца.

С образом Геракла соотносится глиняная статуя, найденная при раскопках городища Дильберджин в 1973 г.[13] Статуя была

---

[7] Rosenfield J. The dinastic arts of Kushans. Berkeley and Los-Angeles. University of California Press. 1967. P. 77—78.

[8] Downey S. The Heracles Sculpture.— The Excavations at Dura—Europos. Final Report. I, 1. New—Haven, 1969. Pl. 1.

[9] Ghirshman R. Iran. Parthes et Sasanides. Paris, 1962. P. 79; 116.

[10] Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1971. Илл. 45, 47, 48.

[11] Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 68.

[12] Пичикян И. Р. Александр-Геракл. Греко-бактрийский портрет великого полководца//СА. 1983. № 1. С. 80—90.

[13] Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. М., 1977.

расчищена в слоях, относящихся ко времени Васудевы II, т. е. к концу II — началу III в. (по дате Канишки — в пределах конца I — начала II в. н. э.)[14].

Изображение Геракла можно наблюдать на серебряной чаше в сцене свадебного пира (чаша относится к VI—VII вв. н. э. Гос. Эрмитаж)[15]. Рассматриваемый сюжет дает возможность толковать изображение Геракла как образ, близкий по своему характеру к народному. Культ его пользовался большой популярностью в народной среде. Об этом свидетельствуют как археологические данные, так и сообщения античных авторов. Обращаясь к античной литературе, можно встретить несколько сниженный образ Геракла. «Основным типом фольклорной дорийской драмы была карикатурная сцена с мифологическими или обыденными действующими лицами. В первом случае мы имеем мифологическую пародию, обрядовую насмешку в сторону богов и героев»[16], где одним из самых любимых героев выступает Геракл[17].

О широком распространении культа Геракла говорит терракотовая скульптура, представляющая собой самый массовый вид изобразительной продукции в среде городского и сельского населения. Небезынтересно в этой связи привлечь терракотовую плитку с изображением нагой мужской фигуры с палицей, найденной на памятнике Кара-пичок (Южный Таджикистан)[18].

Изображение исполнено в технике невысокого рельефа. Правая рука персонажа поднята вверх и сжимает увесистую дубину, левая опущена вниз и держит за волосы антропоморфное существо, правая рука которого вцепилась в ногу героя. У правого бедра выделяется рельеф в виде вертикальных полосок с поперечным перехватом в верхней части, напоминающий колчан. Авторы находки Н. М. Виноградова и Л. Т. Пьянкова трактуют данную скульптуру как изображение Геракла-Веретрагны. В пользу этого предположения говорят как атрибуты героя, так и его облик в целом. Терракотовая статуэтка Геракла-воина иконографически близка к терракоте из Бараттепе (рис. 1).

В публикациях терракота из Бараттепе характеризуется разноречиво. Э. В. Ртвеладзе, собравший значительный материал по коропластике (в том числе и рассматриваемую нами статуэтку) при маршрутных исследованиях памятников Северной Бактрии[19], идентифицирует изображенную фигуру с «образом героя-змееборг-

---

[14] Пугаченкова Г. А. Геракл в Бактрии. С. 79—80.

[15] Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии. М., 1974. С. 226. Илл. 169.

[16] Тронский И. М. История античной литературы. М., 1983. С. 154.

[17] Аристофан. Птицы/Перевод С. Апта//Аристофан. Комедии. М., 1983.

[18] Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Работы в Гиссарской долине в 1977 г./АРТ. Вып. XVII. Душанбе, 1983. С. 56—68.

[19] Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 10—34.

ца», уходящим своими истоками к «общеарийскому мифу о боге Индре Вретрагне, побеждающим змея Вритру»[20].

В статье, посвященной проблемам художественной культуры Бактрии, Г. А. Пугаченкова заметное место отводит анализу мелкой пластики[21]. Рассматриваемый нами сюжет она связывает с историей аравийского царя Зохака, запечатленного на терракоте в момент, «когда Зохак пытается оторвать охвативших его змей»[22].

Рис. 1. Изображение воина из Бараттепе. Оттиск с матрицы.

Рис. 2. Терракотовая плитка с Кара-Пичок.

Оба автора в качестве близкого аналога приводят терракотовую фигурку из Зартепе, которую Л. И. Альбаум отождествляет с образом троянского жреца Лаокоона. Справедливо в этой связи замечание о нехарактерности подобного сюжета для репертуара бактрийской коропластики. Действительно, обращение к образу Лаокоона строится на ассоциативной основе и не подтверждается памятниками среднеазиатского искусства. Однако в выборе зартепинской терракоты в качестве близкого аналога бараттепинской,

[20] Там же. С. 28.

[21] Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент. 1973. С. 78—128.

[22] Там же. С. 118.

а следовательно, и трактовки последней, мы не можем согласиться с мнением уважаемых авторов[23]. На наш взгляд, эти произведения пластики имеют столь существенные различия, что на их фоне единственный объединяющий признак — нагота героя — не является решающим. Зартепинская терракота показывает фигуру мужчины с выступающими рельефами напряженных мышц, пытающегося разорвать путы обвившей его змеи[24]. Фигура, полная экспрессии и динамики, являет разительный контраст со статичной, грубовато-обобщенной позой баратгепинского персонажа. И если на первой тема «змееборца» очевидна, то на баратгепинской она весьма сомнительна. Сомнительным, на наш взгляд, является также само присутствие змей на баратгепинской терракоте. В пользу этого предположения говорит сравнительный анализ с изображением из Кара-пичок (рис. 2). Следует сразу отметить, что на карапичокской терракоте все детали более конкретны, «читабельны» в отличие от мягких стилизованных контуров баратгепинской.

Поза баратгепинского персонажа повторяет в точности позу карапичокской фигуры с поднятой правой рукой и опущенной левой; сходна манера изображения тела с выделенными половыми органами. Но если на первой голова героя перехвачена начельной лентой, то голову второго венчает высокая зубчатая корона с округлыми вдавлениями в верхней части, означающими, вероятно, инкрустацию; на плечи ниспадают длинные полосы с частым поперечным рифлением, напоминающие струящиеся ленты. Совершенно аналогичны шейные украшения; на плечи карапичокской фигуры накинуто некое подобие звериной шкуры, завязанной на груди узлом, контуры ее четко ограничены; круглые вдавления полой трубочки призваны передать фактуру (немейский лев?). Хотя подобная деталь на баратгепинском изображении присутствует не столь явно, однако контуры ее очерчены линиями, проходящими по предплечью поднятой руки и образующими на груди прямой угол, обращенный вверх. Чуть выше два округлых выступа означают, видимо, места крепления. Ноги персонажей обуты в высокие, доходящие до колен «сапоги», возможно, поножи, обозначенные косыми насечками; на карапичокской они более низкие и проработаны вдавлениями полой трубочки. Правая поднятая рука героя держит занесенную над головой сучковатую палицу; бедра опоясаны перевязью, украшенной косыми насечками, к которой прикреплен опущенный вдоль правого бедра колчан. На баратгепинской отсутствует лишь перевязь; палица в правой руке обозначена слабым рельефом; колчан аналогичного образца также опущен на правое бедро. Левая рука придерживает

[23] Карапичокская терракота, которую мы рассматриваем как ближайший аналог баратгепинской, вышла в 1983 г. и авторы не располагали ею на момент публикации.

[24] Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. Рис. 11.

узкий длинный предмет, характерный изгиб и сужающиеся рифленые концы которого позволяют узнать в нем лук. Следует заметить, что подобный набор реалий, состоящий из головного убора, наплечника либо накидки, вооружения и поножей вообще характерен для античных изображений обнаженных мифических героев Греции и Рима (статуи воинов с западного фронтона храма Афины Афайи[25]; рельефы фриза Галикарнасского мафсолея[26]; роспись лекифа с изображением сцены прощания из Национального музея Афин; роспись на дне килика со сценой «Ахилл, убивающий Пантиселею» из мюнхенского музея античного прикладного искусства[27] и т. д.).

Примерно те же принципы наблюдаются в разработке иконографии Геракла в композициях античных художников, вазописцев и скульпторов. Геракл изображается как мощный атлет, в наброшенной на плечи и завязанной узлом на груди(так называемый «узел Геракла») шкуре немейского льва. Атрибутами Геракла являлись палица, лук с колчаном, иногда и меч (изображение Геракла с этими атрибутами можно видеть на кратере из Оривьето[28], на росписях Геркуланума — сцена Геракла с Телефом[29] и т. д.).

Интересно отметить, что на карапичокском изображении при наличии колчана отсутствует сам лук, вместо него левая рука персонажа держит за волосы антропоморфное существо гораздо меньших пропорций, замахиваясь на него палицей. Композиция эта воспроизводит в памяти один из эпизодов жизни Геракла, когда он в припадке безумия убивает собственных сыновей и детей своего брата Ификла. В трагедии Еврипида эта сцена описана следующим образом:

«Геракл не внемлет сыну, он ребенка
Толкает от себя: он видит только,
Что этой жертвы не возмешь стрелой.
И вот, блуждая озверелым взглядом,
Он палицу над белою головкой
Взмахнул высоко, как кузнец свой молот
Над наковальней поднимает...»

Мотивы трагедии Еврипида были известны в Средней Азии[30], подтверждением чему могут послужить образцы торевтики, на одном из которых присутствует подобная сцена[31].

[25] Колпинский Ю. Д. Великое наследие античной Эллады. М., 1977. Илл. 161, 163.
[26] Там же. Илл. 324—325.
[27] Там же. Илл. 220—221.
[28] Полевой В. М. Искусство Греции. М., 1984. Илл. 94.
[29] Колпинский Ю. Д., Бритова Н. Н. Искусство этрусков и древнего Рима. М., 1982. Илл. 194.
[30] Пугаченкова Г. А., Рempель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960. С. 142.
[31] Там же. Табл. 169.

Не исключено, что указанные сюжеты проникают и в сферу терракотовой скульптуры, приобретая локальные черты. Появление новых деталей в иконографии свидетельствует о ее синтезированном характере. Изображение высокой зубчатой короны со струящимися лентами отдаленно напоминает царственных героев сасанидского изобразительного искусства. В зубчатых коронах изображаются первые цари сасанидской династии (Арташир Папакан, Шапур I)[32]. Сама форма короны имеет более древние истоки[33], тем не менее в изобразительном искусстве сасанидского Ирана такой тип короны встречается довольно часто[34]. В произведениях «прокламативного искусства» центральными фигурами композиций являются изображения царя. В сценах поединков, триумфов, инвеституры, охоты цари предстают величественными воинами в высоких коронах с развевающимися лентами, повергающими своего противника. Наиболее четко в образе царственного воина запечатлен Шапур I, начавший свои завоевательные походы с конца первой половины III в.

Терракотовая плитка с изображением Геракла — воина из Карапичока была найдена в 25 см от современной поверхности. Керамический материал, полученный в ходе исследования памятника, типичен для позднекушанского времени и датируется III—IV вв. н. э.[35] Авторы находки ссылаются на разработанную Т. И. Зеймаль колонку, где для данного периода характерны кубковидные чаши с дополнительным лощением в виде сплошной или пунктирной сетки[36].

Терракотовая статуэтка из Бараттепе найдена вне стратиграфических условий, следует добавить, что на этом же памятнике была обнаружена матрица для оттиска аналогичных статуэток. В подъемном нумизматическом материале Бараттепе фиксируются монеты от «Варварского Гелиокла» до Шапура I[37]. Бытование терракотовых изображений в рассматриваемый период может свидетельствовать о широком распространении в изобразительном искусстве темы царственного воина. Известное место в искусстве сасанидского Ирана занимает сюжет героизированного или же божественного воина. Воинственный образ царя составляет целый цикл в произведениях мастеров рельефа и торевтики. Царь-охотник представляется в композициях либо поражающим жертву на скаку с натянутым луком, либо спешившимся, с мечом, убивающим хищных животных. Несмотря на разнообразие поз, ракурсов и

[32] Луконин В. Г. Иран в III веке. М., 1979. Рис. 4, 18.

[33] Амударьинский клад. Каталог выставки/Составитель Е. В. Зеймаль. Л., 1979. С. 48—49. Рис. 38; С. 60. Рис. 103.

[34] Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1935.

[35] Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Работы в Гиссарской долине. С. 65.

[36] Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1969. С. 6—19.

[37] Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Новые монетные находки из правобережной Бактрии//ВДИ. 1971. № 4.

приемов в передаче образа, тема в целом подчиняется единой идее прославления мощи и храбрости божественного воина, олицетворением которого является сам царь.

В художественной пластике Бактрии образ этот имеет более ранние иконографические истоки и представляет сложный синтезированный характер, в котором переплетаются изобразительные тенденции предшествующих эпох, накладывающих свой отпечаток на создание художественного образа. Более ранние традиции в приемах нового художественного воплощения сохраняют свою силу, облекаясь в новые детали форм, которые придают образу новую окраску, не меняя ее пластической сущности. Образцом создания подобного синтезированного образа в коропластике может служить изображение Геракла из Кара-пичока. Корона, венчающая голову героя, со струящимися лентами напоминает уборы первых сасанидских царей, трактовка обнаженного тела перекликается с традициями греческого изобразительного искусства, в котором наиболее близкими образами представляются изображения бога войны Ареса и Геракла — Сераписа. Находки последних зафиксированы в материалах Беграма[38].

Таким образом, в коропластике Бактрии образ Геракла приобретает синтезированные черты греческого и иранского ваяния.

Ш. Р. ПИДАЕВ

РАСКОПКИ ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА ЗАРТЕПА

В 1977 г. в южной части одного из всхолмлений, расположенных в северо-западной части городища Зартепа, был заложен раскоп (Р—7). Холм вытянут по линии СЮ и с северной стороны примыкает непосредственно к обводной стене городища. Три другие стороны холма граничат с неглубокой низиной, которая отделяет его от других всхолмлений, расположенных к востоку и югу. Раскоп на холме был заложен с целью выяснения архитектурно-планировочной структуры и функционального назначения имеющихся здесь построек. До раскопок в северо-западном участке холма были расчищены остатки нескольких очень плохо сохранившихся топок обжигательных печей. Не является ли данный участок остатками квартала керамистов? К сожалению, раскопочные работы на данном холме проводились всего один сезон. Поэтому нам не удалось выявить новых остатков печей. Тем не менее проведенные исследования дали довольно интересные материалы по изучению жилого комплекса позднего этапа кушанского периода.

Площадь раскопа около 350 м². Здесь выявлен комплекс жилых строений, состоящий из остатков двадцати помещений (рис. 1).

[38] Hachin J, Carl J., Hamelin. Nouvelles recherches archeologiques a Begram//MDAFA, t. XI, t. II. Paris, 1954. Pl. 325, 437.

Из них полностью вскрыто только семь. Раскопки проводились на уровне верхнего строительного горизонта. Археологические работы показали, что стены помещений сохранились на очень небольшую высоту, а отдельные вообще исчезли. Это свидетельствует о том, что верхний горизонт сильно пострадал от дефляции. Фундаментом при строительстве служили остатки строений предшествующего периода. Вся площадь до построек была довольно тщательно снивелирована и забутована. Основание стен имеющихся помещений обычно опущено ниже уровня пола на один или два кирпича. Стены помещений в основном сложены из сырцовых кирпичей 35×35×5 см и 36×36×10 см, а местами из прямоугольных кирпичей и пахсы, затем покрыты саманной обмазкой. В отдельных местах сохранились следы побелок. Толщина стен различная. Местами она достигает 1,5 м, а на некоторых участках — всего в один кирпич. Толщина швов не превышает 2 см. Кирпичи в основном изготовлены из глины темно-коричневого цвета. Однако нередко встречаются кирпичи, изготовленные из болотистой глины.

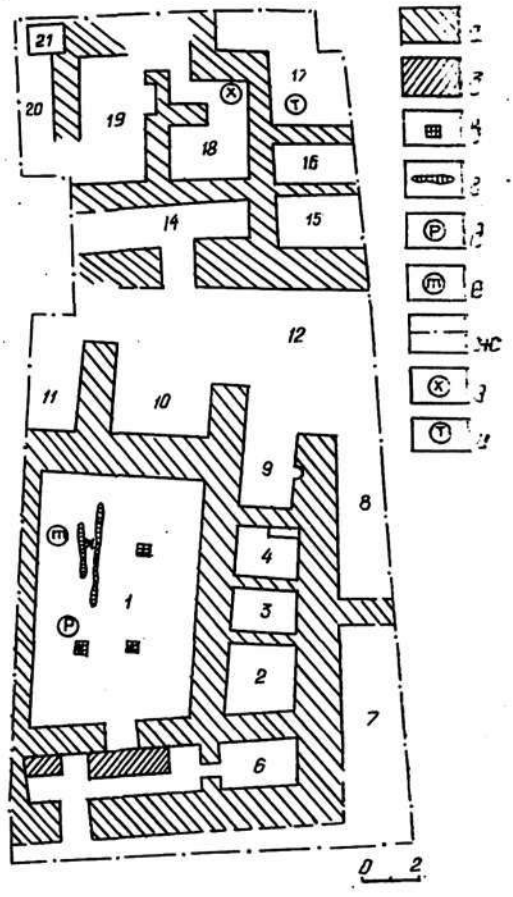


Рис. 1. План раскопа:

а — стена; *б* — суфа; *в* — база колонны; *г* — колонна из арчи; *д* — резервуар; *е* — тагора; *ж* — линия раскопа; *з* — хум; *и* — тандыр.

Ядром вскрытых построений является помещение I. Оно расположено в центре южной части холма. В плане имеет неправильную прямоугольную форму. Размеры его 9,15×6 м. Проход шириной 1,2 м расположен в центре южной стены. Уровень пола обнаружен на глубине 30 см I яруса. Пол обмазан глиной с саманом. Стены помещения также обмазаны глиной в четыре слоя, что позволяет говорить о длительном его использовании.

На полу обнаружены три каменные базы. Две из них стояли

напротив прохода на одной линии, в центре южной половины помещения. Третья — в северной половине, ближе к восточной стене. Две из найденных баз не обработаны и имеют квадратную форму со стороной 45 см при толщине 25—30 см. Третья база тщательно обработана. Она имеет квадратный плинт со стороной 45 см, на нем вал, поясок, скоция, опять поясок, второй вал и два пояска уступом кверху. Общая высота базы 35 см. В центре верхней части базы имеется небольшое квадратное углубление на 5 см. В период раскопок нам удалось установить месторасположение четвертой базы, несмотря на ее отсутствие. Таким образом, базы были расположены в два ряда по две штуки, расстояние между рядами 1,80 м, а между базами 3,30 м.

Рядом с юго-западной базой расчищен небольшой, круглый в плане резервуар. Стены резервуара тщательно оштукатурены ганчем. Диаметр резервуара 60 см, глубина 34 см. В центре дна резервуара имеется отверстие диаметром 2,5 см, через которое уходила вода. Дно резервуара опущено ниже уровня пола. В юго-западной части помещения зафиксирован слой золы. Рядом с резервуаром у западной стены, под полом была найдена одна монета. Другая монета обнаружена на полу в северо-западной части помещения. Здесь же расчищена тагора, вкопанная в культурный слой по венчик. Диаметр тагора 60 см. Другие находки в помещении не зафиксированы.

В этом помещении с целью уточнения деталей архитектуры мы углубились ниже уровня пола. Оказалось, что его стены стоят на забутованном слое. Под полом в северной половине помещения, ближе к западной стене, были расчищены остатки двух деревянных колонн, изготовленных из арчи. Поверхность колонн гладкая, следов каких-либо орнаментаций не обнаружено. Диаметр колонн около 24—25 см. Одна из них сохранилась в длину более 4 м.

К югу от помещения I расположено помещение 5. Они связаны между собой проходом. Помещение 5 в плане прямоугольное, вытянуто по линии ЗВ. Длина его 6,70 м, ширина 1,80 м. В северо-западном углу помещения находится небольшая суфа длиной 1,25 м, шириной 65 см. Возвышается она от уровня пола на 20 см. Другая суфаобразная площадка расположена напротив прохода в помещение I у северной стены помещения 5. Длина ее 3,05 м, ширина 90 см, высота от уровня пола 23 см. Судя по всему, эта суфаобразная возвышенность выполняла функцию ступеньки перед проходом в помещение I. В центре восточной стены проход в небольшое прямоугольное помещение 6. Ширина прохода 55 см. Вход в помещение 5 расположен в западной половине южной стены. Ширина его 1,10 м. Толщина южной стены помещения 5 равна 1,65 м, что на 20—30 см больше толщины стен других помещений. Видимо, данная стена была наружной. Раскопки, проведенные к югу от этой стены, не выявили остатки каких-либо других построек. Рельеф местности также говорит в поль-

зу данного заключения. Можно предположить, что проход, расположенный в южной стене, вел прямо на улицу или во двор.

К востоку от помещения I расположены четыре небольших помещения. Три из них замкнутые и не имеют проходов. Восточная и западная стены помещений 2, 3, 4 и 9 очень монументальные. В частности, толщина западной стены помещений 2, 3, 4, 9, которая являлась общей и для помещения 1—1,40 м, длина ее более 12 м. Толщина восточной стены 1,75 м, длина около 14 м. Она возведена на фундаменте из пахсовых блоков размерами 26—27×36—37 см. Контрольные раскопки, проведенные к востоку от стены, показали, что остатки построений, соответствующие верхнему строительному горизонту, за исключением одной небольшой стены, не сохранились и что пахсовый фундамент стоит на рыхлом культурном слое. Стены между помещениями 2, 3, 4, 9 возведены всего в один кирпич. Они обмазаны глиной. Местами сохранились и следы побелки. В отличие от помещений 1, 5 и 6, в этих помещениях расчищено по два уровня пола. В частности, в помещении 2 первый пол обнаружен на глубине 38 см I яруса, второй пол — на глубине 15 см II яруса, в помещении 3 первый пол обнаружен на 40 см I яруса, второй пол — на глубине 2 см II яруса. В целом полы в помещениях находятся почти в одной плоскости. Пол помещения 3 на всей площади выложен сырцовым квадратным кирпичом размерами 36×36×10 см, а в других обмазан глиной. В помещении 4 расчищена суфа, пристроенная к северной стене. Длина ее 1,20 м, ширина 40 см. Высота суфы от уровня пола 27 см. Суфа была оштукатурена ганчем. Рядом с суфой обнаружена сердоликовая бусина. В помещении 9, которое расположено к северу от помещения 4, расчищен полукруглый очаг. Стенки очага сильно обожжены. Рядом с очагом найдены фрагменты котлов. Основание очага лежит почти на одной плоскости с полом помещения. Северная стена помещения отсутствует. В помещении, особенно возле очага, зафиксировано скопление золы и углей.

В помещениях 2, 3, 4, за исключением монет и единичных фрагментов невыразительной керамики, ничего не найдено. В частности, в помещении 2 обнаружено 10 монет, в помещении 3 — 5 монет, из них 3 в слое и две на первом полу, в помещении 4 в слое найдено 2 монеты. К западу от помещения 1 и 5 раскопки не проводились. Мы считаем, что здесь имеются остатки построек, тесно связанных с вышеуказанными помещениями.

К северу от помещения I вскрыты остатки еще нескольких помещений. К сожалению, большинство из них раскопаны частично, к тому же они очень плохой сохранности. Отдельные стены помещений вообще не сохранились. По монументальности и качеству они значительно уступают стенам вышеописанных помещений. Сами помещения небольшие по площади. Архитектурно-планировочные решения раскопанных помещений дают право предположить, что здесь существовали две группы помещений, разделен-

ных между собой стеной. Одну группу составляли помещения 15, 16 и 17, расположенные в восточной части холма, восточная часть их еще не вскрыта. Судя по всему проходы, связывающие эти помещения между собой, находились именно в восточной части. В юго-западной части помещения 17 раскопан тандыр цилиндрической формы. Диаметр его 35 см. Стенки тандыра сильно обожжены. Рядом с тандыром зафиксированы скопления золы, угольков и найдено три монеты. Помещения между собой связаны проходом. Стены обмазаны глиной, а стены помещения 19 поверх глиняной обмазки имеют белую побелку. В северной части этого помещения зафиксирован зольный слой, на полу найдены две монеты. В помещении 18 обнаружен хум, вкопанный в культурный слой на уровень венчика. В северо-западной части раскопа зачищен резервуар, стены которого были тщательно и весьма аккуратно оштукатурены ганчем (помещение 21). Длина резервуара 1,37, ширина 1,10 м, глубина 1,46 м. Здесь были найдены небольшая чаша из слоновой кости и фрагмент перстня.

Небольшая незастроенная площадь, расположенная к северу от помещения 1 и к югу от вышеуказанных помещений, судя по всему, была двором.

Интерпретация архитектурно-планировочного решения раскопанных построек на настоящем этапе изучения весьма затруднительна. Можно с большой осторожностью предположить, что перед нами хозяйственно-жилой комплекс. Первая группа построек, которую можно назвать условно южной, включала в свой состав помещения 1—6 и, возможно, расположенные к западу от помещения 1, которые еще не вскрыты. Другая группа, восточная, включала в свой состав помещения 15—17 и другие, расположенные в восточной части холма. Третья группа построек, западная, включала помещения 14, 18—21 и др. Видимо, этот хозяйственно-жилой комплекс включал еще группу помещений связанных с производством. Эти помещения, которые, по всей вероятности, находились рядом с керамико-обжигательными печами, еще нами не раскопаны.

Все вскрытые помещения были одноэтажными с плоским балочным перекрытием. Поэтому они, как правило, небольшие по площади, и обычно имеют в плане прямоугольные очертания. Лишь перекрытие помещения I опиралось на колонны. Находка деревянной колонны вызывает большой интерес. Во-первых, это первая находка такого рода на территории Бактрии. Во-вторых, сохранившаяся длина колонны дает представление о высоте перекрытия. Так, перекрытие помещения I, по крайней мере, на высоте не менее 5 м от уровня пола. Значит, оно было довольно просторным и светлым. Вообще постройки южной группы возводились по заранее задуманному плану, строго соблюдая архитектурные каноны своего времени. Сейчас трудно с большой достоверностью судить о функциональных назначениях вскрытых помещений ввиду их плохой сохранности. Тем не менее, отдельные

помещения поддаются определению довольно легко, в частности помещение I. Судя по монументальности, парадности, а также структуре заполнения и находкам, это помещение было мехманханой, а помещение 5, которое располагалось перед ним, выполняло функции коридора или вестибюля. Помещение 9 было кухней, 18 — жилым, 2, 3 и 4 — подсобными и т. д.

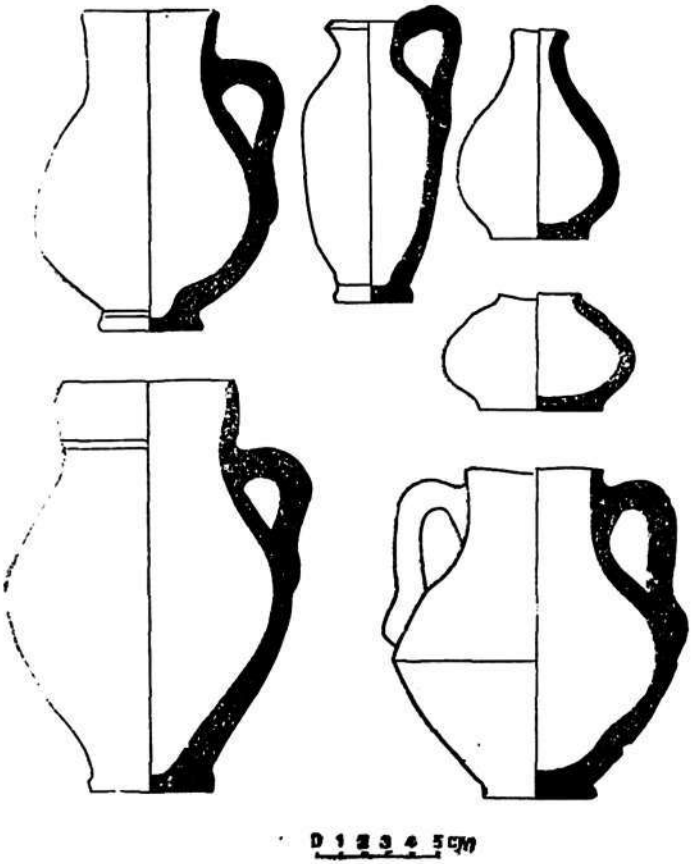


Рис. 2. Керамика.

Время существования комплекса может быть определено на основании керамического материала, найденного здесь, и монетных находок.

Керамический материал с раскопа представлен в небольшом количестве и в очень фрагментарном виде (рис. 2). Вся керамика, за исключением кухонной посуды, изготовлена на гончарном круге, из хорошо отмученной глины, обжиг равномерный, тесто в изломе имеет красно-розоватый цвет. Столовая посуда покрыта различными оттенками красного ангоба. Это чаши, кувшины как одноручные, так и двуручные, или без ручек, кубко-

образные чаши, столовые тагора, горшки, часть их имеет лощение. Кухонная посуда в основном изготовлена вручную. Это хумы и хумча. Среди столовой посуды, представленной на раскопе, доминирующее положение занимают фрагменты кубкообразных чаш. Судя по технике изготовления и размерам, мастера добились определенной стандартизации форм. Чаши имеют невысокий поддон с выемом, стенки плавно расширяются вверх, образуя коническую форму, делают перегиб и вертикально поднимаются вверх, образуя цилиндрическую форму. Венчик этой кубкообразной красноангобированной чаши обычно слегка загнут внутрь. Встречались кубкообразные чаши, стенки которых до перегиба украшены сетчатым или сводообразным лощением.

Чаши с характерным перегибом у венчика встречены в небольшом количестве. Некоторые из них с внутренней стороны покрыты сетчатым лощением. Фрагменты кувшинов встречаются довольно часто, но археологически целая форма не найдена. Судя по обнаруженным фрагментам, кувшины имели преимущественно грушевидную форму, как правило, были покрыты ангобом до середины или чуть ниже. Кувшины часто украшены орнаментом из волнистых или прямых линий по горловине. Встречен один большой кувшин грушевидной формы с двумя ручками, покрытый светлым ангобом. По горловине украшен штампованным фрагментом в виде стилизованного дерева. Имеются также фрагменты кувшинов, украшенных штампиками геометрического характера.

В комплексе керамики с раскопа представлены столовые тагора. Они имеют раскинутый, сложно профилированный борт с зубчатым налепом у венчика. Тагора орнаментированы концентрическими, волнистыми, процарапанными линиями, на одном фрагменте встречен штамп в виде стилизованного дерева. Орнамент находился на внутренней стороне столовых тагора, обычно имеющих довольно парадный вид.

Представленный с раскопа керамический комплекс находит аналогии как по формам, так и по орнаментации, в первую очередь с материалами из раскопок Зартепа[1], Аккурган[2], Дальверзинтепе[3], Халчаян[4], датируемых IV в. н. э. Не менее близкие аналоги он имеет в керамических комплексах IV — начала V в. н. э. из

---

[1] Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1961. Рис. 4; Шетенко А. Я. Раскопки монументального архитектурного комплекса Зартепа//Древняя Бактрия. Л., 1974. Рис. 5; Завьялов В. А., Осипов В. И. Раскопки жилого комплекса на городище Зартепа в 1973 г.//Бактрийские древности. Л., 1976. С. 54—57. Рис. 2.

[2] Пидаев Ш. Р. Поселения Кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978. С. 64—70. Табл. IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII.

[3] Некрасова Н. Г., Пугаченкова Г. А. Керамика Дальверзинтепе. Ташкент, 1978. С. 156—159. Рис. 110, 111, 112.

[4] Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966. Рис. 64—66.

[5] Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1969.

Явана[5] и Кабадиана[6] и в более отдаленных памятниках. В частности, аналогичная керамика в огромном количестве представлена в слоях, относящихся к IV в. н. э., в Дильберджине[7], Жига-тепа[8] и многих других памятниках Афганистана.

Нумизматический материал с раскопа представлен 24 монетами. К сожалению, все монеты еще не обработаны. Судя по размеру и весу, они относятся к группе монет, известных в науке как кушано-сасанидские. Лишь одна монета может быть определена как подражание монетам кушанского царя Васудевы. От-

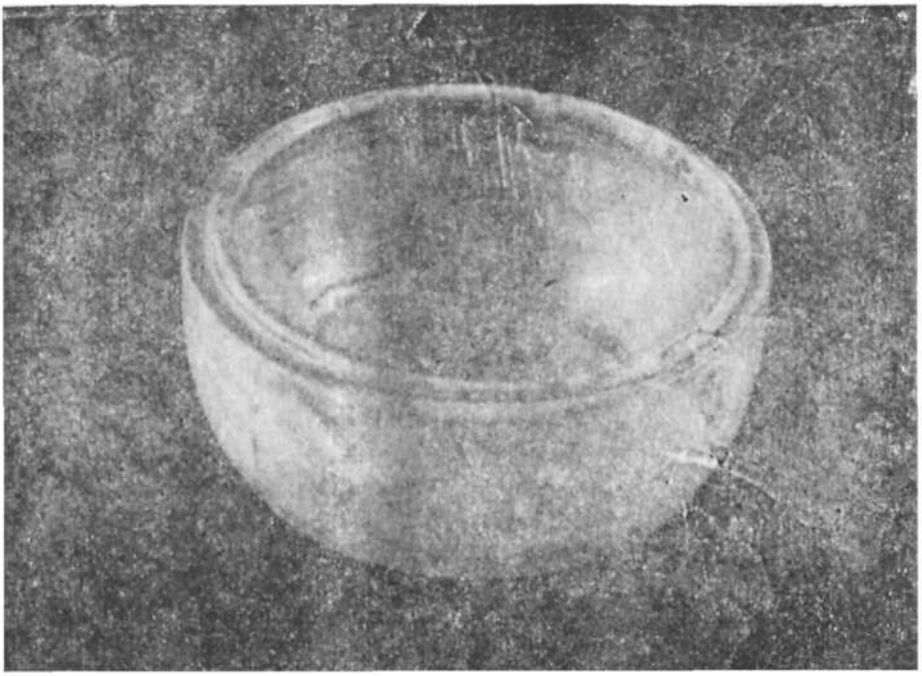


Рис. 3. Костяная чашечка.

дельные монеты кушано-сасанидской группы также поддаются определению. Так, монета, найденная в помещении 2, является чеканом Хормизда. На лицевой ее стороне изображен погрудный портрет правителя впрофиль вправо, корона увенчана головой льва с цветком лотоса сзади. В ушах серьги в виде небольших бляшек. Концы лент диадемы с бантом отходят вверх. Прическа — букли. Плечи окутаны драпирующимся плащом. Перед лицом и за головой остатки легенды. На обратной стороне изобра-

[6] Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган//МИА. № 37. М.—Л., 1953. С. 288—289.

[7] Круглякова И. Т. Дильберджин. М., 1974. Рис. 62.

[8] Пугаченкова Г. А. Жига-тепа//Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979. С. 81—86. Рис. 20, 22, 23, 24.

жен алтарь огня с фигурой божества по грудь в пламени. Руки божества приподняты на уровне плеч. В левой руке какой-то предмет, возможно, трезубец, а в правой — «символ власти». Колонна алтаря перевязана лентой с бантами. На другой монете из этого же помещения на лицевой стороне изображена фигура стоящего правителя перед алтарем влево. Правая рука его над алтарем, левая, приподнятая и слегка согнутая в локте, опирается на длинный трезубец, над головой следы нимба. Корона правителя увенчана фигурой хищника. На обратной стороне монеты изобра-

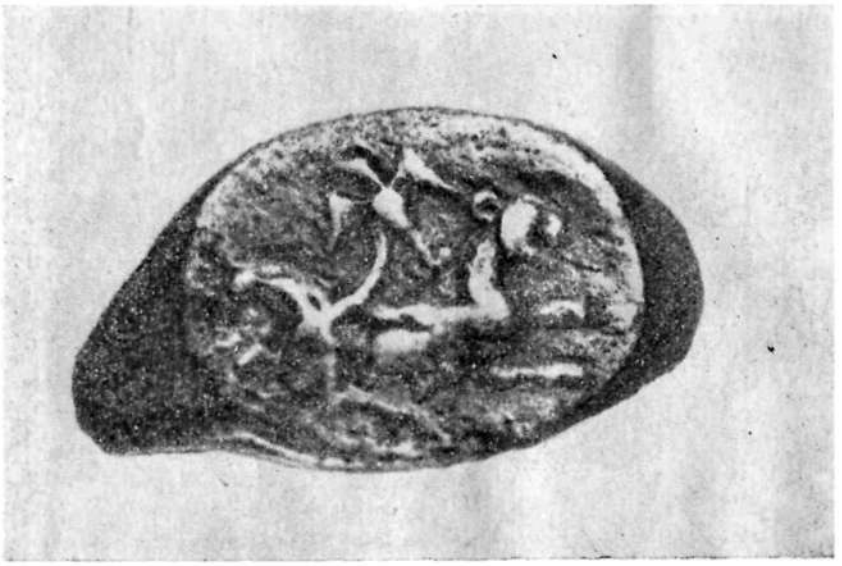


Рис. 4. Бронзовый перстень.

жен Шива с быком Нанда влево. Голова быка повернута в фас. В правой руке божества — неопределенный предмет.

Время обращения этих монет еще не установлено, поэтому при датировке комплекса на них можно опираться лишь косвенно. Мы склонны считать, что эти монеты находились в обращении в конце III—IV в. н. э.

Оригинальна миниатюрная полукруглая чашечка из слоновой кости, обнаруженная в резервуаре (рис. 3). Она дошла до нас целой. Диаметр 38 мм. Чашечка не имеет аналогов в кушанских памятниках Северной Бактрии.

Особого внимания заслуживает и другая находка из того же резервуара. Это фрагмент перстня, изготовленного из бронзы с включением, видимо, серебра (рис. 4). Щиток его овальный (13×11 мм). На нем комбинированное рельефное изображение: крылатый конь, бегущий влево, барс или дракон — вправо и птица, взлетающая вверх.

Крылья коня распростерты, правое — вверх, левое — вниз, шея широкая, мускулистая. Она слегка прогнута вперед. Уши заострены, морда сухощавая, грудь могучая и напряженная. Обе передние ноги полусогнуты и выброшены вперед. В целом конь передан в характерной для Востока позе «летящего галопа».

Вторым изображением является протома дракона, устремляющегося вперед. Голова его большая и круглая, уши крупные, овальные. Пасть раскрыта. Передние ноги, очень мускулистые, полусогнуты и выброшены вперед. Шея дракона могучая. Крыло его расположено вдоль туловища. В центре композиции вверху изображена птица, по-видимому, сокол. Она передана взлетающей вверх. Шея птицы длинная, голова небольшая, крылья ее изображены в виде длинного треугольника. Округлое туловище сужается к длинному хвосту. Кончики хвоста переданы в виде двух крючков, обращенных влево и вправо. Представленные образы широко распространены в мифологии народов Востока. Они еще в глубокой древности получили свое отражение в искусстве. Здесь нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Отметим лишь то, что каждая изображенная фигура на перстне в отдельности встречается в искусстве очень часто, и символическое значение каждого образа разнообразно, что, видимо, связано с разного рода религиозными представлениями, астральными культами. Особенно хорошо освещено символическое значение этих образов в священной книге зороастрийцев[9]. Так, конь или крылатый конь мог символизировать божество победы Вретрагну, помимо его еще и астральной символики.

Дракон символизирует солнечное божество, а птица может символизировать солнечное божество Митру и божество победы Вретрагну. Комбинированное изображение этих образов на перстне может символизировать перевоплощение божества победы Вретрагны. Известно, что он мог последовательно перевоплощаться в различные образы.

Помимо вышеуказанных находок на раскопе были найдены керамическое грузило в форме усеченной пирамиды и круглые небольшие каменные пряслица, специально изготовленные из мраморовидного известняка. Они выполнены с большим вкусом и имеют различную профилировку. Все это свидетельствует о широком распространении домашнего ткачества.

Таким образом, на основании аналогий керамического и нумизматического материалов раскопанный нами хозяйственно-жилой комплекс может быть датирован в пределах конца IV в. н. э. Ограничиться более узкими рамками на настоящем этапе изучения кушанской хронологии представляется невозможным. Раскопки данного комплекса дополнили наши знания относительно

---

[9] Бертельс Е. Э. История таджикской литературы. М.—Л., 1956. С. 31—83.

архитектурно-планировочной структуры городища Зартепа на последнем этапе его обживания.

И. Д. ИВАНИЦКИЙ, О. Н. ИНЕВАТКИНА

РАСКОПКИ КУРГАНА СИРЛИБАЙТЕПЕ

В 1982 г. разведывательным отрядом Согдийско-Самаркандской экспедиции Института археологии АН УзССР в Кошрабадском районе, на землях совхоза «40 лет Узбекистана» при рекогносцировочных маршрутах был обнаружен курган Сирлибай, основное исследование которого происходило в 1983—1984 гг.[1]

Курган расположен на высоком правобережном адыре надпойменной террасы Навкатсая (Карасая), берущего начало в южных отрогах хребта Сайратау, в одном километре от селения Наукат и в 8 км к северу от райцентра Кошрабад. До раскопок курган представлял собой высокий до 3,5 м холм, вытянутый по оси СЮ на 28 м, по линии ВЗ — на 24 м. Поверхность холма не имела явных следов ограблений, однако при раскопках обнаружились грабительские засыпанные лазы в три погребения из четырех обнаруженных. После того, как механизмом была снята третья часть насыпи с восточной стороны кургана, в зачищенном срезе, почти вровень с современной поверхностью был обнаружен материк, выше которого лежит слой погребенной почвы мощностью 46—48 см. Древняя дневная поверхность тщательно спланирована. Границы ее четко прослеживаются благодаря перекрывающему слою аккуратно уложенных пластов дерна буроватого цвета толщиной 4 см с вертикальными пустотами от сгнивших растений. Длина подкурганной площадки, выложенной дерном по линии СЮ, равна 20 м. Почти в центре дерновой площадки возвышалась насыпь, состоящая из двух пластов различного по цвету грунта. Первая (рис. I, 3, 1) насыпь диаметром 2 м, верхняя — 5 м. Нижнюю насыпь перекрывал довольно плотный слой скошенной травы, отпечатки которой зафиксированы по верхней плоскости. Верхняя насыпь обкладывалась пластами дерна (длина отдельных пластов до 40 см, толщина 5 см), перемежающимися пластами мокрой глины. Диаметр обкладки 15 м по оси СЮ. Края сооружения сильно размыты еще в древности. Сверху его перекрывал мощным пластом чистый лесс желтоватого оттенка вторичной засыпки из последующих впускных погребений (рис. I. 2, 3). По уровню дерновой площадки дальнейшее вскрытие велось вручную. В западном секторе наиболее хорошо сохранились остатки обводного кольца в виде земляного валика высотой 0,4 м, шириной — 0,7 м по основанию, который укреплял подножие намогильного сооружения. С внешней стороны к нему примыкает лучом поло-

[1] Начальник экспедиции Г. В. Шишкина. В разное время принимали участие сотрудники О. Н. Иневаткина, В. А. Карасев, И. Д. Иваницкий, бульдозерист М. Ходжимурадов.

са из уплотненных комьев глины. Края полосы довольно четкие, ширина — 4 м, в западном направлении прослеживается на 2 м. Полоса из таких же комьев отмечена и на юге. За краем дерновой площадки наблюдается перепад уровня дневной поверхности, который мог быть обводным ровиком.

В западном секторе за краем дерновой площадки в однородной по цвету и структуре почве обнаружены две каменные вы-

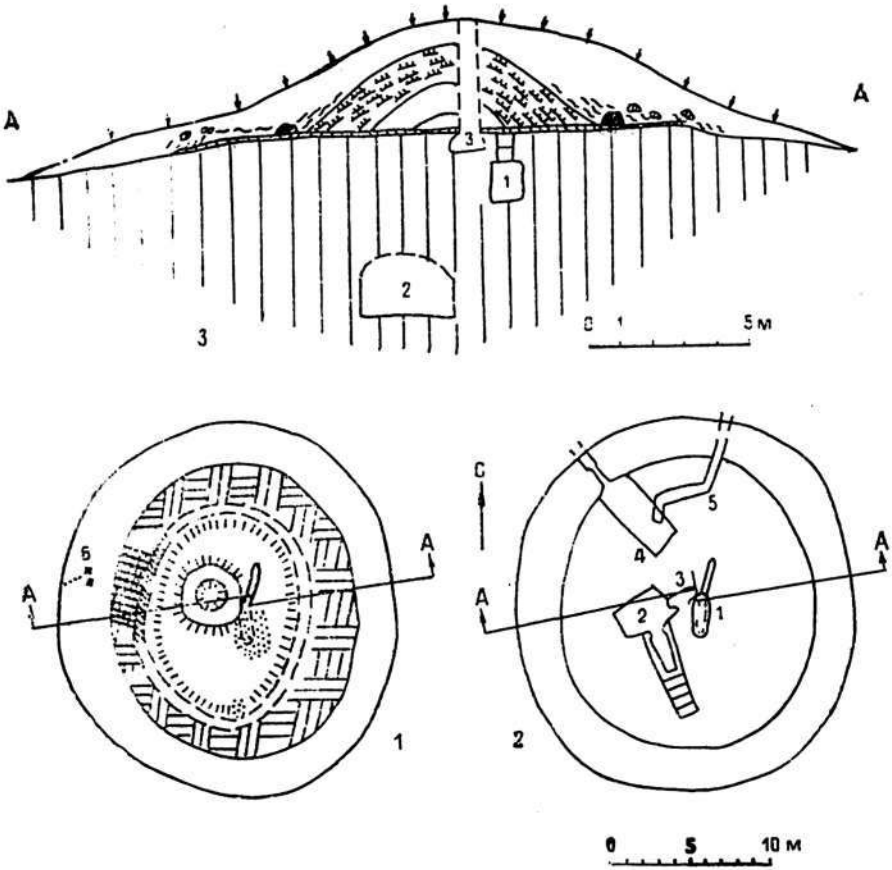


Рис. I.

1 — план кургана по уровню дернового намогильного сооружения и дерновой площадки; *2* — план расположения погребений; *3* — разрез кургана через погребения 1, 2, 3.

кладки: южная — размерами 54×54 см и северная — 30×30 см (рис. I, 1, б). В южной группе насчитывается 51 камень в основном 7—8×4,5 см, не считая нескольких мелких обломков. Северное скопление состоит из 16 крупных камней и осколков. Один плоский камень стоял вертикально (рис. I, 1).

Под центральной частью разобранного намогильного сооружения, на поверхности дерновой выстилки оказалась прослойка чистой глины с глубокими отпечатками на ней листьев и стеблей

травы, настланной пучками. Над погребальной камерой на дерне расчищено большое кострище диаметром 4 м, которое имело несколько очагов интенсивного огня. Второе кострище диаметром 1,5 м расположено в 3 м южнее. Кострище и часть дернового сооружения пробиты грабительской ямой.

При расчистке дерновой площадки к юго-западу от погребения I было замечено нарушение пласта древнего дерна на значительном участке. После выемки грунта обнаружен ступенчатый дромос, ведущий в катакомбу (погребение 2). Выброс земли из этого погребения мощным пластом перекрыл дерновое сооружение. Почти в центре площадки было обнаружено третье захоронение. Оно оказалось подбойное. В 4 м к северо-западу от погребения I была обнаружена четвертая могила, пробившая древнюю дерновую площадку и перекрытая выбросом из погребения 2 (рис. I. 2).

Первоначальным является погребение I. Оно представляет собой тип захоронения, в котором катакомба и дромос лежат на одной оси, ориентированной по линии СЮ. Северный конец дромоса имеет небольшое отклонение к востоку. Узкий длинный дромос (длина 2,8 м, ширина от 0,5—0,6 м, со ступенькой высотой 0,4 м) вырыт с уровня спланированной площадки. Он заложен тремя пластами дерна, чередовавшимися с грунтовой подсыпкой, по дну отпечатки растительности в виде прутьев. Сверху дромос перекрыт подкурганной площадкой из дерна, со временем слегка просевшей. Вход в камеру был на ширину дромоса, затем шел отвесный спуск на 1,25 м до дна овальной камеры. Размеры камеры 2,5×1,5 м. Пол имел легкую выкружку на стены (рис. II. А, Б).

Погребение в древности было ограблено. Кости и часть инвентаря, переотложенные грабителями, находились выше дна камеры на 0,25 м. По полу были расчищены сохранившиеся непотревоженными части костяка взрослого мужчины. Расстояние от головы до пяточной кости 1,95 м. Среди переотложенных костей выявлены остатки скелета ребенка, частично сохранившего анатомическую последовательность. Кости детского скелета располагались в 10 см над тазовыми костями взрослого. Погребенный лежал на подстилке из прутьев в вытянутом положении на спине, головой на юг, руки вдоль тела. Под ним идет тонкий сажеобразный черный тлен, имеющий выкружку на стены камеры — а также фиксируемый на костях скелета — возможно, остатки покрывала. По тлену желтого цвета прослежен край одежды, которая представляла собой короткую куртку с рукавами, доходившую до бедер, стянутую на поясе ремнем (шириной 0,8—1 см) посредством круглой железной пряжки с неподвижным язычком, обращенным наружу (диаметр пряжки 6 см) (рис. II.А, 5). Под левым плечом округлое пятно зеленоватого (гумусного) цвета длиной 16 см — возможно, остатки заупокойной пищи. В районе голени, между ног, читается тлен тонких, узких деревянных пластин с фигурным верхним краем (рис. II, А, 8). Ширина отпечатка 10 см, длина 25 см.

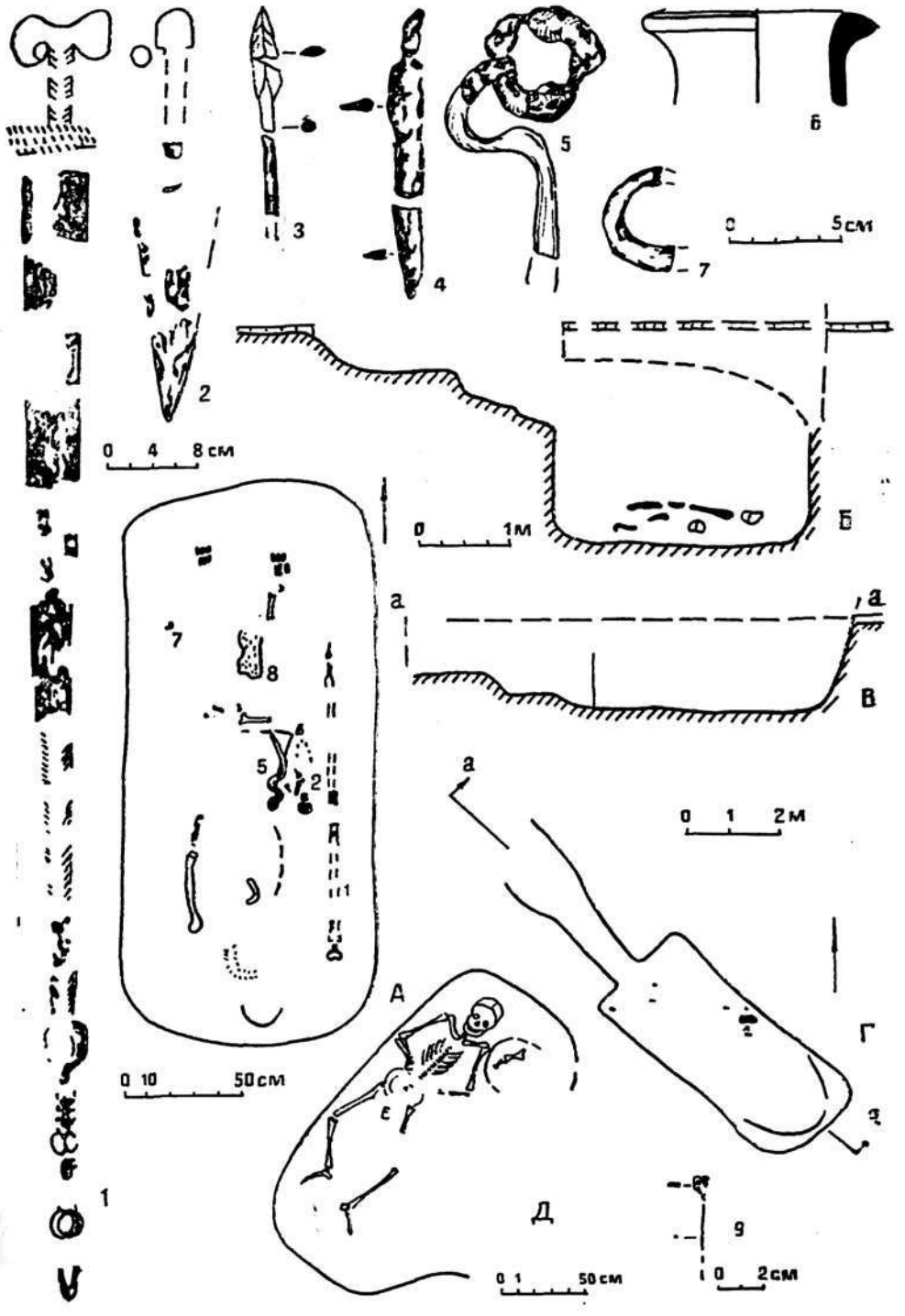


Рис. II. Инвентарь, планы и разрез погребения 1.

Возможно, остатки истлевшего колчана (?). Правая кисть покойного лежала на рукояти кинжала (рис. II. А, 2), форма которого до некоторой степени восстанавливается по отпечаткам в полу и фрагментам металла клинка. Общая длина следа от вершины до острия — 37,5 см. Длина рукояти с навершием — около 12—13 см. Навершие плоское, с заоваленным краем шириной 3,5 см. Рукоять читается по рыжему тлену шириной 2 см. Было ли перекрестие, сказать трудно, но в 11 см от верха рукояти встречены истлевшие древесные волокна, лежащие поперек лезвия. Кинжал был в деревянных ножнах, обтянутый красной кожей (?). Длина лезвия около 20 см, наибольшая ширина — 6 см, возле острия — 1,5 см. Рядом с навершием кинжала с правой стороны отмечен отпечаток круглого железного предмета диаметром 2 см, вероятно, имевшего отношение к портупее.

Вдоль тела с правой стороны был положен меч (рис. II. А, 1), который, как и кинжал, восстанавливается по отпечаткам на полу. Общая длина меча от навершия до конца ножен — 135 см. Длина рукояти с навершием до перекрестия — 10 см, ширина перекрестия — около 1,5 см, рукояти — 2 см. Объемное навершие шириной 8 см (глубина отпечатавшейся части 2 см) напоминает по форме бабочку. На правой его половине сохранилась шляпка гвоздя диаметром 1,5 см. Ширина лезвия меча возле перекрестия— 4,7 см, в средней части — 3,2 см. Восстанавливаемая длина клинка — 104 см. Меч был вложен в ножны с деревянной основой, обтянутой кожей. Нижняя часть ножен имела полусферические шаровидные украшения. Первое, размерами 3×3,5 см, располагалось в 6 см от окончания ножен. Второе, состоящее из двух полусфер диаметром 1 см, укрепленных по бокам, — на 5 см выше. Третье — в 18 см от конца ножен — представляет собой полушарие диаметром 2,5 см.

Среди переотложенного материала следует отметить: лавролистный длиночерешковый наконечник стрелы, ромбический в сечении (рис. II. 3). Округлый черешок переходит в большую головку с откованными (?) латеральными частями и с четкой нервюрой. Длина головки — 4 см, черешка (обломан) — больше 4,5 см; односторонний нож (рис. II. 4) с согнутым черешком, длина лезвия 10 см, черешка — 2 см (на лезвии ножа виден бурый и желтый тлен, возможно, от ножен); обломок железного кольца (рис. II, 7). Обнаружен фрагмент горловины кувшина (рис. II, 6) с отогнутым наружу венчиком. Горловина в средней части имеет легкий прогиб. Тесто плотное, со следами выгоревшей при обжиге органики и незначительным добавлением песка. Поверхность высветлена, шероховатая, ангоб отсутствует. Черепок оранжевый. Поверхность венчика несет следы длительного употребления — потертости, щербины.

Погребение 2 состоит из катакомбы и перпендикулярного к ней длинного дромоса (рис. III. А. Б). Дромос пятиступенчатый. Для облегчения подъема в вертикальной плоскости нижней сту-

пени на высоте 80 см от пола вырублена полуовальная выемка. С уровня пятой ступени дромос сужается за счет выступающих с двух сторон заплечиков шириной 25—30 см. В северной торцовой стенке дромоса прорублен узкий проход шириной 95 см. Стены дромоса и ступени тщательно затесаны лопатой с округлым лезвием и прямоугольным контуром втулки. Углам дромоса придана четкая прямоугольная форма.

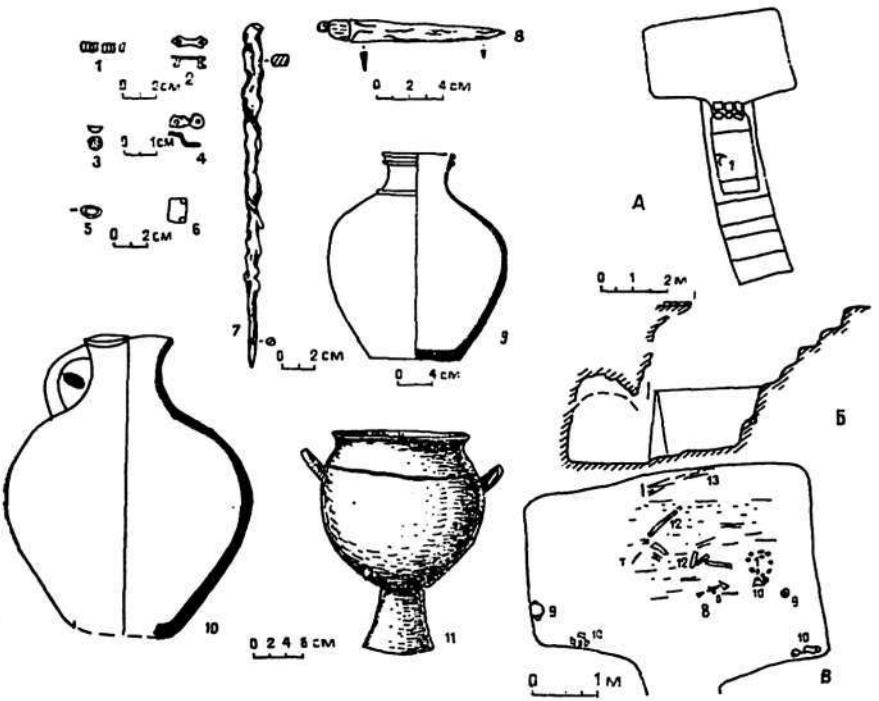


Рис. III. Инвентарь, планы и разрез погребения 2.

По всей площади пола и под каменной закладкой входа, среди камней — следы пестрого древесного тлена, налегающего также и на стены камеры на высоту до 15 см.

Возле стенки дромоса почти в середине на древесном тлене лежали два ребра коровы, подрубленные с одной стороны (рис. III. А, 1). По древесному тлену следы меловой подсыпки. При закладке входа в камеру сначала был установлен дощатый щит (читается по следам тлена). Ширина досок 20 см, длина — 80 см и толщина — до 3 см. Затем шла закладка прямоугольными кирпичами (8 рядов по высоте, толщиной в один кирпич), замешанными на глине с добавлением большого количества щебня и растительности. Формат кирпича различен: 38×38×8—9 см, 46×45×9 см, 43×42×9 см. Со стороны дромоса вход дополни-

тельно завален глыбами камня. Верхняя часть заклада нарушена грабительской ямой, в заполнении которой обнаружены фрагменты керамики из погребения. Расчистка камеры выявила следы варварского ограбления: костяк отсутствовал, череп разбит на мелкие кусочки, большинство инвентаря разбито, растоптано и перемешано. По следам тлена и отпечаткам на полу до некоторой степени восстанавливается обряд захоронения. У северной стены камеры вплотную к ней на дощатом настиле (размер пятна тлена 2×1,5 м) была поставлена гробовина. Форма и элементы ее конструкции отпечатались на натеке, заполнившем пространство между гробовиной и стенкой камеры. Гробовина имела заовален-ную форму, состояла из крышки и собственно гроба, изготовлена была из узких планок шириной 3—6 см.

Отсутствие гвоздей и скоб должно наводить на мысль о применении плетения или перевязки в способе крепления. Возможная длина гробовины — 1,90 м.

Под пятном древесного тлена на полу камеры прослежен тонкий слой меловой подсыпки. Как уже сказано выше, костяк не сохранился, но в восточной части камеры на древесном тлене сосредоточены осколки черепа. Здесь же концентрируются стеклянные бусы с вплавленной внутрь золотой фольгой (рис. III, 1). Найден обломок золотой пластинки с отверстием для нашивания на ткань (рис. III, 4). Вероятно, это остатки или шейного украшения, или богатого головного убора. В совокупности с фрагментами черепа это дает право говорить о восточной ориентации погребенного. Почти в середине древесного пятна гробовины, ближе к его южной границе тленом прослеживается контур какого-то объемного предмета. По всей видимости, предмет был деревянный, окованный бронзовой пластиной и железом. Высота — 2—3 см, длина — 24 см.

Здесь же найдены: бронзовые полусфера, прямоугольная нашивка, овальная стяжка ремня (?) из плоской проволоки с заостренными концами; накладка, крепящаяся двумя загнутыми на концах гвоздиками (рис. III, 3, 6, 5, 2). У западного торца гробовины лежали обломки сильно коррозированного железного штыря (рис. III, 7) длиной 21 см. Перед гробовиной на полу обнаружены кости передней ноги овцы с лопаткой, а под ними — железный однолезвийный черешковый (обломан) нож с остатками древесных волокон от ручки. Длина лезвия 9 см (рис. III, 8).

В пределах древесного тлена разбросаны обломки истлевших и раздавленных в порошок изогнутых костяных предметов. Длина некоторых из них — от 35 до 45 см, толщина слоя тлена — 1 мм. Края предметов обломаны, за исключением одного длиной 20 см, шириной 4 см, который имел на конце закругление с двумя вырезами. Назначение их определить не удалось (рис. III, В, 12).

У восточной стены на полу сохранился отпечаток желтовато-белого цвета в форме круга (рис. III, В, 9). Диаметр его 12 см. Удалось установить, что здесь стоял красноглиняный кувшин

(рис. III, 9), осколки которого были разбросаны по всей камере, а горловина собрана в грабительской яме. Диаметр дна кувшина точно соответствовал отпечатку круга на полу, а желтовато-белый плотный налет на наружной стороне дна кувшина и его стенках соответствует цвету и фактуре обнаруженного пятна. Возможно, кувшин был вложен в футляр.

Тулово кувшина грушевидное, невысокая горловина, венчик отогнут наружу и профилирован двумя валиками изнутри, у основания горловины — невысокий валик. Черепок в сколе оранжевый, ближе к поверхности приобретает светло-красный цвет. Тесто хорошей отмучки, плотное, мелкопористое. Выполнен на гончарном круге с подсыпкой песка. Красный ангоб не везде плотный, местами отдает в желтизну. Заметны потеки ангоба в нижней части и затекание его внутрь.

По дну камеры и грабительской дудке были собраны фрагменты черноглиняного сосуда, первоначальное местоположение которого определить не удалось (рис. III, 10). Тулово кувшина шаровидной формы, сужено к плоскому дну, горловина с прямым, чуть развернутым краем. Под закраиной к плечику крепится плоская ручка. Кувшин сработан вручную, поверхность залощена местами до металлического блеска. Черепок в изломе мелкозернистый, с добавлением отощителя в виде мелкодробленного кварцевого песка и мелкой гальки. У Ю—З угла камеры обнаружен придавленный рухнувшим сводом, и потому не замеченный грабителями, бронзовый котел (рис. III, 11) полусферической формы на высоком конусовидном поддоне. Край низкой горловины плавно отогнут наружу. На плечике, на разных уровнях, прикреплены 2 круглые гладкие ручки, различные по толщине.

По плечику проходит валик, имитирующий крученую веревочку. Общая высота котла 25 см, диаметр устья 17 см, высота поддона 8 см. На поверхности котла слой копоти до 0,5 см, что указывает на длительность его использования. Погребение, вероятно, принадлежало женщине, на что указывают стеклянные бусы, сохранившиеся в большом количестве даже после ограбления, и железный стержень неизвестного назначения, но отмеченный как принадлежность женских погребений Лявандакского могильника[2].

Погребение 3 (рис. II, Г) — подбойного типа, было обнаружено при разборке основного намогильного сооружения и зафиксировано по уровню дерновой площадки. Входная яма, опущенная, по-видимому, с вершины кургана, уничтожена грабительской ямой. Подбой имеет северо-восточную ориентацию и вырыт в северо-западной стенке входной ямы. Длина подбоя — 2,03 м, ширина — 1,5 м, наибольшая высота свода — 0,6 м. Пол камеры был засыпан слоем пылевидного грунта 5—7 см толщиной, непо-

[2] Обельченко О. В. Лявандакский могильник//ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 99.

средственно на который у западной стенки был положен погребенный головой на северо-восток. Обе руки согнуты в локтях, кисти в области таза. Согнутые в коленях ноги распались в стороны: между пятками расстояние 16 см, общая длина скелета 165 см. Череп раздавлен, кости плохой сохранности. Возле плеча в углублении обнаружен тлен деревянной тарелки, на ней — передняя нога овцы с лопаткой. Между ног, ниже тазовой кости находилась железная игла (рис. II. 9) в кожаном (?) футляре с киноварной окраской наружной поверхности. Длина иглы 6 см, футляр шириной 2 см, длиной около 8 см, видимо, крепился к поясу. Под щиколоткой прослежены участки тлена лиловатого оттенка. Подбой заполнен местами большими комьями дерна и мокрой глины, возможно перемещенных из первоначального сооружения. В заполнении подбоя на уровне бедра и правого запястья встречаются пустоты (сечением до 2 см) от истлевших деревянных предметов.

Погребение 4 (рис. II. В, Г) пробило подкурганную дерновую площадку. Трупоположение отсутствует. Дромос и грунтовая могильная яма сориентированы по линии СЗ—ЮВ. Длинные оси дромоса и могильной ямы совпадают. Длина дромоса 3,80, ширина — 58—60 см, в западной части расширяется до 75 см. Дромос одноступенчатый, с пологим переходом ко дну могильной ямы. Могильная яма больших размеров — 5,25×2,25 м. Глубина от дерновой площадки 1,50 м. Стенки тщательно затесаны, углам придана четкая прямоугольная форма. Однако восточная торцовая стенка ямы имеет наклон в 75°. В углах грунт оставлен на высоту 55—60 см, грубо подрезан, образуя с западной стенкой слабый полукруг. Северная стенка у восточного угла в верхней части образует нависание в 16 см относительно нижней линии стены. Пол могильной ямы имеет общий наклон с запада на восток на 25 см. На нем слой утоптанного грунта толщиной от 2 до 5 см. По нему сплошные отпечатки травянистой растительности в виде стеблей и листьев. Отпечатки растительности концентрируются у дромоса пятном длиной 180 см. На этой поверхности у северой стены почти в центре ее в натеках обнаружен обезглавленный, расчлененный костяк овцы (рис. II, Г, 1). Отдельные фрагменты трубчатых костей встречены возле южной стены. Могильная яма заложена пятью пластами глины толщиной от 10 до 70 см с прослойками травянистого характера. Заклад имеет уклон с запада на восток, подчиняясь общему уклону пола. На поверхности верхнего пласта на уровне дерновой площадки зафиксировано пятно кострища размером 60×65 см. Среди золы найдено тонкоструктурное волокнистое вещество фиолетового цвета, а также обгоревшие кости передней ноги лисицы (корсак[3]). Кострище перекрывал плотный слой грунта со слоистыми натеками. Судя по характеру размывания верхних пластов заклада,

[3] Определение А. Батырова.

можно предположить, что погребение № 4 не имело намогильного сооружения.

Стратиграфическая последовательность погребений нам представляется следующей. Первым, основным было погребение I, т. к. несмотря на значительное его разрушение еще в древности, удалось проследить перекрытие дромоса пластами дерновой подкурганной площадки. Все последующие погребения — впускные, т. к. они пробили эту площадку из дерна. Вторым, на наш взгляд, было погребение 4. Затем сооружено погребение 2, выброс лесса из которого перекрыл предыдущие. Самым последним, видимо, следует считать погребение 3 — в «позе всадника».

Процесс возведения первоначального намогильного сооружения осуществлялся, по-видимому, следующим образом. Место для погребения выбиралось на доминирующей высоте водораздела. Спланированная площадка окапывалась ровиком. В центре площадки устраивалась погребальная камера. После завершения захоронения и закладки дромоса дерном сооружалась подкурганная площадка из дерна же. Над катакомбой раскладывали большой костер, а вокруг, возможно, малые, один из которых зафиксирован. Далее насыпали двухслойный невысокий холм, который обкладывался растительностью, а затем перекрывался пластами дерна. Основание сооружения укреплялось кольцевым валиком, к которому примыкали широкие выкладки-лучи.

Очень близкие аналоги намогильного сооружения основного погребения из Сирлибайтепе известны в памятниках Петропавловского Приишимья — курганах Кара-оба и Обалы в Северо-Казахстанской области. Здесь прослежены те же конструкции из хвороста и травы с применением дерна в качестве строительного материала. В обоих случаях характерно отделение дневной поверхности от наземного сооружения выкладкой из органических материалов — хворост и трава в Кара-оба и Обалы и дерн в Сирлибайтепе, а также применение дерна в возведении основного объема намогильного сооружения.

Сходство прослеживается и в таких деталях, как наличие земляного валика по основанию сооружения и опоясывающего его неглубокого ровика. Время создания курганов Кара-оба и Обалы характеризуется керамикой прохоровского типа IV—II вв. до н. э.

Генетически Кара-оба и Обалы связаны с курганами Приишимья VI—V вв. до н. э., имеющими в основании насыпи мощные деревянные шатровые сооружения. В прохоровское время традиция возведения деревянных конструкций утрачивается, на смену им приходят конструкции из хвороста, травы и дерна[4].

---

[4] Зданович Г. Б., Иванов И. В., Хабдулин М. К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования//СА. 1984. № 4. С. 35—47. Рис. 4.

Погребение 4 представляет собой тип грунтовой могилы с дромосом, достаточно широко известный в материалах Южного Приуралья (Мечеть-сай, курган 2, погребение 2), датируемый IV в. до н. э.[5] Наиболее древние погребения этого типа открыты в Восточном Приаралье в могильнике Тагискен (курганы 60 и 69), относящиеся к V—IV вв. до н. э.[6] Но погребения Мечеть-сая и Тагискена имели деревянное, или плоское на уровне дневной поверхности, или шатровое перекрытие.

В способе заклада погребения 4 Сирлибайтепе явно проступают черты сходства с типом конструкции намогильного сооружения основного погребения I. Сходство это прослеживается в обильном применении травы, ветвей с листвой в послойном закладе грунтовой ямы и дромоса. Если форма намогильного сооружения в погребении I воплощает идею шатрового деревянного перекрытия, то погребение 4 — видимо, плоского. Черты сходства в способе сооружения ложного перекрытия, несмотря на различия типов могильного сооружения, позволяют считать их типологическими признаками, свойственными обоим погребениям, и рассматривать их в едином культурном и хронологическом аспекте.

Наличие погребального костра над 1 и 4 погребениями говорит также о некоторой общности обрядов заупокойного культа, соблюдавшихся при сооружении обеих могил, и, несомненно, связано с очистительной силой огня, имевшем большое значение в религиозной идеологии древних племен сарматского круга[7].

То обстоятельство, что в качестве заупокойной пищи в погребении 4 использована не лопатка с ногой (это характерно для прохоровских погребений развитого этапа), а крупные части разрубленного животного может свидетельствовать о сохранении савроматского обычая в погребальном обряде[8].

Необходимо отметить меридиональную ориентировку могильного сооружения в погребении I, а также вытянутое положение погребенного на спине, головой на юг, что является основными отличительными признаками курганов прохоровской культуры[9].

Несмотря на скудность сопровождающего инвентаря из погребения I, анализ его все же позволяет наметить относительные хронологические рамки.

Восстановленная по отпечаткам в полу камеры длина меча, равная 104 см, безусловно, позволяет отнести его к типу длинных мечей с металлическим навершием. По периодизации, предложен-

---

[5] Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С. 43—44.

[6] Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена)//СА. 1966. № 2. С. 160.

[7] Шилов В. П. Калиновский курганный могильник//МИА. 1959. № 60. С. 430.

[8] Смирнов К. Ф. Новые сарматские памятники на Бузулуке//КСИА. Т. 9. 1962. С. 92.

[9] Мошкова И. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. С. 11.

ной О. В. Обельченко, подобные мечи существовали в Согде до II—I вв. до н. э., когда на смену им приходят длинные двуручные мечи[10]. Форму навершия меча восстановить в первоначальном виде невозможно. Но, судя по его контуру, а также по объемности сохранившегося тлена, оно скорее всего может принадлежать к типу зооморфных ранних наверший, аналогичных, например, навершию кинжала в виде двух голов грифонов из кургана Иссык (VI—V вв. до н. э.)[11]. Вообще длинные мечи (но без металлического навершия) известны по Кую-Мазарскому (курган 19) и Лявандакскому (курган 1) могильникам, и по периодизации А. М. Хазанова отнесены ко времени не позднее III—II вв. до н. э.[12] Металлическая кольцевая пряжка с неподвижным язычком, обращенным наружу, датируются исследователями, начиная с III—II вв. до н. э.[13] Лавролистный длиночерешковый железный наконечник с нервюрой и выделенной шейкой как-будто не имеет прямых аналогов в материалах Средней Азии. Генетическая близость прослеживается от костных наконечников, как, например, в памятниках тагарской культуры[14], так и в бронзовых наконечниках стрел эпохи поздней бронзы и раннего железа в Иране[15] и в Средней Азии на Якке-Парсан II[16].

Территориально близким оказался аналогичный наконечник, обнаруженный в булакбашинской группе курганов[17]. В кургане № 3 (погребение 1) наконечник сохранился полностью. Длинный черешок (7 см, при общей длине наконечника 9,7 см) на конце уплощен, «срезан», чем еще более приближается к своему бронзовому прототипу. Вместе с наконечником в захоронении обнаружена серебряная раннесогдийская монета, чеканенная в подражание монетам Антиоха I с головой коня на оборотной стороне. Е. В. Зеймаль при изучении монет этой группы приходит к выводу, что «...подражания чеканились на протяжении II — первой половины I в. до н. э.»[18] Не ранее этого периода должен быть датирован и сирлибайский наконечник, тем более, что III в. до н. э. датируется по аналогии с Афрасиабом единственный фрагмент горловины кувшина с Г-образным вечиком[19].

---

[10] Обельченко О. В. Курганы древнего Согда. Ташкент, 1981.

[11] Акшиев К. А. Курган Иссык. М., 1978. С. 104. Табл. 22, 24.

[12] Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 19.

[13] Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки//МИА. Вып. 78. М., 1960. С. 297.

[14] Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен Тагарской культуры. М., 1967. С. 40. Табл. 12 (45—50).

[15] Медведская И. Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II — пер. половины I тыс. до н. э.//СА. 1980. № 4. С. 26.

[16] Итина М. И. Поселение Якке-Парсан 2 (Раскопки 1958—1959 гг.)// МХЭ. Вып. 6. 1963. С. 122. Рис. 13, *6*.

[17] Раскопки Согдийско-Самаркандской экспедиции 1982 г. Материалы не опубликованы. Могильник расположен в 8 км от Сирлибайтепе.

[18] Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983. С. 88.

[19] Кабанов С. К. Освоение западных районов города на ранних этапах

Таким образом, по совокупности сопровождающего инвентаря, конструкции погребального сооружения и элементов заупокойного обряда погребения I и 4 можно отнести к III—II вв. до н. э.

Погребение 2 представляет собой так называемый кенкольский тип погребения, когда дромос перпендикулярен длинной оси катакомбы. Погребальный обряд и тип могильного сооружения имеет очень близкие аналоги в Агалыксайских курганах. В частности курганы 1, 2, 8 этого могильника имели под насыпью многоступенчатый дромос, в нижней части уступы-заплечики; катакомба длинной осью перпендикулярна длинной оси дромоса, костяк в гробу — головой на восток. Расхождение лишь в размерах камеры, высоте и количестве ступеней, глубине от дневной поверхности. Датирующий материал был добыт лишь в кургане № 8, что позволило отнести этот вид катакомбных погребений к II—IV вв. н. э.[20] О. В. Обельченко приходит к выводу, что восточная ориентация характерна для большей части могильников Средней Азии первых веков н. э.[21]

Деревянные гробы, а среди них и сборные дощатые, появляются у сарматов на рубеже IV—III вв. до н. э. Вполне вероятно, как отметил Б. А. Литвинский, что на распространение в Средней Азии на рубеже н. э. обычая захоронения в деревянных гробах оказали большое влияние среднеазиатско-сарматские связи[22].

Захоронения в гробах известны также и в долине Зарафшана, по раскопкам О. В. Обельченко, и датируются началом нашей эры.

Стеклянные бусы с позолотой внутри из камеры 2 широко известны по могильникам сарматского времени. В кургане 6 Лявандакского могильника в женском захоронении второй половины II в. до н. э. встречены мелкие бусы в виде трубочек с кольцевыми выемками снаружи. Вообще бусы с золотой фольгой, вплавленной в стекло, бытовали широко и в Средней Азии известны с III в. до н. э. — II в. н. э.[23]

Бронзовые котлы на высоком коническом поддоне известны почти во всех ареалах скифо-сарматского и сакского мира и бытуют более чем тысячелетие. В иссыкском кладе, обнаруженном в 1958 г. в районе с. Иссык, среди прочих предметов имелся бронзовый котел с двумя ручками и волнистым орнаментом в верхней части. Котел крупных размеров: общая высота — 40,5 см, высота ножки — 12 см. Второй котел из г. Текее аналогичный, но имеет более шаровидное тулово. Котлы датируются VI—IV вв. до н. э.[24]

его жизни//К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981. С. 52. Рис. 23 *(8)*.

[20] Обельченко О. В. Лявандакский могильник. С. 129.

[21] Обельченко О. В. Агалыкские курганы//ИМКУ. Вып. 9. Ташкент, 1972. С. 62—70.

[22] Литвинский В. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972. С. 80.

[23] Обельченко О. В. Лявандакский могильник. С. 155—156.

[24] Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древнейшая культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1973. С. 107—109. Илл. 86.

Подобный по форме котел известен в Семиречье, А. Н. Бернштам датировал его V—III вв. до н. э.

По классификации котлов Восточной Европы сарматского времени, предложенной Н. А. Боковенко[25], котел из погребения 2 следует, видимо, отнести к I в. до н. э.— I в. н. э. Этим же временем, вероятно, следует датировать и само погребение, однако станковый кувшин, обнаруженный здесь же, отличается тщательностью выделки, снабжен характерным валиком в месте перехода горловины к тулову, достаточно плотным ярко-красным ангобом и не может быть отнесен ко времени позднего рубежа нашей эры.

Черноглиняный, лепной, лощеный кувшин с раздутыми боками абсолютных аналогов не имеет. Черно-серая керамика с лощением известна во втором (переходном) культурном горизонте Шаштепа, датируемом III — началом II в. до н. э., но продолжает встречаться и в перекрывающих его слоях каунчинского комплекса. Среди известных форм керамики переходного этапа подобные сосуды не встречены[26]. Близкие формы кувшинов с раздутым туловом есть в комплексе Джетыасар—I (первые века до н. э. — до III в. н. э.)[27], но не из черноглиняной формовочной массы. Возможно, и кувшин из Сирлибайтепе занимает промежуточное положение и датировка его I в. до н. э. не противоречит всему комплексу погребения. Вообще датировка погребения II—I вв. до н. э. должна быть сделана с оговоркой возможного заглубления нижнего хронологического предела, т. к. оба керамических сосуда тяготеют к более ранним формам.

Погребение 3 — подбойного типа. Такие погребения с возможным отклонением ориентации на восток или запад и с северной ориентацией костяка отмечаются со II в. н. э.[28] Территориально близкое подбойное погребение кургана 9 Орлатского могильника (30 км от Кошрабада; подбой вырублен в западной стенке входной ямы, ориентация костяка С—СЗ) датировано I в. до н. э. — I в. н. э.[29]

По типу погребального сооружения и ориентации костяка погребение 3 близко к бухарским и орлатскому, а поза имеет аналогии в сарматских погребениях II—IV вв. н. э.[30], Кую-Мазарском

---

[25] Боковенко Н. А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе//СА. 1977. № 4. С. 232—234. Рис. 3 *(11)*.

[26] Филанович М. И. Шаштепа — древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента//У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982. С. 114—117.

[27] Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971. С. 68. Рис. 17, *(23, 17)*.

[28] Обельченко О. В. Курганные могильники эпохи Кушан в Бухарском оазисе//Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М., 1974. С. 200.

[29] Ильясов Дж. Раскопки кургана № 9 Орлатского могильника//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Тезисы докладов. Ташкент, 1985. С. 52—53.

[30] Шилов В. А. Калиновский курганный могильник. С. 494.

и Лявандакском могильниках [31] и два случая отмечены для Ферганы (грунтовое катакомбное захоронение)[32]. Таким образом, на основании сравнительного материала впускное погребение подбойного типа можно датировать в широких хронологических пределах — от I в. до н. э. до IV в. н. э. Раскопки кургана Сирлибайтепе выявили четыре различных типа погребений, хронологически охватывающих вторую половину I тысячелетия до н. э. и начала н. э.

Погребение 4 относится к типу грунтовых могил с дромосом, известных в Восточном Приаралье в V в. до н. э. Тот же тип погребений известен в Южном Приуралье, в Зауралье и в Петропавловском Приишимье. Все перечисленные регионы имели сходные религиозные представления, связанные с заупокойным культом, что, в частности, усматривалось в тальковых молоточках и плиточках с отверстиями посередине, обнаруженных в памятниках гороховской группы, сарматского Приуралья и в погребениях на городище Чирик-Рабад[33].

Таким образом, тип погребения 4 имеет безусловную связь с погребениями Восточного Приаралья и через него с евразийскими степями. Но в способе заклада четвертое погребение типологически связано с сооружением над первым погребением, которое аналогично курганам Кара-оби и Обалы в Приишимье (IV—II вв. до н. э.) и, видимо, представляет собой дальнейшее развитие сложных шатровых и плоских перекрытий, когда на смену бревнам приходят выкладки из органических материалов (трава, хворост, дерн). Типологическая близость в устройстве намогильного сооружения, видимо, подразумевает и сосуществование обоих типов погребений. Необходимо отметить и тот факт, что имитация шатрового сооружения возведена над катакомбой с дромосом.

Тип катакомбы с продолжающим ее дромосом (погребение 1) в Средней Азии принято относить к I (II?) в. до н. э. для Хорезма, Согда и Ташкентской области[34]. В связи с материалами Сирлибайтепе эту дату, видимо, следует заглубить, во всяком случае для северных районов Согда, в пределах III—II вв. до н. э.

Появление и распространение катакомб кенкольского типа связываются исследователями с северо-восточными районами Средней Азии в первой половине I тысячелетия[35]. Датировка погребения 2, относящегося к кенкольскому типу, — I в. до н. э.

---

[31] Обельченко О. В. Погребение в «позе всадника»//Труды САГУ. Вып. IXXXI. Исторические науки. Кн. 2. 1956.

[32] Горбунова Н. Г. О типах ферганских погребальных памятников// Археологический сборник. Л., 1981. № 22. С. 92. Рис. 5.

[33] Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С. 35.

[34] Горбунова Н. Г. О типах ферганских погребальных памятников. С. 96.

[35] Там же.

(с возможным удревнением), видимо, позволит пересмотреть вопросы датировки и происхождения этого типа погребения.

Как известно, с середины I тыс. до н. э. в Средней Азии отмечаются пришлые кочевнические племена из Приаралья, близкие к ранним кочевникам северных областей: сакам и усунам. В Самаркандском Согде эта волна археологически прослеживается в III—II вв. до н. э., что, в частности, подтверждается материалами Сирлибайтепе, а антропологический тип черепа взрослого мужчины из погребения I близок также к типам приаральских племен: гиперморфный тип с преднамеренной лобно-затылочной деформацией[36].

Г. И. БОГОМОЛОВ

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЧАЧА И СОГДА

В раннесредневековых жилых комплексах Чача и Согда все чаще выделяются культовые помещения квадратной, реже прямоугольной формы, с трехсторонней суфой, особым тамбурным устройством входа и алтарем, расположенным либо в центре помещения, либо у одной из его стен. В. Л. Воронина определила их как домашние святилища (молельни) богатых жилищ, связанные с парадным залом, а там, где последний не был предусмотрен, помещавшиеся среди жилых помещений[1].

Со времени обнаружения первых помещений количество их значительно увеличилось, расширились географические рамки их бытования, включающие почти всю Среднюю Азию. Однако культовое назначение и семантическая нагрузка этих помещений во многом остается неясной.

Культовые помещения в обоих регионах имеют схожую планировку, но разные формы алтарей, среди которых можно выделить четыре типа: подковообразный, прямоугольный, арочная ниша, фланкированная парой миниатюрных колонок, и прямоугольный постамент с нишками в торце. Причем в Согде встречаются все перечисленные типы, тогда как для района Чача пока известны лишь два первых. В хронологическом порядке алтари подковообразной формы относятся к V—VII вв., а прямоугольной — VII—VIII вв. При суммировании данных о культовых помещениях Согда и Чача наметилась еще одна закономерность — это расположение культовых комнаток около глухих стен или среди нежилых помещений. К примеру, культовая комната на цитадели (Канка) почти задвинута в ее северный угол и окружена с трех сторон

[36] Определение Т. К. Ходжайова. См. также: **Ходжайов** Т. К. К антропологии кочевого населения античного Зарафшана//ОНУ. 1983. № 11. С. 38—39.

[1] **Воронина** В. Л. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954—1959 гг.)//МИА. Вып. 124. М.—Л., 1964. С. 71.

нежилыми помещениями. Точно так же культовое помещение на Актепа (Ташкент) было определено в северо-западном углу замка[2]. В Пенджикенте, как считают его исследователи, помещения такого рода обычно находились на втором этаже или рядом с интимными покоями[3]. Возможно, объясняется это подражанием некоторым традициям храмовой архитектуры, где обход вокруг святилища возвращает нас к сакральному значению круга и круговых движений в различных ритуалах.

В. А. Нильсен считает, что типичная планировка зороастрийский храмов требует наличия глухого коридора, обводящего святилище, и необходимого для предотвращения проникновения в него прямого солнечного света[4]. Однако сооружалось все это не только для того, чтобы создать интимный (ритуальный) полумрак, преградив туда доступ солнечных лучей, так как многие зороастрийские ритуалы, наоборот, требуют открытого возвышенного пространства. Скорее всего комнаты располагались отдельно и были как бы спрятаны с целью оградить святыню от проникновения туда злых духов или даже случайного взгляда непосвященного. Этой же цели служили, видимо, и тонкие перегородки у входа, образующие своеобразный тамбур. В связи с этим хотелось бы отметить, что в индоарийских космологиях круг равнозначен квадрату. В Ригведе, например, круг Земли зовется «четырехконечный», а Небо в Авесте имеет эпитет «čaθrugoša», оно и круглое и квадратное[5]. По-видимому, это совпадение не случайно, так как большинство культовых комнаток близко к квадрату (или часть помещения, отсеченная тамбуром, образует квадрат). Как считает Л. Гуревич, это результат традиции, основанной на возведении помещения в 10 локтей, отсюда и вариации размеров от 4,6 до 5,5 м[6]. То есть квадратный план помещения отражал представления о квадрате как микросхеме космоса и воспринимался как магический центр дома, больше того — Вселенной. Космографическая структура учитывалась (или подразумевалась) при организации любого сакрализованного предмета — от культового сосуда, курильницы до планировки культовых комплексов, храмов и т. д.[7]

Своеобразным ключом в расшифровке семантической нагрузки служит подковообразная форма алтаря. Подобные алтари получа-

---

[2] Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. С. 109.

[3] Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 25.

[4] Нильсен В. А. Кызыл-Кыр (Результаты раскопок 1955 г.)//ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959. С. 66—67.

[5] Акишев А. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. С. 19—20.

[6] Гуревич Л. Л. К интерпретации пенджикентских «капелл»//Культовые взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье/Тезисы докладов конференции. М., 1981. С. 46.

[7] Акишев А. Искусство и мифология саков. С. 19—20.

ют распространение с V в. н. э. во многих районах Средней Азии. Характеризует ли это всплеск каких-то архаических представлений — пока судить трудно, но в то же время своеобразная форма (алтарей первого типа) как нельзя лучше указывает на несомненную ее связь с культом богини домашнего очага и шире — с культом великой богини-матери, который в маздеизме достаточно тесно соприкасался с огнем.

Любопытен в этой связи вывод, сделанный некоторыми исследователями о том, что еще в X в. некоторые очаги в Хорезме имели антропоморфную форму и отражали традицию изображения божеств, связанных с огнем (Митра, Агни)[8]. Для нас это положение важно тем, что распространение подковообразных алтарей с V в. не представляется чем-то уникальным, а также отражает архаическую и устойчивую тенденцию в передаче образа очага-огня с антропоморфными признаками, в дальнейшем, видимо, эволюционировавшего в подковообразные переносные очаги X—XI вв. Больше того, Ю. А. Рапопорт, О. А. Вишневская предполагают, что джигербентский подиум есть своеобразный идол «хозяйки очага», «матери огня», где очертания и орнаментация из ромбов, являющихся символом женского начала, подчеркивают этот образ[9].

Близкие аналоги обнаруживает материал Южного Казахстана и северо-запада Ташкентской области, где есть подиумы, напоминающие джигербентский, есть иной формы, но с изображением архитектурных деталей, стилизованных растений и... женской груди[10]. Видимо, как и джигербентский подиум, они являются отражением или более поздним вариантом согдийских и чачских подковообразных алтарей. Специфическая форма алтаря объясняется представлениями, связанными с культом Гестии — Весты. Кстати, именно с ней отождествлял Геродот великую скифскую богиню Табити.

В античном мире Гестия — Веста считалась воплощением жертвенного огня, или вообще жертвоприношения, отсюда ее очаг воспринимался и как жертвенник, посвященный ей самой, и как жертвенник всех богов одновременно. То есть богиня выполняла функцию посредника между миром людей и богов. Видимо, поэтому семейный очаг, являющийся одновременно жертвенником Гестии, мыслился как магический центр дома[11]. Однако понятие середины пока разработано еще недостаточно, хотя известно, что

---

[8] Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. Следы почитания огня в средневековом хорезмийском городе//Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 105—110.

[9] Там же. С. 109.

[10] Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. С. 108—109. Рис. 36.

[11] Рабинович Е. Г. «Золотая середина». К генезису одного из понятий античной культуры//ВДИ. 1976. № 3. С. 95.

оно играло важную роль в различных областях науки, искусства, архитектуры и философии в пору античности и средневековья[12].

У греков домашний алтарь, согласно космографической геометрии, связывался с центром полиса и больше того — Вселенной, играл организующую роль, так как за пределами каждого из этих центров начинается область неизвестного — хаос[13]. Впрочем важное значение придавалось в идеологии древних понятиям и хаос, и порядок, противопоставление одного другому являлось лейтмотивом в Ведах и Авесте и носило программный характер.

В качестве определения наилучшего порядка у индоиранцев существовало понятие «риты» или «арты», которое ассоциировалось с сотворением, приданием хаосу формы, превращением его в Космос[14]. В то же время, отражая идею передачи гармонии, творимой из хаоса, оно определяло порядок в пространстве и в связи с этим ассоциировалось с солнцем, огнем, жаром, с движением солнечной колесницы. Поэтому солнце и огонь соотносились индоиранцами со всеми тремя сферами и воплощались во взаимосвязанные образы[15].

Как уже отмечалось, форма алтаря в нашем случае намекает на женский образ, но в то же время само сооружение связано с огнем, где огонь, видимо, воспринимался как один из вариантов мирового дерева, как ось, связующая все три мира. Сам образ мирового дерева играл важную и универсальную роль в идеологии древних обществ, так он определяет организацию вселенского пространства, элементы которого можно членить по вертикали (низ — середина — верх), и по горизонтали. Мировое древо было призвано ввести в хаотический мир порядок и организацию. И в этом смысле арта и мировое древо тождественны, но не равнозначны. Зато образ мирового древа, согласно реконструкции религиеведов, соотносится с образом великой женской богини, покровительствовавшей растительным и животным формам жизни[16]. Вот почему жертвенник Гестии или огонь на нем выступают как дублирующий элемент. То есть огонь, как ось мира, проходя через его центр, соединяет все зоны мифологической вселенной и выполняет тем самым посредническую функцию.

Любопытно, что в греческой мифологии таким богом-посредником выступает Гермес, наделяемый той же функцией мировой оси, но соотносимой не с деревом, а с жертвенным пламенем[17]. Итак

---

[12] Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.

[13] Рабинович Е. Г. «Золотая середина». К генезису одного из понятий античной культуры. С. 95.

[14] Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. С. 16.

[15] Там же. С. 18.

[16] Топоров В. Н. О Брахмане. К истокам концепции//Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974. С. 35—39; Иванов В. В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов от «ashpa» — «конь»//Там же. С. 75—138.

[17] Рабинович Е. Г. «Золотая середина». С. 104.

идея непосредственного сообщения с небесами в плане макрокосмоса воспринималась в виде Оси (дерева, горы), тогда как в микрокосмосе она обозначается центральным столбом (или верхним отверстием шатра, в котором эту роль играл дым). Важен вывод — всякое человеческое жилище проецируется в Центр Мира и любой жертвенник, дым делают возможным прорыв уровня а следовательно, восхождение на Небо[18].

В этой связи отметим некую закономерность, описанную В. Л. Ворониной при изучении капелл Пенджикента — возвышение уровня пола культовой комнаты сравнительно с полом зала и коридора. Возможно, это связано с удалением дыма, который, при расположении помещений на одном уровне, мог проникнуть в зал[19]. Но исходя из всего вышеизложенного видно, что контекст этого явления лежит не в практической сфере, а глубже — в космографических представлениях древнего общества, где «квадрат» культового помещения воспринимался (мыслился) как магический центр, сакральная зона, а подковообразный (позже прямоугольный) алтарь и огонь выступали как дублирующие элементы — в качестве оси, соединяющей различные зоны мифологической вселенной. Теперь становится понятным, почему над этими комнатками не было верхних этажей, либо сами они располагались на втором этаже[20].

Последнее еще раз подтверждает, что алтарь и пламя заменяющие в данном случае мировое дерево, безусловно имели контекст — жертвоприношение в центре мира, служившее связью миров при условии соблюдения сакральной чистоты (вспомним меры предосторожности, принятые древними строителями по отношению к культовым комнатам)[21]. Все это возвращает нас к представлениям о Гестии-жертвеннике и Гермесе, который в данном контексте выступает как жертвенное пламя, где сакральная чистота есть свойство предметов, локализованных в центре мира, который воспринимался как источник и средоточие мирового порядка, как сакральное место акта творения прошлого и будущего.

---

[18] Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 150—151.

[19] Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954—1959 гг.). С. 68—71.

[20] Распопова В. И. Помещение с очагом-алтарем в древнем Пенджикенте//Культовые взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье/Тезисы докладов конференции. С. 132—133.

[21] Наряду с этим Герд Гропп указывал на контраст огня в адурнане (огня побед) и огня в культовом помещении (даре мехр), объединение этих огней в одном сооружении правомерно, так как огонь царя и жертвенный культ находятся во взаимоотношениях. Он (царский огонь) защищает своей силой культовое место, что позволяет жертвующим под защитой этой силы вступить в контакт с богом во время жертвоприношения. С другой стороны, жертва своей очищающей силой дает божественное благословение общине и ее властителю — царскому огню.— См.: Gropp G. Die Funktion der Feuer tempels der Zoroastrier Archäologische Mitteilungen aus Iran, nF, 1969. Bd. 2. Berlin. S. 173.

Отметим еще одну любопытную параллель — в центре многих раннебуддийских ступ устанавливался столб (или деревянная колонна), поверх последней крепился более тонкий столб, который выходил на вершину купола ступы и венчался зонтиками.

Джон Ирвин предложил рассматривать этот столб как космическую ось, а всю ступу — как микросхему вселенной, где столб играл роль древа жизни, а деревянные зонтики, венчавшие его на куполе, символизировали священную крону[22]. Важно и другое: рядом со столбом или под ним находился кубический камень, или харлика, который понимался как алтарь и ассоциировался в буддийском контексте с вапрасана («драгоценное место»), на котором сидит будущий будда для того, чтобы достигнуть просветления. То есть столб — это мировое древо, а кубический алтарь — место будущего акта творения.

Как уже отмечалось, мировое древо, связанное, кроме того, с идеей вселенской справедливости (порядка), в свою очередь соотносилось с Аполлоном-Гермесом, законодателем и прорицателем, поскольку классическая космология ставит в гармонирующий центр мира прежде всего Аполлона, бога космического порядка, надзирающего за гармонией и у людей и у богов[23]. А это влечет к любопытной иранской параллели Аполлона — Митре, также солнценосному божеству, который выступает как объединитель людей в социальную структуру, как божество порядка и закона (даже судья в подземном мире). Больше того, зажжение жертвенного огня на лонообразном (или «грушевидном») алтаре, возможно, следует рассматривать как соединение супружеской пары[24]. Не исключено, что такую пару могли составлять Анахита и Митра.

Р. М. Гиршман пишет о том, что персы, еще не возводя специальных храмов, уже знали культ Анахиты и Митры. Это заявление основывается на вскрытом им же совместном храме Митры и Анахиты с двумя алтарями в Масжид-и-Сулейман и Бард-е-Нешанде (Иран)[25]. Кроме того, оба этих хтонических божества имели ярко выраженную связь с миром умерших, и значит с культом предков.

Канкинский материал и данные Мингурюка показывают, что на суфе напротив алтаря (ее для этого даже специально выделяли) что-то устанавливали. Скорее всего интронизировались изображения каких-нибудь божеств (терракотовые и деревянные иконки), для которых воскуряли благовония и зажигали огонь. Не исключено, что на центральной суфе под импровизированным бал-

---

[22] Irwin J. The Stupa and Cosmic Axis. South Asian archaeology. 1977, vol. 2, Maples, 1979, p. 40.

[23] Рабинович Е. Г. «Золотая середина». С. 104.

[24] Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. Следы почитания огня. С. 110.

[25] Гиршман Р. М. Религия Ирана от VIII в. до н. э. до периода ислама//Культура Востока (Древность и раннее средневековье). Л., 1978. С. 70—71.

дахином устанавливался оссуарий в день поминовения усопших. Подобно тому обычаю, который описывают китайские информаторы: почитание предков правителя в области Ши[26]. Достоверно не известно, какие обряды совершались над оссуариями. Хотя какой-то промежуток времени они, видимо, находились в доме. С этим и связано одно из функциональных назначений помещения, а также дальнейшая эволюция алтарей, получившая выражение в развитии алтарных ниш, с которыми В. А. Воронина связывала происхождение михрабов. Видимо, с VIII в. в Согде появляются пристенные алтари, на фасадной стороне которых делали несколько нишек, с архивольтом, обмазанным ганчем или белой краской[27]. Возможно, нишки воспринимались как временное вместилище, жилище душ умерших предков.

Еще недавно в Хорезме схожий магико-анимистический прием входил в обряд паломничества, когда паломник рядом с мазаром почитаемого святого складывал из нескольких кирпичей так называемый «арвох уй», то есть дом предков, своеобразное подобие могильного сооружения. Считалось, что в таком «доме» рядом со святым поселится дух деда или отца, или даже дух самого паломника после смерти[28].

Л. Л. Гуревич и М. И. Филанович предлагают видеть в этих культовых помещениях храм огня, где сама алтарная комната принимается за камеру для огня («адуриан»), «святилище неугасимого огня, укрытое от дневного света и огражденное не только физически, но и символически шатровым внутренним перекрытием из жердей»[29].

Однако относительно небольшая прокаленность алтаря говорит о том, что огонь был слабым и хотя горел здесь длительное время, но не постоянно. Кроме того, в таком случае едва ли не каждое домовладение имело свой храм огня, что противоречит нормам зороастризма, зафиксированным этнографическими наблюдениями, согласно которым верующие совершали две обязательные церемонии: афригин — благословение или молитвы и бадж — богослужение, связанное с пожертвованиями или дарами членов общины. А проводились они, как отмечает Е. А. Дорошенко, в храмах — святилищах огня и у домашнего алтаря в семье[30]. Следовательно, культовые праздники сопровождались осо-

[26] Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. II. М.—Л., 1950. С. 272—273.

[27] Ахунбабаев Х. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда. Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда/Тезисы докладов советско-французского симпозиума. Ташкент, 1986. С. 17—18.

[28] Снесарев Г. П. Хорезмийские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983. С. 36.

[29] Гуревич Л. Л. К интерпретации пенджикентских «капелл»//Культовые взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье/Тезисы докладов конференции. С. 46; Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие. С. 109.

[30] Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране. М., 1982.

быми церемониями и у домашних алтарей. В связи с этим культовые помещения с алтарями, видимо, ближе всего стоят к так называемым Atash dadgah или «огню очага» значительного лица зороастрийской общины, который после смерти почитался в маленьком храме огня и к нему совершались паломничества[31]. Как считает М. Бойс, по крайней мере с IV в. н. э. в домашних часовнях или деревенских святилищах возжигали «Маленький огонь» — Адурог. Причем такой огонь, заменивший изваяния, мог быть разложен от углей домашнего очага. А присматривать за ним мог любой мирянин, находившийся в состоянии ритуальной чистоты. Полностью такой огонь назывался Адурогипад-дадгах, то есть «Огонек на законном месте»[32].

А. Э. БЕРДИМУРАДОВ, М. Х. ПАРДАЕВ

ЗАМОК КИНГИРТЕПА

В 1978 г. Джизакский отряд Института археологии АН УзССР (под руководством Э. Б. Кадырова) провел работы по археологической разведке и раскопкам памятников Джизакской области. Главное внимание было уделено местности вдоль реки Санзар, являющейся основным источником водоснабжения данного оазиса. Археологические исследования показали, что эта территория действительно была густо заселена в древности. Выяснено, что основными местами сосредоточения археологических памятников являются предгорные саи, долины р. Санзар, Зааминсу и Карасу. Встреченные археологические памятники были нанесены на карту, обмеряны, описаны, составлены их планы. На одном из памятников — замке Кингертепа — проведены раскопочные работы.

Кингиртепа располагается на северной окраине кишлака Обиз, на правом берегу р. Санзар, в Галляаральском районе Джизакской области.

Памятник стоит на естественном холме, в плане прямоугольной формы (120×100 м), ориентирован по странам света. В северо-восточной его части расположена цитадель, округлой формы, диаметром 30 м, высотой до 20 м. С севера и с юга к памятнику примыкают расплывчатой формы невысокие (до 1 м) всхолмления, занимающие площадь примерно 2 га.

На этом памятнике был собран подъемный материал, датированный ранним средневековьем. Кингиртепа является характерным памятником эпохи раннего средневековья по своей планировке и материальной культуре для Уструшаны, поэтому появилась необходимость проведения на нем раскопочных работ. Вначале на нем был заложен шурф (6×6 м), превращенный затем в раскоп, в результате чего по верхнему строительному горизонту были

[31] Gropp G. Die Funktion der Feuer tempels der Zoroastrier Archäologische Mitteilungen aus Iran, nF, 1969. Bd. 2, Berlin. S. 151—162.

[32] Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987. С. 135.

вскрыты хозяйственные, парадные, жилые и культовые помещения.

Был раскопан архитектурный комплекс, включавший 17 помещений, окруженных обводной крепостной стеной толщиной 2,5—3 м. Обводная стена, построенная из пахсовых блоков, с обеих сторон покрыта толстым слоем саманной обмазки. Крепостная стена была построена одновременно с нижним строительным горизонтом.

Для более детального и точного выяснения стратиграфии памятника был дополнительно заложен шурф (2×4 м) глубиной 4 м. Как показали результаты работ в шурфе, открытое нами верхнее здание памятника было возведено на ранее существовавшей постройке. При этом нижнее здание заполнено забутовкой, состоящей из пахсовых блоков. В IV ярусе был обнаружен уровень пола нижнего здания. Юго-западная стенка перекрывала поперечную стенку нижележащей постройки. Она сложена из пахсовых блоков. Высота ее — 1,5 м, толщина — 1 м. Пол из серого лесса, покрытый зольным слоем толщиной 10—15 см, который содержит кости животных и остатки керамики, в их числе венчики станковых горшков, фрагмент лепного котла, венчик толстостенного хума и другие.

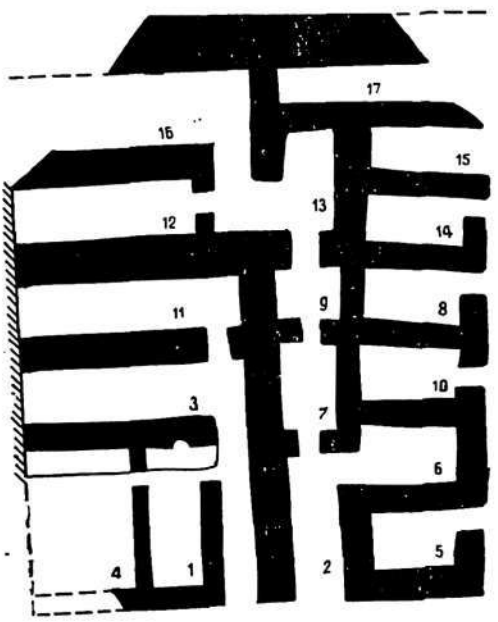


Рис. 1. План замка.

Несмотря на сравнительно плохую сохранность стен, план квадратного здания (26×26 м) достаточно четкий (рис. 1). Неширокий осевой коридор, идущий с юга на север, делит его пополам, в северном углу соединяясь с замкнутым помещением № 16. Весь западный фронт здания занимают четыре длинных помещения и одно квадратное. Восточное крыло состоит из маленьких прямоугольных помещений и на восточной стороне их расположен широкий длинный коридор. На последнем этапе существования все помещения восточного фронта, кроме помещения № 16, имели входы со стороны крайнего коридора, который, в свою очередь, имел вход со двора. Стены здания сложены из пахсовых блоков, вход в него был с южной стороны, со двора. Как показали наблюдения, осевой коридор на последнем этапе был перего-

рожен несколькими стенами и, таким образом, образовано еще четыре помещения. Об этом свидетельствует тот факт, что в местах соприкосновения перегородок с основной стеной коридора сохранилась саманная штукатурка. Среди рядовых помещений Кингиртепа выделяются своей планировкой помещения № 1 и 4. Вначале эти помещения были едины, но потом их разделили тонкой (50 см) стеной на две части. Вдоль северной стены этих помещений проходит суфа толщиной 1 м, высотой от пола 80 см. Над суфой в северной стене сохранилась ниша шириной у основания 80 см, высотой 50 см. Верхняя часть ниши сделана аркообразно, на ней отмечаются следы копоти. Внутри ниши обнаружена зола. Как мы говорили выше, эти помещения по планировке и структуре отличаются от других помещений. Помещения такого рода известны в уструшанских памятниках Чильхуджры и Уртакургана. В стенах помещения № 17 замка Чильхуджры тоже имеются ниши, почти вся площадь помещения занята кирпичной возвышенностью в виде суфы[1].

Квадратное помещение № 8 замка Уртакургана по своей структуре аналогично нашему помещению № 1.

Исследователь замка Чильхуджры У. Пулатов склонен видеть в купольном помещении № 17 комнату культового назначения — домашнюю «молельню», «часовню» или «святилище», где совершались, по его мнению, «обряды какой-то местной религии, скорее всего варианта зороастрийской веры»[2]. Исследователи Уртакурганского квадратного помещения № 8 тоже полагают, «что оно имело не жилое назначение, а выполняло какие-то особые функции,... где жители замка свершали перед алтарем обряды какой-то местной религии, скорее всего связанной с поклонением огню»[3]. Устройство таких домашних молелен-капелл, несмотря на то, что имелись поблизости специальные храмы, засвидетельствованы раскопками отдельных крупных зданий древнего Пенджикента. Комнаты-молельни приблизительно квадратные в плане и имеют алтарные ниши в стенах, а также суфы вдоль стен. Интересно помещение № 5, в северной стене которого просматриваются изящно очерченные ниши, представляющие по устройству уменьшенную копию ниш главного зала[4]. Конечно, Пенджикентские домашние молельни отличаются своей оформленностью и великолепием от уструшанских домашних святилищ.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что помещение № 1 замка Кингиртепа аналогично по структуре помещениям № 17 Чильхуджры и № 8 замка Уртакургана, которые тоже имели культовое назначение. В пользу этого говорит найденный там

[1] Пулатов У. П. Чильхуджра. Душанбе: Дониш, 1975. С. 139.
[2] Там же.
[3] Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г. Уртакурган и Тирмизак-тепа. Душанбе, 1973. С. 29—34.
[4] Воронина В. Л. Раннесредневековый город Средней Азии//Советская археология. 1959. № 1. С. 100.

резервуар лепной курильницы. Сохранившаяся внутри ниши-очага зола свидетельствует о том, что там горел священный огонь.

Как отмечали исследователи, «города Средней Азии с их разноплеменным и неоднородным по социальной принадлежности населением являлись в первую очередь местами столкновения различных идеологий, верований и культов. Письменные источники свидетельствуют, что в городах Средней Азии бок о бок существовали святилища буддистов, «храмы огня, христианские церкви, капище идолов»[5]. Эти сведения нашли, как мы видим, подтверждение при археологических раскопках.

На полу встречен толстый слой золы с недогоревшими остатками бревен. Это говорит о том, что здесь был сильный пожар, в котором помещение и погибло. Большое количество золы дает возможность предполагать, что внутри помещения было дерево с резьбой и архитектурной профилировкой. Подобные детали в архитектуре Уструшаны встречены на раскопах замка Уртакургана[6].

Конечно, большинство помещений Кингиртепа имели жилое и хозяйственное назначение. Образованное в результате разделения осевого коридора, помещение № 9, по-видимому, было кухней, о чем свидетельствует сохранившийся в восточном углу перевернутый хум с пробитым дном. Целым остался только венчик хума, который был закреплен глиной. Внутри хума — комья глины, носящие следы сильного огня, и зола. Этот хум использовался в качестве тандыра для выпечки лепешек. Такие хумы-тандыры были обнаружены на уструшанских замках Уртакургана[7], Чильхуджры[8] и в замке Актепа близ Ташкента. В помещениях № 6, 11, 14 не встречены суфы-лежанки, хотя они, по-видимому, были жилыми, о чем свидетельствуют найденные там следы глиняных очагов, обломков столовой посуды. Помещение № 12 по структуре и составу находок заслуживает особого внимания. Оно имеет длинную коридорообразную форму, толщина всех его стен значительно больше толщины стен остальных помещений. Внутри южной стены на высоте 1,2 м от пола сделана ниша (1×0,70 м), верхняя часть ее сводчатая. На стенках ниши имеются следы огня. На полу помещения были обнаружены три экземпляра курильницы, фигурка коня, глиняные подставки для котла (?) в виде стилизованной головки животного. Мы считаем, что это помещение, а также помещения № 1 и 3 вместе составляли культово-церемониальный комплекс замка и располагались несколько изолированно от остальной части здания. Стены их покрыты очень глад-

---

[5] Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. С. 124.

[6] Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г. Уртакурган и Тирмизак-тепа. С. 42—70.

[7] Там же. С. 16. Рис. 10.

[8] Пулатов У. П. Чильхуджра. С. 36.

ким слоем саманной обмазки. В остальных помещениях могли храниться запасы продуктов и имущество владетеля замка.

Перекрытие помещения неизвестно, и мы можем только предполагать, что оно было сводчатым или плоским деревянным. Пе-

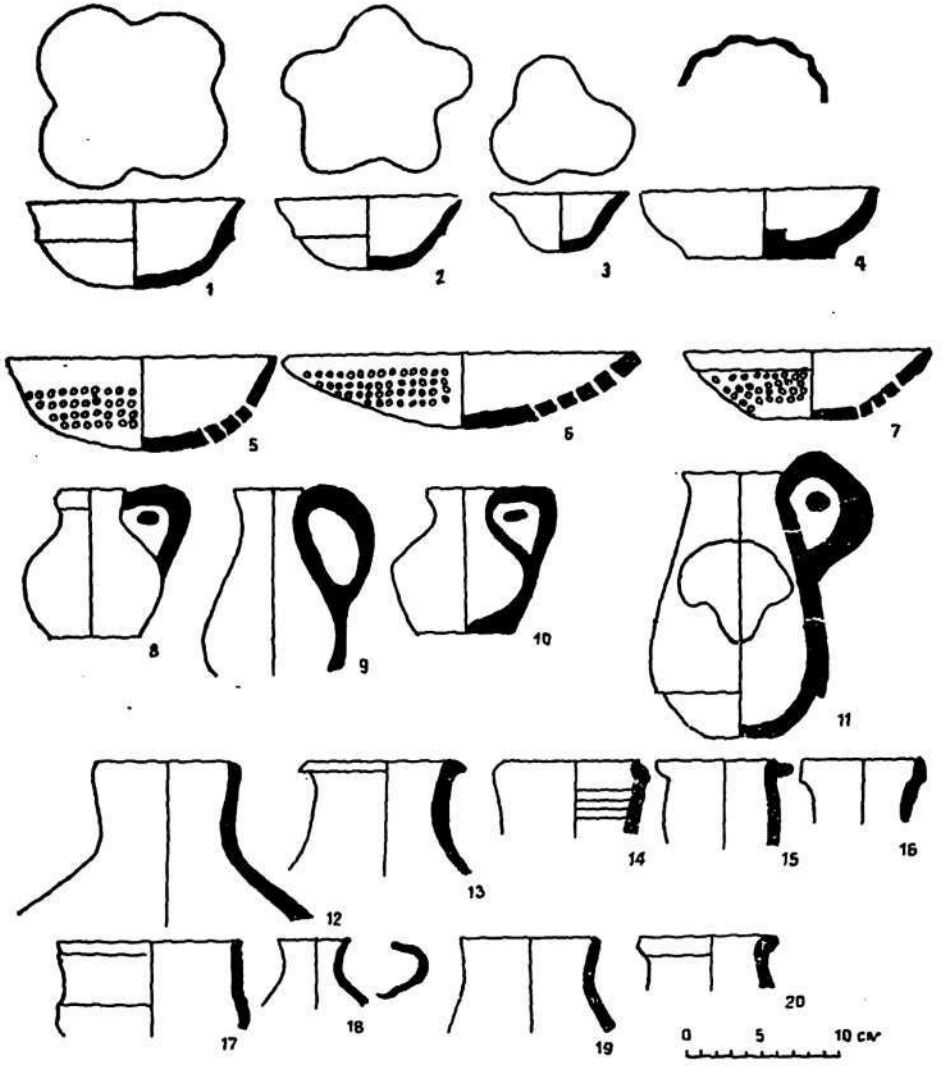


Рис. 2. Керамика.

рекрытия помещений № 1, 4 и остальных прямоугольных комнат были скорее всего деревянными и опирались на внутренние опоры, которые могли не сохраниться. В подтверждение этого говорят обнаруженные на полу указанных помещений толстые слои золы, содержащие недогорелые куски толстых бревен. Коридорные помещения № 3, 11 и 12 могли иметь кирпичные, сводчатые

перекрытия. На полах этих помещений встречены обломки сырцовых кирпичей, хотя стены их на сохранившуюся высоту сложены исключительно из пахсовых блоков.

Оконных проемов в стенах раскопанных помещений не имеется. Наверное, таковые были расположены в верхнем горизонте разрушенных стен. У входов некоторых помещений были обнаружены остатки деревянных порожков, свидетельствующие о том, что эти входы имели деревянные двери. По нашему мнению, замок был одноэтажным.

Самым массовым видом находок замка Кингиртепа являются керамические изделия.

По способу изготовления вся керамика разделяется на три основные группы: 1) лепные сосуды; 2) сосуды, сделанные на гончарном круге; 3) сосуды, изготовленные в калыбе.

Во время раскопок замка Кингиртепа в большом количестве встречались **миски** с волнистым бортиком. Бортик высокий, прямой, в плане образующий четырех-, пяти- и шестилепестковую розетку (рис. 2, *1, 2, 3, 4*). Между бортиком и корпусом проходит рубчик. На бортике хорошо видны следы изгибавших его пальцев. Под донцем сохранились следы клетчатого материала (видимо, влажная ткань применялась для облегчения снятия сосуда с формы). Черепок в изломе розового цвета, отмучка мелкая, тесто плотное, с примесью мелкого песка, ангоб красный. Диаметр венчика — 12—17 см, высота — 4,5—7 см.

Как отмечали некоторые исследователи, прототипом для таких сосудов послужили сасанидские серебряные ложчатые чаши[9]. По-видимому, эти сосуды предназначались для питья.

Сосуды, предназначенные для процеживания. Тулово сосудов имеет шаровидную форму и по стенкам сделаны небольшие отверстия (примерно 0,2—0,3 см в диаметре) (рис. 2, *5, 6, 7*). Диаметр венчиков — 16—18 см. Аналогичные сосуды найдены в Пенджикенте и датированы VII—VIII вв. н. э.[10] Как предполагала И. Б. Бентович, эти сосуды использовались в домашнем хозяйстве для изготовления творога.

Кувшины. Встречены два типа кувшинов: I тип — узкогорлые кувшины с волнистым венчиком. Дно сосуда формовано в калыбе и имеет шаровидную форму. Круглая в сечении ручка прикреплена к краю венчика и к корпусу. Без ангобного покрытия. Обжиг неравномерный (рис. 2, 11); II тип — миниатюрные кувшинчики с шаровидным туловом и с плоским дном, лепного изготовления. Ручка массивная, в сечении подпрямоугольная. Верхний конец ручки крепится к венчику, имеющему форму лепестка, отдаленно напоминающему профилировку эйнохоевидных сосудов (рис. 2, *8, 9*).

[9] Григорьев Г. В. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда//КСИИМК. Вып. XII. М.—Л., 1946. С. 96—103.

[10] Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.)//МИА. Вып. 124. М.—Л., 1964. С. 274—275. Рис. 15.

Кружки. I тип — кружки с волнистым бортиком (рис. 3, *8*). Донце сосуда изготовлено в калыбе, тулово — лепное. Массивная

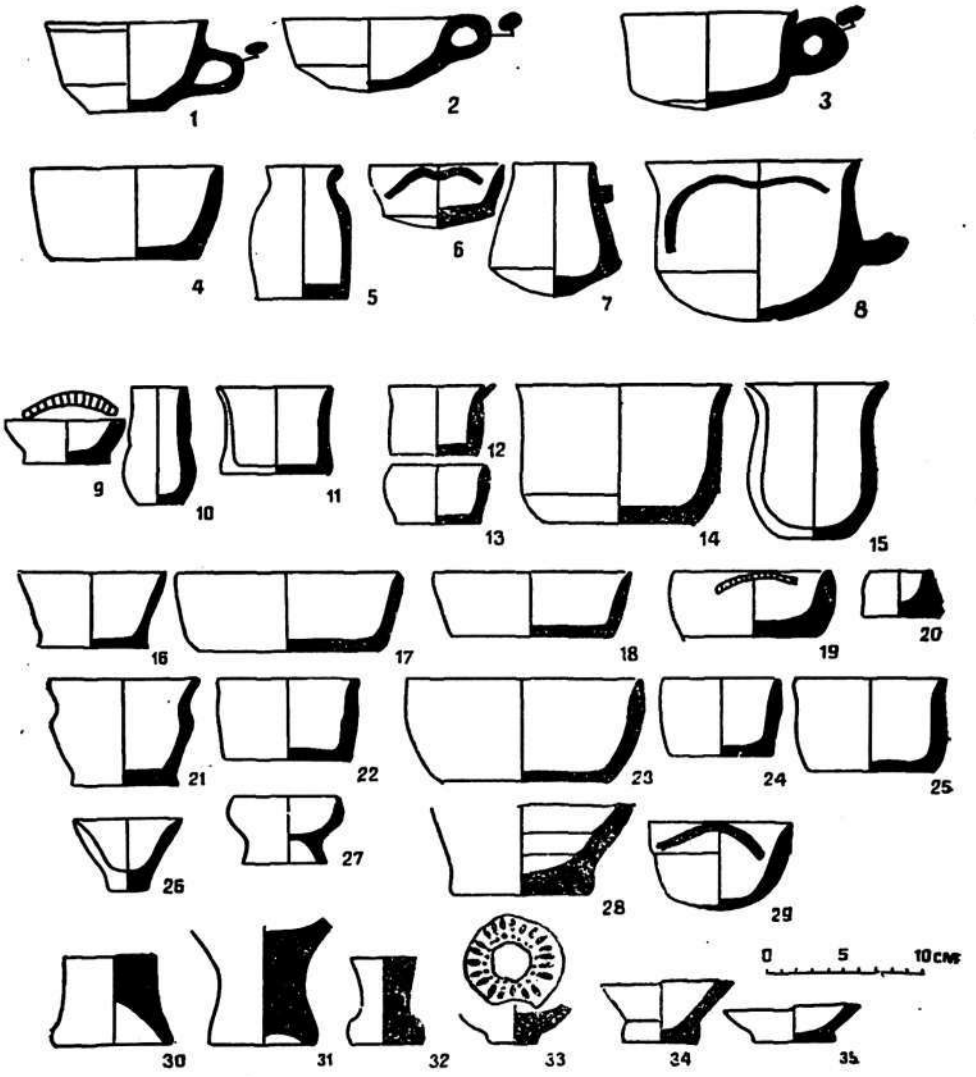


Рис. 3. Керамика.

петлеобразная ручка прикреплена к краю бортика и к тулову. Аналогичные кружки встречаются в Пенджикенте[11], в Чунтепе, в Фергане[12]. Датированы VII—VIII вв. н. э.; II тип — кружки с

[11] Там же. С. 280. Рис. 21, 10, 16, 17.

[12] Горбунова Н. Г. О раннесредневековой керамике Ферганы//УСА. Вып. 4. Л.: Наука, 1979. С. 67—71. Рис. 23; Бернштам А. Н. Труды Семи-

выпуклым туловом. Имеют петлевидные ручки, овальные в сечении, прикрепленные одним концом к бортику, а другим к тулову сосуда. Изготовлены на гончарном круге, тонкостенные и покрыты розовым ангобом (рис. 3, *1, 2, 3*). Диаметр венчика — 6 — 8 см, диаметр донца — 5—6 см; высота — 7—10 см. Аналогичные кружки были обнаружены в Пенджикенте[13], в Мингурюке и Актепа Ташкентского оазиса[14].

Металл. Металлические находки из раскопок замка Кингиртепа немногочисленны. Дошедшие до нас, эти находки сохранились плохо. Нам удалось лишь некоторые из них очистить и описать. На полу помещения 3 замка Кингиртепа было обнаружено бронзовое зеркало. Оно круглое, диаметром 8,5 см, без ручки. На одной стороне его начерчены два ролика, другая сторона гладкая. Следы каких-либо ручек не сохранились. Аналогичных зеркал из раннесредневековых памятников Средней Азии встречено много. В помещении 2а Пенджикентского храма было обнаружено подобное зеркало, покрытое рельефным орнаментом. Как отмечал А. М. Беленицкий, «по своей форме это зеркало обычного китайского типа танского времени»[15].

Подобные зеркала были обнаружены в катакомбном могильнике Уч-Ат в Южной Киргизии, датированные VIII в. н. э.[16], в Гиссарском могильнике Туп-хана, датированное второй половиной I тысячелетия н. э.[17] На полу помещения 10 замка Кингиртепа найден бронзовый перстень с круглым гнездом для вставки камней, украшенный сбоку четырьмя вертикальными зубчиками. В помещении 3 был обнаружен другой перстень и кольца, также изготовленные из бронзы. Второй перстень не имеет гнезда для вставок, маленький просверленный по оси жемчуг установлен на металлическом язычке. От кольца не сохранился щиток. Аналогичные перстни были обнаружены в Пенджикенте[18], в Гардани Хисар[19] и в погребениях тюркского времени Северной Киргизии[20]. Находки датированы VI—VIII вв. н. э. В помещении 7 Кингир-

---

реченской археологической экспедиции «Чуйская долина»//МИА. Вып. 15. М.—Л., 1950. Табл. XIII.

[13] Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). С. 279—282. Рис. 21, *1—9*.

[14] Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент: Фан, 1983. Табл. VIII, *е;* табл. IV, *ж*.

[15] Беленицкий А. М. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг.// МИА. Вып. 37. М.—Л., 1953. С. 30. Рис. 9.

[16] Заднепровский Ю. А. Раскопки катакомбного могильника Уч-Ат в Южной Киргизии в 1973 г.//УСА. Вып. 3. Л.: Наука, 1975. С. 55. Рис. 27.

[17] Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда//МИА. Вып. 14. М.—Л., 1950. С. 170. Табл. 84, *1*.

[18] Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. С. 86. Рис. 52.

[19] Якубов Ю. Паргар в VII—VIII вв. н. э. Душанбе: Дониш, 1979. С. 165, 166. Рис. 47.

[20] Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». С. 123—124. Табл. XV, *10—13*.

тепа зафиксированы игральные кости: бараньих астрагалов — альчиков, в том числе одна битка, т. е. альчик с железным обручем. Альчики обработаны, поверхность их заглажена. Такие же альчики с железным обручем были обнаружены в Пенджикенте и Гардани Хисар[21], там же найдена плоская металлическая пластинка, по-видимому, лезвие ножа очень плохой сохранности.

Для датировки замка Кингиртепа особенно большое значение имеет обнаруженный здесь клад медных монет (35 шт.), среди которых имеются монеты тюркских правителей VIII в. н. э.[22]

Как мы уже говорили, во время раскопок замка Кингиртепа были встречены в большом количестве чаши, миски, кружки, кувшины, испытывающие влияние согдийской торевтики. По мнению исследователей, эти сосуды появились только в VII—VIII вв., и позже они не встречаются[23]. На основании указанных данных мы датировали замок Кингиртепа VII—VIII вв. н. э.

Найденные обуглившиеся зерна пшеницы, косточка персика, раскопанная вблизи замка, винодельная мастерская свидетельствуют о том, что жители Кингиртепа были земледельцами-садоводами. В некоторых помещениях замка были обнаружены керамические и каменные пряслица от ткацкого станка.

Замок Кингиртепа пережил несколько строительных периодов. Исследования выявляют по меньшей мере три наиболее крупных этапа в жизни здания, каждый из которых связан со значительными изменениями его облика. К первому, самому раннему периоду, относится нижняя часть, построенная на естественной возвышенности и потом заполненная завалом и утрамбованная. Это служило своеобразным фундаментом для будущего здания.

Ко второму строительному периоду относится здание, построенное на этом же фундаменте, которое длинный осевой коридор делит на две части. В третьем, последнем периоде жизни, осевой коридор, расположенный в восточной части здания, разделен на несколько помещений. На этом же этапе помещение I разделено на две части.

Что касается двора памятника, то он, по всей вероятности, относится ко второму и третьему строительным периодам замка. Во дворе памятника мы обследовали участок 10×10 м. Обследования показали, что здесь располагались хозяйственные помещения с кривыми и тонкими стенками. Под полом этих помещений культурные слои не обнаружены. Это свидетельствует о том, что в первом строительном периоде двор не обживался. Обнаруженные здесь керамические материалы — верхнего здания памятника.

Планировка, подобная замку Кингиртепа, среди раскопанных памятников Средней Азии не встречалась, однако в ее основе ле-

[21] Якубов Ю. Паргар в VII—VIII вв. н. э. С. 165. Рис. 47.

[22] Абдукаримахунова Р., Бердимурадов А., Дормина С., Кадыров Э. Раскопки на Кингиртепа//АО. 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 542.

[23] Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв.//Труды ГЭ. Т. V. Л., 1961. С. 197—199.

жат принципы планировки уструшанских памятников Калаи-Кахкаха-1, Уртакургана и Тирмизактепа. Можно с уверенностью говорить, что Кингиртепа, типичный раннесредневековый замок с множеством хозяйственных, жилых, парадных, культовых помещений, был жилищем богатого дехканина — владетеля окружающих земель.

Т. АННАЕВ, А. БОБОХОДЖАЕВ, Ш. РАХМАНОВ

ЗАМОК КУЧУКТЕПА

Кучуктепа находится на территории колхоза имени В. И. Ленина Термезского района, вблизи Среднеазиатской железной

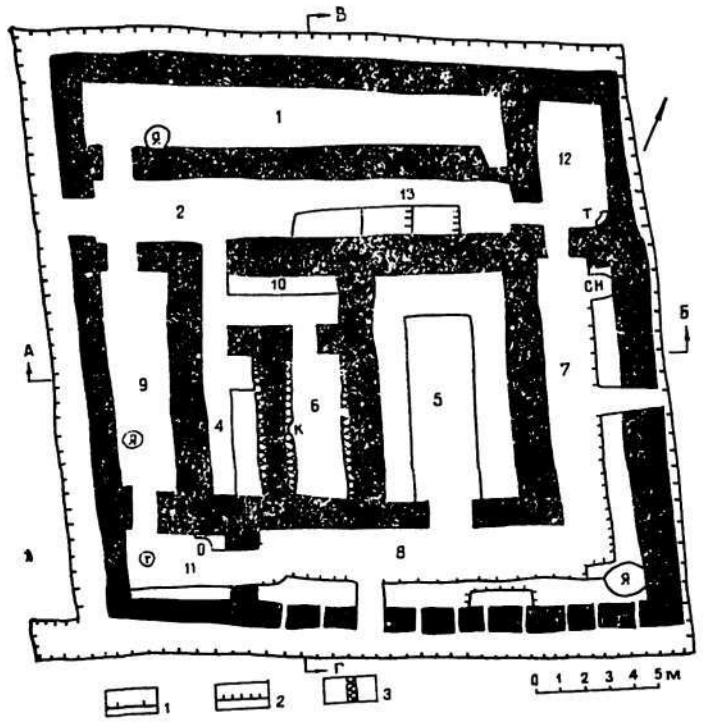


Рис. 1. План замка Кучуктепа:

1 — граница платформы; *2* — пристенные площадки; *3* — второй этаж; т — тандыр; сн — сводчатая ниша; я — яма; к — камин.

дороги. Предварительные археологические исследования памятника проводились в 1979 г.[1], а в 1981 г. было осуществлено вскры-

[1] Аннаев Т. Дж. Раскопки раннесредневековых поселений в Южном Узбекистане//АО, 1980. М.: Наука, 1982. С. 446. Ввиду ограниченности объема в статье рассматриваются только планировочная структура первого этапа и связанные с нею находки.

тие всего комплекса. Восточную и южную части поселения прорезает современный канал, вследствие чего значительная часть его с востока и юга повреждена. Архитектурный комплекс на Кучуктепа воздвигнут на пахсовой платформе квадратной формы (26×26 м) высотой около 3 м (рис. 1). Центральная часть комплекса представляет собой прямоугольный зал с суфами вдоль стен. К юго-западу от него расположено несколько сводчатых коридорообразных помещений, сообщающихся между собой проходами.

При раскопках помещений выявлено от 3 до 5 уровней полов

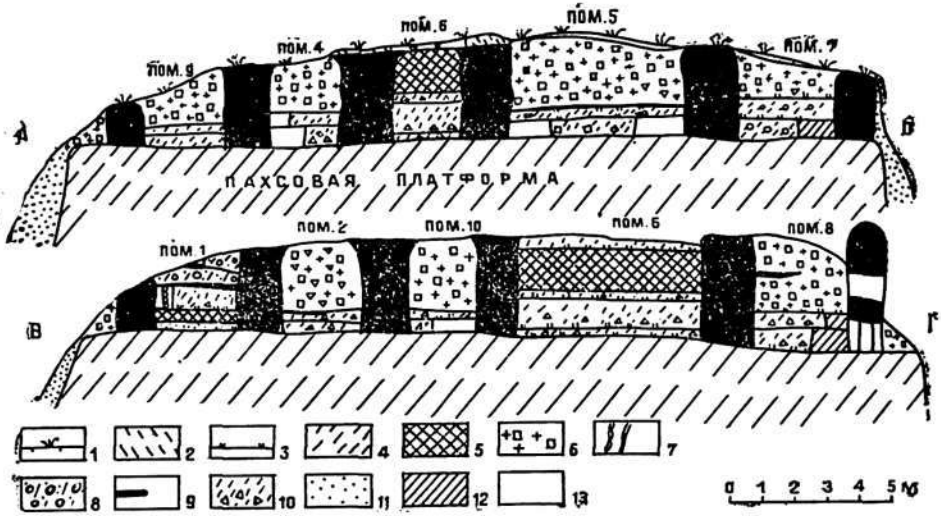


Рис. 2. Разрезы:

1 — дерн; *2* — остатки второго этажа; *3* — уровни полов; *4* — слой рыхлой земли; *5* — забутовка; *6* — слои разрушения конструкций; *7* — пахсовые блоки; *8* — слой земли с керамикой и песок; *9* — зольные прослойки; *10* — слой земли с керамикой; *11* — песок; *12* — пристенные сооружения; *13* — суфа.

(рис. 2), соответствующих разным этапам функционирования построек.

Планировочная структура комплекса сложилась на раннем этапе функционирования. В более позднее время от второго до пятого полов (снизу вверх) постройки не претерпели сколько-нибудь значительных изменений.

Вход в здание шириной 1,10 м находился на востоке, ближе к юго-восточному углу помещения 7, однако в связи с разрушением восточной части холма следы лестниц, ведущих к входу, выявить не удалось. Исходя из общей толщи платформы, можно предположить существование лестничного входа.

Помещения 7 и 12 автономные, занимают всю восточную сторону комплекса. Первое из них имеет три уровня полов. Вдоль восточных стен расположены пристенные площадки шириной 0,90 м, высотой 0,65 м. Ближе к северному углу помещения 7 на одной

линии с площадкой находится арочная ниша. Стены и пристенные сооружения отделаны глиняной штукатуркой толщиной 3 см. На полу и на площадке имеются следы огня, свидетельствующие о возможном пожаре.

В период вторичного использования (второй пол) помещение 7 до уровня площадки заполняется мусором, включающим мелкие кусочки алебастра и керамику. Основной вход в замке закладывается мелкоформатными сырцовыми кирпичами (30×30×6 см).

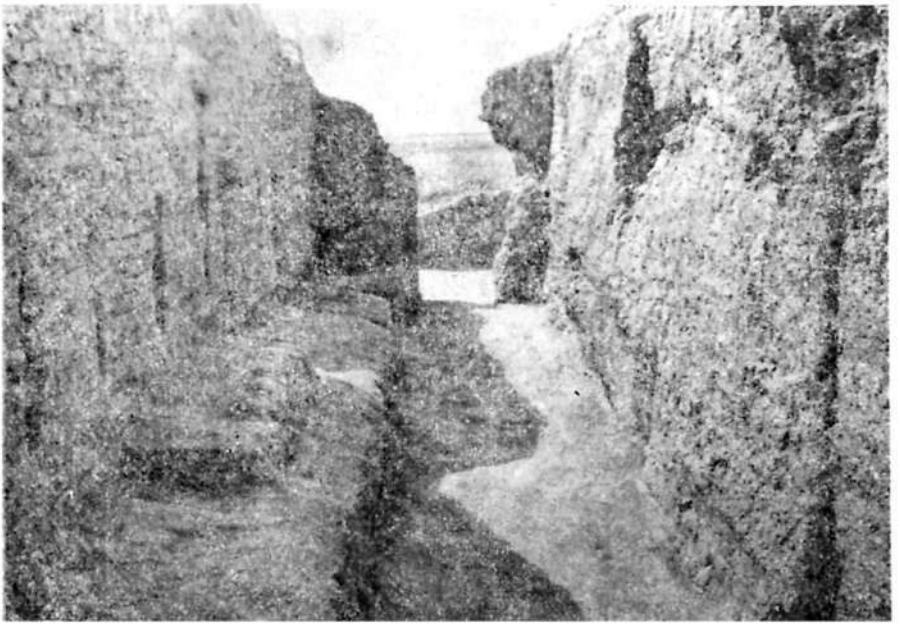


Рис. 3. Помещение 8. Южная стена с бойницами и пристенной площадкой.

В южном конце, обращенном к помещению 8, сооружаются два выступа. Таким образом, помещение 7 отделяется от помещения 8 автономным отсеком. Стены этого прохода сооружены непосредственно над мусорным слоем. При этом в основании стен имеются три ряда кладки из жженых кирпичей (30×30×6 см), являющихся как бы фундаментом для последующих рядов сырцовых кирпичей того же размера. На этом же этапе сводчатая ниша с западной стороны загораживается двумя рядами кладки и изнутри слегка засыпается землей.

Помещение 12 расположено в северо-восточном углу. Выступы, сооруженные непосредственно в углах, образуют дверной проем шириной 0,90 м. На втором этапе все помещение (высотой до 1 м) заполняется мягким грунтом, включающим зольные прослойки, поверхность его вымащивается тремя рядами сырцовых кирпичей, добытых при разборке его восточных и северных стен.

Это помещение стало представлять собой уже открытую площадку.

Помещения 8 и 11 охватывают сооружение с южной стороны. На первом этапе функционирования (третий пол) в помещении вдоль всей южной стены располагалась площадка шириной 1,10 м и высотой 0,60—0,70 м, возведенная из сырца (45—50×20—25× ×8—10 см), к которой вела дополнительная лестница в восточном углу (рис. 3). Длина ее — 1,10 м, ширина — 0,50 м, высота —

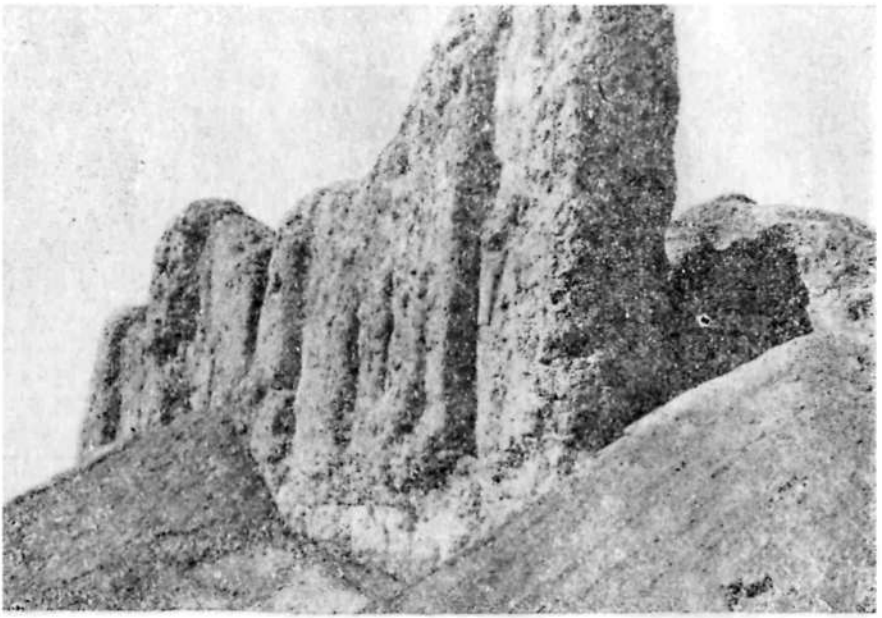


Рис. 4. Южная стена с бойницами.

0,20 м. В этом углу расположена яма овальной формы, диаметром 1,70 м, которая захватывает часть пристенных сооружений. Она была образована в связи с возведением пристенных сооружений, так как стенками служат кирпичи, использованные в кладке площадки.

На расстоянии 4,50 м к югу от восточного угла помещения 8, над первой площадкой сооружена следующая, сложенная из кирпича того же размера, что и основная. Длина ее — 2,55 м, ширина — 0,65 м, высота — 0,55 м. Ближе к юго-западной части помещения расположен арочный проход, выводящий к выступающим частям платформы. Ширина прохода — 1,20 м, арка свода образована прямоугольными кирпичами, поставленными на ребро. С внешней стороны южной стены между платформой и основной кладкой положен ряд пахсовых блоков толщиной от 0,45 м до 0,90 м при высоте 0,60 м. В стене на высоте 1,50 м от пояса пахсовых блоков расположены бойницы (сохранилось 9 бойниц) (рис. 3, 4).

каждая бойница стреловидной формы (высота — 1,40 м при ширине 10—12 см) чередуется с двумя прямоугольными (высота — 1 м, ширина — 10—12 см). Расстояние между стреловидной и прямоугольной бойницами — 1,35 и 1,25 м, а между прямоугольными — 0,90 м.

Второй пол в помещении 8 зафиксирован на одном уровне с верхней частью площадки, первый — на уровне верхней части второй площадки.

Помещение 11 расположено в юго-западном углу комплекса. Его западная и особенно южная стены сильно размыты, поэтому определению поддаются только два уровня полов. На первом этапе функционирования вдоль южной стены имелась суфа высотой 25 см. Вдоль северной грани суфы расположено два ряда кладки из сырцовых кирпичей, пространство между кладкой и стеной заполнено глиной. В северо-восточном углу помещения слегка обозначаются контуры пристенного напольного очага полукруглой формы. На расстоянии 0,70 м от западной стены в полу была вырыта круглая яма (диаметр 26 см) глубиной 15—20 см. В яму вкопан перевернутый вверх дном хум. Внутри хума сохранялись следы огня. Вдоль плоскости северной стены на поверхности штукатурки образовались прослойки темного цвета. Перекрытие помещения было сводчатым. Слегка наклонные ряды сводов, упирающиеся в западную стену помещения 8, находятся на высоте 2,00 м от уровня нижнего (второго) пола. В помещении имелось два арочных прохода. Арку между помещениями 8 и 11 образовывали своды помещения 11, а между помещениями 11 и 9 — своды помещения 9.

Всю поверхность помещения 11 занимают материалы разрушений (толщина — 0,50—0,60 м), смешанные с остатками, в основном, кухонной керамики (рис. 5, *20*). Поэтому не исключено, что над ним располагалась кухня. Следует отметить, что при вторичном обживании замка (второй пол снизу вверх) мусор, находящийся за пределами комнат, с обоих этажей не выносили. Весь мусор, в том числе битая керамика, оставлялся на полу и засыпался землей, образовавшейся при обновлении штукатурки и перекрытий.

Помещение 9 в плане близкое к квадратному. Его северная часть по сравнению с южной более вытянута, с двумя параллельными проходами по сторонам. Имеется три уровня полов. В 8,50 м от южного угла южная стена помещения 1 (она одновременно является стеной помещения 2) имеет наибольшую высоту — от 0,40 до 0,50 м от нижнего пола. Не исключено, что эта часть была снесена при вторичном обживании. В таком случае на первоначальном этапе функционирования комплекса помещения 1 и 2 представляли собой длинные коридоры длиной по 17,00 м.

Центр комплекса состоит из прямоугольного помещения 5 и нескольких сводчатых, расположенных к западу от него.

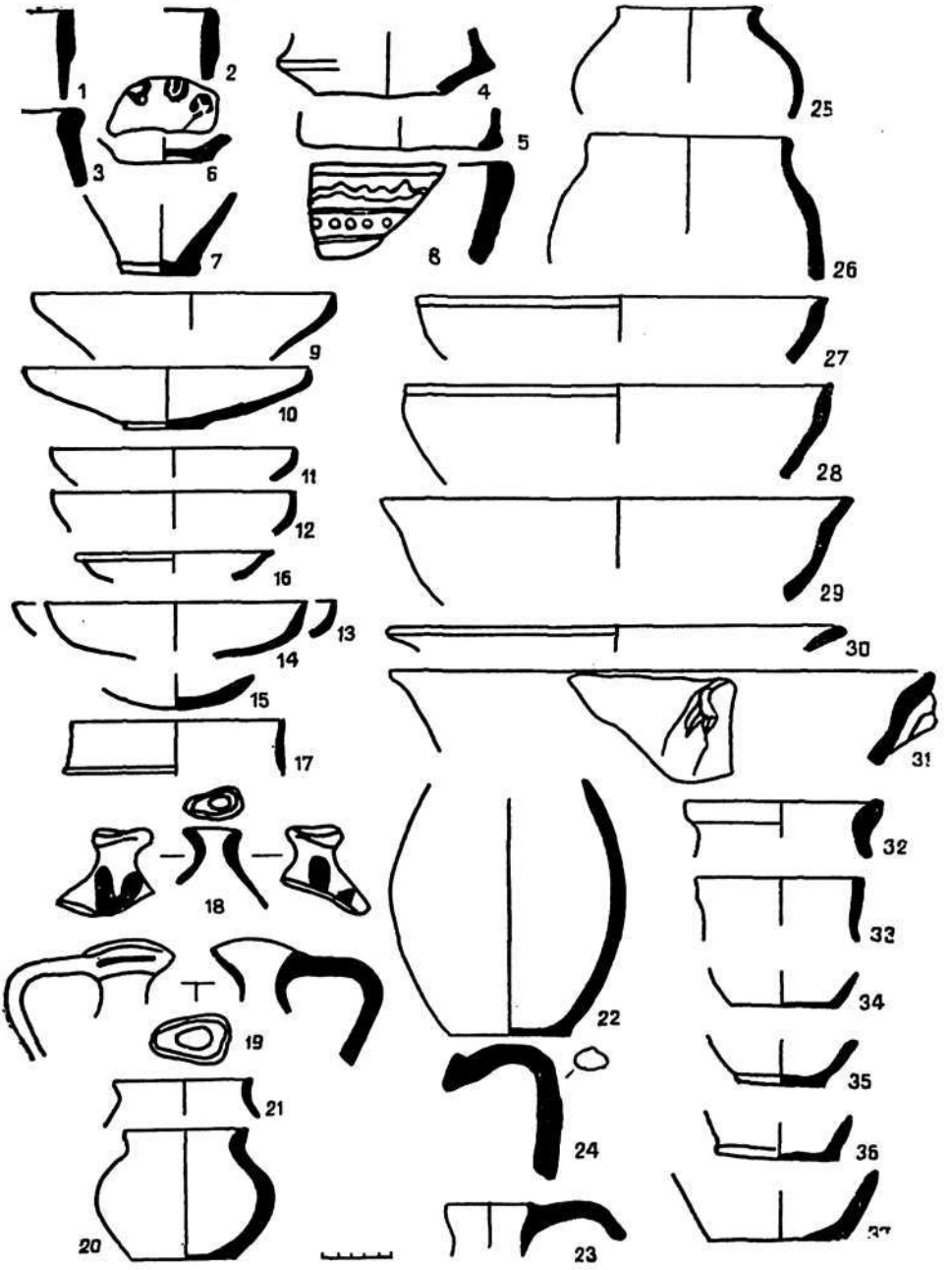


Рис 5. Керамика.

Помещение 5 — зал, на первом этапе функционирования (третий пол) вход в него шириной 1,80 м находился в середине южной стены. У трех стен размещалась П-образная суфа, сооруженная из сырцового кирпича (48—50×6×8 см). Стены и суфа оштукатурены глино-саманной штукатуркой 2—3 см толщины. На уровне второго пола проход в южной части был забутован сырцовыми кирпичами (30×30×4—5 см) и перенесен на северную сторону. Ширина прохода 2,30 м.

Сводчатые помещения 4 и 6 расположены параллельно друг другу.

Между помещениями 4 и 5 расположено помещение 6, в котором зафиксировано 5 уровней полов. В западной стене две ниши. Первая — полуовальной формы. Сохранившаяся штукатурка и кирпичи, использованные при ее кладке, имеют красноватый цвет. Она выполняла роль камина для отопления помещения. Южнее, на высоте 0,50 м от пола находится вторая ниша (высотой 0,30 м) аналогичной формы. Видимо, она служила для размещения светильников.

Помещение 10 перпендикулярно помещениям 4 и 6. В нем имеется три уровня полов. На первом этапе функционирования (третий пол) вдоль южной и западной стен располагалась суфа. Проход находится в южном углу. Второй проход, перпендикулярный первому, связывал помещения 10 и 2. Со стороны помещения 6 имелся третий проход, в западной стене на уровне с пятой свода имеются шесть ниш высотой 12—13 см и глубиной 13—14 см. На северной стене ниже них имеется еще одна ниша. В остальных частях помещения вследствие плохой сохранности стен такие ниши зафиксированы не были. В слое заполнения, образовавшемся при вторичном использовании помещения, обнаружены куски кирпичей и мелкие вкрапления алебастра. Причем на поверхности пола вместе с фрагментами керамики находили обуглившиеся куски балок (диаметр — до 8 см). Исходя из этих данных, можно предположить, что над помещением находилась кладовая, разрушенная во время пожара. Конструктивно она выглядела следующим образом: перпендикулярно ширине помещения были вставлены основные опорные балки, поверх которых вставлялся ряд параллельных балок, диаметром не менее 8 см. Судя по мелким обуглившимся кускам, встреченным в слое заполнения, свободное пространство между ними было заполнено более мелкими кусками обуглившихся балок и глиной. Затем шла выстилка рядами сырцовых кирпичей, поверхность которой обмазывалась алебастром. Однако неясно, какую площадь занимала эта кладовая. Можно лишь предположить, что она имела высоту не менее 1 м и служила для хранения зерна и других продуктов. Доступ к ней осуществлялся с помощью деревянной лестницы с поверхности суфы. Значительное число кладовых или зернохранилищ в составе жи-

лищ, правда, несколько иной конструкции, известны на городище Пенджикент[2].

Остатки второго этажа фиксируются непосредственно над сводчатыми помещениями 4, 6 и 9. Они, несомненно, имелись и над помещениями 2 и 10. Наличие второго этажа, возможно, основной кухни над помещением 11, устанавливается на основе керамических форм, найденных в слоях разрушений от перекрытий над первым полом. Основной вход к постройкам верхнего этажа в виде лестничного подъема находился вдоль южных стен помещения 13. Все ступени его сооружены из сырца форматом 52×20—25×9—10 см. На западной стене помещения 2 был вскрыт проход шириной 1,40 м, границы которого зафиксированы на одной линии с границей платформы. Порог его был расположен несколько ниже, чем третий пол помещения 2, и образовывал небольшую ровную площадку. Южная сторона площадки пролегает за чертой прохода вдоль грани платформы. Поэтому не исключено, что существовал второй путь к помещениям второго этажа. Тем более, если кухня располагалась непосредственно над помещением 11, то оба эти помещения второго этажа могли быть даже изолированными от остальных. Указанный проход связывал также и с постройками, расположенными вдоль западной грани платформы, полностью уничтоженной земляными работами. Замок имел оградительную стену. Остатки пахсовой стены (длиной 3,00 и толщиной 1,60 м) раскопаны в его южном углу. Стена сооружена одновременно с возведением и основного ядра. Охватывая подсобно-хозяйственные и другие сооружения, она тянулась по линии ВЮ и далее.

Среди находок первого этапа замка Кучуктепа основную массу составляет керамика. Керамические изделия обнаружены на поверхности полов, в завалах конструкций (рис. 5, *20—21*) и в хозяйственных ямах (рис. 5, *25—27*). Функционально керамический комплекс Кучуктепа можно разделить на столовую, кухонную и хозяйственную посуду.

Чаши (12 фр.) с вертикальным венчиком (Дв до 21 см), наряду с красноангобированными имеются чаши с коричневым ангобом (рис. 5, *9—10*). Полусферические чаши, со слегка вогнутым внутрь венчиком (рис. 5, *11—12*). В комплексе представлены также круглодонные чаши с заостренным венчиком, высотой не менее 4 см (рис. 5, *13—15*) и чаши с отогнутым наружу венчиком (рис. 5, *16*).

Миски (5 фр.) усеченно-конические (тип 1) и полусферическая со слегка закругленным снаружи выемчатым венчиком (тип II, рис. 5, *27*). Среди мисок I типа по форме венчика выделяются две разновидности с заметно выделенным венчиком и со следами ру-

---

[2] Рахматуллаев И. Жилой квартал древнего городища Пенджикент// Советская археология. 1982. № 1. С. 143—153.

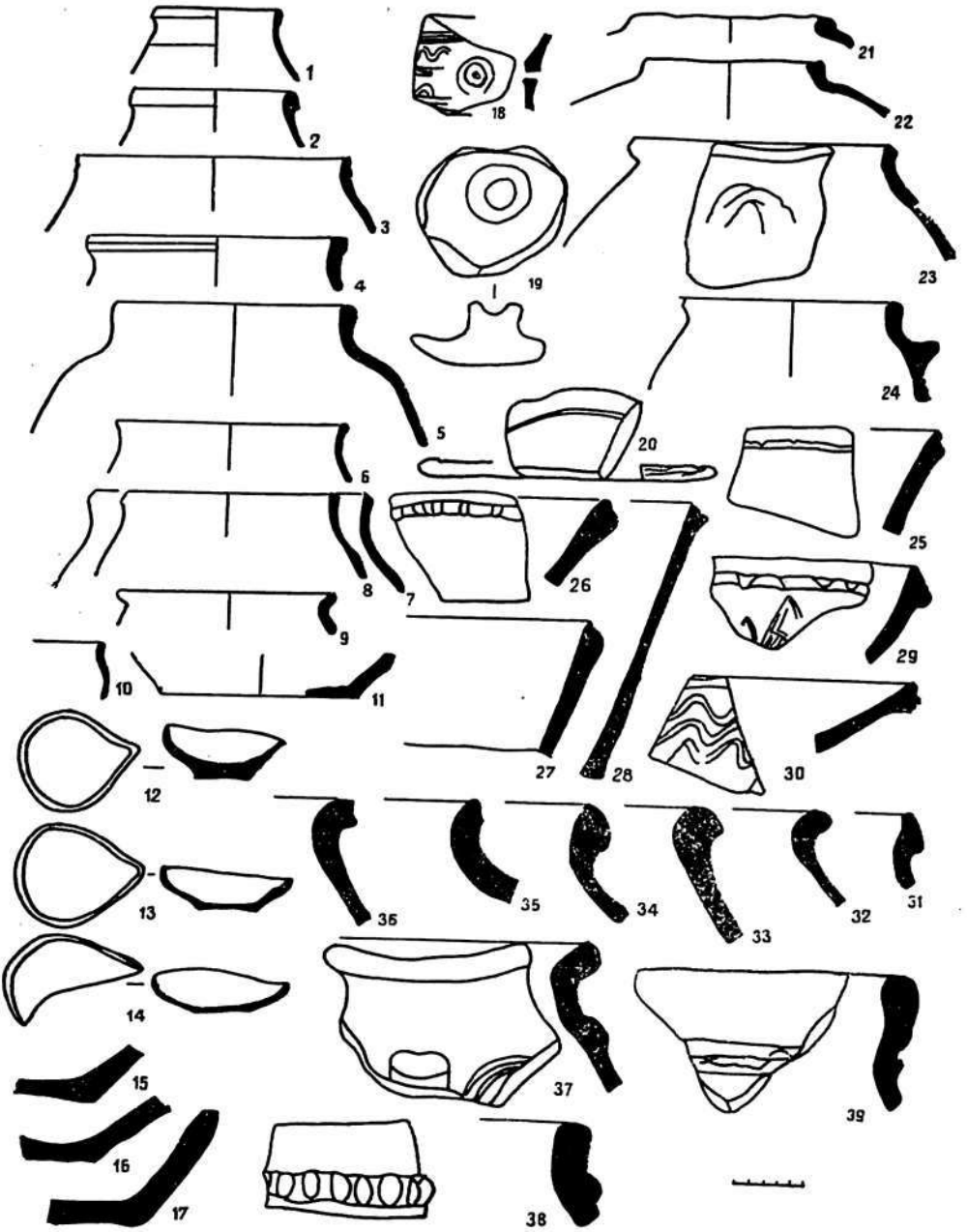


Рис. 6. Керамика.

чек (рис. 5, *29—31*) и миска со слабо выделенным венчиком (рис. 5, *27*).

Кувшины (20 фр.) со сливом, с одной наклонной ручкой или без нее (рис. 5, *18—19*). Среди кувшинов этого типа имеются образцы с сюжетной росписью. Вдоль горла сохранилась часть фигуры шествующего животного, нанесенного черной краской.

Судя по сохранившимся фрагментам, основная масса кувшинов грушевидной формы с одной наклонной ручкой (рис. 5, *22—24*) и с вертикальной горловиной (рис. 5, *32—33*). Поддон плоский или кольцевидный (рис. 5, *34—37*).

Кружки (2 фр.) с вертикальной горловиной (рис. 5, *17*).

Столовые горшки с округлым корпусом и плоским дном, слабовыделенным, отогнутым наружу (рис. 5, *20—21*) венчиком.

Кухонная посуда состоит из станковых и лепных форм. Кухонные станковые горшки со слабовыделенной вертикальной горловиной (рис. 6, *1—4*), среди них имеются также лепные с округлым корпусом (рис. 6, *9—10*). В кухонной лепной посуде преобладают котлы (рис. 6, *5—8, 21—24*). Они шарообразные и округлые, с ручкой в виде выступа (рис. 6, *24*) и переплетенного налепа (рис. 6, 23). Крышки от котлов плоские (рис. 6, *20*) и с приподнятым краем, двугорбой ручкой (рис. 6, *19*).

Хозяйственная посуда состоит из чирагов-светильников, тагора и крупной тарной посуды — хумов.

Чираги с одной полусферической стороной (3 экз.), покрытые белым ангобом (рис. 6, *12—14*).

Тагора (9 фр.). Однотипные, усеченно-конической формы. Различаются между собой по наклонности корпуса. Заостренный венчик с выступом и рядами выемок. Имеется несколько видов орнаментации: ряды налепов с пальцевыми вдавлениями, налеп в сочетании с прочерченной параллельной волнистой линией и в виде уголков (рис. 6, *25—30*).

Хумы (20 фр.) со слабо выделенной горловиной. Венчики округленно-утолщенные (рис. 6, *35*), вертикальные (рис. 6, *31*), с неглубокой выемкой (рис. 6, *36*) или под венчиком расположен сильно выступающий налеп, орнаментированный путем пальцевых вдавлений (рис. 6, *38—39*).

Переходя к вопросам датировки времени возведения и функционирования первого этапа замка Кучуктепа, следует отметить, что в последнее время было выявлено несколько объектов, разработаны вопросы их относительной и абсолютной хронологии[3].

Сравнительный анализ архитектурно-планировочной структуры, а также материальной культуры комплекса Кучуктепа позволяет говорить более конкретно о времени возведения и функционирования его на первом этапе. Так, в частности, в керамическом комплексе для сравнительного анализа особенно важны следую-

[3] Аннаев Т. Дж. Раннесредневековые поселения северного Тохаристана. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1984.

щие основные керамические типы: среди кухонной посуды — чаши с вертикальной стенкой, полусферические, круглодонные миски усеченно-конических форм, кувшины со сливом; среди лепной кухонной — шарообразные котлы; из хозяйственной — светильники-чираги.

В керамическом комплексе Кучуктепа имеются изделия, изготовленные в кушанских традициях: чаши с вертикальной стенкой, кувшины со сливом типа эйнохое и миски усеченно-конических форм с ручкой и без нее. Аналоги этим изделиям имеются среди находок I—II этапа из замка на цитадели Зартепа. На основе нумизматических данных, а также исходя из новой стратиграфии верхнего строительного горизонта городища Зартепа[4], возведение и функционирование первых двух этапов датированы серединой и концом V в., а весь комплекс — второй половиной V — первой половиной VI в.[5]

Керамический комплекс из замка Кучуктепа находит ближайшую аналогию в комплексе Куёвкурган.

В керамике Кучуктепа имеются шарообразные котлы с нанесенным на поверхность ангобом в «пачкающей» манере. Котлы аналогичной формы встречаются также в материалах Куёвкургана[6]. Схожие типы котлов имеются в 3—4 слоях Чаллятепа, датированным более поздним временем[7], нежели керамический комплекс верхнего слоя Аккурган. Ш. Р. Пидаев относит их к первой половине IV в. н. э.[8]

На Куёвкургане круглодонные чаши отсутствуют, но имеются на Айсарытепа[9]. Кухонные горшки с округлым корпусом и плоским дном с Кучуктепа и Куёвкургана идентичны[10].

Кружки с вертикальной горловиной из Кучуктепа фиксируются среди керамического материала первого этапа замка на цитадели Зартепа[11].

Чираги полусферической формы со смятым сливом имеются в материалах IV этапа замка на цитадели Зартепа.

Таким образом, некоторые керамические формы из комплекса Кучуктепа имеют аналогии с керамическим материалом замка

---

[4] Завьялов В. А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепа в 1975—1976 гг.//Советская археология. 1979. № 3. С. 141—153; Массон В. М. Кушанская эпоха в древней истории народов Узбекистана (вопросы периодизации и хронологии)//Общественные науки в Узбекистане. 1981. С. 30—38.

[5] Аннаев Т. Дж. Раннесредневековые поселения северного Тохаристана.

[6] Аннаев Т. Дж. Раскопки раннесредневековой усадьбы Куёвкурган в северном Тохаристане//Советская археология. М., 1984. № 2. Рис. 4, 19.

[7] Некрасова Е. Г. Древняя керамика Шерабадского оазиса//Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976. С. 76—82.

[8] Пидаев Ш. Р. Поселение кушанского времени северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1978. С. 94.

[9] Пидаев Ш. Материалы к изучению древних памятников северной Бактрии//Древняя Бактрия. Л.: Наука, 1974. С. 32—42.

[10] Аннаев Т. Дж. Раскопки раннесредневековой усадьбы. Рис. 5, 15.

[11] Аннаев Т. Дж. Раннесредневековые поселения... С. 8.

на цитадели Зартепа и Куёвкурган, меньшее сходство обнаруживается с комплексом Айсарытепа (только круглодонные чаши). На Кучуктепа они единичны, а в Айсарытепа преобладают. Одновременно среди керамических изделий Кучуктепа содержатся некоторые формы, которые не фиксируются на цитадели Зартепа и в Куёвкургане (круглодонные чаши, расписные кувшины с сюжетной сценой и т. д.).

Кучуктепа, замок на цитадели Зартепа и Куёвкурган расположены в непосредственной близости друг от друга. По-видимому, различие в наборе керамических типов между ними следует объяснить не локальными особенностями, а их разновременностью.

Для комплекса Куёвкурган была предложена дата V в. н. э.[12] Раскопки на цитадели Зартепа позволили конкретизировать предложенную дату для Куёвкургана и он отнесен ко второй половине V — началу VI в.[13] На наш взгляд, для керамического комплекса верхнего горизонта Айсарытепа была предложена слишком ранняя дата. Верхний горизонт Айсарытепа был предварительно датирован III—V вв.[14] Новые данные позволили отнести верхний строительный горизонт Айсарытепа не позднее второй половины VI в. н. э.[15] Исходя из анализа комплекса находок, прежде всего из стратиграфии верхнего горизонта городища Зартепа и замка на его цитадели и Куёвкурган, возведение Кучуктепа относится к концу V в. Функционирование первого этапа было не очень длительным, т. е. до середины VI в. н. э. Этому факту не противоречит отсутствие мусорных слоев в ямах, прослоек на полу, свидетельствующих о длительности функционирования. В противовес этому для первого этапа имеются горелые слои, говорящие о пожаре.

С. В. ФОНАРЕВ

К ПЛАНИРОВКЕ АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА НА КАРАТЕПА

В 5 км к юго-востоку от г. Зиатдин Самаркандской области, на правом берегу канала Нарпай, расположено городище Каратепа. Площадью около 30 га, оно вытянуто в северо-восточном направлении и имеет форму неправильного треугольника, составной частью которого является шахристан (10 га). С юга к шахристану примыкает цитадель (площадь до 2,7 га) с возвышающимся в ее северном углу донжоном (56×74 м).

В 1983 г. на цитадели, в юго-западной части донжона, наряду со стратиграфическим разрезом[1] была вскрыта жилая застройка. Раскопки выявили пять строительных горизонтов общей мощностью до 8 м, не дошедших, однако, до материка.

---

[12] Аннаев Т. Дж. Раскопки раннесредневековой усадьбы... С. 197.
[13] Аннаев Т. Дж. Раннесредневековые поселения... С. 9.
[14] Пидаев Ш. Р. Материалы к изучению... С. 38—39.
[15] Аннаев Т. Дж. Раннесредневековые поселения... С. 9.
[1] Стратиграфический разрез заложен на Каратепа в 1979 г. Самаркандским областным отрядом Института археологии АН УзССР.

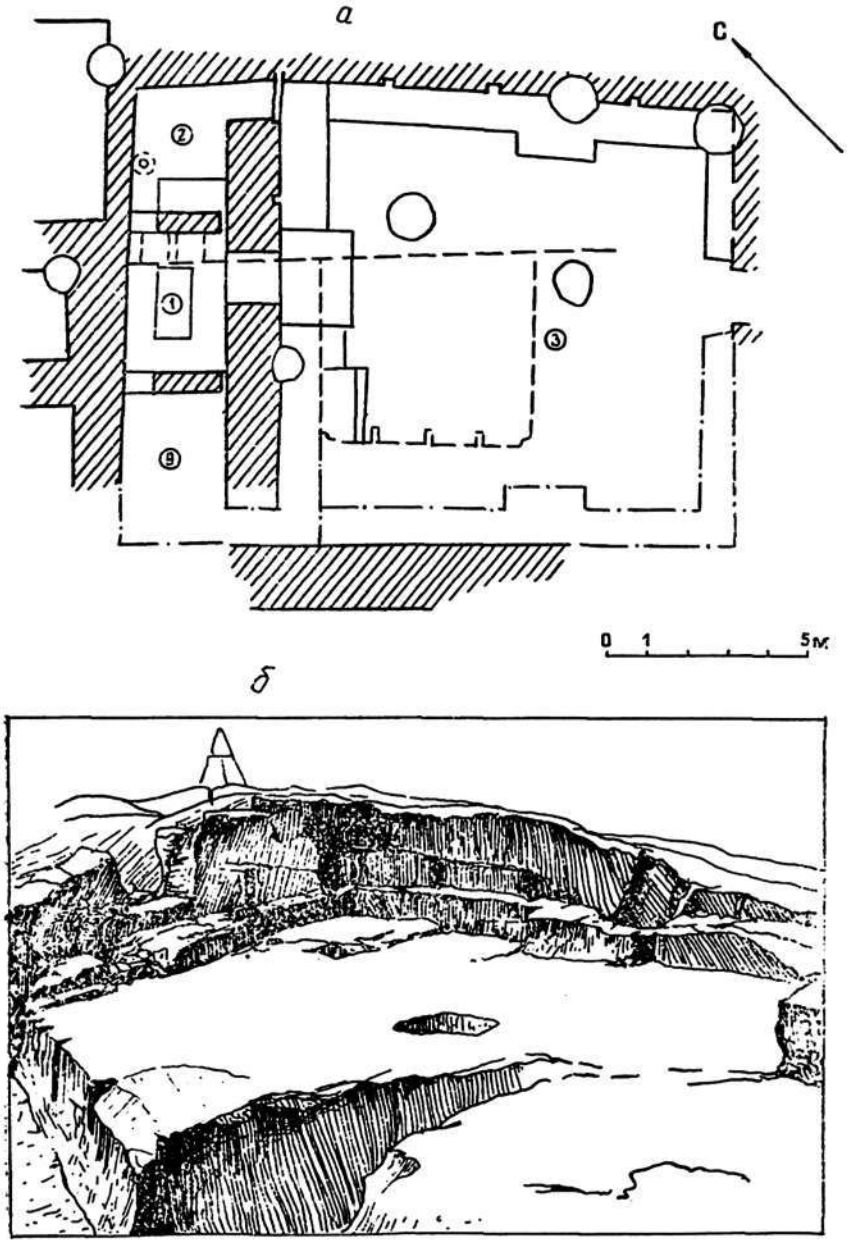


Рис. 1:

а — план парадно-жилого комплекса Каратела на Нарпае VII—VIII вв. н. э. Пунктиром обозначены оборонительные сооружения V—VI вв. н. э.: *б* — общий вид зала VII—VIII вв. с оконтуренной башней V—VI вв.

Планировка построек верхнего слоя (по всей видимости, жилого и хозяйственного назначения) выявлена лишь частично. Здесь обнаружено множество хозяйственных ям, откуда вместе с другим археологическим материалом извлечен жженый кирпич размерами: 21×21×3 см; 29×18,5×4 см; 29,5×14,5×3 см, 31,5×16×4,5 см. Таким же кирпичом был вымощен пол, фрагмент которого сохранился в одном из помещений. На некоторых кирпичах оттиснуты штампы, аналогичные ранее известным[2]. Археологически этот слой датируется X—XII вв.[3]

Нижележащая застройка, в которой вскрыто пока 7 помещений, обживалась в 2 этапа, и, в свою очередь, возведена на остатках оборонительных сооружений более раннего времени. Из вскрытых помещений наиболее интересна изолированная группа из 4-х комнат. Помещение 3[4] представляет собой почти квадратный в плане зал (11,8×11,4 м) с суфами по периметру (рис. 1). Входной проем (шириной около 1,4 м) в юго-восточной стене, являющийся, как оказалось, главным входом, расположен напротив суфы с «эстрадой». Справа от входа — другая «эстрада», меньшая по размерам, чем центральная: высотой она вровень с суфой (0,7 м) и смещена к восточному углу зала. Напротив нее, вероятно, была такая же суфа, не сохранившаяся ввиду смыва всей юго-западной части донжона. Только намного ниже уровня пола здесь удалось обнаружить остов внешней стены замка (толщина более 2 м). Сохранность других стен — 0,5—2 м от уровня нижнего пола. Стены сложены из сырца размерами 45×25×8 см на глиняном растворе вперевязку швов и поверх оштукатурены глино-саманной штукатуркой, на которой, возможно, были росписи. Поверхность стен сильно прокалена. В северо-восточной и северо-западной стенах имеются небольшие (24×30 см) прямоугольные нишки (заглубленные в суфы на 20—25 см) с оставшимися в них кусочками угля. Вероятно, здесь устанавливались деревянные балки, выполнявшие отчасти роль каркаса, который предохранял большие поверхности стен от деформаций при землетрясениях. Они же являлись частью конструкции перекрытия. В помещении зафиксированы следы рухнувшего во время пожара деревянного перекрытия, а у главного входа найдены остатки сгоревшего дверного полотна (кроме обугленных досок здесь обнаружены железные гвозди с широкой шляпкой и дверная

[2] См.: Пугаченкова Г. А. К датировке кирпичей с орнаментальным штампом из Мианкаля//УСА. Вып. 4. Л., 1979. С. 44—45; Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана//История развития и теория построения. Ташкент. 1961. С. 132—133. Рис. 52.

[3] Датировку археологического материала подробно см.: Отчет о проведенных археологических работах по зоне реконструкции канала Нарпай Пахтачинского р-на Сам. обл., от ПК—440 до ПК—500//Архив Института археологии АН УзССР. Самарканд, 1984; Манылов Ю. П. Археологические исследоввания городища Каратепа на Нарпае//ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 45—56.

[4] Нумерация давалась в порядке вскрытия помещений.

ручка в виде кольца, крепившегося к двери скобой). Слева от центральной «эстрады», за ступенькой для подъема на суфу, сохранился останец нижележащих сооружений.

За главной «эстрадой», возвышающейся над суфой на 20 см, расположен проход с порогом (ширина прохода 1,2 м), ведущий в комнату 1 с низкими суфами-лежанками по периметру. В северо-восточной стене помещения 1 расчищен заложенный проход в комнату 2, из которой, в свою очередь, можно было выйти на суфу в северном углу зала. В этом углу сохранились следы от дверного косяка с деревянным порогом. Ширина прохода 0,9 м. В комнате 2, у стены, смежной с помещением 1, имеется суфа (ширина — 1 м, высота — 0,2 м), рядом с которой в полу находится сливная яма. В западном углу зала, возможно, как и в северном, мог быть проход в другое угловое помещение (пом. 9). Это помещение сохранилось частично, оно, как и пом. 2, соединялось проходом с пом. 1, который впоследствии также был заложен кирпичом. В этих трех комнатах два уровня пола, причем верхний пол находится на уровне суф зала и отстоит от нижнего на 20—25 см. В зале также два пола. Нижний пол датируется монетами VII в., верхний — VII — началом VIII в. На полах этой группы помещений, помимо монеты были обнаружены многочисленные украшения (бусы, кольца, браслеты и т. п.), фигурки животных, посуда и предметы из инвентаря ремесленников (ножницы, ножи, молоток и т. п.).

Залы, аналогичные нашему, известны в парадно-жилых комплексах Пенджикента[5], Афрасиаба[6], Гардани-Хисара[7], Калаи-Кафирнигана[8] и т. д. Можно отметить, что по размерам зал на Каратепа крупнее вышеперечисленных и является проходным, тогда как другие залы имеют только один центральный вход. Первоначально зал был спланирован без боковой «эстрады» и, вероятно, прохода за центральной «эстрадой» не было. Попасть в анфиладу из трех помещений можно было через проход в северном углу зала и, возможно, в западном. Комната 2 со сливной ямой, вероятно, служила для омовений, а две другие, наверное, для отдыха. Но, возможно, они имели и какое-то культовое назначение. Судя по следам пожара в завале, эти помещения перекрывались плоским деревянным перекрытием. Залы, подобные нашему, тоже были плоскоперекрытыми, прогоны их опирались одним концом на колонны, а другой конец заделывался в стены. В центре устраивалось ступенчатое покрытие — «чор-хона» со

---

[5] Воронина В. Л. Архитектурные памятники древнего Пенджикента// МИА. Вып. 37. М.—Л., 1953. С. 107, 114—115; Исаков А. Раскопки дворца правителей древнего Пенджикента//АРТ. Вып. XI. 1975. С. 226—227.

[6] Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. С. 11—12.

[7] Якубов Ю. Раскопки Гардани-Хисора//УСА. Вып. IV.Л., 1979. С. 47.

[8] Литвинский Б. А. Калаи Кафирниган//АРТ. Вып. XIV. 1979. С. 160—162.

световым колодцем[9]. Возможно, в зале существовало нечто подобное, но т. к. материальных следов от опор не было обнаружено, то можно предположить наличие здесь покрытия, поддерживающегося при помощи откосин (шатровое). Однако, принимая во внимание размеры зала, последнее маловероятно. После первого пожара в зале пристраивается боковая «эстрада» и, возможно, прорубается проход в комнату I, а проходы, объединяющие все три комнаты в анфиладу, закладываются. После второго пожара комплекс уже не восстанавливается.

Под полами этой группы помещений оконтурилась башня со стеной, и, предположительно, боковая плоскость второй башни. Первая прозондирована на 4,3 м, длина ее по фасу — 5,3 м, вынос — 5 м. По фасу расчищены 3 выходных отверстия бойниц (ширина — 16 см, с шагом между ними в 1,5 м). В куртине длиной 5 м бойницы расположены в шахматном порядке. Пока просматривается 4 бойницы. Одна из них сохранилась полностью, ее длина — 1,65 м, перекрытие — плоское. Возможно, она ложная. По всей видимости, в каждом ряду было по 2—3 бойницы. Толщина стены еще не определена, но бойницы прорезаны вглубь на 0,75 м. Внешние углы башни возведены с прямоугольными выемками, в которых могли размещаться угловые бойницы, известные по замку Фильмандар в Таджикистане[10]. Возможно, они лишь имитировали издали оборону с углов, как и в аналогичных башнях на городище Пайкент[11]. Можно отметить схожесть наших укреплений также с оборонительными стенами Пенджикента V в.[12] Сходство есть и в некоторой реконструкции межбашенного пространства, где в куртине закладываются бойницы и от угла башни возводится стена, с той же целью, вероятно, что и в Пенджикенте — для расширения внутренних объемов[13]. Все это вместе взятое позволило установить приблизительное время существования сооружений из нижних слоев памятника — V—VI вв. н. э.

Глядя на совмещенный план оборонительных сооружений V—VI вв. и постройки VII—VIII вв., можно заметить, что общим для них в планировочном отношении является лишь направление стен.

В заключение можно сказать, что малая площадь раскопок не позволяет пока с полной уверенностью судить об архитектуре каждого из периодов жизни памятника. Планировка же и парадный

---

[9] Воронина В. Л. Архитектурные памятники древнего Пенджикента// МИА. Вып. 37. М.—Л., 1953. С. 114.

[10] Исаков А. И. Разведки и раскопки Косаторошского отряда в 1974 г.// АРТ. Вып. XIV. 1979. С. 300—306.

[11] Мухамеджанов А. Р., Семенов Г. Л. Исследование городских стен Пайкента (результаты работ 1982 г. на шахристане 2)//ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 135, 145—146. Рис. 2.

[12] Семенов Г. Л. Городские стены Пенджикента и история Согда V—VIII вв.//СА. 1983. № 3. С. 53.

[13] Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г.//АРТ. Вып. XIV. 1979. С. 258, 263—265.

характер комплекса VII—VIII вв., а также имеющиеся аналогии предполагают рассматривать его как центральное ядро жилой части раннесредневекового согдийского замка.

Л. В. ПАВЧИНСКАЯ, О. М. РОСТОВЦЕВ

ОССУАРИИ ИЗ САРЫТЕПЕ

В 1979 г. на городище Сарытепе[1], расположенном на левом берегу Зарафшана, в колхозе им. Памяти Ленина Большевистского района Самаркандской области[2], было найдено два оссуария[3]. Сарытепе представляет собой укрепленную усадьбу с расположенным рядом поселением. На памятнике хорошо прослеживаются сильно оплывшие остатки оборонительных стен, возвышающихся на 5—8 м, которые в плане образуют квадрат 35×35 м. Северная стена выходит к крутому обрыву Зарафшана, а восточная, южная и западная — отдалены от окружающей территории рвом, через который в южной части имеется переход в замок. С этой же стороны к тепе примыкает поселение в виде небольших всхолмлений площадью до 5 га. Подъемный материал, собранный на поселении и усадьбе, относится в основном к раннесредневековому времени (V—VIII вв.) и отдельные находки (фрагменты двух гончарных кубков с коричневым ангобом и др.) — к I в. до н. э. Оссуарии были найдены у подножия северного фасада пахсово-блочной крепостной стены, обнажившегося в результате оползня, оплыва стены, подмываемой водой Зарафшана[4]. Оба оссуария сверху были прикрыты двумя жженными плитами (46×32?×3,5 см) и в каждом из них находились человеческие кости с черепом. В обоих оссуариях вместе с землей были захоронены кости мужчин; в первом (рис. 1) — в возрасте около 40 лет, во втором (рис. 2) — в возрасте около 30 лет[5]. В первом оссуарии под нижней челюстью черепа была обнаружена медная с квадратным отверстием посередине монета согдийского правителя Вархумана.

---

[1] Существует еще несколько его названий: Лайлактепе, Яйлактепе или Багрытепе.

[2] Сарытепе расположено в 20 км к СЗ от Пастдаргомского райцентра пос. Джума и в 36 км от Бийнаймана, где были найдены известные всем «Бийнайманские оссуарии».

[3] О находке оссуариев с костями сообщил пастух колхоза им. Памяти Ленина Дарвишев Хусан в пастдаргомский райвоенкомат, который в свою очередь известил об этом Институт археологии АН УзССР. Ныне оссуарии хранятся в Краеведческом музее города Самарканда (музейный шифр СОКМ, КП—100).

[4] Определение было сделано антропологом Института археологии АН УзССР, доктором исторических наук Т. К. Ходжайовым.

[5] Оссуарий на всех стенках имеет сквозные отверстия в два ряда. На длинных стенках в верхнем ряду по шесть отверстий, в нижнем — 4 отверстия с одной стороны, 9 — с другой. На боковых стенках сверху имеется 4 отверстия, снизу — 3—4. Диаметр — 0,5—0,8 см.

Один из оссуариев (рис. 1) прямоугольный 53×29×29,5 см, крышка утрачена. Сохранность удовлетворительная[6], сделан из хорошо обожженной глины, обжиг равномерный, черепок ярко-розовый, без примесей, слоистый. Ангоба нет. Толщина стенок — 1 см. Дно и четыре стенки лепились отдельно, потом соединялись при помощи глиняных валиков, которые снаружи хорошо заглаживались. Для крышки внутри оссуария в верхней части каждого

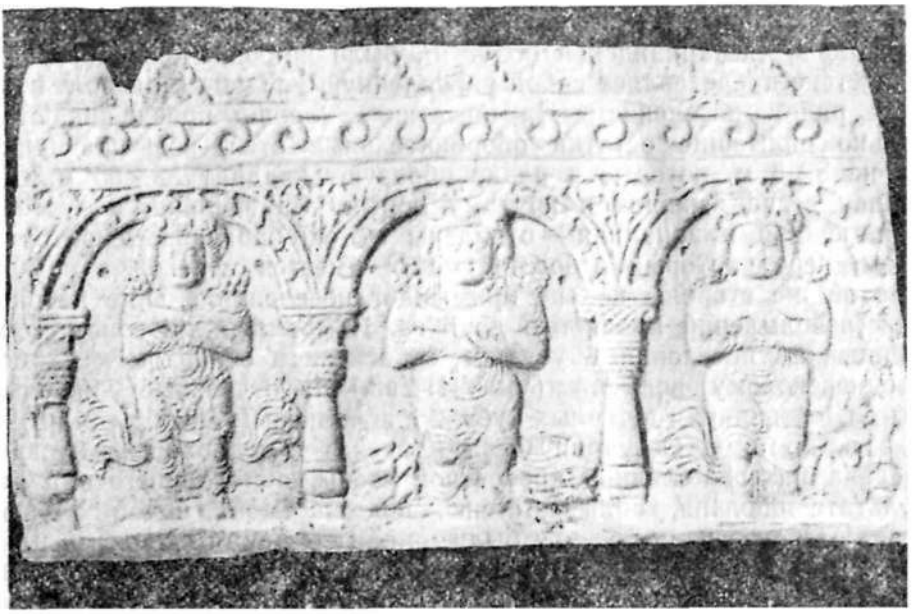


Рис. 1.

угла сделаны налепные треугольные выступы шириной 2,5 см, толщиной 0,5 см. Четыре стенки оссуария украшены рельефными изображениями, которые выполнены оттиском одностворчатой прямоугольной глиняной матрицы[7]. На узких боковых стенках оттиснута часть рисунка. Края стенок оссуария прямые.

Рельефная композиция на оссуарии представляет собой тройную аркаду, в которой изображены стоящие со скрещенными руками на груди однотипные фигуры. Лицо и фигура каждого персонажа даны фронтально. Лица, однотипные, широкие, с полузакрытыми глазами. Брови обозначены слабо. Нос почти прямой с широкой переносицей. Подбородок округлый, одутловатый.

[6] На дне и боковых стенках — трещины. Черепок стенок у устья слоистый, разрушенный местами до такой степени, что толщина стенок не превышает 0,1 см.

[7] Штамп местами нечеткий. Видимо, матрица многократно использовалась. На оттиске следы песка, видимо, им посыпали перед штамповкой матрицу, чтобы сырой оттиск не прилипал к ней.

Губы плотно сжаты, около рта резкие прямые складки. Фигуры выглядят тяжеловатыми, приземистыми, с массивными прямыми плечами и широкими округлыми бедрами. Соединенные ноги изображены до середины голени, что создает впечатление, на первый взгляд, искаженности пропорций тела. Фигуры показаны без явных признаков пола. Кисти скрещенных на груди рук центрального персонажа лежат на предплечьях, а у крайних фигур — слегка опущены. Пальцы длинные, тонкие, отчетливо моделированные, без атрибутов. Одежда почти однотипная: кофточка с фестончатыми краями и длинными широкими рукавами, а также многослойная длинная юбка с развевающимся подолом, плотно охватывающая бедра. У крайней фигуры слева нижний слой юбки изображен в виде гофрированных складок. На бедрах обозначены крупные овальные круги с каймой из перлов, представляющих, вероятно, орнаментацию одежды. Ткань, по всей видимости, легкая, тонкая и полупрозрачная и изображена как бы мокрой, плотно облегающей тело.

Головные уборы сложные. У центральной фигуры на голове изображены три крупных многолепестковых цветка. На затылке обозначен жгут, на висках — пряди волнистых волос, зачесанных за уши и опускающихся на плечи, образуя на концах круглые букли. У крайних фигур головные уборы трудно поддаются более или менее точному определению. Возможны два варианта.

Первый вариант, это уложенные жгутом в несколько прядей волосы. Причем, нижние пряди, закрывая уши, опускаются на плечи, образуя такие же букли, как и у центрального персонажа. Верхние пряди уложены в два ряда с обеих сторон, образуя подобие рогов.

Второй вариант, это головной убор, видимо, из тонкой ткани, сложенной в виде жгутов, которые образуют несколько переплетений. Нижние жгуты переплетают волосы, ниспадающие буклями на плечи.

На голове крайних фигур также имеются украшения. В центре, у лба — крупная розетка, состоящая из круга с перлами по краям (брошь?). По обе стороны ее симметрично расположены растения, переданные в стилизованной манере. У левой фигуры — вьющийся стебель с трехлопастным листом, у правой — волнообразный стебель с округлым листом или плодом на конце.

У крайних фигур серьги представляют собой комбинацию из двух шариков. У центральной фигуры они боченкообразной формы с тремя рядами подвесок, состоящих из мелких шариков. Каждый из трех персонажей имеет на шее круглую в сечении гривну: в центре шаровидное украшение с глазком в середине (глазок камня?), по краям узкие, прямоугольные пластинки. У фигуры слева — одна пара прямоугольных пластинок, у центральной фигуры и у фигуры справа — по две пары.

Фигуры помещены под тремя арками полуциркульного очертания. Архивольты арок украшены сердечками, в тимпанах рас-

тительный орнамент в виде симметрично расположенных веток с трехлопастными листьями и плодом в центре. Колонны имеют профилированную базу, шаровидное сплющенное основание при переходе к сужающемуся кверху стволу. Капитель в виде усеченного конуса украшена волнистыми линиями в 5 рядов. Над капителью — трапециевидная подбалка (импостная капитель) с волютами на верхних расширенных концах, украшенная шахматным орнаментом, и прямоугольная плита — подбалка (абака), на которую опираются пяты смежных арок. Над аркадой в верхней части оссуария изображен ряд пятиступенчатых зубцов с крестами внутри и ниже ряд волнообразных завитков.

Второй оссуарий (51×26×27,2 см) — также прямоугольной формы (рис. 2), отверстий в стенках нет. Сохранность хорошая. Сделан из хорошо обожженной глины, обжиг равномерный, черепок светло-розовый, лессовый, плотный (без примеси). Ангоб отсутствует. Толщина стенок — 1 см. Оссуарий лепной, по технике изготовления идентичен первому. Для крышки имеются полочки, но не угловые, как у первого оссуария, а по всему периметру стенок в виде налепного выступа шириной 1 см, толщиной 0,5 см.

Четыре стенки оссуария украшены рельефными изображениями, выполненными оттиском в одностворчатой прямоугольной глиняной матрице. Штамп нечеткий. На узких боковых гранях оттиснута часть рисунка. Края стенок увенчаны треугольными зубцами. Композиция также представляет тройную аркаду, в каждой из которых изображен однотипный стилизованный растительный мотив по принципу горизонтально-симметрично-зеркального противопоставления /геральдическая композиция/ с центральным знаком в виде плода на стебле с заостренной верхушкой. Поверхность плода зернистая. Растительный мотив в виде сложенных вдвое вьющихся стеблей. Один из них имеет на концах трех-четырехлопастные листья с продольными жилками. Другой стебель — с волнообразными концами в виде усиков. Симметрично расположенные стебли с листьями и усиками как бы перехвачены ободком в верхней и центральной частях. Арки, в которых изображены растительные мотивы, также полуциркульного очертания, опираются на тонкие, по общим пропорциям, колонны такого же типа, как и на первом оссуарии. Отличаются рядом деталей. Подбалка — импостная капитель, также трапецевидная, но с более вогнутыми гранями. Орнаментирована в виде четырех волнообразных линий в 4 ряда. Место соединения капители и ствола перехвачено ободком. База как бы утоплена в стену оссуария. Архивольты арок украшены перлами, в тимпанах — трилистник.

Композиции с фигурами со скрещенными руками на груди на оссуариях достаточно известны[8] и представляют, видимо, сце-

[8] Потапов А. А. Рельефы древней Согдианы//ВДИ. № 2 (3). М., 1938. Рис. 5; Горячева В., Бернадиев О. Раскопки на Краснореченском го-

ны служения (поклонения) божествам, священным предметам или царям, характерные для Ирана парфянского и сасанидского времени[9]. Сцена служения божеству, подобная сасанидским изображениям, в Согде известна пока только в росписях храма Пенджикента (VI в. н. э.)[10]. Изображения на оссуариях отличаются тем, что здесь отсутствует центральная фигура композиции — объект поклонения и даны только персонажи со скрещенными на груди руками. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что фигуры со скрещенными на груди руками широко известны в культовых статуэтках и образках VI—VII вв. н. э. в коропластике Согда. Создается впечатление, что поза почитания в сценах без объекта почитания приобретает какой-то другой смысл. Он заключается, видимо, в том, что поза почитания имеет отношение к ритуалу служения богам, который выражается жертвоприношениями и молитвами. Поэтому персонажи в позе почитания отражают, видимо, внешнее появление ритуала — поклонение данному объекту, который является главной фигурой композиции. Изображение фигур в позе почитания, где отсутствует главный персонаж композиции, характеризует, видимо, глубинную сущность этого ритуала (а не утраты композиции), заключенную в сакральной значимости жертвоприношения, молитвы как источника очистительной, жизненной силы. Поэтому, видимо, поза почитания в таком «изобразительном контексте» является чем-то вроде ритуального знака молитвы[11].

Таким образом, можно предположить, что на оссуарии из Сарытепе изображена сцена моления (вариант сцены служения божеству), связанная, вероятнее всего, в данном случае с погребальными культами. Поэтому трудно согласиться с мнением А. А. Потапова, считавшего, что все изображения фигур на оссуариях со скрещенными на груди руками относятся к сцене оплакивания[12]. Скорее наоборот, если считать эти позы молитвенными

родище//АО, 1978. М., 1979. С. 590; Ремпель Л. И. Некрополь древнего Тараза//КСИИМК. Вып. 69. М., 1957. Рис. 38, *1*; 39; Крашенинникова Н. И. Маршрутное обследование Китабского района//АО, 1976. М., 1977. С. 530 (фото или прорисовка не даны) и др.

[9] На каменных рельефах парфянского времени Танг-и-Сарвака, где изображен царь у жертвенника и его придворные со сложенными на груди руками (Ghirshman R. Iran. Parthes et Sasanides. Paris, 1962. Рис. 68); Сцена поклонения царю на каменных рельефах сасанидского времени в Бишапуре Ghirshman R. Bichāpour. Vol. 1. Paris, 1956—1971. Илл. 10); Многочисленные изображения поклонения царю, божествам, священным предметам в сасанидском металле (Орбели И. А., Тревер К. А. Сасанидский металл. М.—Л., 1955. № 13, № 16; Смирнов Я. И. Восточное серебро. Спб., 1909. XXXVII. № 66 и др.

[10] Azarpay G. Sogdian painting.— Berkeley. Los Angeles, 1981. Илл. 25.

[11] В этом плане интересным сравнением являются изображения коленопреклоненных терракотовых фигурок людей со сложенными на груди руками из Хотана (Восточный Туркестан I в. н. э.): Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности. Л., 1960. Табл. 22, № 803, № 802.

[12] Потапов А. А. Указ. соч. С. 130.

знаками служения божествам, то они могут фигурировать в разных сюжетах, в том числе в сцене оплакивания покойных[13]. Также вызывает сомнение высказывание Л. И. Ремпеля по поводу того, что персонажи на оссуариях со скрещенными на груди руками являются чем-то вроде духов охранителей — фравашей[14]. Учитывая то, что молитвы имели магическое значение очистительной силы и обладали охранительными свойствами, то и молитвенные позы в свою очередь могли иметь апотропеическое значение. Поэтому, видимо, на оссуариях с персонажами со скрещенными на груди руками охранительная сила прежде всего заключалась в позе, а не в том, что здесь были изображены духи защитники-охранители (фраваши), как считает Л. И. Ремпель, т. к. в позе моленья могли быть представлены самые разные персонажи, в том числе и фраваши[15].

Кто же был изображен на оссуарии из Сарытепе? Судя по характеру одежды — вероятно, женщины. Подобная одежда, сильно облегающая бедра, с развевающимся подолом характерна для женских персонажей в памятниках искусства сасанидского Ирана[16]. По манере изображения подобная одежда из легкой, очень тонкой, почти или совсем прозрачной ткани в мягко драпирующихся складках, сквозь которую просвечивает обнаженное тело, обнаруживает близкое сходство с изображениями танцовщиц-жриц в росписях и деревянной скульптуре Пенджикента[17], в

---

[13] Такое сочетание известно и на одном из оссуариев Афрасиаба. Фонд Гос. музея истории культуры и искусства УзССР. Самарканд (А—453—1).

[14] Ремпель Л. И. Указ. соч. С. 104.

[15] Имеющиеся сведения о фравашах в древнеиранских текстах противоречивы, иконический образ их не ясен. В одном случае они явно мужского пола — могучие воины, Herzfeld E. Zoroaster and His World. Princenton, 1947. T. 1. С. 469, и сл.), в другом — преимущественно женские крылатые существа, вроде валькурий (Boyce M. Zoroastrians. Their Religious Beliefs and Practices. London, 1979. P. 15). С образами авестийских фравашей в свое время К. А. Иностранцев связывал изображения безликих головок на оссуариях (Иностранцев К. А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках/ ЖМНП. Нов. сер. XV. Отд. 2, Спб., 1909. С. 110). Б. И. Маршак связывает с фравашами изображения женских персонажей со знаменами в руках на росписи из храма Пенджикента XVII—XVIII вв. н. э. (Живопись и скульптура Таджикистана. Каталог выставки. Л.: Искусство, 1984. № 29). Следует также отметить, что кроме фравашей в Авесте функцию защиты и заботы об умерших исполняли также Нманья — духи домашнего очага. Это божества, которые охраняют благополучие дома и его обитателей (Лившиц В. А. Общество Авесты/ История таджикского народа. Т. I. М., 1963. С. 140—141).

[16] Дама с венком и цветами. Мозаика. Бишапур (Ghirshman R. Bichâpour.., табл. VII, № 1); Изображение Анахиты. Каменные рельефы Накш-и-Рустем (Schmidt F. Persepolis, III, Chikago, 1970, табл. 90); изображение цариц и др. женских персонажей на сасанидском металле (Ghirshman R. Указ. соч. Рис. 6. табл. XXIX); изображение Анахиты на сасанидских монетах (Göbl R. Sasanian numismatics. Würzburg, 1971, табл. II № 3) и др.

[17] Беленицкий А. М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента/ Живопись и скульптура древнего Пенджикента. М., 1959. Табл. XL, XLI, XLIX.

росписях Восточного Туркестана[18], в сасанидском металле[19] и является отражением древней художественной традиции греко-индийского стиля.

Сарытепинские персонажи отличаются спокойствием как бы застывшей в неподвижности позы прямо стоящих тяжеловатых фигур, что вряд ли можно считать танцем. По всей видимости, они могли изображать одну группу служительниц культа (жриц-танцовщиц)[20].

Большой интерес представляют головной убор и прическа. Элементы прически — букли на концах прядей, лежащие как бы «шарами» по плечам,— явно сасанидские, известные у мужских персонажей[21], но встречаются, видимо, и у женских[22]. Однако верхняя часть прически (головного убора) отличается тем, что у двух крайних фигур на оссуарии имеется сооружение из двух жгутообразных рядов, образующих нечто вроде рогов (бараньих?). Возможно, это прическа из длинных волос, отдельные пряди которых уложены жгутом и переплетены. Можно также предположить, что это головной убор в виде чалмы из очень тонкой ткани (длинного куска материи), скрученной жгутом, причем, видимо, концы ее переплетены вместе с волосами. Чалмообразные головные уборы с жгутообразным переплетением известны по изображениям женских фигур в согдийской коропластике кушанского времени[23]. Ношение чалмы у женщин было очень широко распространено еще в прошлом веке[24]. Одна из древних форм наматывания чалмы, как отмечала А. К. Писарчик, — когда ее скручивали в тугой жгут, который затем нередко укладывали в затейливые сооружения в виде одного или двух бараньих рогов[25]. Рогатые головные

---

[18] Bussagli M. Central Asian painting. Genewa, 1978. С. 49. (Изображение танцовщицы с шарфом в прозрачной юбке. Росписи Кизила. V в. н. э.).

[19] Смирнов А. Я. Восточное серебро. Спб., 1909. Табл. XIV. № 77; Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л.: Искусство, 1935. № 44—45 и др.

[20] Беленицкий А. М. Указ. соч. С. 82.

[21] Известны на каменных рельефах Бишапура, Накш-и-Рустема, Так-и-Бостана (Ghirshman R. Iran..., табл. 196, 209, 218, 233, 171) и др.

[22] На монетах Хормизда I (272—273 гг.) изображение Анахиты (Göbl R. Указ. соч. Табл. II. № 3).

[23] Заславская Ф. А. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени//ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959. С. 57; Мешкерис В. А. Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда// Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 15. (Мешкерис В. А. предполагает, что женская чалма была воспринята народами Средней Азии из арсенала греко-гандхарского мира). В раннесредневековый период женский чалмообразный головной убор известен в росписях Пенджикента, где изображено женское божество, связанное с культом луны (Belenizki A. M. Mittelasien Kunst der Sogden. Leipzig. 1980, табл. 59).

[24] Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии//Среднеазиатский этнографический сборник. Т. I. М., 1954. С. 304—305.

[25] Такой способ назывался «кучкорок» — рог «барана-производителя» (Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нураты. Старинные

уборы, как отмечал К. А. Иностранцев, традиционно восходили к древним рогатым головным уборам, которые носили женщины Тохаристана в эфталитское время (V—VI вв.)[26]. Интересно отметить, что у женщин кафиров Гиндукуша были распространены головные уборы двух типов. В первом случае — шапка с деревянными рогами, обмотанными тканью, во втором — венчик с рогами, которые сделаны из волос и перекручены нитью. Не являются ли жгутообразные сооружения на голове в виде рогов на сарытепинском оссуарии древней формой современного рогатого убора кафиров из ткани или волос? Видимо, рогатые головные уборы имели устойчивую традицию, связанную прежде всего с идеей плодородия и жизненной силы.

Обращает на себя внимание символизм изображения трех фигур сходного типажа[27]. Подобная символика объяснялась в свое время Г. А. Кошеленко продолжительностью обряда в течение трех дней. Эти церемонии, по его мнению, должны были помочь душе отвратить зло от умершего в особо опасные три дня[28]. Можно добавить к этому, что объяснение подобной символики может иметь

женские платья и головные уборы//Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 119—122. Рис. на стр. 121, № 2 и 4).

[26] Иностранцев К. А. Венец индо-скифского царя, тюрбан индейцев в античном искусстве и женский головной убор Кафиристана. Спб., 1909. С. 135—136; Ghirshman R. Bichâpour... T. 2. Рис. 6. Изображение царицы, сидящей на тахте с царем. Головной убор в виде скрученных жгутов в два рога барана. Между рогами — плод граната.

[27] Изображение трех фигур сходного типажа со сложенными на груди руками на оссуариях известны на Красноречепском городище Киргизской ССР (Горячева В., Бернадиев О. Указ. соч.). Подобные изображения зафиксированы также на раннесредневековой плитке, найденной в Киргизской ССР в районе Исфиджаба (Сенигова Т. Н. Вопросы идеологии культов Семиречья VI—VIII вв.//Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. Рис. 3). Автор полагает, что изображение на плитке связано с христиано-несторианским кругом изобразительных мотивов, т. к. на ней имеется сирийская надпись. Однако, как сообщила нам сотрудница отдела Востока Гос. Эрмитажа В. Н. Залесская, однотипные тройные изображения фигур со скрещенными руками не характерны для раннехристианского искусства. Три фигуры под аркадами очень распространены в раннехристианском искусстве, но они совершенно разнотипные, с атрибутами в руках. Изображение трех однотипных фигур со скрещенными на груди руками известно в иранском искусстве в ахеменидское время в Персеполе на вотивном предмете из известняка в виде цилиндра, на котором изображен трон, поддерживаемый тремя женскими фигурами-кариатидами (Schmidt F. Persepolis, II, Chikago, 1957. табл. 26. № 4. С. 63). По всей видимости, подобные изображения относятся к кругу иранских изобразительных мотивов. К кругу мотивов трех однотипных фигур, но уже с другими иконографическими деталями можно также отнести изображение на оссуариях: парфянского времени Мунон-тепе (Кошеленко Г. А., Оразов О. О погребальном культе в Маргиане в парфянское время//ВДИ. 1965. № 4); раннесредневекового времени из Чанги, Чач (Богомолов Г. И., Буряков Ю. Ф. К семантике изображения на оссуарии из Чанги//ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1985); в росписях I в. н. э. из дворца Топраккала в Хорезме, где изображены три плакальщицы в помещении комплекса, которые, по предположению Ю. А. Рапопорта, связаны с заупокойным культом (Топраккала. Дворец//ТХАЭЭ. XIV. М., 1984. Рис. 73. С. 170).

[28] Кошеленко Г. А., Оразов О. Указ. соч. С. 51—54.

более широкий смысл. Тройное жертвоприношение, тройная молитва были характерны для древних иранцев[29]. В Ведической традиции также большое значение придается тройственности жертвоприношения (молитвы), что соотносится с тройственной структурой мира[30]. Как полагает В. Н. Топоров, в погребальных обрядах число «три» связано со смертью, и точность выполнения погребального ритуала (троичность) обеспечивает преодоление смерти, возрождение к новой жизни[31]. Древнеиранские представления о значении троичности ритуала сохранились, видимо, в погребальном обряде[32] и фольклоре[33] горных таджиков. Возможно, что апотропеическая роль троичности ритуала имела место и в древних погребальных обрядах, отраженных и на рассматриваемом оссуарии с тремя однотипными изображениями.

На другом оссуарии из Сарытепе под тремя арками изображен однотипный растительный мотив, построенный в геральдической композиции (рис. 2). Данный тип растительного орнамента достаточно известен на оссуариях Самаркандского Согда в VI—VIII вв. под названием «пальметта»[34]. Изображения подобного орнамента под арками находит прямые аналоги в резном дереве Тохаристана на Калаи-Кафирнигане VII—VIII вв.[35] и в

[29] Для древних иранцев три времени дня: восход солнца, прохождение через зенит и закат — имели особое место для молитвы (Воусе М. Указ. соч. С. 32).

[30] Как отмечает В. Н. Топоров, «само указание жертвенной и космологической триады для определенного класса ритуальных текстов является непременным элементом текста... и само название которых отражает основную тему всего погребального обряда — смерть (мир предков), — прошлое, жизнь (мир людей) — настоящее, бессмертие (жизнь богов) — будущее» (Топоров В. Н. К семантике троичности. Этимология. 1977. М.: Наука, 1979. С. 14 и сл.).

[31] Там же. С. 18—20.

[32] Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. 1. Сталинабад, 1953. С. 202—203; Рахимов М. Некоторые обычаи и обряды, связанные со скотоводством у таджиков Каратегина и Дарваза//Памяти Мих. Степ. Андреева. Сталинабад, 1960. С. 183—185 и др. В старое время в случае смерти кого-нибудь из близких, приставляли к могиле караульщика, который назывался «кабрбун» (охранитель могилы). Он должен был находиться три дня и три ночи при могиле и охранять ее от вторжения ангелов-допрашивателей. Ангелы могли мучить покойника только в продолжении трех суток после смерти. После этого он был в безопасности и караул снимался (Андреев М. С. Указ. соч. С. 202—203).

[33] В таджикских сказках — отцовское наставление: «Когда умру, три ночи приходи ко мне на могилу» (Андреев М. С., Пещерева Е. М. Ягнобские тексты. М.—Л., 1957. С. 94 и 145) и др.

[34] На крышках оссуариев из Миankаля (Кастальский Б. Н. Бия-Найманский оссуарий. Самарканд, 1908; Пугаченкова Г. А. Миankальские оссуарии. Памятники культуры Древнего Согда//Наука и человечество. Международный ежегодник. М., 1984. С. 83); на стенках оссуариев: из Афрасиаба VIII в. (Кабанов С. К. Изображение Шивы на оссуарии//СА. 1971. № 2. Рис. 2, № 7); из зоны Каттакурганского водохранилища Сам. обл. (Маршак Б. И. Амфора из нижнего слоя Пенджикента//ТИИ АН ТаджССР. Т. XXIX. Вып. II. Сталинабад. 1960. Рис. 3, № 4). Подобная разновидность пальметты была особенно широко распространена в Средней Азии и сопредельных странах в VII—IX вв.

[35] Litvinskij B. A. Kalai-Kafirnigan. Problems in the Religion and Art

резном штуке из мечети Афрасиаба (втор. пол. VIII в.)[36]. Есть ли реальные прототипы данного орнамента? В свое время В. Л. Воронина высказала предположение, что пальметта крышки Биянайманских оссуариев может быть упрощенной трактовкой виноградной лозы[37]. Через несколько лет после ее высказываний на городище Калаи-Кафирниган в одном зале, на деревянных панелях,

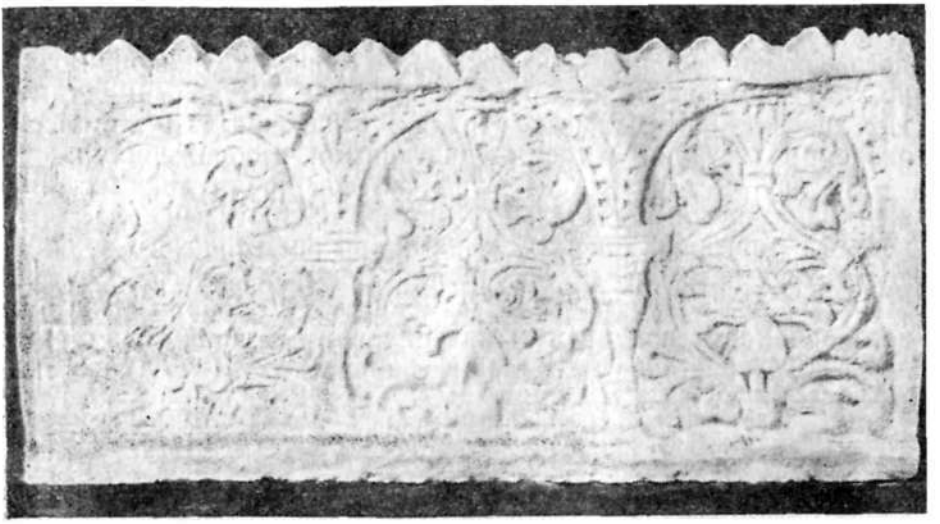


Рис. 2.

были обнаружены два типа изображений виноградной лозы: реалистическое и стилизованное, в виде пальметты.[38]. Довольно частые изображения виноградной лозы на оссуариях, видимо, не случайны, т. к. виноград, вино связаны в религиозных представлениях многих народов с кровью и Дионисийским культом, распространенным у древних народов Востока и имеющим прямое отношение к культу умирающей и воскресающей природы[39].

---

of Early Mediaeval Tokharistan—From East and West—Ls MEO, new Series, Vol. 31—NOS 1—4 (December 1981), рис. 14.

[36] Фонд археологии. Гос. музей истории культуры и искусства УзССР. Самарканд (А—439).

[37] Воронина В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента// Культура и живопись Древнего Пенджикента. М.: Наука, 1959. С. 130—131.

[38] Litvinskij B. A. Указ. соч. Рис. 13, 14.

[39] Образ Диониса сопоставлялся в свое время С. П. Толстовым со среднеазиатским Сиявушем—божеством умирающей и воскресающей природы (Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Наука, 1948. С. 205). Дополнением к этому могут послужить сведения о Сиявуше в письменных источниках, приведенные А. М. Беленицким. В легендах о Сиявуше в Средней Азии именем героя называли растения и в том числе сорт винограда (Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда)//Живопись древнего Пенджикента. М.: Наука, 1954. С. 79).

Связь виноградной лозы как растительного символа с понятием о возрождении жизни, в сути своей имеющей значение очистительной силы, может, видимо, свидетельствовать о функциональном значении изображения этого мотива как оберега. У современных зороастрийцев, например, огонь в помещении умирающего был огорожен виноградной лозой, чтобы «насу» и злые дэвы не касались его[40]. Не случайно, видимо, и то, что мотив виноградной лозы становится основой композиции на некоторых оссуариях (Сарытепе, Бия-Найман, Иштыхан и др.). Нельзя не отметить также, что оба рассматриваемых оссуария обнаруживают удивительные сходства между собой в композиции, выраженные в однотипности изображений под тремя арками. Не является ли виноградная лоза заменой антропоморфных изображений и эквивалентной им?

Архитектурный фон обоих оссуариев — изобразительный мотив, широко распространенный в памятниках искусства раннего средневековья. Арки и колонны очень близки изображениям на биянайманских[41], иштыханских[42] и др. оссуариях раннесредневекового Согда VI—VIII вв. Однако, судя по согдийской монете Вархумана (сер. VII в.), найденной в одном из костехранилищ, оссуарии можно датировать не ранее сер. VII в.

В заключение хочется отметить, что изображение виноградной лозы и однотипных фигур под арками обнаруживают близкое сходство с изображениями на некоторых парфянских керамических гробах I в. до н. э.[43], несмотря на большой разрыв во времени и отсутствие находок керамических гробов в Согде в I в. до н. э. — нач. I в. н. э.

Х. Г. АХУНБАБАЕВ

НОВЫЕ НАХОДКИ СОГДИЙСКИХ МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК 1982—1984 гг. В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

В полевых сезонах 1982—1984 гг. на центральном объекте городища Афрасиаб (Р—23) при раскопках дворцового комплекса, возведенного в середине VII в. н. э. на остатках более раннего, видимо, замкового сооружения и аристократического квартала, сложившегося, в свою очередь на руинах дворца, в период правления царей Тукаспадака (696—698 гг.) и Мастича (698—700 гг.), было найдено 40 согдийских монет (всего с начала наших иссле-

[40] Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране. М., 1982. С. 55.

[41] Кастальский Б. Н. Указ. соч.

[42] Пугаченкова Г. А. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда//Изв. ООН АН ТаджССР. Сталинабад, 1952. II; Она же. Иштыханский оссуарий// ОНУ. 1975. № 3.

[43] Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. М., 1985. С. 108; Furlani G. Sarcofagnhi Partici di Kakzu — «Iraq», т. 1, ч. 1, London, 1934. С. 90—94, табл. XII—XIII.

дований на Р—23 найдено 115 согдийских монет). Следует отметить находку 6 монет (№ 8—13) согдийского царя Урк Вартрамука на уровне пола помещений дворцового комплекса. Эта группа монет до настоящего времени не получила достаточно обоснованного определения. Исследователями предлагалось несколько вариантов чтения надписи на оборотной стороне этих монет[1]. Несмотря на многочисленные находки таких монет на Пенджикентском городище, предлагавшиеся датировки нельзя считать окончательными. О. И. Смирнова первоначально датировала их первой половиной VII в.[2] Позднее она же отнесла их к первой четверти VIII в.[3] В своей последней работе О. И. Смирнова предложила отнести данную группу монет, судя по их весу и размеру, к первой половине VII в.[4] Исследователи древнего Пенджикента считают, что такие монеты отливались не позже второй половины VII в.[5]

При раскопках поселения Каратепе на Нарпае, в одном из помещений на полу было найдено 8 монет Урк Вартрамука, из них 4 монеты находились в широкогорлом сосуде. Помещение погибло во время пожара, все свидетельствует в пользу того, что исследовавшееся здание подверглось преднамеренному разрушению[6]. Комплекс керамики, полученный из слоя пожара, датируется второй половиной VII в., однако здесь не встречается посуда, которая получила повсеместное распространение в Согде с конца VII в. Видимо, гибель здания и поселения в целом следует связывать с первым походом арабов к Самарканду, предпринятым хорасанским наместником Саидом, сыном Усмана (675—677 гг).

Если сопоставить свидетельства о походе Саида, сына Усмана, который после жестоких боев под Самаркандом вынужден был заключить перемирие и уйти, взяв с собой заложников[7], и данные источников о том, что после 675 г. в Самарканде какое-то время не было царя, то, на наш взгляд, без особой натяжки можно связывать запустение дворцового комплекса с указанными событиями. В таком случае монеты Урк Вартрамука следует дати-

---

[1] Смирнова О. И. Материалы к сводному каталогу согдийских монет// ЭВ. VI. М.—Л., 1952. С. 22; Она же. Моменты древнего Пенджикента//МИА. Вып. 66. М.—Л., 1958. С. 221; Она же. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963. С. 87; Она же. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981. С. 45; Лившиц В. А. Хорезмийский календарь и эры Древнего Хорезма// История, культура, языки народов Востока. М., 1970. С. 11.

[2] Смирнова О. И. Материалы к сводному каталогу согдийских монет. С. 22.

[3] Смирнова О. И. Монеты древнего Пенджикента. С. 221; Она же. Каталог монет с городища Пенджикент. С. 87.

[4] Смирнова О. И. Сводный каталог... С. 45.

[5] Беленицкий А. М., Распопова В. И. К вопросу об уточнении датировок согдийских монет// КСИА. № 167. М., 1981. С. 10.

[6] Манылов Ю. П. Археологические исследования городища Каратепе на Нарпае// ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987.

[7] Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970. С. 200.

ровать временем не позднее 675 г. Скорее всего правитель, выпускающий эти монеты, являлся преемником Вархумана.

Приводимое ниже описание монет продолжает публикацию монетных находок из раскопок в центральной части городища Афрасиаб.

Бронза.

Ранний период (V?—VI вв.).

Анэпиграфные монеты. Самарканд.

I. Л. ст.: Голова божества (?) в легком повороте влево. Черты продолговатого лица едва различимы: нос крупный, треугольный, зрачок левого глаза передан выпуклой точкой, подбородок заострен. В ушах серьги с крупной округлой подвеской. Ворот одежды передан двумя треугольными валиками. По краю монеты неширокий (2 мм) ободок.

Об. ст.: В поле У-образный знак Самарканда. Контур широкий, средняя часть округлая с небольшим центральным отверстием, нижний конец в виде полузавитка, повернут вправо. Ободок как на л. ст. Между ободком и изображением головы пробито отверстие (2,5 мм) — монета, видимо, использовалась в качестве подвески. Справа от изображения край монеты обломан. Потерта, попорчена коррозией. Края кружка слегка погнуты. Д. 20; в. 1,71; ↓; c_3; шифр: 84, Р—23,1/2. Найдена на первоначальном полу восточного марша пандуса, к северу от дворцового коридора 2. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 1—25, с. 88—92.

2. То же. Изображение на л. ст. полустерто. Об. ст. отчетливая. Ободок неширокий неровный. По краю кружка выступ металла. Д. 21; в. 2,1; ↓; c_2; шифр: 84,Р—23,1/2. Найдена там же.

Согдо-китайские монеты (VII в.).

3. Л. ст.: Четыре иероглифа по сторонам квадратного отверстия, заключенного в узкую рамку: Кай-юань тун-бао — «Расходная монета (периода) Кай-юань». По краю кружка неширокий гладкий ободок.

Об. ст.: Над квадратым отверстием китайский ключ тао «нож», стилизованный под У-образный знак. Под квадратным отверстием полукурсивная согдийская надпись из одного слова: βγγ — «Бог», «Владыка». Рамка и ободок как на л. ст. Слегка потерта. Кружок немного согнут. Д. 23; в. 3,0; ←; c_1; шифр: 84, Р—23,1/5. Найдена в промоине в северной стене коридора 5, в 2,0 м от СВ угла, на уровне первоначального пола. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 43—46, с. 101—102.

Цари (MLK') Согда.

Шишпир (вторая четверть VII в.).

4. Л. ст.: Знаки по сторонам квадратного отверстия, заключенного в узкую рамку, хорошо различимы. По внешнему краю монеты узкий ободок.

Об. ст.: Надпись отчетливая. Ободок и рамка как на л. ст. Рельеф высокий. Остатки литника. Состоит из двух фрагментов.

От верхнего левого угла квадратного отверстия имеется треугольной формы слом, захватывающий верхнюю часть У-образного знака. Д. 25; в. 2,08; ↑; c_2; шифр: 82,Р—23,5/7. Найдена в кладке из сырцового кирпича у северной стены помещения 7 дома 5. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 48—77, с. 103—108.

5. То же. Попорчена коррозией. В квадратном отверстии выступы металла. Узкий неровный ободок. Д. 23; в. 4,32; ↑; c_2; шифр: 84, Р—23,1/6. Найдена в отвале грунта из раскопок над первоначальным полом в южной части коридора 6.

6. То же. Попорчена коррозией, покрыта мелкими раковинами. Л. ст. полустерта. Надписи отчетливые. Дефект литья — матрица об. ст. имела трещину, пересекающую нижнюю строку надписи. Остатки литника. Ободок и рамка неровные. Д. 25; в. 3,38; ↑; c_3; шифр: 84, Р—23,1/6. Найдена в заполнении верхней части прохода в подземное помещение, в северной части коридора 6;

Вархуман (650/55 — не позже 675 гг.).

7. Сильно попорчена коррозией. Знаки на л. ст. и надписи на об. ст. едва различимы. Рамка узкая, ободок неширокий. Поверхность монеты покрыта мелкими трещинками и раковинками. По краю кружка имеются потери металла: Д. 24; в. 1,5; ↓; c_4; шифр: 84, Р—23,1/2. Найдена в средней части коридора 2, на втором полу на уровне 0,20 м над первоначальным полом. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 106—167, с. 115—125.

Урк·Вартрамука (после 650/55? — не позже 675 гг.).

8. Л. ст. сильно потерта, знаки нечетких контуров. Квадратная рамка и ободок узкие. Надписи на об. ст. хорошо различимы. Рамка и ободок как на л. ст. Попорчена коррозией, имеются сквозные потери металла. Д. 27; в. 2,32; ↓; c_3; шифр: 82, Р—23,1/8. Найдена в небольшом углублении в первоначальном полу, в средней части коридора 8. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 657—732, с. 217—227.

9. То же. С дефектами литья, знаки и надписи местами оплывших контуров хорошо различимы. В квадратном отверстии выступы металла. Остатки литника. Д. 27; в. 5,94; ↓; c_1; шифр: 84, Р—23,1/2. Найдена на первоначальном полу в северной части коридора 2.

10. То же. Нижний конец У-образного знака на л. ст. загнут петлеобразно. Знаки и надписи отчетливые. По краю кружка и в квадратном отверстии выступы металла. Следы литника. Окислена. Д. 27; в. 4,92; ↓; c_1; шифр: 84, Р—23,1/6. Найдена в южной части коридора 6, на первоначальном полу.

11. То же. Знаки и надписи отчетливые, рельеф высокий. Следы двух литников по противоположным сторонам кружка. Д. 27; в. 5, 39; ↓; c_1; шифр: 84, Р—23,1/6. Найдена в северной части коридора 6, на первоначальном полу.

12. То же. Обломок. У-образный знак и знаки надписи хоро-

шо различимы. В квадратном отверстии выступы металла. Окислен. В. 1,95; ↓; c_2; шифр: 84, Р—23,1/6. Найден там же.

13. То же. Обломок. Матрицы смещены. В. 1,03; ↓; c_2: шифр: 84. Р—23,1/4. Найден на втором полу, в средней части коридора 4, у грани суфы вдоль северной стены.

Тукаспадак (696—698 гг.).

14. Знаки на л. ст. хорошо различимы, верхняя часть У-образного знака попорчена коррозией. Буквы надписи отчетливые, местами попорчены коррозией. Рамка узкая, ободок неширокий. Остатки двух литников по противоположным сторонам кружка. Д. 23; в. 2,82; ↓; c_2; шифр: 82, Р—23,1/8. Найдена в северной части коридора 8, в заполнении над полом. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 191—214, с. 131—137.

15. То же. Из двух фрагментов. Л. ст. стерта, контуры знаков едва намечаются. Оплывшие надписи на об. ст. читаются с трудом. Рамка и ободок узкие. Следы двух литников по противоположным сторонам кружка. В квадратном отверстии выступы металла. Монета слегка погнута. Д. 23; в. 3,35; ↓; c_4; шифр: 83, Р—23,5/8. Найдена на полу в южной части помещения 8 дома 5.

16. То же. Л. ст.: Ромбовидный знак едва различим, У-образный знак четкий, изящного рисунка, левый верхний конец срезан нешироким неровным ободком. Средняя часть знака округлая, несомкнута. Завиток нижнего конца загибается внутрь под прямым углом, не касаясь неширокой квадратной рамки. Надписи на об. ст. отчетливые, рамка узкая, ободок как на л. ст. Дефект литья—два небольших сквозных отверстия. По краю кружка неровности, имеется выемка. Окислена. Д. 24; в. 2,57; ↓; c_2; шифр: 84, Р—23,1/2. Найдена в гумусной прослойке второго пола, на уровне 5 см над первоначальным полом, в северной части коридора 2.

Тархун (700—710 гг.).

17. Знаки и надписи хорошо различимы. Рамка нешироκая, ободок неровный по ширине. Потерта. Следы литника. Д. 23; в. 1,98; ←; c_2; шифр: 82, Р—23,1/8. Найдена на полу в средней части южного отсека коридора 8. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 215—358, с. 138—158.

18. То же. Сильно попорчена коррозией. Из двух фрагментов. Д. 23; в. 0,98; ←; c_4; шифр: 84, Р—23,1/2. Найдена в отвале грунта из раскопок в северной части коридора 2.

19. То же. Знаки на л. ст. стерты, едва различимы. Ободок широкий, неровный. Надписи на об. ст. отчетливые, рамка неровная, ободок нешироκий. Остатки двух литников на противоположных сторонах кружка. Окислена. Д. 24; в. 2,93; ←; c_2; шифр: 84, Р—23, 1/2. Найдена в северной части коридора 2, на втором полу на уровне 6 см над первоначальным полом.

20. То же. Знаки и надписи хорошо различимы. Матрицы слегка смещены. Остатки литника. Д. 23; в. 2,55; ←; c_2; шифр: 84, Р—23,1/2. Найдена в северой части коридора 2, на третьем полу, на уровне 0,20—0,25 м над первоначальным полом.

21. То же. Л. ст. гладкая. Надписи на об. ст. хорошо различимы. Ободок широкий, неровный. Попорчена коррозией, по краю кружка мелкие трещинки. Монета слегка погнута. Остатки двух литников на противоположных сторонах кружка. Окислена. Д. 24; в. 3,28; ←; c_3; шифр: 84, Р—23,1/2. Найдена там же, на третьем полу.

22. То же. Знаки на л. ст. едва различимы. Ободок широкий (3 мм), неровный. Надписи на об. ст. полустерты, хорошо различимы. Рамка и ободок как на л. ст. Попорчена коррозией, имеются сквозные потери металла. Кружок слегка погнут. Д. 23; в. 2,16; ←; c_3; шифр: 84, Р—23,1/5. Найдена в средней части коридора 5, на втором полу, на уровне 4 см над первоначальным полом.

23. То же. Знаки и надписи хорошо различимы. Рамка неровная В квадратном отверстии выступы металла. Местами слегка окислена. Д. 23; в. 2,89; ←; c_1; шифр: 84, Р—23,1/3. Найдена в слое золы на дне тандыра, расположенного у восточной суфы, в средней части зала 3.

Гурек (710—718 и 722—738 гг.).

24. Л. ст.: Знаки отчетливые. Рамка узкая, ободок неширокий. Об. ст.: Буквы верхней надписи чуть оплыли, вторая и третья ее буквы слились. Рамка и ободок как на л. ст. В квадратном отверстии незначительные выступы металла. Остатки литника. Д. 22; в. 3,38; ←; c_1; шифр: 82, Р—23,1/2. Найдена в золистом, гумусированном слое, перекрывающем уровень четвертого пола (0,35—0,40 м выше уровня первоначального пола) в коридоре 2, напротив прохода в зал 3. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 359—399, с. 158—165.

25. То же. Знаки на л. ст. оплыли, нечетких контуров. Надписи на об. ст. отчетливые, рельеф высокий. Матрицы чуть смещены. В квадратном отверстии выступы металла. Кружок слегка вогнут к л. ст. Остатки литника. Д. 23; в. 3,67; ←; c_1; шифр: 82, Р—23,1/2. Найдена там же.

26. То же. Остатки двух литников на противоположных сторонах кружка. По краю монеты незначительные выступы металла. Д. 23; в. 3,22; ←; c_1; шифр: 84, Р—23,1/2. Найдена там же, севернее прохода в зал 3, на третьем полу, на уровне 0,20—0,25 м над первоначальным полом.

27. То же. Знаки и надписи отчетливые. Окислена. Д. 22; в. 3,67; ←; c_1; шифр: 84, Р—23,1/4. Найдена в отвале грунта из раскопок в коридоре 4.

Тургар (738 — не ранее 750 гг.), тип 1.

28. Л. ст.: В поле по сторонам квадратного отверстия, заключенного в неширокую рамку, два знака, представляющих варианты знаков на монетах Гурека. Полустерта, знаки несколько оплывших контуров.

Об. ст.: Буквы надписи местами оплыли, хорошо различимы. Рамка узкая, ободок неширокий. Следы двух литников на про-

тивоположных сторонах кружка. Д. 21; в. 2,13; ↓; c_1; шифр: 84, Р—23,1/4. Найдена в средней части коридора 4, на полу. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 474—518, с. 191—197.

29. То же. Л. ст. стерта, знаки едва различимы. Буквы надписей оплывших контуров. Следы литника. Попорчена коррозией. Д. 22; в. 2,32; ↓; c_3; шифр: 83, Р—23,1/4. Найдена там же.

30. То же. В квадратном отверстии выступы металла, по краю монеты небольшая выемка (дефект литья). Остатки двух литников на противоположных сторонах кружка. Д. 20; в. 2,26; ↓; c_2; шифр: 83, Р—23,1/4. Найдена там же, в золистой прослойке у северной стены, перекрывающей пол с суфой-эстрадой.

Тургар (738 — не ранее 750 гг.), тип II.

31. Знаки и надписи отчетливые, рельеф высокий. Рамка и ободок узкие. Следы литника. Мелкие дефекты литья. Д. 18; в. 2,0; ↓; c_1; шифр: 82, Р—23,1/5. Найдена в восточной части коридора 5, в заполнении ямы у южной стены, в золистой прослойке на уровне 1,20 м от дневной поверхности. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 519—656, с. 198—217.

32. То же. Знаки едва различимы, стерты. Буквы надписей оплыли. Следы двух литников на противоположных сторонах кружка. Д. 16; в. 1,07; ↓; c_3; шифр: 82, Р—23,1/4. Найдена в слое с керамикой X в., перекрывающем остатки северной стены коридора 4, в западной части.

33. То же. Знаки и надписи отчетливые. Остатки литника. Мелкие дефекты литья. Окислена. Д. 19; в. 2,63; ↓; c_1; шифр: 84, Р—23,1/4. Найдена в отвале грунта из раскопок в средней части коридора 4.

Правители (MR'Yn) Панча.

Чакин Чур Бильга

34. Л. ст.: В поле вариант ромбовидного знака владетелей Панча. Корпус знака одновременно является рамкой центрального квадратного отверстия. Два нижних завитка плавно загибаются кверху. Правый боковой отросток загибается кверху под прямым углом. Правый конец горизонтального навершия загибается книзу под прямым углом. Левая часть знака попорчена коррозией. По внешнему краю кружка неширокий ободок.

Об. ст.: Концентрическая надпись полукурсивным письмом, в одну строку, окружающая квадратное отверстие в узкой рамке, состоит из четырех слов: γwβ rncγ M[RY]n βγlk' «γwβ, господин Панча Бильга». Ободок узкий. Попорчена коррозией, имеются сквозные потери металла. Мелкие дефекты литья. Следы двух литников по противоположным сторонам кружка. Окислена. Д. 20; в. 1,19; ↙; c_2; шифр: 84, Р—23,1/4/1/. Найдена в заполнении прохода в подземное помещение I в восточной части коридора 4, на уровне поверхности суфы. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 998—1355, с. 257—305.

Неизвестного места выпуска с бухарским знаком.

35. Л. ст.: В поле бухарский знак, корпус которого является рамкой, обрамляющей квадратное отверстие. Сверху и снизу корпуса подковообразные подставки, концами упирающиеся в нешироким ободок по краю кружка. Потерта, знак хорошо различим.

Об. ст.: Однострочная концентрическая надпись крупным полукурсивным согдийским письмом[8]. Буквы надписи местами оплыли, полустерты. Рамка узкая, ободок нешироким. Остатки литника, с противоположной стороны, по краю кружка слом, образовавшийся, видимо, при отделении литника. Д. 23; в. 2,30; ↕; c_2; шифр: 82, Р—23,1/6. Найдена в отвале грунта из раскопок в помещении 6 дома 1. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 1387—1391, с. 318—319.

Список монет неопределенных, плохой сохранности (целых и обломков).

36. 84,Р—23,1/2. Найдена в отвале грунта из раскопок в северной части коридора 2.

37. 84, Р—23,1/4. Найдена в центральной части коридора 4, на полу с суфой-эстрадой.

38. 84, Р—23,1/4. Найдена в западной части коридора 4, в золистой прослойке на уровне 16 см над первоначальным полом.

39. 84, Р—23,1/2. Найдена в заполнении коридора 2, в северо-восточном углу, над верхним полом.

40. 84, Р—23,1/2. Найдена в северной части коридора 2, на уровне верхнего пола (0,35 м над первоначальным полом).

Ю. П. МАНЫЛОВ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ НАВОИЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Тамдынский отряд Института археологии АН УзССР в 1984 г. проводил исследования по фиксации археологических памятников Тамдынского района Навоийской области. Наиболее значительные работы отряд осуществил на городище Тамдыкала, его могильниках и городище Аяккудуккала. Краткие сведения о крепости в пос. Тамды имеются у Н. Н. Вактурской, которая датировала его ранним средневековьем по подъемной керамике, собранной во время поездки в Центральные Кызылкумы в 1955 г.[1]

В 1984 г. на городище был заложен ряд шурфов, произведены обмеры и съемка плана.

Городище прямоугольной в плане формы размером 110×103 м расположено на восточной окраине пос. Тамды и заметно возвышается над прилегающей местностью. По гребню сильно оплывших стен, возвышающихся местами до 10 м, видны необработанные камни небольших размеров, применявшиеся при их возведении. Однако без расчисток кладка из камней по периметру стен

[8] Чтение надписи окончательно не установлено.

[1] Вактурская Н. Н. О поездке в южные Кызылкумы в 1955 г.//Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 1. 1959. С. 39—46.

не прослеживается. Въезд на городище, судя по рельефу местности, находится в северной части восточной стены (рис. 1, *1*). Северо-западный угол памятника значительно приподнят над остальной частью городища. В юго-восточном углу на высоте почти на 14 м возвышается прямоугольник с ровной площадкой наверху размером 16×16 м. Над южной частью городища он возвышается на 10 м, а над западной — на 7,5 м. Юго-восточный угол центрального сооружения высотой до 3 м обвалился и здесь видна комбинированная кладка из сырцового кирпича со сторонами 29,32—33 см, камней и рядов пахсы толщиной до 42 см.

Въезд в северо-западную часть осуществлялся при помощи пандуса на южной стене, имеющего наклон в восточную сторону. На

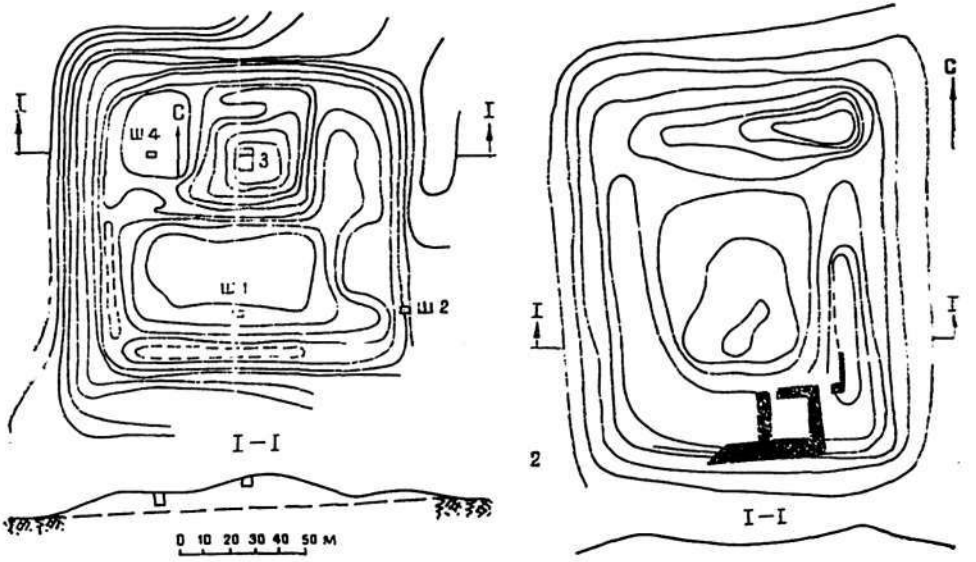


Рис. 1.

центральное сооружение въезд без раскопок не прослеживается.

Для выяснения конструкции стен на восточной стене городища заложен шурф 1 глубиной до 2,7 м. Выяснено, что стена построена на материке. Ее нижняя часть на высоту 0,72 м возведена из небольших камней без всякой обработки, уложенных очень тщательно. Над ней на высоту 1,2 м сделана кладка из сырцовых кирпичей (35×24×10—11 см) на глиняном растворе. На высоту до 0,8 м стена построена из небольших камней. Каменная кладка от плоскости нижней части стены отступает внутрь городища на 0,37—0,38 см. Толщина стены на уровне материка достигает 4,38 м, а на высоте 2,7 м — 3,48 м.

На западной и восточной стенах отмечены сырцовые кирпичи размерами 38—41×25—26×? см, ?×23×10 см, 36×?×9,5 см,

36×?×10 см, 35×?×10 см, на южной стене — ?×24×9—10 см.

К восточной стене городища, севернее шурфа, примыкает сооружение прямоугольной формы (27×20 м). Расчистки и раскопки позволили обнаружить лестницу, примыкающую к восточной стене. Прослежено 9 ступенек высотой 0,10—0,24 м и шириной 0,28—0,50 м. Ее общая длина — 3,55 м. Она сложена из сырцового кирпича размерами 32—34×?×7—8 см. При расчистке лестницы были найдены жженые кирпичи размерами 36×25×5 см.

В средней части южной половины городища заложен шурф 2 (2×2×1,5 м) для выяснения стратиграфии этой части памятника и получения датирующего материала. Над материком залегает слой плотно слежавшегося песка толщиной 0,63 м с солями, мелкими угольками. Керамика представлена мелкими фрагментами, не позволяющими отнести слой к определенной исторической эпохе. Верхний слой толщиной 0,87 м состоит из навеянного песка с мелкими камнями и немногочисленной керамикой. Шурф не помог разобраться в стратиграфии и хронологии этой части городища.

Шурф 3 был заложен в северо-западном углу центрального сооружения. Верхний слой вскрыт на площади 9×5,6 м на глубину до 0,72 м. Культурный слой очень рыхлый и состоит из золы, песка и кусков сырцового кирпича. Он примыкает в северной части к кладке из сырцового кирпича (48×23×10 см), сохранившейся на высоту 0,44 м. В этом слое найдены фрагменты пластинчатых ручек водоносных кувшинов, относящихся к IX—X вв., фрагменты поливной керамики XII—XVIII вв. XII в. могут быть датированы фрагменты чаш с зеленой поливой и гравировкой. XV в. — фрагменты кашинной чаши. Более поздним периодом датируются фрагменты чаш большого диаметра, покрытые бледно-голубой поливой плохого качества. В этом же слое найдены фрагменты жженых кирпичей размерами 24×25×?×5—6 см.

После снятия верхнего слоя площадь шурфа была уменьшена до 2×3,7 м, так как с запада и востока его ограничивали стены. В центральной части шурфа под кладкой из сырцовых кирпичей (35×24×9 см) прослежена стена высотой 1,4 м и шириной 1,6 м, сложенная из сырцовых кирпичей размерами 47×30×9 см на глиняном растворе. С востока к этой стене примыкает слой золы или пожара толщиной до 0,10—0,12 м. Над ним, на высоту 1,9 м лежит слой рыхлого песка с комками глины и обломками сырцовых кирпичей. Этот слой доходит до стены, ограничивающей шурф с востока. Стена в центре шурфа стоит на слое мелких камней с песком толщиной до 0,55 м. В западной части шурфа между стеной, ограничивающей шурф с запада, и стеной в середине шурфа прослежена кладка из сырцовых кирпичей размерами 48×28×10 см, которые чередуются с прослойками пахсы толщиной до 0,4 мм. Ниже слоя камней начинается плотно слежавшийся песок с комками глины и камнями. Этот слой прослежен до глубины 4,2 м от верха шурфа.

Керамика раннего средневековья из шурфа была получена с глубины 2,1 м, что соответствует полу с золой, примыкающему к стене в середине шурфа. Стены, ограничивающие шурф с запада и востока, более ранние (до их основания шурф не дошел) и относятся, судя по кирпичам размерами 28—31×?×9—10 см, к одному периоду со стеной в центре шурфа.

Шурф 4 (3×2 м) был заложен в 31 м западнее шурфа 2 для изучения стратиграфии этой части памятника. К каменной стене высотой 0,75 м, ограничивающей шурф с запада, примыкает слой мягкого песка с включениями мелких кусков сырцовых кирпичей и камней. В этом слое найдено несколько зернотерок с курантами. Керамика, в основном, гончарная и представлена стенками с потеками ангоба. После снятия этого слоя в центре была выявлена стена, идущая с севера на юг и делящая шурф на 2 половины. Толщина этой стены 0,7 м, построена из сырцового кирпича размерами 50×?×9 см, сохранилась на высоту 2,5 м.

К верхней части стены примыкает плотный глинистый слой темно-желтого цвета, сильно запесоченный, толщиной 0,4 м. Ниже, на толщину до 1,2 м проходит слой песка с редкими включениями комочков глины, под которым залегает комковатый слой с большим содержанием песка толщиной до 0,65 м. К нижней части стены примыкает слой толщиной 0,35 м, содержащий мелкие камни и комки глины. Его подстилает слой глины желтого цвета с большим содержанием песка толщиной до 0,75 м. Этот слой перекрывает слой темного рыхлого грунта с большим содержанием золы с керамикой и костями животных. Его толщина 0,7 м. Основной материал для датировки был получен именно из этого культурного слоя.

Под культурным слоем проходит слой желтого песка с комками глины толщиной до 10 см. Общая глубина шурфа — 4,7 м. На этом уровне работы были остановлены. Предполагаемая толщина культурных напластований над материком составляет 8 м.

Таким образом, основной материал для датировки городища был получен из шурфов 3—4.

Здесь представлены: а) хумы с округлым венчиком и широким туловом, горловина которых сильно стянута[2];

б) хумы с коротким венчиком, имеющим горизонтальную площадочку сверху, с почти горизонтальными плечиками тулова[3];

в) хумы с вертикально стоящим округлым коротким венчиком и горизонтальными плечиками корпуса[4].

Преобладающим орнаментом на фрагментах хумов являются полосы пальцевых вдавлений, нанесенных в отдельных случаях на выпуклые налепные полосы. Отмечены оттиски штампов под

[2] Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.)//Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 124. М.—Л., 1964 г. С. 266. Рис. 1, 8.

[3] Там же. Рис. 1, 6.

[4] Там же. Рис. 1, 28.

венчиком. На одном из фрагментов хума до обжига нанесен знак, являющийся тамгой правителей Согда. Несмотря на фрагментарность, трактовка его не вызывает сомнений[5].

На многих стенках хумов, кувшинов и других сосудов имеются многочисленные потеки и брызги черного или темно-серого ангоба.

Все указанные признаки (формы сосудов, орнаментации, нанесение ангоба) характерны для керамики Согда VII—VIII вв.

Вместе с этой посудой найдено значительное количество фрагментов лепных чаш высотой 8—14 см и диаметром 22—28 см, покрытых красной краской. В подъемном материале часто встречаются фрагменты керамических изделий, имеющих дугообразную форму, шириной 14—19 см и толщиной стенок 2,8—4,5 см.

Если мы обратимся к анализу сырцового кирпича, то увидим, что его размеры также находят аналоги в материалах Бухарского Согда и района Кашкадарьи. Так, сырцовые кирпичи размерами 35×36×24—25×9 см, происходящие из верхней части шурфа 3 и обводных стен городища, находят аналоги в материалах Варахши VIII—IX вв.[6], а кирпичи размерами 38—41×25—26×9—10 см — в материалах Варахши[7], Талимарантепе[8] и Пайкенда, где они датируются исследователями VII—VIII вв.

Сырцовый кирпич размерами 41×25×26×8—9 см встречен при раскопках городища Калаи-Захоки-Морон[10], а кирпичи размерами 48×28×10 см из шурфа 3 известны в материалах городища VI—VIII вв. Аултепа[11].

Конструкция обводной стены (по материалам шурфа 1) показывает, что она также построена с использованием строительных согдийских приемов.

Строительство фасадной части стен уступами, которые затем заполнялись кирпичом или пахсой и обмазывались глиной, находит аналоги в крепостных стенах IV в. городища Пенджикент[12],

---

[5] Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. М. 1981. С. 31, 37—43; Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.)//МИА. Вып. 66. М.—Л., 1958. С. 125. Рис. 20—10.

[6] Шишкин В. А. Варахша. М., 1963. С. 97—98; Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966. С. 205.

[7] Нильсен В. А. Архитектура... С. 205 (табл.).

[8] Абдуримов Р. А. Работы Бухарского отряда//АО. 1980. М., 1981. С. 446.

[9] Мухамеджанов А. Р., Семенов Г. А. Исследования городских стен Пайкенда (результаты работ 1981 г. на Шахристане II)//ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 139—152.

[10] Туребеков М. Археологическое изучение оборонительных сооружений городище Калаи-Захоки-Морон//ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979. С. 71.

[11] Кабанов С. К. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашкадарьи//СА. 1958. № 3. С. 145; Кабанов С. К. Культура сельских поселений южного Согда III—VI вв. Ташкент, 1981. С. 44.

[12] Семенов Г. Л. Городские стены Пенджикента и история Согда V—VIII вв.//СА. 1983. № 3. С. 47—59.

крепостных стенах VII в. городища Канка[13] и крепостных стенах VI в. городища Пайкенд[14].

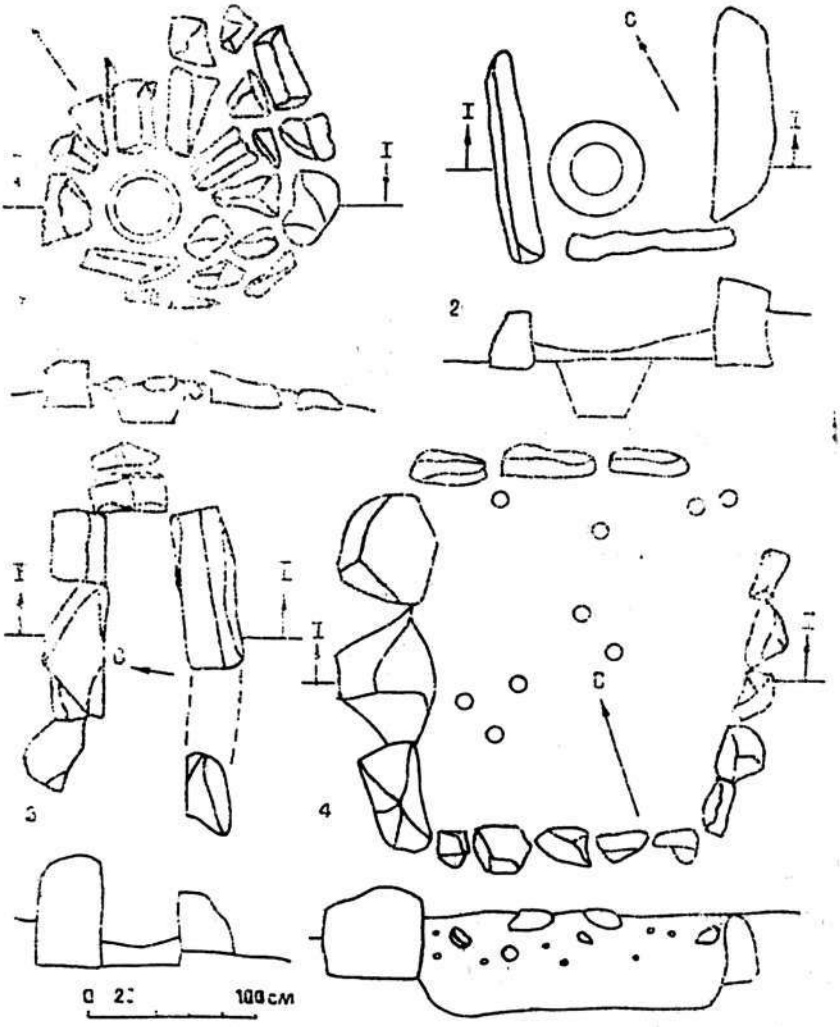


Рис. 2.

На прилегающих к городищу с востока и юго-востока возвышенностях открыты могильники с курганообразными насыпями. Особо следует остановиться на характеристике могильника Там-

[13] Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность Ю. Ф. Бурякову за возможность использования неопубликованных данных.

[14] Наймарк А. И. Отчет о работах Пайкендского отряда Государственного музея истории народов Востока в 1984 г. С. 62—63. Хранится в научном архиве ИА АН УзССР.

ды I, расположенного в 1 км юго-восточнее одноименного поселка на вершине гряды.

Расстояние между погребениями от 5 до 250 м. Отмечено только 6 курганообразных насыпей высотой 0,8—1,3 м и диаметром 8—10 м. Остальные 14 погребений возвышаются на 0,3—0,7 м и имеют диаметр насыпей 2,5—6,5 м. Насыпи возведены из крупных и мелких камней. На многих насыпях отмечены следы грабительских воронок и керамический материал.

Особо остановимся на захоронениях 22—25, подвергнутых археологическим раскопкам.

Погребение 22 (рис. 2, *1*) до раскопок представляло собой насыпь из небольших камней высотой 0,3 м и диаметром 1,7—1,8 м. При раскопках в середине насыпи была выявлена нижняя часть хумчи диаметром тулова 0,44 м и высотой 0,14 м.
В ее заполнении обнаружены сильно истлевшие кости, превратившиеся практически в труху. Насыпь, in situ, является обкладками хумчи.

Погребение 23 (рис. 2, *2*) до раскопок представляло П-образную обкладку из 3 больших камней длиной 1,0—1,2 м, поставленных вертикально и возвышающихся над уровнем материка до 0,5 м. При раскопках в центральной части обкладок была обнаружена нижняя часть хумчи высотой 0,32 м и диаметром 0,56 м. Ее поверхность покрыта потеками и брызгами темно-серого ангоба.

Погребение 24 (рис. 2, *3*) представляет собой П-образную обкладку из камней длиной 1,9 м и шириной 0,34 м. Камни больших размеров выступают над поверхностью возвышенности на 0,7 м. В каменном ящике кости не сохранились. Его размеры позволяют сделать предположение, что в данном случае мы имеем дело с трупоположением. В заполнении найдены фрагменты 2 чаш диаметром 10 и 14 см и фрагмент железного ножа длиной 7,8 см и шириной вогнутого лезвия 1,6—1,7 см. На короткой ручке (возможно, фрагментированной) сохранилось 2 заклепки длиной 1,1—1,5 см для крепления деревянной ручки. Ножи аналогичной формы встречаются на раннесредневековых памятниках Средней Азии достаточно часто[15].

Погребение 25 (рис. 2, *4*) до раскопок прослеживалось лишь частично. В результате раскопок была вскрыта камера размерами в поперечниках 2,1×1,9 м, обложенная по периметру небольшими камнями. Дно камеры заглублено в материк до 0,2 м. Заполнение состояло из рыхлого песка, в котором в беспорядке лежали 8 черепов, 19 целых фрагментированных сосудов и большое количество бедренных, локтевых костей, позвонков, ребер и т. д.

---

[15] Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 62; Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964. С. 83. Рис. 1.

Положение костей и сосудов свидетельствует о том, что они были ссыпаны в камеру или же первоначально положенные умершие вместе с инвентарем сдвигались в сторону и на освободившееся место клали новых умерших. Антропологический материал

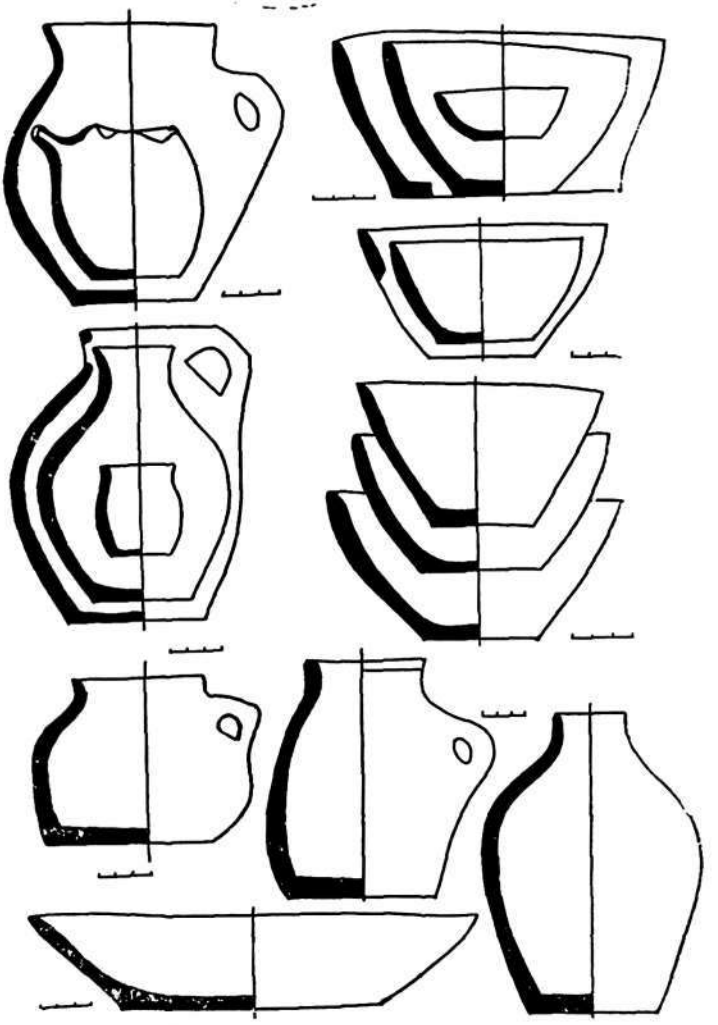


Рис. 3.

очень сырой и при малейшем прикосновении рассыпается. По этой причине взять его для анализа не удалось.

В погребении найдено 18 целых лепных сосудов, в том числе 10 чаш, 2 кувшина без ручек, 3 кувшина с ручками, 1 кружка, один сосудик со сливом и 1 горшок (рис. 3).

Лепные сосуды изготовлены из глиняного теста, приобретшего при обжиге цвет от бурого до черного в изломе. В изломах

видны примеси шамота. Однако в общей массе он отмечен в незначительных количествах. Поверхности чаш тщательно заглажены и покрыты красным ангобом или они неровные, бугристые с пятнами кострового обжига. Обжиг сосудов слабый, глиняное тесто, в основном, плохо промешано и легко рассыпается.

Аналогичные чаши найдены в шурфах 3 и 4 на городище Тамды и датируются предварительно VII—VIII вв.

Таким образом, исследование могильника Тамды I показало, что в VII—VIII вв. в погребальном обряде тесно переплелись черты обряда, присущие кочевникам (курганные насыпи) с зороастрийским обрядом захоронения очищенных костей в хумах. Особенно ярко синкретизм погребальных обрядов проявился в погребении 25, где предварительно очищенные кости, по нашему мнению, ссыпались в камеру вместе с погребальным инвентарем.

Открытие и предварительное изучение городища Тамды показало, что в VII—VIII в. к северу от Бухарского Согда, на расстоянии свыше 200 км возникает укрепленный городок, построенный, как нам представляется, согдийскими колонистами для торговых взаимоотношений с кочевым миром Центральных Кызылкумов и развития горного промысла в Тамды-тау. В Центральных Кызылкумах это единственный памятник раннего средневековья, исследование которого, безусловно, поможет раскрытию многих важных сторон истории Бухарского Согда, остающегося до последнего времени слабо изученным.

Очень важным вопросом для исследования этногенеза древнего Согда является продолжение работ на могильниках городища Тамды для получения краниологических серий.

В поселке Аяккудук, расположенном в 80 км юго-восточнее районного центра Тамды, изучалось одноименное городище. Памятник занимает вершину небольшого холма, западный и северный склоны которого достаточно круто обрываются в сай. У подножья холма имеется единственный колодец с хорошей водой.

Памятник имеет прямоугольную в плане форму (40×35 м) и ориентирован стенами по странам света. Стены выглядят в виде сильно оплывших валов и возвышаются над уровнем прилегающей местности на 1,5—2,5 м. Въезд, видимо, находился в северной части восточной стены. Внутренняя поверхность городища сравнительно ровная (рис. 1, *2*).

Для уточнения времени возведения городища на южной стене был заложен раскоп площадью 62 кв. м. Раскопочные работы сочетались с поверхностными зачистками. Вскрыто помещение размерами 5,3×5,1 м с входом шириной 1,03 м, расположенном в западной части северной стены.

Стены на высоту 1,7 м от пола возведены из плотно подогнанных камней без признаков обработки и тщательно обмазаны. Толщина обмазок достигает 3,1 см. На наружной поверхности обмазок имеются следы копоти. На южной и северной стенах помещения сохранилось по 2 ряда кладки из сырцовых кирпичей

размерами 34—36×21—22×9—10 см. Кирпичная кладка сделана с небольшим напуском над кладкой стены. Над ней на высоту до 20 см сохранилась кладка из вертикально поставленных кирпичей, которые на поверхность стены выходят углом. Кирпичная кладка обмазана глиняным раствором.

Помещение до пола на глубину 2,25 м заполнено камнями и песком. Пол сохранил многочисленные слои обмазок. В слое завала над полом найдены сырцовые кирпичи вышеуказанных размеров. Пол помещения ровный, в нескольких местах зафиксированы очажные пятна. Керамический материал на полу и из слоя завала немногочисленный. В нескольких местах с уровня пола пройдены небольшие шурфы до материка. Для выравнивания поверхности холма произведена засыпка слоем щебня толщиной до 0,5 м.

Вдоль северной стены помещения была проложена траншея длиной 12 м и шириной 1 м. В 2,75 м западнее прохода в описанное помещение обнаружен проход в помещение к западу от раскопанного. Их разделяет стена толщиной 1,3 м. На поверхности стены этого помещения сохранились алебастровые обмазки, по которым произведена роспись красной охрой.

В 5,28 м восточнее прохода раскопанного помещения обнаружен проход шириной 1,75 м в помещение, расположенное к востоку от описанного.

Раскопки и расчистки позволили определить, что 3 помещения, расположенные вдоль южной стены, имеют выходы во двор. Отсутствие культурного слоя в помещениях, их одинаковые размеры, выходы в один двор позволяют сделать предположение о том, что данное городище является руинами небольшой крепости или караван-сарая.

В нижней части заполнения помещения найдены фрагменты керамики, которые позволяют отнести памятник к определенной исторической эпохе. Фрагменты сосуда относятся к широко известному типу водоносных кувшинов, бытовавших в Средней Азии в IX — первой половине X в. Плечики кувшина украшены полосами линейного орнамента, между которыми нанесена полоса волнистого прочерченного штампом орнамента. Наружная поверхность сосуда покрыта ровным светло-зеленым ангобом. Ручка имеет овальную в сечении форму.

Ручка водоносного кувшина шириной 5,7 см из двух жгутов глиняного теста, соединенных воедино боковыми сторонами, происходит из подъемного материала. Горловина кувшина прямая и заканчивается ровным срезом. На ручке у венчика сделан плоский круглый налеп. Аналогичные ручки хорошо представлены в материалах раскопок Пайкенда и других памятников Средней Азии[16]. К этому же периоду относится фрагмент доныш-

[16] Шишкин В. А. Указ. соч. С. 98. Рис. 47, *3*; Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—

ка чаши диаметром 4 см, покрытого изнутри и снаружи по белой подгрунтовке белой с зеленоватым оттенком и зелеными пятнами глазурью[17].

Описанные памятники наряду с многочисленными курганными группами, стоянками эпохи неолита, поселениями эпохи бронзы, древними горными выработками в горах Тамдытау позволяют составить предварительное суждение об этапах освоения Центральных Кызылкумов, входящих административно в Тамдынский район Навоийской области. Особое место среди них занимают городища Тамды и Аяккудук.

М. Х. ИСАМИДДИНОВ, Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ТРАССЫ НИЖНЕКАРШИНСКОГО МАГИСТРАЛЬНОГО КАНАЛА

В связи с разработкой проекта Нижнекаршинского магистрального канала (НКМК) была обследована его головная часть. Трасса головной части проводится к западу от существующей трассы Каршинского магистрального канала и параллельно ему (рис. 1). Начиналась она в 10 км к западу от ж. д. станции Талимарджан, на границе УзССР и ТуркмССР, и шла прямо на юг до русла Амударьи, западнее райцентра Дустлик, общая протяженность трассы головной части НКМК более 90 км.

Большая часть зоны головной части Нижнекаршинского магистрального канала представляет собой безводную и очень слабо обжитую в древности восточную окраину песков Сундукли. Однако в древности через эту зону и восточнее проходили торговые и военные пути, трассы кочевых скотоводов к берегу Амударьи и обратно. Они соединяли между собой древний Каршинский оазис и прибрежную зону Амударьи, освоенную в эпоху античности.

Исследование трассы НКМК было проведено по двум маршрутам: первый основной вдоль канала через пикетные отметки его от границы Узбекистана через пески до реки Амударьи, второй — по правобережью реки от пос. Керкичи до пос. Мукры в связи с вариантом головной части трассы НКМК, по которому боковая ветка его берет начало у Кызылаякского гидроузла.

Первым маршрутом было выявлено, что канал проходит по очень слабо обжитой зоне, где встречаются лишь редкие типично пустынные сооружения, поздние по времени, типа колодцев и оригинальных водосборных «каков», очень редко упоминающихся в литературе. По второму маршруту Керкичи — Мукры был от-

XVII вв.)//Труды Хорезмской экспедиции. Т. IV. М., 1959. С. 276—277; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973. С. 80. Рис. 17, *9*.

[17] Древний Ташкент. Ташкент, 1973. С. 87.

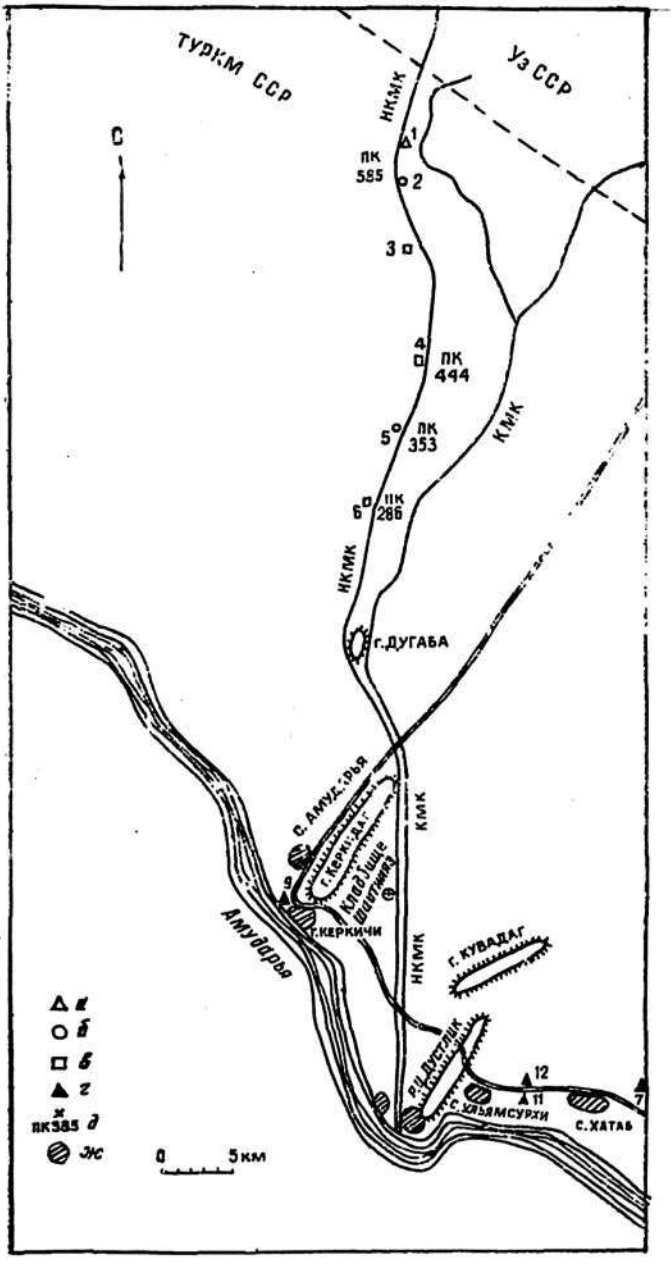


Рис. 1. План трассы НКМК от границ УзССР до Амударьи:

а — следы обживания; *б* — колодцы; *в* — каки; *г* — поселения (городища); *д* — номера пикетов трассы; *ж* — населенные пункты. Арабскими цифрами обозначена последовательность объектов по трассе.

мечен ряд укрепленных поселений и замков кушанского и кушано-сасанидского времени, которые приводятся в публикациях В. Н. Пилипко[1].

Пункт 1. Самой северной точкой обнаружения следов обживания человеком трассы, идущей от границы Узбекистана, явились отдельные фрагменты позднесредневековой керамики, найденной в 1,5 км к северу от колодца близ пикета 585. Трасса проходит по восточному склону небольшой долинки к востоку от г. Донгуз-Сырт. Здесь на невысоких песчаниковых грядах были отмечены редкие черепки битой посуды. На поверхности песчанистого берега сезонного протока, образованного паводком, собраны фрагменты стенок трех кувшинов. Два из них по своему облику напоминают черепки Еркургана раннеантичного периода. Характерен сероглиняный фрагмент кувшина с плотным черепком с внешней стороны серовато-зеленого, а с внутренней — темно-серого цвета. В изломе отсутствуют следы какого-нибудь отощителя. Толщина стенки — 1—1,5 см.

Второй фрагмент кувшина светло-коричневого цвета с фиолетоватым оттенком, и в этом черепке отсутствуют признаки отощителя. Черепок с наружной стороны тщательно заглажен, что характерно для керамики III—II вв. до н. э., а сероглиняная масса черепка свойственна комплексам II—I вв. до н. э.

Третий черепок — это фрагмент керамики (кувшин?) позднесредневекового периода. Черепок в изломе зеленовато-коричневого цвета, поверхность зеленовато-серая.

Пункт 2. Вокруг колодца и зимовья близ пикета 585 на площади в несколько гектаров была обнаружена россыпь керамики. В подъемном материале, собранном с площади 500×200 м от пикетов 580 до 586, преобладает позднесредневековый материал. Но есть отдельные фрагменты керамики раннежелезного века.

Следует отметить, что трасса в северной части проходит по краю широкого девляционного понижения, восточнее возвышения Донгуз-Сырт. Ландшафт представляет собой типичную пустыню с небольшими барханами, покрытыми кустарником и чередующимися довольно обширными такырами. Можно полагать, что в древности, видимо, эта местность была сравнительно обводнена, что создавало достаточные условия для хозяйства скотоводов раннежелезного века. Исследуемый пункт находится между южной границей древнего Каршинского оазиса и прибрежной культурной полосой вдоль русла Амударьи и указывает на наиболее вероятную трассу экономических связей двух древних культурных зон уже в момент сложения и формирования древних земледельческих оазисов Средней Азии.

---

[1] Пилипко В. Н. Топография находок кушанских монет на побережье средней Амударьи/ История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978; Его же. Побережье Средней Амударьи/ Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

Здесь одним экземпляром представлен фрагмент шаровидного котла, со слегка вытянутым и заостренным кверху венчиком. Черепок сосуда в изломе темно-серого, переходящего в черный цвет, наружная сторона розовая. Местами поверхность сосуда имеет слоистый белый ангоб. В примеси черепка мелкотолченый шамот и песок. Диаметр венчика — около 28 см. Толщина стенки — 0,8—1 см. Имеется второй такой же черепок от такого же сосуда. В отличие от первого черепка поверхность сосуда имеет розовый цвет, местами фиолетово-серый, переходящий к светло-серому.

Таким образом, оба фрагмента сосудов однородны по фактуре и цвету. Они имеют широкие аналоги среди материалов памятников первой половины I тыс. до н. э. Согда, Ташкентского оазиса и Ферганы.

Нам известно наличие фрагментов лепной керамики, в примеси которых большое количество шамота в слоях Еркурган 1. Но характерная особенность керамики этого периода — неравномерный обжиг сосудов, в результате чего местами образовались темноватые, местами светло-серые пятна на розовой поверхности[2].

Керамический комплекс, добытый из нижнего слоя Еркургана, находит близкие аналогии в ряде памятников лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы, датируемых большинством исследователей концом II и первой четвертью I тыс. до н. э.[3]

Во многих памятниках такая керамика перекрыта мощным слоем, содержащим гончарную керамику высокого качества, датируемую второй половиной VIII и VII вв. до н. э.[4] или VIII—VI вв. до н. э.[5]

При раскопках поселения Кучуктепа лепная расписная керамика в основном встречалась в слое четвертого строительного горизонта периода Кучуктепа-2, который А. А. Аскаров относит к переходному периоду от поздней бронзы к раннему железу. Керамический комплекс, аналогичный материалам времени Кучук-2 и лепной расписной керамике Еркургана, был обнаружен и в туябугузских поселениях бургулюкской культуры. Он датируется Х. Дуке IX—VII вв. до н. э.[6]

---

[2] Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган. Ташкент, 1984. Рис. 14.

[3] Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы//МИА. Вып. 73. 1959. С. 49; Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы//МИА. Вып. 118. 1962. С. 70; Его же. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 1978. С. 33; Аскаров А. А. Бронзовый век Южного Узбекистана (к проблеме развития локальных очагов древневосточных цивилизаций): Автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 1976. С. 28—39.

[4] Аскаров А. А. и др. Новые данные о поселении Кучуктепа//ОНУ. 1978. № 11. С. 55.

[5] Сагдуллаев А. С. Древнеземледельческая культура Северной Бактрии: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1978. С. 13.

[6] Дуке Х. Раскопки памятников бургулюкской культуры в 1975 г.//ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1977. С. 54.

Проведенные аналогии свидетельствуют, что керамический комплекс с нижнего слоя Еркургана можно синхронизировать только с керамикой верхнего горизонта поселения Чуста и Дальверзинтепе Ферганской долины, с керамическим комплексом времени Кучук 2, верхнего слоя поселения Бандыхан—1, нижнего слоя поселений Кызылтепа и Миршаде Сурхандарьинской области, с керамикой нижнего слоя городища Афрасиаб (керамика до Афрасиаба 1) Зарафшанской долины и туябугузских поселений бургулюкской культуры древнеташкентского оазиса.

Соответствующие археологические комплексы отмеченных памятников лепной расписной керамики можно датировать не ранее IX и не позднее VI в. до н. э., точнее VIII—VII вв. до н. э., что определяет и дату нижнего культурного слоя Еркургана.

Таким образом, керамические материалы пункта № 2 НКМК можно синхронизировать с периодом Еркурган 1.

Имеется третий фрагмент керамики розового цвета, в примеси которого большое количество песка и мелкотолченого гипса, фрагменты шамота. Черепок тяжелый, плотный. Аналогичные черепки характерны для комплексов Еркурган III. Почти во всех фрагментах керамики периода Еркурган II и III встречается песок и гипс[7]. Керамические материалы с такими же примесями-отощителями в черепке известны почти во всех слоях памятников Средней Азии I тыс. до н. э.

Пункт 3. Южнее трасса канала отклоняется к востоку, приближаясь к шоссе Талимарджан — Дустлик и идет по повышенной части рельефа через пески. На урочище Тутликок обнаружены руины позднесредневекового водосборного сооружения типа упрощенной сардобы. Это был двор, окруженный глинобитной стеной, которая совершенно оплыла. Размер сооружения — около 40×40 м, ориентировано по странам света. Стены были, видимо, довольно высокими, т. к. вал от стен более 1 м высотой при ширине около 3 м. Посередине восточной стены имелся входной проем, площадь двора была покрыта толстой потрескавшейся такырной коркой. Существенно, что следов каких-либо сооружений во дворе не было и широкий вход был сделан со стороны более высокой плоскости обширной такыровой площадки таким образом, что вся вода во время осадков стекала в пределы этой ограды. В ю—в и ю—з углах данного сооружения росло два тутовых дерева, давших, видимо, название местности и этому сооружению. По внешнему фасу сооружения, с западной стороны, имеется прямоугольная пристройка с полом, возвышающимся почти на 1,5 м. Подобные водосборные сооружения «каки» для удержания и сохранения воды известны в этнографии и были широко распространены в пустынных и степных районах Средней Азии наряду с более совершенными «сардоба»[8]. Вокруг соору-

[7] Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Указ. соч. Табл. I и II.
[8] Массон М. Е. Сардоба-цистерны. Ташкент, 1935. С. 10—11.

жения Тутликок было собрано некоторое количество позднесредневековой керамики.

Пункт 4. Далее к югу трасса НКМК пролегает через гряды труднопроходимых высоких барханов, заросших тамариском и янтаком. На расстоянии 8 км к югу от пункта 3, в 250 м к западу от пикета 444 было обнаружено второе сооружение «как», аналогичное описанному на Тутликок. Оно имело подпрямоугольную планировку (40×35 м), высота оплывших стен достигает 1,5 м. Это сооружение в отличие от первого имело дополнительные земляные валы, предназначенные, видимо, для сбора воды. Площадка двора представляет собой ровную такыровидную поверхность без находок. Прямоугольник двора ориентирован углами по странам света. На юго-западном фасе его с внешней стороны имеется отдельное помещение размером 6,5×2,5 м по внутреннему обводу. Стены его из пахсы сохранились на высоту до 2 м благодаря тему, что были более чем на половину толщины обожжены докрасна. В стене, обращенной ко двору, на уровне около 1,60 м от пола был сделан небольшой арочный проем 0,5×0,4 м, через который просматривался весь двор или резервуар. Пол помещения также был более чем на 1 м поднят над поверхностью. Вход в это помещение был с с—з стороны. Вход в сам водоем или ограду находился на с—з фасе и был обращен к обширной такырной площадке, имеющей уклон в сторону сооружения. Площадка близ ограды снабжена длинными валами.

Здесь было собрано небольшое количество позднесредневекового подъемного материала в виде черепков битой посуды. Это, почти все — фрагменты кувшинов и единственный фрагмент блюда на высоком кольцевом поддоне.

Пункт 5. В 5 км западнее пункта 4 был обследован средневековый колодец Абдулкудук. Колодец имеет диаметр чуть более 1 м и выложен квадратным жженым кирпичом, глубиной около 30 м, сухой. Северо-восточнее, в 150—200 м от старого колодца, на возвышении отмечены совершенно оплывшие глинобитные валы от обширного прямоугольного двора с прямоугольным же домом посередине. Вокруг колодца собрано много позднесредневекового керамического материала. Характерной особенностью фрагментов сосудов является плотная светло-коричневая, переходящая в зеленоватый цвет глина черепков. Зеленоватые по цвету черепки образовались из-за погрешностей регулировки температурного режима обжигательной печи. Некоторые черепки под высокой температурой спеклись и приобрели клинкерную структуру.

Пункт 6. На участке между пикетами 350 и 250 трасса НКМК проходит через гряды тяжелых барханных песков. Они полностью лишены не только следов жизнедеятельности, но даже и временного пребывания тут людей в древности и средневековье. Лишь в 5 км южнее колодца Абдулкудук, непосредственно на трассе (пикет 286) зафиксировано еще одно водосборное сооружение

«как», аналогичное Тутликоку. Оно также квадратное в плане (40×40 м). На южном фасе остатки прямоугольной пристройки высотой около 2 м. Высота вала самой гряды — около 1 м. Дно водоема или площадь внутри ограды, как и в первых двух случаях, совершенно пусты. Проходы в с—в и ю—в углах. К юго-западу от данного сооружения, в нескольких метрах есть еще одна близкая по типу ограда размером 25×25 м с входом в ю—в углу. Оно, судя по заглубленной внутренней поверхности, также представляло собой водосборное сооружение. Севернее от основного сооружения, на возвышении находятся совершенно оплывшие руины двух глинобитных домов. На этом пункте также было собрано небольшое количество подъемных находок в виде фрагментов позднесредневековой керамики.

Далее по основной трассе НКМК археологические памятники совершенно отсутствуют. Южная часть трассы идет до Амударьи параллельно КМК через участки ровных такыров, чередующихся с высокими грядами барханного песка. Причем до кладбища Шаитнияз, близ первой насосной станции КМК трасса пролегает по поверхности довольно низкой первой надпойменной террасы реки, а далее к югу около 20 км вплоть до реки — по пониженной пойменной части ее. Эта часть правого берега реки болотистая, покрыта солончаками, местами с зарослями камыша и низкого кустарника. Кладбище Шаитнияз, расположенное на краю террасового уровня между трассами КМК и НКМК, представляет собой небольшой современный могильник мусульманского типа с саганой святого, покрытый жженым кирпичом в западной части.

Второй маршрут был совершен по линии Керкичи-Мукры вдоль правого берега Амударьи. К югу от намеченной трассы в окультуренной прибрежной зоне правобережья Амударьи было обследовано несколько древних городищ и поселений, которые базировались на оросительной сети, отводившей воду на обширную пойму правого берега реки прямо из русла Амударьи. Это были магистральные арыки длиной 6 км и более, снабжавшие водой каждое отдельное селение или городище с окружающими хозяйственными угодьями.

Памятники прибрежной полосы р. Амударьи изучены подробно В. Н. Пилипко[9], поэтому характеристики памятников этого маршрута мы не приводим. Особо следует остановиться лишь на городище Керкичи, среди подъемного материала которого обнаружены фрагменты лепной керамики, украшенной темными потеками, и обломок очажной подставки. Данные находки недвусмысленно указывают на этнокультурные связи этой части среднего течения Амударьи с Согдом в V—VI вв. н. э.

Городище Керкичи (пункт № 9) находится в 5 км к востоку от трассы НКМК и является крупнейшим памятником древности

[9] Пилипко В. Н. Топография находок... Ашхабад, 1978; его же. Побережье Средней Амударьи... М., 1985.

в изучаемом регионе. Это было укрепление на древней переправе через Амударью в одном из наиболее узких мест реки. Оно было возведено на высоком скалистом мысе в небольшой излучине реки. Второе аналогичное по размерам и, видимо, синхронное по времени укрепление — древняя крепость Керки — находится на противоположной стороне реки, но, в отличие от первого, оно построено на пологом аллювиальном берегу.

Скала, на которой в древности было сооружено укрепление, была окончанием одного из отрогов горы Керкидаг. Издалека вдоль реки рыжевато-бурая гора Керкидаг с отделенной от нее конической скалой с крепостью напоминает лежачего носорога, что, видимо, и дало повод названию Керкичи (носорог), перешедшее затем на оба укрепления по сторонам реки.

Древнее укрепление, северной своей частью примыкающее к современному поселку и пристани, сильно разрушено. Городище было трехъярусным. Наиболее выдающаяся часть его в виде башни 15 м в поперечнике возвышается над обрывистым берегом реки где-то более чем на 20 м. Она возведена на верхней площадке размером 80×50 м высотой около 5 м, ниже идет обширный третий ярус размером 120×70 м. Он примыкает к скале, на вершине которой находится верхний уровень городища с башней. Нижняя площадка застроена домами, уровень ее, по сообщению местных жителей, при строительстве домов был снивелирован и понижен на 2—3 м, а глина была использована в качестве стройматериала. Склон этого яруса городища по восточному краю весь обрезан при добыче глины местными жителями. Здесь по краю обнажены мощные кладки крупного прямоугольного сырцового кирпича (40×32×9 см). Склон верхней площадки в ее ю—в части со стороны реки также в значительной степени срыт, и здесь обнажены строительные конструкции и кладки стен из сырцового кирпича (42×30×12 см). Тут в верхнем горизонте проявляются контуры помещения с полом, выложенным жженым кирпичом, и фрагментами стенок хумов, выкладка кирпича на ганчевом растворе. Размеры жженого кирпича — 28×?×6 см. Это раннесредневековый кирпич с саманом, черный в изломе.

Стены помещения выложены из вышеотмеченного прямоугольного сырцового кирпича. Протяженность помещения в разрезе около 6 м, стены его сохранились на высоту 1,5—2 м, оно заполнено плотной серой глиной. Кирпичная выкладка на полу есть только в средней части этого помещения, протяженность ее около 2,5 м, под ней, в плотной желтоватой глине пола — обломок керамической трубы диаметром 17 см. Видимо, труба служила для отвода воды, и совместно с выкладкой из жженого кирпича и обломков стенок хумов, перекрывающих эту трубу, указывает на назначение этой комнаты: она служила для омовения. Не исключено, что данное помещение представляет собой образец одного из раннемусульманских «таоратхона», заключенного в комплекс помещений верхней части городища. Пол и стены этого помеще-

ния покоятся на горизонте рыхлой земли и мусора с зольными прослойками, идущем на протяжении более 12 м и через весь разрез разрушенного тут склона. Толщина его 20—30 см. Из этого горизонта были получены обломки сосудов, кости домашних животных. Выделяются обломок стенки керамической чаши из кремового теста с ангобным покрытием такого же цвета и валикообразным венчиком по внешнему краю, а также обломок т. н. очажной подставки, украшенной мелкими круглыми налепами. Эти предметы находят самые близкие параллели в комплексе верхнего горизонта городища Еркурган V—VI вв. н. э. Неподалеку на склоне найдена также раковина каури, ближайшим местом добычи которой является Индийский океан.

Верхнее, третье звено городища Керкичи 3—4 м высотой сложено в основном из плотной пахсы, это, видимо, остатки платформы, от стен его ничего не осталось. Но по склонам бугра и на поверхности нижележащего террасового уровня лежит много жженого квадратного кирпича 25×25×4—5 см. Кирпич плотный, хорошо прожжен и не имеет примесей, как раннесредневековые, в выстилке описанного раннефеодального помещения в нижележащем террасовом уровне. Судя по керамическому комплексу, имеющему, правда, подъемный характер, для средних веков выделяется два периода обживания городища: X—XI вв. и самый конец этой эпохи в Средней Азии — XVIII—XIX вв. Судя по тому, что этот квадратный жженый кирпич встречается только в рассеянном виде по поверхности городища вместе с обломками ганчевого раствора, можно полагать, что из него была выложена часть строений самого позднего периода обживания городища — времени бухарского эмирата.

Таким образом, городище Керкичи в эпоху раннего средневековья было крупным укрепленным пунктом, расположенным в стратегически важном участке среднего течения реки. Типологически это было крупное двухъярусное городище, при возведении которого мастерски были использованы особенности скального выступа на обрывистом берегу реки. Оно продолжало служить вместе со вторым городищем Керки на противоположном берегу до конца средневековья как важная переправа и стратегический пункт.

С поверхности городища Керкичи собраны определимые фрагменты около 40 сосудов (рис. 2, *1—17*). Они разновременны. Среди подъемной керамики наиболее ранним является фрагмент плечика кувшина. В представленном фрагменте имеется валикообразная бороздка со слабым изломом в переходе от плечика к горловине (рис. 2, *14*). Черепок фрагмента светло-коричневый, с наружной стороны покрыт светло-красным ангобом, поверх которого нанесено горизонтальное плотное лощение. Он, несомненно, датируется II—I вв. до н. э. Но основная часть комплекса керамики относится к более позднему времени. Это фрагмент чаши с вертикальными, слегка наклонными внутрь бортиками (рис. 2, *10*). Че-

репок сосуда темно-коричневого цвета, в примеси белые крупинки, видимо, растительного происхождения. Сосуд с внутренней стороны покрыт черным ангобом. С наружной стороны нижняя полови-

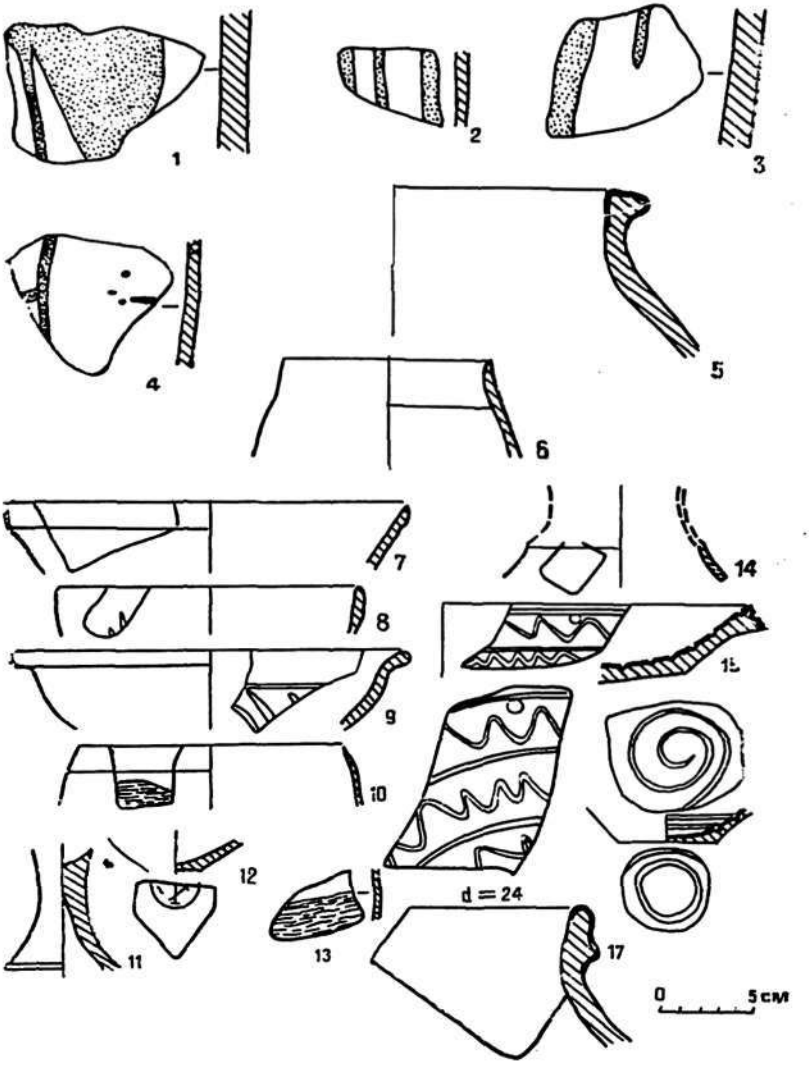


Рис .2. Керамика поселения Керкичидепе (*1—6*—лепная, *7—17*—станковая).

на сосуда небрежно обмазана черным ангобом. Диаметр сосуда — около 14 см, толщина стенки — 2,5 мм. По форме сосуд повторяет аналогичные чаши с вертикальными бортиками и с бороздками на верхней трети наружной стороны комплекса Еркургана. Хотя фор-

ма сосуда датируется первыми веками н. э., ангобное покрытие, особенно способ нанесения ангоба, более древний.

Блюда, украшенные волнистым прочерченным орнаментом (рис. 2, *15*), характерны для кушано-сасанидских памятников Тохаристана. По шкале Явана, прочерченный орнамент постепенно увеличивается количественно к верхним слоям и достигает своего наивысшего расцвета именно в кушано-сасанидских слоях[10].

Характерно наличие хумча со слегка вытянутым вверх прямым венчиком и профилированным в середине горловины в виде валика. Черепок сосуда серовато-черного цвета. В примеси черепка шамот и дресва. Поверхность сосуда розовато-коричневого цвета. Диаметр венчика — 24 см. Толщина стенки — 1,2 см (рис. 2, *17*).

Фрагменты лепных сосудов представлены в семи экземплярах (рис. 2, *16*). Имеется фрагмент горшка со слегка суживающейся кверху прямой горловиной (рис. 2, *6*). Черепок сосуда коричневого цвета без отощителей. Поверхность сосуда светло-серая, местами розоватая. Диаметр венчика — 11 см.

Имеется и фрагмент вытянутой вверх горловины хумча с четко выделенным Г-образным венчиком (рис. 2, *5*). Черепок сосуда рыхлый, черного цвета, с двух сторон имеет темно-розовый ангоб. Диаметр венчика — 27 см, толщина стенки — около 1 см.

Характерно наличие нескольких фрагментов крупных хумов, изготовленных лепным способом, с потеками черного цвета (рис. 2, *1—4*). Черепки этих сосудов темно-коричневые или темно-розовые. В примеси большое количество шамота, поверхность сосудов светло-серая, серая или беловатого цвета. Только в одном случае поверх белого ангоба имеется потек темно-коричневого цвета, остальные черные.

Как известно, сосуды, украшенные потеками, характерны для памятников Средней и Нижней Сырдарьи эпохи поздней античности и раннего средневековья. Такие же сосуды широко были распространены на территории Согда IV—VI вв. н. э., особенно в Бухарском Согде[11].

Кроме вышеотмеченных сосудов, на поверхности Керкичидепе были обнаружены фрагменты кувшинов X—XII вв., поливная керамика XV—XVI вв. и отдельные стенки кувшинов, украшенные мелкой рельефной клеткой, распространенной в XVIII—XIX вв., а также археологически целая очажная подставка IV—VI вв.

Нижняя дата данного памятника определяется по фрагменту лощеного кувшина с валикообразным пояском между горловиной и плечиком. Эти пояски свойственны кувшинам III—II и II—I вв. до н. э. Кроме того, черепок светло-коричневого цвета, покрытый

---

[10] Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье (Археологические памятники и динамика ирригационных систем левобережья долины): Дис. ...канд. ист. наук. Л., 1969. С. 237—238.

[11] Мухамеджанов А. Р., Сулейманов Р. Х., Ураков Б. Культура древнебухарского оазиса III—VI вв. н. э. Ташкент, 1983.

светло-красным ангобом с горизонтальным лощением характерен для памятников III—I вв. до н. э.

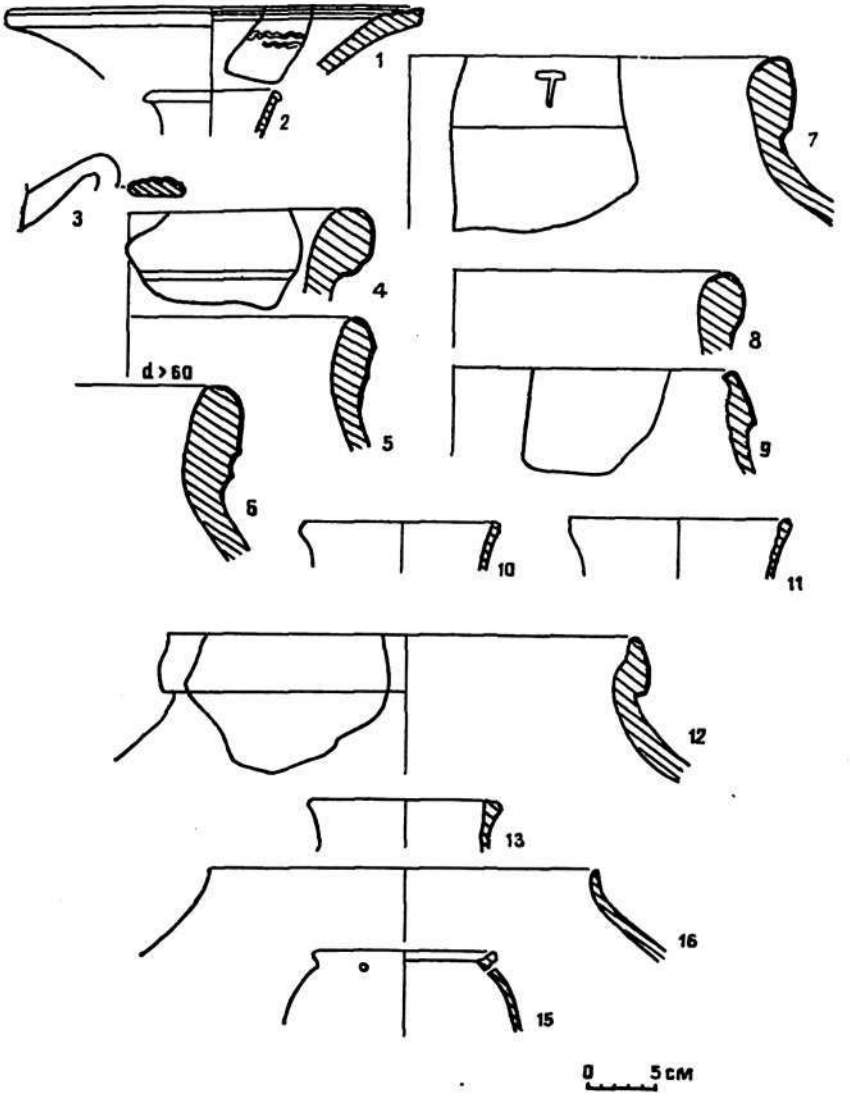


Рис. 3. Керамика поселений Шордепе (1—6), Муллодепе (7—11, 15) и Акдепе (12—14).

Зона вдоль трассы головного сооружения НКМК, вдоль основного маршрута от границы Узбекистана близ поселка Талимарджан до р. Амударьи, как указывалось, представляет собой необжитые, практически необводненные пустынные земли. Отдельные археологические памятники вдоль этого маршрута представлены

сооружениями, для водопоя мелкого рогатого скота, в основном каракумских овец, на разведении которых специализировалось местное население в эпоху позднего средневековья с XVII—XVIII вв. вплоть до начала XX в. Это колодцы и своеобразные «каки», построенные по принципу известных на мусульманском Востоке «сардоба», которые играли большую роль в качестве источников питьевой воды вдоль караванных путей. Сооружения, открытые нами по трассе НКМК в пунктах 3, 4, 5, тоже рассчитаны на сбор и хранение небольших паводков, образуемых в сезон осадков на обширных площадях такыров. Судя по подъемной керамике, все они возведены не ранее XVIII в. Характерно, что среди черепков, собранных вокруг этих сооружений и колодцев, — подавляющее количество обломков кувшинов — основной формы глиняной посуды, используемой пастухами конца эпохи средневековья, традиционной и для чабанов конца XIX — начала XX в.

Отдельные находки довольно архаичной посуды эпохи раннего железа, отмеченные в пункте I, довольно симптоматичны в том отношении, что наличие их между Каршинским оазисом, с одной стороны, и Бактрией и Мервом — с другой, указывает на закономерность сильной типологической и стилистической близости керамики этих районов в начале I тыс. до н. э. Наиболее близким местонахождением к отмеченным в пункте 1 находкам является городище Еркурган — один из древнейших городов Средней Азии, расположенный в 10 км к северу от г. Карши.

Второй боковой маршрут был проведен вдоль правого берега Амударьи от Керкичи до Мукры в связи с вариантом восточной дополнительной ветки трассы, идущей по правобережью реки от Кызылаякского гидроузла до основной трассы выше 1 насосной станции. Выяснено, что эта зона была довольно интенсивно обжита в древности и средневековье, полное освоение ее относится к кушанской и кушано-сасанидской эпохе. Исследованные памятники представлены городищем типа Керкичи и феодальными замками с выделенным укреплением типа двухъярусного Акдепе, а также в виде отдельного четырехбашенного замка Муллодепе. Выделяются овальные или подпрямоугольные укрепленные поселения типа Шордепе. Находки из этих памятников напоминают скорее керамику кушанских и кушано-сасанидских слоев Тохаристана, чем керамику Согда (рис. 3, *1—15*).

Один из памятников Мунджуклыдепе оказался небольшим городком предмонгольского времени. Достаточно подробная характеристика памятников этого региона дана в последней публикации В. Н. Пилипко[12]. Что касается историко-культурной принадлежности их и направления культурно-экономических связей, то, как отмечалось в предварительном сообщении В. Н. Пилипко, обследовавшим в свое время памятники вдоль побережья Средней Амударьи, все они в начале I тыс. н. э. входят в круг кушанской и в

[12] Пилипко В. Н. Побережье Средней Амударьи...

последующем кушано-сасанидской историко-культурной общности. Для материалов городища Керкичи (рис. 2, *1—17*) характерно наличие значительного пласта комплекса V—VI вв., связанного генетически с культурой Каршинского оазиса, и появление этого комплекса на берегу Амударьи следует, видимо, связывать с известной экспансией эфталитов на юг.

Ниже по течению Амударьи для районов Чарджоуского оазиса для кушано-сасанидского времени отмечается наличие грубой лепной керамики с шамотом, хумы с венчиками, украшенными вмятинами, жаровни, очажные подставки. Исследователь склонен видеть в этом влияние Хорезма[13]. Однако появление здесь этого комплекса следует объяснять скорее влиянием Бухарского оазиса, юго-западной периферией которого являлся Чарджоуский оазис. Для Бухарского оазиса IV—V вв. характерно сложение керамического комплекса с сильным влиянием типологии керамики среднего течения Сырдарьи, и этот комплекс был характерен для Согда хионито-эфталитского времени[14].

Таким образом, хотя весь регион среднего течения Амударьи и представляет собой физико-географически единое целое, видимо, в период IV—VI вв. в историко-культурном отношении районы Керкичи и ниже были связаны с Согдом, а выше по течению тяготели к Бактрии-Тохаристану.

А. А. ГРИЦИНА

МАТЕРИАЛЫ КАРАХАНИДСКОГО ВРЕМЕНИ С ГОРОДИЩА ШАШТЕПА В ТАШКЕНТЕ

При раскопках в предыдущие годы на Шаштепа был получен комплекс керамики и других материалов караханидского времени, характеризующих последний этап его обживания[1].

Весь материал происходит из раскопов 2 и 3, расположенных в пределах древней кольцевой стены и шурфа, заложенного к западу от них[2]. Здесь было вскрыто несколько помещений, позволяющих в определенной степени судить о строительных приемах и характере жилой застройки. Один из приемов в строительстве — использование для построек стен помещений более древнего периода, в основном, архитектурного комплекса II—I вв. до н. э. Иногда помещения просто вырубались в древних стенах. При возведении стен применялся, в основном, сырцовый кирпич (30×14—17×4,5—

[13] Там же. С. 247.

[14] Мухамеджанов А. Р., Сулейманов Р. Х., Ураков Б. Культура древнебухарского оазиса... С. 111—115.

[1] На городище зафиксированы находки керамики XV—XVI вв., говорящие о незначительном обживании его в это время. См.: Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. С. 62.

[2] Работы на шурфе осуществлял Х. Ф. Дуке. План и стратиграфию городища см.: Филанович М. И. Ташкент... Табл. I *(А, Б)*.

5 см), хотя встречается и жженый (27×14×3,5 см, 35×19×5 см), который использовался также для вымостки полов и дорожек. В северной и северо-западной частях центрального бугра выявлена пахсовая стена толщиной более метра, из которой были извлечены черепки поливной и неполивной керамики XI—XII вв.

На Р-2 было прослежено три строительных этапа, во втором — зафиксированы следы сильного пожара.

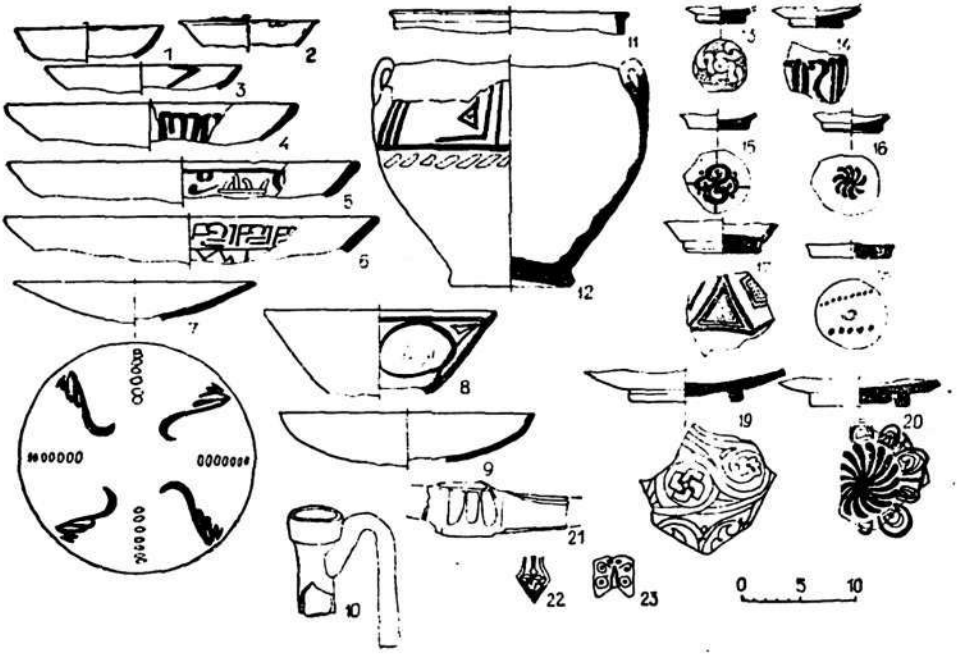


Рис. 1. Поливная керамика.

Как обычно, наиболее многочисленным материалом является керамика. Поливная керамика представлена следующими типами посуды.

Чаши на кольцевом поддоне. По форме корпуса они делятся на чаши с плавным переходом тулова в прямостоящий или слегка загнутый внутрь венчик и чаши с резким перегибом корпуса в верхней части сосуда, образующим бортик высотой 3,5—4,5 см (рис. 1, *3—6, 19—20,* рис. 2, *2—4*).

Сосуды типа коса, также на кольцевом поддоне, повторяют формы чаш, но гораздо глубже их (рис. 1, *8—9,* рис. 2, *1*).

Сосуды типа пиала на сплошном поддоне (рис. 1, *13—17*). Кувшины делятся на широкогорлые и узкогорлые. Широкогорлые кувшины — без ручек, с наружной стороны покрыты поливой, орнаментирована только верхняя половина сосуда и внутренняя часть горловины. Узкогорлые сосуды — с одной ручкой, верхний конец которой крепится чуть ниже закраины, а нижний — к тулову сосуда (рис. 1, *10*).

Чираги — сосуды с вытянутым носиком, округлым ребристым резервуаром и кольцевидной ручкой, оканчивающейся характерным листовидным навершием. Встречаются также навершия, оформленные в виде хвоста рыбы (рис. 1, *21—23*).

По одному экземпляру найдены сосуды типа тарелки (рис. 1, *7*) и горшкообразный, покрытый поливой с внутренней и с внешней

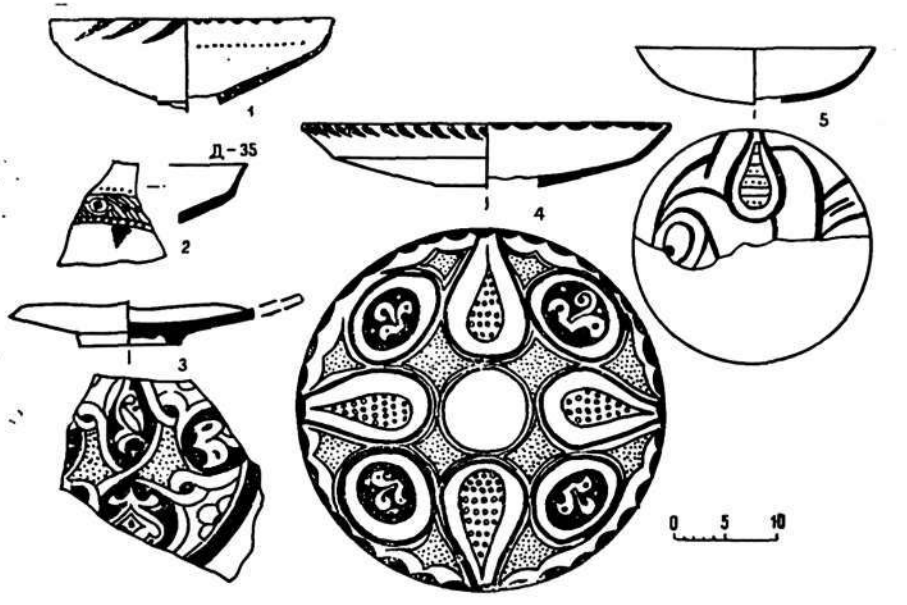


Рис. 2. Поливная керамика.

стороны. (рис. 1, *11—12*). Крышки плоские, с цилиндрической ручкой посередине.

Орнамент — растительный, геометрический и эпиграфический. Иногда расписной орнамент сочетался с процарапанным. Этот прием неоднократно отмечался в керамике ряда памятников Ташкентского региона[3]. Большая группа сосудов украшена растительным и геометрическим орнаментом, выполненным красками зеленого и коричневого цвета с различными его оттенками по белому ангобу, и покрыта лимонно-желтой глазурью. Подобная керамика характерна для памятников Ташкента, где она датируется концом XII в.,[4] Ташкентского оазиса[5] и других районов Средней Азии и Южного Казахстана[6]. К этому же времени следует отнести сосуды со сплош-

[3] Древний Ташкент. Ташкент, 1973. С. 98; Зильпер Д. Г. Памятники в долине Салара и Карасу//Древности Ташкента. Ташкент, 1976. С. 61. Рис. 25 (*13*); Буряков Ю. Ф. Художественная керамика городища Тункет//Научные работы и сообщения. Кн. 2. Ташкент, 1961. С. 273; Он же. Работы в Шахристане I//Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979. С. 90.

[4] Древний Ташкент. С. 98.

[5] Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953. С. 49.

[6] Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972. С. 157.

ной зеленой глазурью и чираги, покрытые однотонной зеленой или коричневой поливой, изредка оживляемые несложным орнаментом в виде округлых белых пятен по верхнему краю резервуара.

Вихревая розетка — один из ведущих мотивов в орнаментации сосудов. Появившись в конце X в., он получает широкое распрост-

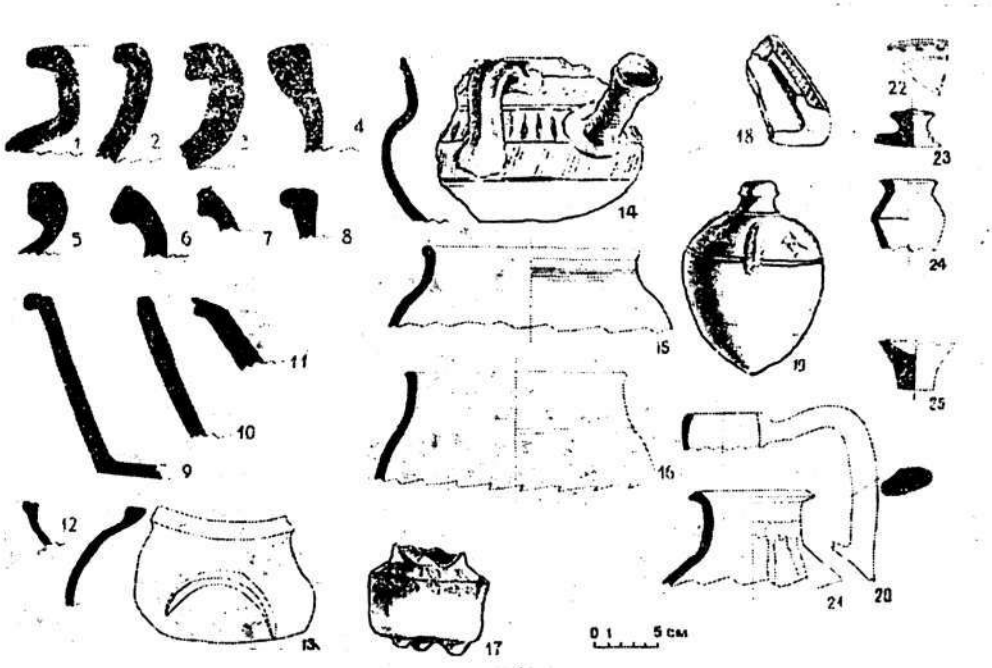


Рис. 3. Неполивная керамика.

ранение в Средней Азии в XI в.[7], в том числе и в Бинкете, где, однако, в XII в. «совершенно исчезает»[8]. Из других орнаментальных узоров, украшающих обычно дно сосуда, отметим круг с точкой посередине, «узел счастья», свастику и *S*-образный знак. Два последних изображения своими корнями уходят в каунчинскую культуру Ташкентского региона, где они широко распространены среди знаков на керамике и печатях[9].

Эпиграфический орнамент наносился либо по внутреннему краю, либо на дно сосудов. В XI в. в Бинкете он значительно уп-

[7] Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начале XIII вв.// Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962. С. 270 и сл.

[8] Брусенко Л. Г. Продукция гончарного ремесла Бинкета//Древности Ташкента. С. 107.

[9] Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении//Известия АН УзССР. Сер. археологическая. Вып. 1. № 46. Алма-Ата, 1948. С. 55, и сл.; Грицина А. А. К семантике знаков на керамике каунчинской культуры//ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 85—88.

рощается[10], что хорошо видно и на керамике Шаштепа (рис. 1, *4—6, 14*).

Неполивная керамика:

Котлы шаровидной формы с подковообразной ручкой. Дно округлое, венчик выступает наружу. Иногда верхнюю часть его прорезает паз для крышки. Высота сосудов достигает 22 см, диаметр устья — 20—22 см. (рис. 3, *12—13*).

Хумы и хумча с большим разнообразием венчиков. Сохранность фрагментарная. Диаметр устья варьирует в пределах от 30 до 50 см, дна — от 23 до 36 см (рис. 3, *1—8*).

Тагора по форме венчика и способу изготовления двух типов. Первый тип — это сосуды, сформованные на гончарном круге. Венчик профилирован наружу. Верх его украшен рядом волнистых линий (рис. 3, *9, 11*).

Ко второму типу относятся тагора с прямостоящим венчиком, сработанные ручным способом. На корпусе сосудов — орнамент в виде ряда волнистых линий. Черепок цвета лесса, но встречаются и сероглиняные (рис. 3, *10*).

Маслобойки — довольно крупные сосуды с одной ручкой и сливом на тулове. Иногда они украшались несложным процарапанным орнаментом и потеками. Последний прием, как увидим ниже, известен и по орнаментации кувшинов. Некоторые исследователи рассматривают потеки как символ благополучия[11].

Кувшины делятся на широкогорлые и узкогорлые. Широкогорлые — без ручек. Они полностью повторяют форму безручных поливных кувшинов. На тулове некоторых сосудов имеются потеки (рис. 3, *21*). Узкогорлые кувшины — со скобкообразной ручкой, верхний конец которой крепится чуть ниже венчика, а нижний — к тулову сосуда. Иногда в верхнем перегибе ручки встречаются налепы. Выделяется группа сероглиняных одноручных кувшинов с тремя ножками на дне, тулово которых украшено штампованным и процарапанным орнаментом (рис. 3, *17*).

Отметим группу горшкообразных сосудов (рис. 3, *15—16*) и единственный экземпляр сосуда в виде чайника с ручкой и длинным расширяющимся к концу сливом, корпус которого украшен резным и процарапанным орнаментом (рис. 3, *14*).

Симабкузача — широко распространенные сосуды характерной формы (рис. 3, *19*). Большинство исследователей считают, что это сосуды для ртути[12], другие — «для хранения ароматических ма-

---

[10] Древний Ташкент. С. 97—98.

[11] Воронец М. Э. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле ст. Вревская в 1947 г.//Труды Музея истории АН УзССР. Вып. 1. Ташкент, 1951. С. 52.

[12] Лунин Б. В. К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в.//ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 264—266.

сел»[13], или просто «для транспортировки и хранения ценных жидких веществ»[14].

Из другой продукции гончарного производства отметим миниатюрные сосуды, фрагменты красноглиняных сосудов с лощением, так называемые дастарханы, широко распространенные в Чаче в X—XII вв.,[15] и крышки. Последние делятся на плоские и выпуклые с ручкой посередине (рис. 3, *22*).

Рассмотренный комплекс посуды имеет широкие аналоги среди материалов с караханидских памятников Средней Азии и Казахстана и входит в так называемый каварданский керамический комплекс, по Ю. Ф. Бурякову[16].

На Шаштепа отсутствуют материалы IX—X вв., что зафиксировано и на некоторых других памятниках Ташкента. Этот период запустения связывается с возвышением столичного центра — Бинкета. Возможно, здесь сыграла свою роль борьба Саманидов за централизацию власти, как это отмечалось для некоторых районов Средней Азии[17]. О событиях этого периода в Шаше источники почти ничего не сообщают. Известно лишь, что Саманиды предпринимали жесткие меры против сепаратистских тенденций местной знати, а в конце IX в. ими был совершен поход против кочевников в Талас и был захвачен город Тараз[18].

Большой интерес представляют находки фрагментов декора из резной необожженной глины. Насколько нам известно, находка подобного рода в пределах г. Ташкента отмечена впервые[19]. Резная глина была обнаружена на Р-2, около упомянутой выше пахсовой стены. Целиком сохранилась плоская четырехконечная плиточка, представляющая, видимо, ведущий элемент композиции. Сделана она из хорошо промешанной глины серого цвета. Толщина ее — 4 см. Тыльная сторона шероховатая, на лицевой стороне — глубокая резьба, повторяющая контуры плиточки. В центре, в круге, вырезана пятилепестковая розетка. Расположение розетки в центре композиции, как отмечалось выше,— характерный прием в орнаментации поливной посуды XI в. К этому времени мы склонны относить и найденные фрагменты резной глины (рис. 4, *10—12*).

---

[13] Аршавская З. А., Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1982. С. 37.

[14] Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — начала XIII вв.). Ташкент, 1979. С. 16; Аминджанова М. О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра//ИМКУ. Вып. 2. С. 253.

[15] Буряков Ю. Ф. Археологические материалы городища Кавардан// ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977. С. 81.

[16] Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 92—100.

[17] Давидович Е. А. Раскопки замка Калан-Боло/Из работ Исфаринского отряда ТАЭ в 1951—1952 гг.//МИА. Вып. 66. М.—Л., 1958. С. 100.

[18] Негматов Н. Н. Государство саманидов. Душанбе, 1977. С. 24—25.

[19] Как нам любезно сообщил М. Р. Тихонин, декор из необожженной и обожженной глины был обнаружен в 1984 г. на городище Шахджувартепа. Еще раньше резная глина была обнаружена на городище Канка/Устное сообщение Ю. Ф. Бурякова/. Материалы не опубликованы.

Употребление резной глины для украшения культовых и гражданских архитектурных сооружений — широко распространенное явление в Средней Азии. Этому посвящена обстоятельная работа С. Б. Луниной[20]. Отметим лишь, что употребление необожженной глины в Ташкентском регионе отмечено с раннефеодального вре-

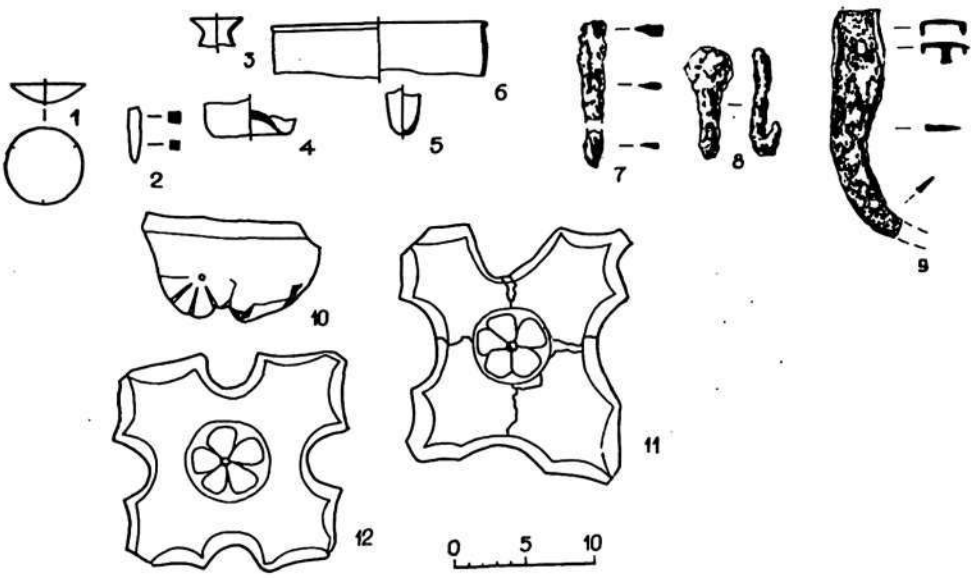


Рис. 4. Медкая чашечка весов (1), медный стержень (2), изделия из стекла (3—6) и железа (7—9), резная глина (10—12).

мени по материалам с поселения Актепа Юнусабадского[21] и городища Канка[22].

Единственной в своем роде находкой является прибор для определения веса. Он был обнаружен в Р-2 на уровне пола первого строительного этапа, который мы также склонны относить к XI в. Прибор представляет собой две медные чашечки полусферической формы. Чуть ниже закраины имеется по три сквозных отверстия для подвешивания, расположенных примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Диаметр чашечек — 4 см, высота — 1,5 см. Толщина металла — около 0,05 см. Коромысло не сохранилось. Прибор действовал по принципу аптекарских или фотолюбитель-

[20] Лунина С. Б. Резная глина в Средней Азии//История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С. 203—211.

[21] Воронина В. Л. Архитектура замка Актепа близ Ташкента по данным работ 1940 г.//Труды Института истории и археологии АН УзССР. Т. 1. Ташкент, 1948. С. 143.

[22] Богомолов Г. И. Полевой отчет о работах Канкинского археологического отряда в 1981 г.//Архив Института археологии АН УзССР. С. 37—38.

ских весов. Находки подобного рода нам известны по материалам с городищ Ахсикет[23], Мерв (См.: Лунина С. Б. Гончарное производство... С. 138), Афрасиаб[24] и Кува (См.: Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972. Рис. 17). Любопытно отметить, что складные весы аналогичной конструкции были найдены в одном из славянских курганов в Гнездове под Смоленском. Находка датируется X в. Подобные весы использовались на Руси для взвешивания серебра, в том числе и среднеазиатских дирхемов[25] (рис. 4, *1*).

Отметим находку саманидской монеты из слоя с материалами караханидского времени. Монета была выпущена в Шаше в 241/855—856 г.[26] Из других находок имеются маловыразительные фрагменты стеклянных сосудов (рис. 4, *3—6*), железный серп и крючок (рис. 4, *7—9*), украшения из различных материалов и т. д.

Итак, перед нами — типичное караханидское поселение, одно из тех, что составляли округу Бинкета. В то время, как они находились в периоде расцвета, столица региона, особенно со второй половины XII в., постепенно приходила в упадок[27].

Представленные материалы с городища Шаштепа — небольшой штрих в истории Ташкентского оазиса караханидского времени, дополняющий крайне скудные данные письменных источников.

Ю. Ф. БУРЯКОВ, В. Г. БРЫКАЛОВА

К ЭВОЛЮЦИИ ГОНЧАРНЫХ ПЕЧЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО БЕНАКЕТА-ШАХРУХИИ

Средневековый Бенакет, разрушенный в начале XIII в. монголами и восстановленный в конце XIV в. Тимуром под названием Шахрухия, принадлежал к числу крупнейших торгово-ремесленных центров Чача[1].

С 1983 г. в рабаде Бенакета, превращенном в хисар Шахрухии, были начаты раскопки мастерских керамистов. Квартал керамистов располагается на холмистой площади к северу от шахристана, отделенный от последнего глубокой впадиной, представлявшей в средневековье улицу, которая проходила по границе шахристана и рабада.

По микрорельефу следы керамического производства выявляются на площади более 1 га; в состав ее включаются площади на склоне холмов, опускавшиеся к улице (рис. 1).

---

[23] По любезному сообщению О. А. Папахристу.

[24] Хранятся в Государственном музее истории культуры и искусства УзССР им. А. Икрамова в г. Самарканде. Коллекционная опись: А—179—14 *(а, б)*.

[25] Авдусин Д. А. Ключ-город//Путешествия в древность. М., 1983. С. 105. Рис. 3.

[26] Определение Б. Д. Кочнева.

[27] Филанович М. И. Ташкент... С. 193.

[1] Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (Историко-топографический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975. С. 14—30.

В течение двух сезонов 1983—1984 гг. вскрыто 16 разновременных горнов, несколько помещений и хозяйственных площадок гончаров, позволивших проследить определенную эволюцию гончарного производства в XIV — нач. XVIII вв.[2]

Длительное функционирование квартала привело к интенсивному уничтожению ранних хозяйств, сохранившихся фрагментарно.

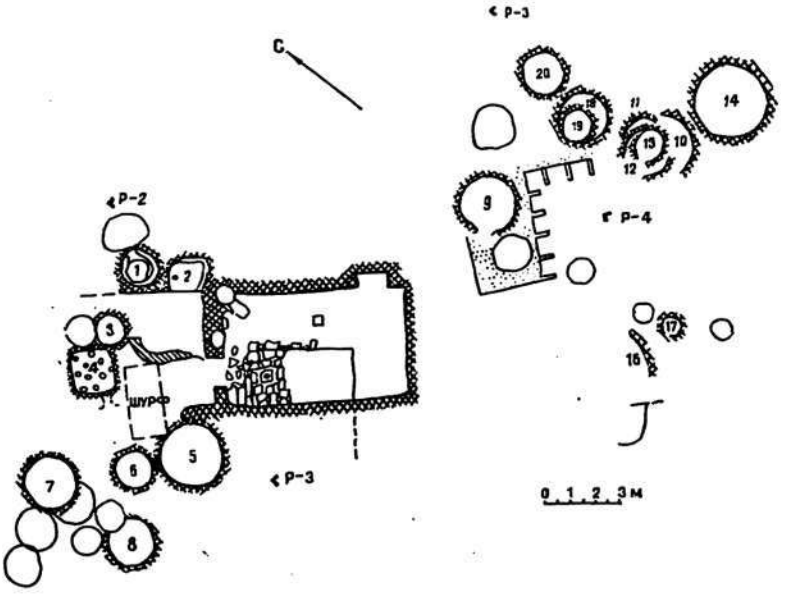


Рис. 1. Мастерские керамистов. План раскопа.

Иногда разновременные печи залегают почти на одном уровне, различаясь лишь комплексами сопровождающего материала. Верхние хозяйства также подверглись интенсивному уничтожению в период разрушения Шахрухии в начале XVIII в.

Основным стратиграфическим материалом служили комплексы печей и сохранившихся помещений.

Печь № 1 в северной части раскопа на глубине 0,5 м от дневной поверхности оказалась почти полностью разрушенной и представлена развалом стен топочной камеры.

Печь № 2 (рис., разрез 2—2) в центре раскопа, двухкамерная. Полностью сохранилась топочная камера, углубленная на 145 см под уровень полов. Диаметр — 244 см, слегка сужена книзу. В северной части лоток-приемник топлива шириной до 60 см опускается полого вниз на 70 см, вследствие чего топливо сбрасывалось с большой высоты и, вероятно, сгорало налету, создавая высокую

[2] Раскопки проводились В. И. Набоковым, Ю. Ф. Буряковым с участием кружка «Юный археолог» Сиабского дома пионеров г. Самарканда. Планы и разрезы выполнены архитектором С. В. Фонаревым.

температуру. Поэтому все стенки рабочей камеры печи интенсивно ошлакованы. На уровне пола топочная камера переходит в рабочую, под которой полностью разрушен. Пята его приходится на уровень пола, стенки сохранились на высоту 6—8 см. С этим уровнем пола связаны две ямы: глубиной 20 и 80 см. Во второй из них

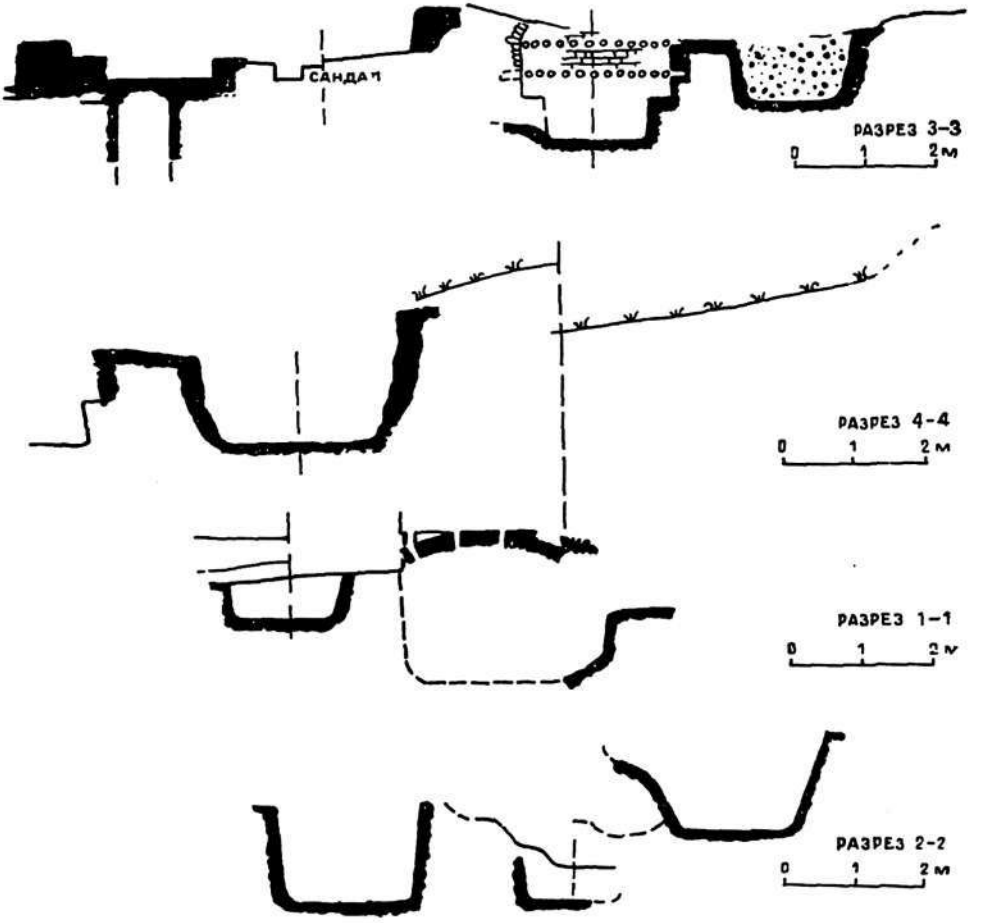


Рис. 2. Мастерсткие керамистов. Разрез.

найдено 7 находившихся в обработке, обожженных, но еще не глазурованных и не расписанных каса. Рядом с печью на полу — обожженный керамический диск со следами сферических поясов, вероятно, верхний столик гончарного круга.

Основные находки — керамика, преимущественно неполивная, довольно грубая, толстостенная. Это — хумы, украшенные снаружи зубчатыми углублениями, тагора, крупные горшки и одноручные кувшины.

Глазурованная посуда — массивная, обычно округлых форм, с фигурным изгибом тулова или с изломом в нижней трети. Донце и

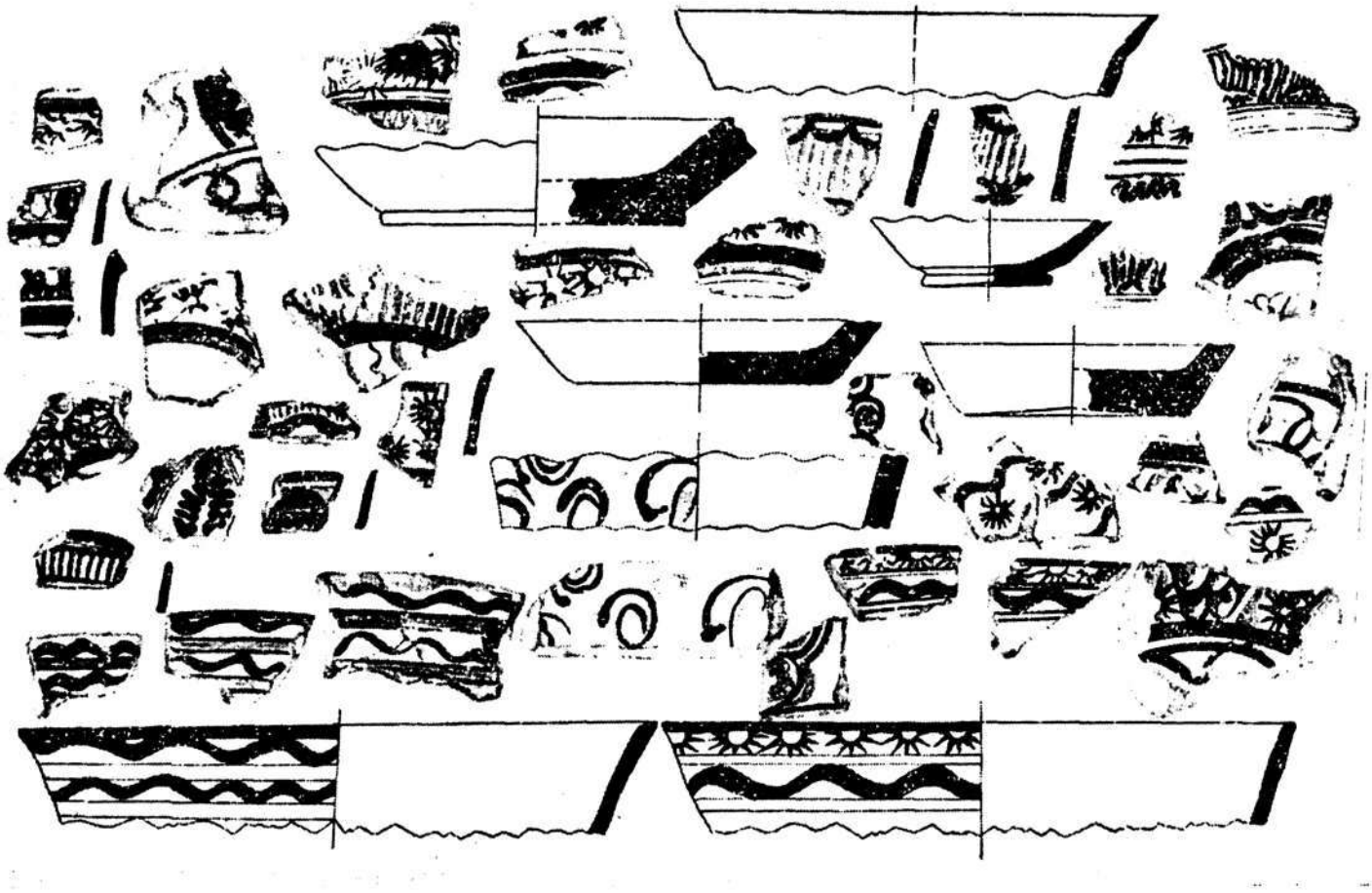


Рис. 3. Фрагменты керамики.

дисковидное, и кольцевое. Есть каса и мелкие чаши на плоском поддоне. Глазурь зеленоватая, голубоватая, серо-марганцевая. Ор-

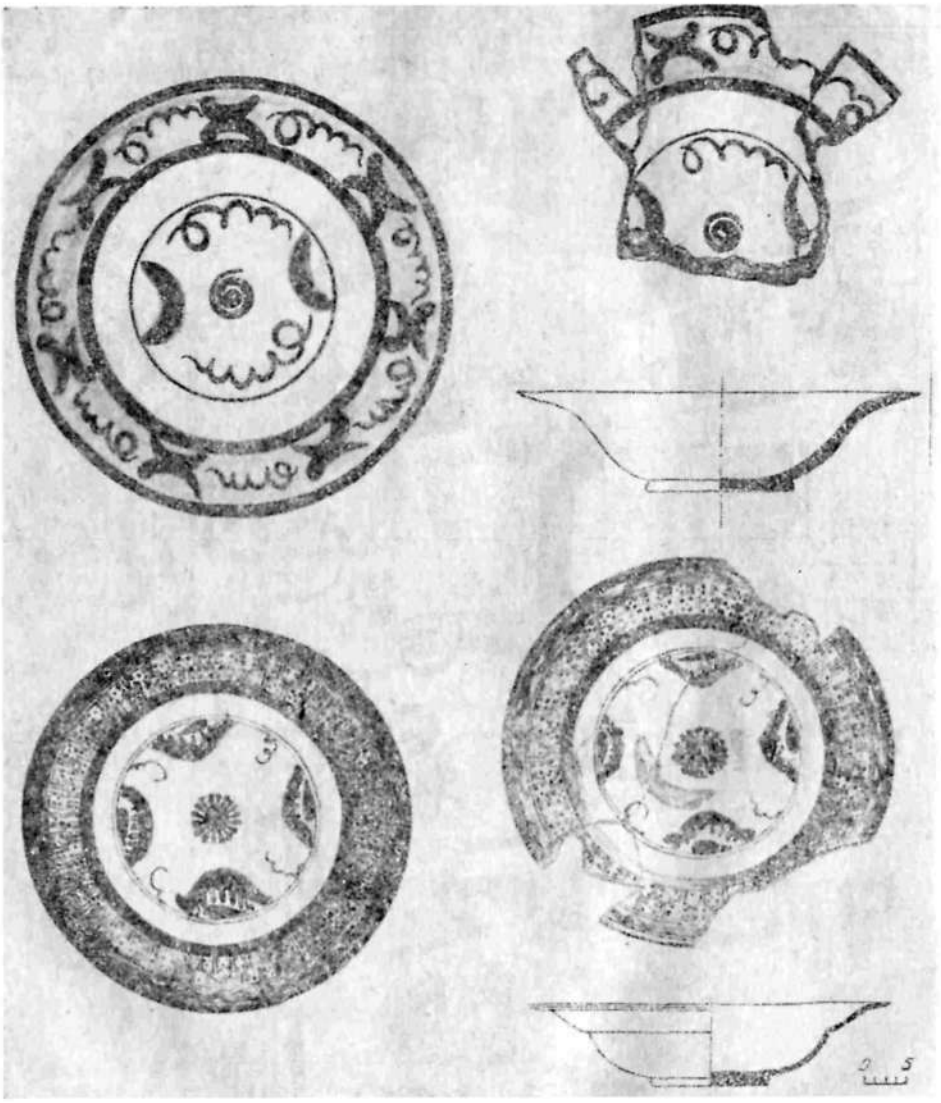


Рис. 4. Чаши из печи XVII в.

намент подглазурной росписи нанесен в несколько поясов и представлен растительными завитками и подражанием живописи.

Среди находок представлен и керамический калыб в форме нижней части кувшина (диаметр устья — 21 см). Орнамент и геометрический, и растительный, сохранились отдельные буквы надписи.

Керамика находит тесные аналогии на памятниках правобережья Сырдарьи и предгорной зоны Ташкентского оазиса XVII — нач. XVIII в.[3], но калыб мог попасть из более ранних слоев.

Пол и находки на нем перекрыты слоем сгоревшего камыша и тонких балок, обрушившихся в результате пожара. Площадка представляла собой производственный айван, открытый на юго-запад. Однако южная часть его смыта.

Наиболее полно сохранилась печь № 3 в 1,8 м к юго-западу от второго горна (рис. 2, разрез 1—1).

Топочная камера в виде округлой ямы диаметром 180 см, слегка суженной к куполу, с сильно ошлакованными стенками, и часть рабочей.

С юга — глубокий наклонный приемник для топлива длиной 130 см, увеличивающийся по мере вхождения в камеру от 40 до 60 см в ширину и от 90 до 180 см в высоту. Кирпичи его уложены наклонно по отношению к плоскости стены. С юго-востока сохранились следы более раннего устья, впоследствии заложенного.

Топочная камера завершается куполом свода пода. Под из сырцового кирпича, уложенного на ребро. Вдоль стен кладка свода циркульная, ближе к центру она переходит в граненую, треугольную и завершается замковым кирпичом. Свод асимметричный, смещен к западу. Расстояние от замкового кирпича до восточной стены 81 см, до западной — 99 см.

По граненому поясу расчищены 5 жаропроводящих отверстий диаметром от 10 до 15 см. По самому краю круга — еще 6 каналов. Расстояние между каналами внутреннего ряда 41—52 см, внешнего — 57—70.

Напротив топки с севера, чуть ниже жаропроводящих каналов — овальный дымоход 32×12 см.

Рабочая камера цилиндрической формы, диаметром 180 см. Стенки ее, изнутри выложенные специальными кирпичами, толщиной 5—6 см с толстой двойной (по 4 см каждая) обмазкой внутри сохранились на высоту 35 см. Снаружи кирпичный каркас обложен глинобитной массой. Общая толщина составляет около 1 м. Сохранились следы капитального ремонта, вероятно, синхронного перестройке топочного входа.

С печью связаны два уровня полов. Нижний проходит почти по основанию топочной камеры, второй — выше на 33 см. Ремонтная обкладка печи и перенос топочного устья совпадают с подъемом пола, т. е. ремонт комплекса был капитальным. Уровни этих полов прослеживаются ниже пола печи № 2 на 141 см в 174 см. На обоих полах вскрыты ямы глубиной 53—60 см, заполненные золой и обломками шлаков, выброшенными при чистке печи. Кроме того,

[3] Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Раскопки в северо-восточной части Отрара//В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 156—157. Рис. 7. Сенигова Т. Н. Керамика городища Туркестан из верхнего строительного горизонта. (XVII—XVIII вв.)//Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 175—180.

собраны фрагменты керамической посуды. Формы ее близки комплексу печи № 2, но более изящны, богаче цветовая гамма и набор элементов декора — волны и круги, стилизованные надписи, аркада, стилизованный вьюн. Многие формы ее находят аналогии с керамикой восточных районов Средней Азии XV—XVI вв. нашей эры[4].

В 2-х м севернее описываемой печи печь № 4. Топочная камера диаметром 200 см и высотой 109 см (рис. 2, разрез 2—2) переходит в рабочую диаметром 240 см. Под разрушен. Маленькое устье топки шириной 55, высотой 21 см создает условие для сгорания топлива в момент падения в топку, поэтому стенки прокалены интенсивно. Связанный с ней комплекс керамики близок материалу печи № 3, но стратиграфически предшествует ей. Печь срезана ямой, которая вскрывает более раннюю печь № 5.

К северо-западу от печи № 3 расположены еще два горна (печь № 6 и № 7), врезанные один в другой, но очень плохой сохранности, не позволяющей восстановить их планировку.

Более интересными оказались печи к северо-востоку от горна № 5. В 10 м от него открыта наиболее хорошо сохранившаяся печь № 8. В разрезе она состоит из двух цилиндров разного диаметра, стенки которых сложены из жженого кирпича 28×14×4—5 см. Нижний — диаметром 150 см и высотой 55 см, затем уступ-полка шириной 22—23 см. Диаметр верхнего цилиндра — рабочего — 195 см, а сохранившаяся высота — 85 см. Стена покрыта двумя рядами ячеек. Нижний пояс проходил в 36—37 см над полкой, верхний — в 66—67 см. Диаметр отверстий — 5—7 см, расстояние между ними — 8—9 см. Печь слегка деформирована к устью. В этой печи прекрасно сохранилась обкладка уступа-полки, подтверждающая отсутствие разделительного пода между топочной и рабочей частями камеры.

Печь № 9 в 5 м к востоку от предыдущей, аналогичной формы, слегка заоваленная, но меньших размеров. Нижний диаметр—80 см, глубина топочной ямы — 25 см. Над ней полка шириной 20 см. Диаметр верхнего яруса — 100—120 см, сохранившаяся высота — 75 см. В этой печи также расчищено 2 пояса ячеек: нижний — в 25—27 см над полкой, верхний — в 46—48 см. Диаметр отверстий — 5—7 см, расстояние между ними — 8 см. Глубина ячеек до 14 см, т. е. на всю глубину стенок, сложенных из кирпича 28×14×4,5 см.

В слое, связанном с печами № 8 и 9, найдена масса фрагментов керамического припаса и посуды. Это керамические штыри веретенообразной формы длиной 30—35 см и толщиной 2—4 см с потеками оплавившейся зеленой и голубой глазури, подставки-трехножки «сепоя», лепешечковидные и катушкообразные подел-

---

[4] Беляева Т. В. Художественная керамика XIII—XIX вв.//Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 40—44; Жолдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жалгызтам (XV—XVIII вв.)//В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 179.

ки, использовавшиеся для прокладки между сосудами открытых форм, С и S-образные коромыслица.

Керамика из слоя этих печей представлена обломками чаш и каса с прозрачной и зеленоватой глазурью по белому ангобу и

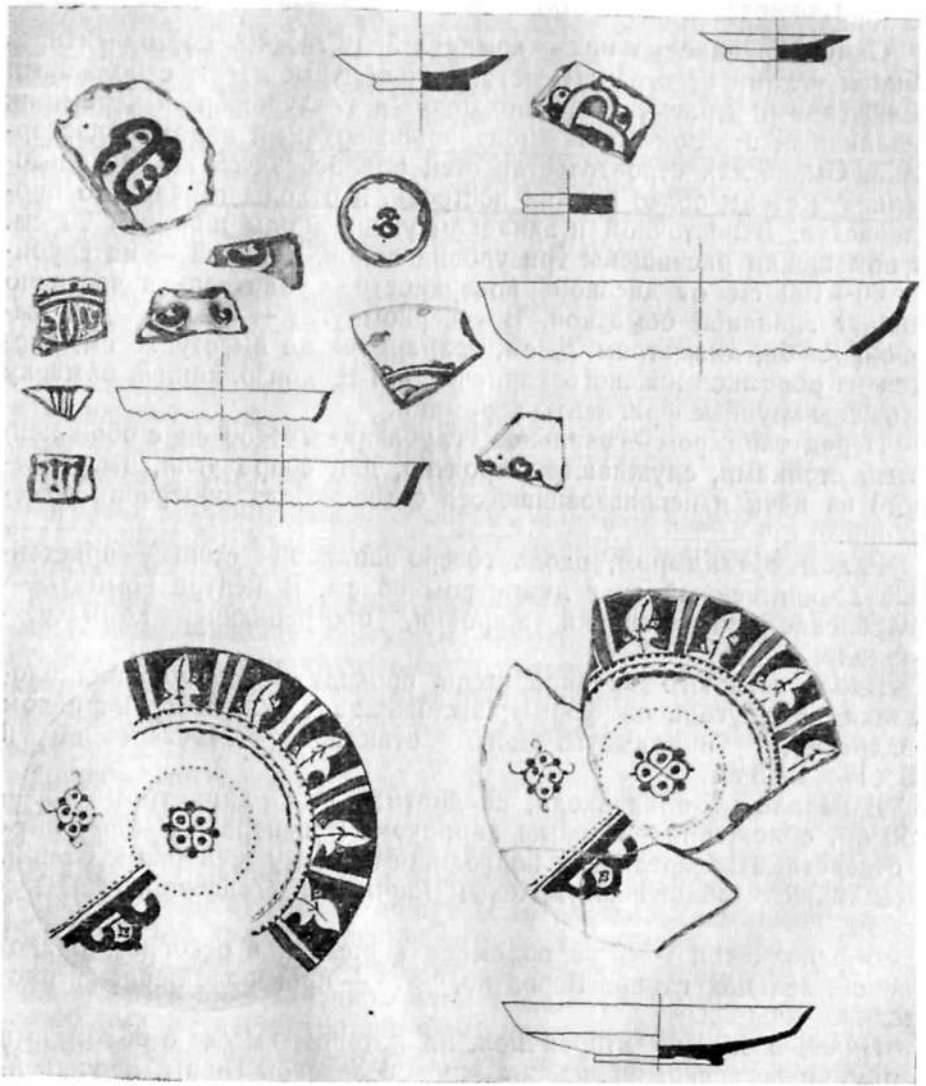


Рис. 5. Керамика из печей XI—XIII вв.

полихромным подглазурным орнаментом. В большом количестве найдены светильники-чираги с граненым резервуаром и ручкой с фигурной пятой. Они покрыты коричневой поливой с подглазурным штампованным орнаментом, включающим растительные, зооморфные мотивы и подражание надписи.

Печи № 10 и 11, расположенные в юго-западной части раскопа, также сохранились фрагментарно. В 1984 г. наряду с печами в центре раскопа были раскрыты помещения хозяйственного и производственного комплекса разных эпох. Наиболее четко сохранились три помещения, характеристика которых дается с востока на запад.

Самое крупное из них — комната 3 (6,75×4,3 м), ориентированная углами по странам света. Глинобитные стены с большими включениями фрагментов неполивной и глазурованной керамики, в западный отрезок стены вмонтирован крупный обломок дастархана. Сырье для строительства стен бралось здесь же, использовались и стены более ранних построек, и отходы гончарного производства. В восточном и западном углах входы шириной 90 см. В помещении расчищены три уровня полов. Верхний — на глубине 80—100 см от дневной поверхности — уплотнен и частично покрыт глиняной обмазкой. В северном углу — тандыр для выпечки хлеба, диаметром 75 см, сохранился на высоту 70 см, сложен из обломков жженого кирпича, для теплоизоляции в обмазку уложены крупные фрагменты керамики.

Перед тандыром — овальное углубление 70×50 см с обожженными стенками, служившее, вероятно, для сбора угля, выгребаемого из печи и использовавшегося обычно для обогрева помещения.

Рядом с тандыром, вдоль северо-западной стены — пристенный хозяйственный очаг диаметром 35 см. В центре комнаты — углубление для установки жаровни, обогревающей комнату — сандала.

Вдоль всей юго-западной стены проходила возвышенная площадка прямоугольной формы, выложенная жженым кирпичом квадратного и прямоугольного стандарта 24×24×5 см и 25×17×4—5 см.

В начале ее, близ входа, квадратная яма диаметром 130—150 см, обложенная жженым кирпичом. В центре крупная плита с отверстием посередине и подводящим к нему желобком. Стенки ямы также обложены жженым кирпичом и завершаются куполом.

В заполнении — масса обломков керамики в основном бракованной, зеленая глина. Вероятно, это — производственная площадка.

Ниже, в 43 см — второй пол, на котором вместе с обломками керамики встречены скопления жирной зеленой глины, являвшейся основным компонентом глиняной массы гончаров. Под ним, в 13 см — третий пол. Но планировка помещения в этот период была иной. Вместо северо-западного входа в углу — водопоглощающий колодец диаметром 80 см, связанный с хозяйственным комплексом и заполненный рыхлой землей.

В центре комнаты — пониженная площадка 32×32 см, вымощенная и обложенная по краям установленным на ребро жже-

ным кирпичом 32×14×4,5—5 см. Вход с юга представлял собой широкий переход в другую комнату или скорее всего айван, оформленный выкладкой из сырцового кирпича, с углубленной площадкой 110×90 см, вероятно, для установки сандала и столика-дастархана.

Комплекс находок на полах интересен. На двух верхних полах в хозяйственном углу — яйцевидный хум с невысокой горловиной. Тулово его орнаментировано крупными косыми штрихами — насечками. Сосуд сформован из трех частей. Их скрепление и уплотнение осуществлялось лопаточкой с гребенчатым завершением. Уплотняя стенки, мастер одновременно наносил рельефный узор. Подобный прием декора в местах скрепления частей хумов, совмещенный с уплотнением стенок, наблюдался этнографами в Хорезме[5].

Крупные тагора с коническими расширенными к устью стенками. Диаметр устья — до 46 см, дна — до 23 см. Внутри покрытие мутновато-синей глазурью.

Лаганы толстостенные с округлым туловом и отогнутой наружу закраиной на массивном кольцевом поддоне. (Рис. 3, 1—3). Диаметр устья — до 32 см. Внутри под светлой глазурью — роспись голубого и марганцевого цвета. Орнамент по краям и граням изгиба — линии, между полосами спирали завитки, изображения солнца и луны, аркада из 8 элементов нечитаемых росписей, вихревая розетка.

Кувшины одноручные, типа афтоба с узким горлом и яйцевидным туловом; широкие двуручные горшки с раздутым туловом и открытым устьем с вертикальной закраиной. Один из горшков покрыт внутри и до перегиба тулова снаружи мутно-голубой поливой, второй — марганцевой, но большинство горшков безглазурны.

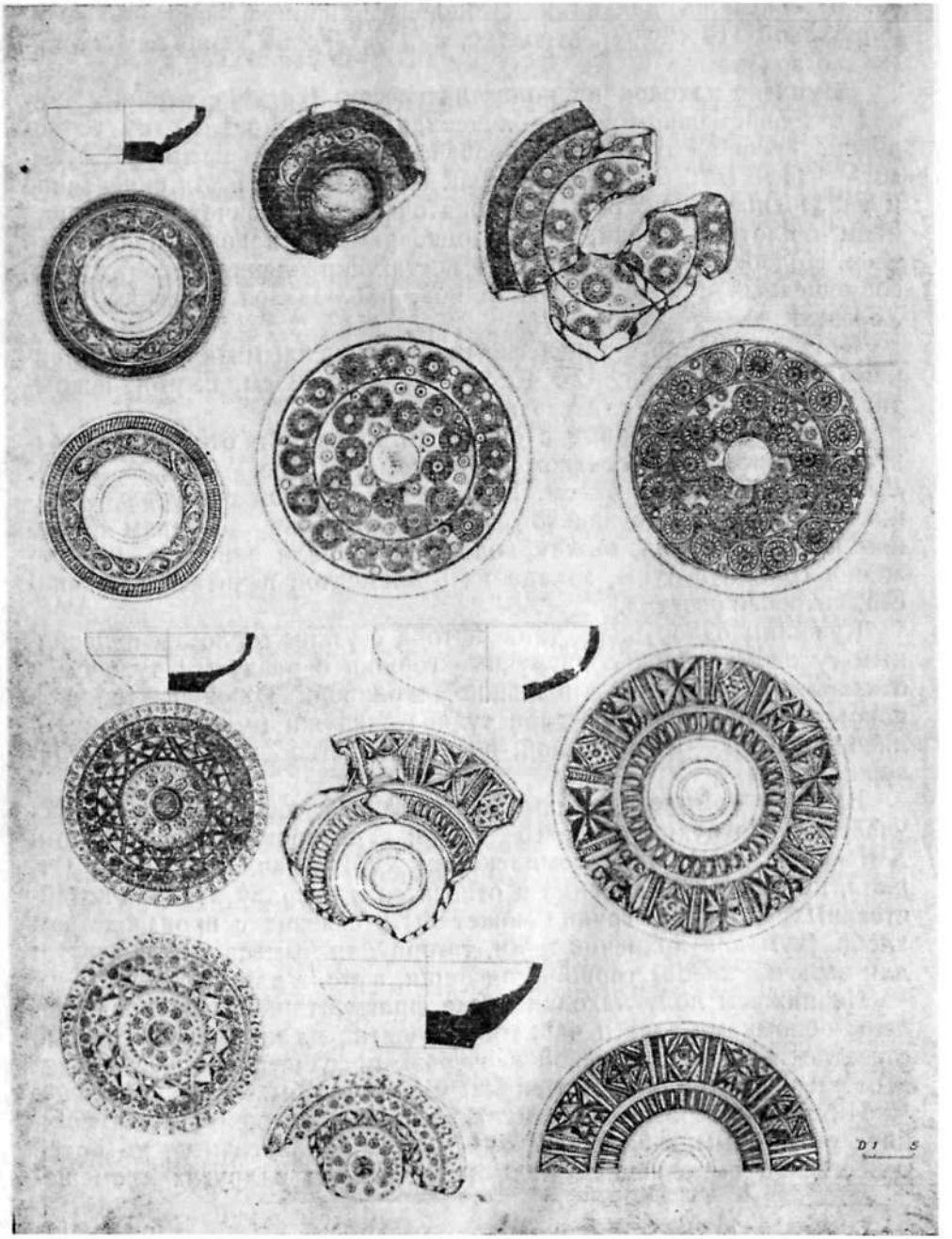
В целом комплекс находит аналогии с сосудами из других участков Шахрухии позднего этапа, датированных монетами XVI — нач. XVIII вв, с комплексами XVII — нач. XVIII в. из Отрара, цитадели Самарканда и относится к разряду кухонно-хозяйственных. Основная группа может быть связана с производством хлеба (хум для хранения муки, тагора для вымеса теста, тандыр для выпечки хлеба) горшки для пищи, афтоба для омовения.

На нижнем полу находки более фрагментарны. Они представлены обломками каса и чаш тонкостенных, на кольцевом поддоне с светло- или темно-зеленой глазурью, подглазурным штампованным расписным, или процарапанным орнаментом.

Интересен керамический калыб в форме нижней части кувшина с рельефным негативным орнаментом. Аналогичные, но более качественно выполненные калыбы, встречены в других помеще-

---

[5] Екимова В. В. Гончарное производство в Хивинском районе (По материалам поездки в Узбекистан в 1930 году)//Труды ХАЭЭ. Т. IV. М., 1959. С. 356.


D1 5

ниях. В целом материалы нижнего пола характерны для конца XI—XII в. н. э. На раннем этапе помещение 3 было изолировано с запада, но с уровня второго пола в северо-западном углу был пробит проход в комнату 2, связанную с функционированием печи № 2. Это—вытянутое с северо-запада на юго-восток помещение

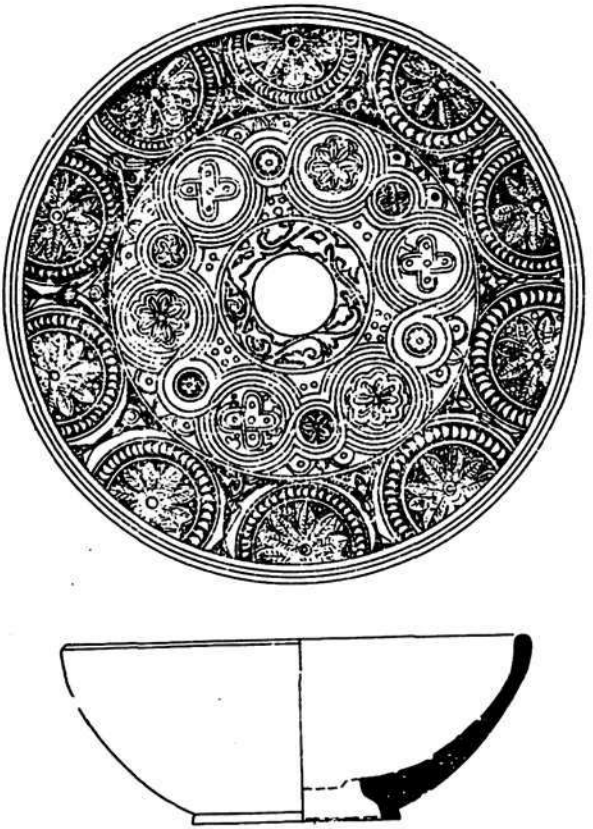


Рис. 6. Керамические калыбы.

шириной 170 см, напоминающее коридор. Северо-восточная стенка его толщиной всего 20 см сложена из разноформатного сырцового кирпича (28×14×4—5 и 25×25×4 см). Кладка комбинированная. Находки немногочисленны. Среди них следует отметить лишь один целый широкогорлый одноручный кувшинчик высотой 22 см с диаметром устья 8,5 см. Техника изготовления его характерна для XVI—XVII вв. н. э.

В западном углу комнаты был заложен шурф 2,15×1,15 см, опущенный на глубину 1,8 м, вплоть до уровня печи № 3. Здесь встречена невыразительная керамика, характерная для XV—XVII вв. н. э. Особняком стоит терракотовая поделка из глины с

шамотом типа стилизованной подставки в виде головы быка или барана. Поделка покрыта зеленоватым ангобом. Она характерна для середины 1 тыс. н. э. и, вероятно, переброшена из нижних слоев.

С глубины 1,8 м начинается новый слой, уровень пола которого отмечен на глубине 3 м. Среди находок на нем — сосуд кувшинообразной формы, завершающийся вместо устья петлевидной ручкой. Сбоку на тулове — аркообразный вырез. Это фанус — футляр для фонаря, в арку которого вставлялся чираг, позволявший ходить со светом по улице. Подобные фанусы, но без ручки, замененной длинной трубкой, известны из мастерских XII — нач. XIII в. в Мерве[6].

На полу была также найдена мустахара, сформованная на гончарном круге быстрого вращения. Под полом — мустахара и целый дастархан в форме диска диаметром 60 см, с опущенным бортиком, на трех ножках. Комплекс характерен для караханидского времени. Ниже раскоп не углублялся.

С юга от комнаты № 2, вероятно, располагался айван, в котором в 1983 г. была вскрыта печь № 2. При расчистке в 1984 г. ямы, расположенной к северу от печи № 2, выяснилось, что она врезана в более раннюю печь (печь № 12). Это горн подквадратной формы, двухкамерный. Вскрыта рабочая камера размером 145×150 см. Задняя стенка ее слегка сужена. В полу расчищено 12 вертикальных продухов диаметром до 10 см. Стенки сохранились на высоту до 30 см. Рабочая камера не расчищена, выяснено лишь, что топка с юга. На полу, связанном с печью, найдена керамика XI—XII вв. н. э.

К северу от комнаты № 2 открыта небольшая комната № 1. На юго-востоке она примыкает к комнате № 3. Но проходов между ними нет и, возможно, она примыкает к родственному, но самостоятельному хозяйству. К восточной стене ее снаружи примыкала яма неправильной округлой формы диаметром 1,3 м и глубиной от пола 0,6 м. В заполнении ее обнаружены скопления жирной глины, для хранения которой яма и предназначалась. Дно ее оказалось обожженным. При расчистке выяснилось, что яма прорезала рабочую камеру более ранней гончарной печи № 13, под которой служил дном ямы. В полу расчищены три вертикальных продуха внутреннего круга жаропроводящих каналов. Топочная камера не расчищена, к северу от нее вскрыта печь № 14. В ней сохранилась лишь топочная камера неправильной овальной формы, несколько расширенная с юга на север, устье ее — с северо-запада. Топочная камера оказалась встроенной в более раннюю печь, цилиндрическую, двухъярусную. Верхний цилиндр диаметром 1,6 м, за счет 20-сантиметровой полочки-уступа сужаясь до 1,2 м, переходит в топочный ярус. В стенках рабочего яру-

[6] Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — нач. XIII вв.//Тр. ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962. С. 358.

са прослеживаются углубления-ячейки диаметром 4—5 см для штырей. Однако при строительстве более поздней печи техника функционирования горнов этого типа, вероятно, уже была непонятна. Поэтому на дно печи был установлен столбик из кирпича, поддерживавшего под. Такие столбики были установлены с двух сторон и на полку — уступ. Они и придали поздней печи овальную форму и превратили двухъярусную печь в двухкамерную. От рабочей камеры поздней печи сохранились стенки на высоту 10—12 см и на 8 см — начало свода пода. Комната № 1 связана с поздней печью. Немногочисленная керамика на ее полу могла быть отнесена к XVI—XVII вв. Среди находок — целый тувак мутно-зеленой глазури, железные штыри. Но под полом ее, в слое, связанном с более ранней печью, найдены фрагменты керамики XII в. и среди них — два керамических калыба: красноглиняный, для отливки нижней части кувшина с негативным орнаментом глубокого рельефа, состоящим из двух поясов, разделенных горизонтальным валиком (верхний широкий, сплошной, представлен в основном растительным рисунком; нижний узкий, в форме отдельных вертикальных миндалин); сероглиняный калыб для отливки верхней половины невысокого горшка или кубка. Орнамент также в два пояса: нижний — более широкий, в виде стелющегося растительного побега; верхний, отделенный углубленной лентой — заштрихованный пояс.

В этих формах отливались нижние и верхние части сосудов, предварительная сушка которых также осуществлялась в калыбе. Благодаря свойству керамического калыба впитывать влагу изготовляемого сосуда[7], последний слегка усыхал и легко мог быть извлечен.

Находки керамических калыбов известны из ряда ремесленных центров Средней Азии. Наиболее многочисленны они из керамических мастерских средневекового Мерва[8].

Интересно, что среди поясов контррельефа верхней части сосуда иногда специально оставляется неорнаментированный участок для подлепки ручки. Таков рисунок на нашем калыбе. Близок к нему калыб Дауданкалы в Хорезме[9].

На этом же уровне найден калыб для украшения пяты ручки чирага. Он представлен в виде хвостового оперения птицы. Орнамент — стилизованная арабеска среди элементов растительного орнамента, заключенная в четырехугольной картуши. Интересно, что чираги с пятой подобной формы, покрытые коричневой и голубой глазурью, были найдены близ печей № 7 и 8. Еще один калыб для пяты чирага листовидной или сердцеобразной формы также принадлежит к числу ведущих форм, оформлявших чираги XI—

[7] Будников П. П. Керамическая технология. Харьков — Киев, 1933. С. 4.
[8] Лунина С. Б. Гончарное производство... С. 287.
[9] Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.)//Труды ХАЭЭ. Т. II. Керамика Хорезма. М., 1959. С. 312. Рис. 252.

XII вв., которые выпускались в мастерских данного квартала. Подобные чираги вообще были широко распространены в Восточном Мавераннахре. Они найдены на Канке, в Фарикете, на памятниках караханидского этапа Семиречья[10]. Таким образом, ранняя печь № 14 функционировала в XI—XII вв., а в последствии, не ранее XVI в., руины печи были приспособлены под горн новой конструкции в связи с формированием хозяйства керамиста с помещением № 1. Далее к востоку вновь расчищены отдельные печи. В 1,5 м от печи № 9 — горн № 15, от которого сохранилась часть топки на высоту до 182 см, заполненная обломками шлаков и обрушившегося пода рабочей камеры. Сопровождающий материал синхронен печи № 2.

Большой интерес представляет расположенная в 12 м к СВ от нее печь № 16. Печь крупная, двухкамерная. Диаметр топочной камеры 230 см, высота 110 см. Но с высоты 80 см она образует четкую полку-уступ, которая тщательно оштукатурена, На ней найдены фрагменты двух оплавленных симобкузача. На уровне 110 см прослеживаются продухи жаропроводящих каналов в рабочую камеру. Однако под почти полностью разрушен.

Находки с уровня функционирования печи в основном включают обломки сосудов открытых форм — чаш с резким перегибом стенок, покрытых изнутри пятнистым орнаментом: зеленые и желтые пятна под мутновато-светлой глазурью, процарапанный орнамент под зеленой глазурью. Есть несколько фрагментов чаш с голубой поливой. Этот комплекс характерен для Чача второй половины XII — нач. XIII в.

Раскопки 1983—1984 гг. дали интересный материал большого хронологического диапазона, позволяющий наметить эволюцию гончарного производства в пределах XI— нач. XVIII вв.

Выявленные керамические горны делятся на два типа однокамерные двухъярусные печи и двухкамерные.

Печи первого типа цилиндрические, с полочкой-уступом и ячеистыми стенками рабочего яруса. Печи второго типа нескольких вариантов:

а) с куполом пода, но с полкой-уступом внутри топочной камеры и круглой рабочей камерой. Представлены пока только одним горном;

б) с толстым купольным сводом пода, продухами по центру и в пазухах кладки свода, с круглой рабочей камерой. Это наиболее массовый вариант горнов верхних слоев Шахрухии;

в) небольшого диаметра, камеры которых разделены тонким плоским подом с продухами, расположенными концентрическими кругами. Печи этого варианта на Шахрухии пока не встречены, но известны по другим ремесленным центрам Мавераннахра;

г) двухкамерные, с квадратной или прямоугольной рабочей камерой и подом близкого типа к варианту «в».

[10] Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972. Табл. XI между с. 152—153. Рис. 137—173.

История двухкамерных печей (называемых автором двухъярусными) прослежена С. Б. Луниной по Южной Туркмении от эпохи бронзы до развитого средневековья, которая вместе с тем отмечает, что в X—XI вв. существовали и печи с открытым пламенем, хотя конструкция их со временем становится иной[11].

Полка-уступ в двухъярусных печах, вероятно, появилась в процессе совершенствования конструкции горнов этого типа. Возможно, их роль первоначально выполняли отсеки внутри топочного яруса типа расчищенного на раскопе 4 в Султанкале двух печей, датируемых IX—X вв.[12]. Затем появляется полка, перекрывающая отсек (конец X — нач. XI в.) — раскоп 5[13].

Следующий этап представляют печи с круговой полкой, распространенные в Бенакете с XI—XII вв.

Двухкамерные печи с подом на центральном или пристенном столбе обнаружены в слоях VI—VIII вв. средневекового Харадж-кета в Чаче[14]. Однако для IX—X вв. известны лишь печи одноярусные с открытым пламенем и ячеистыми стенками рабочего яруса.

Наиболее ранняя, круглая в плане печь тонкой грушевидной формы и с широкой полкой, отнесенная к X — нач. XI в., была вскрыта С. Б. Луниной в западном обводе Султанкалы средневекового Мерва[15]. Там же, в слоях XII — нач. XIII в. была расчищена круглая двухъярусная печь диаметром 2,75 м с широкой полкой и рядами ячеек для штырей[16]. Более обширные аналоги гончарному кварталу дают материалы Афрасиаба.

Три керамические мастерские с гончарными печами от первой половины XI до нач. XIII вв. были открыты в 1961—1962 гг. в центре Афрасиаба между третьей и четвертой стенами Ш. С. Ташходжаевым[17]. В мастерских функционировали двухъярусные печи диаметром 2,3—2,8 м с грушевидной топкой, датированные первой половиной XI в. Стенки производственного яруса, отделявшегося от топки полкой шириной 30 см, сохранили 5 рядов отверстий для штырей, располагающихся друг над другом на расстоянии 30 см., а по горизонтали — 6—7 см[18]. Три круглые печи диаметром 1,4—1,6 м., датируемые XII — нач. XIII в., были

---

[11] Лунина С. Б. Гончарное производство... С. 103—104.
[12] Там же. С. 256—258.
[13] Там же. С. 265, 281.
[14] Абдуллаев К. А. Квартал керамистов городища Канка//ИМКУ. Вып. 11. Ташкент. 1974. С. 83.
[15] Лунина С. Б. Новая гончарная печь средневекового Мерва//Археология Средней Азии. VI. Ташкент, 1963. С. 126.
[16] Лунина С. Б. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва//Тр. ЮТАКЭ. Т. VIII. Ашхабад, 1958. С. 361—362.
[17] Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда XI — начала XIII вв. Ташкент, 1967. С. 6.
[18] Характеристику горнов см.: Шорахимов Ш. К истории изучения гончарного дела на Афрасиабе//ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977. С. 110.

расчищены в 1965 г. в юго-западной части Афрасиаба И. Ахаровым[19].

Автор не дает точных описаний горнов, представляя: их лишь как широко распространенную форму в X—XIII вв., однако, из характеристики припасов керамистов, в составе которых наряду с сепоя, лепешковидными и дисковидными подставками, упомянуты крупные керамические штыри и коромыслица[20], мы можем сделать вывод, что стенки данных горнов были снабжены отверстиями, в которые вставлялись названные штыри. Из описания печей нельзя определить, являлись ли они двухъярусными или были разделены подом. Дело в том, что печи второго типа также встречены на Афрасиабе уже в домонгольский период. К ним, в частности, следует отнести основную группу керамических горнов, вскрытых в центре Афрасиаба в 1968—1971 гг. Ш. Шорахимовым, выявившим квартал керамистов X — нач. XIII вв[21].

Овальные и круглые в плане печи, разделенные подом с продухами, как считает автор — двухъярусные[22]. Фактически они являются двухкамерными.

В эту группу должны быть включены и печи, вскрытые в шахристане Самарканда А. И. Тереножкиным и Л. И. Альбаумом в 1947 г.[23]

Эти горны были большого диаметра, стенки их имели ячейки для штырей, на которые с помощью более мелких штырей и коромыслиц устанавливалась или подвешивалась посуда. Данная камера уже отделялась от топки перегородкой с серией жаропроводящих отверстий. Л. И. Альбаум датирует их X—XI вв., однако, комплекс из печи полностью сближается с описанным выше из печи И. Ахарова. Стены сложены из кирпича караханидского стандарта. Светильники с граненым резервуаром, двумя резервуарами и высокой ручкой, чаши с голубой поливой датируются не раньше XII — нач. XIII в. Поэтому предложенная автором датировка кажется нам неверной[24]. Комплекс, несомненно, позднекараханидский, и, возможно, прекратил свое существование в связи с запустением города вследствие монгольского нашествия 1220 г.

---

[19] Ахаров И. К истории керамического производства на городище Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969. С. 301—309.

[20] Там же. С. 303.

[21] Шорахимов Ш. К стратиграфии квартала гончаров в центре Афрасиаба//ОНУ. 1973. № 10. С. 55—58.

[22] Шорахимов Ш. Гончарное производство средневекового Самарканда X — нач. XIII вв. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ташкент, 1975. С. 15.

[23] Альбаум Л. И. О гончарном производстве на Афрасиабе в X—XI вв.// Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1959. С. 256—267.

[24] Там же. С. 267. Ошибочной нам представляется также реконструкция первого типа обжига каса и пиал (рис. 4 на с. 264), при которой сосуды устанавливались на полки венчиками вверх и при потоке воздуха через жаропроводящие каналы не могли обжигаться изнутри. И этнографические параллели, и сохранившийся в археологических исследованиях материал показывают, что сосуды обжигались лишь донцами вверх, разделенные треножками сепоя.

Материалы Шахрухии показывают, что уже во второй половине XII в. оформляются и двухкамерные печи с толстым купольным подом. Топочная камера их значительно превышает печи первого типа и по высоте, и по диаметру. И в то же время в них еще присутствует полочка. О ее функциональном назначении говорит и неоднократная обмазка, и находка в ней бракованной продукции. Вполне вероятно использование ее именно для обжига симобкузача, т. к. в этой камере, во-первых, температура была значительно выше, чем в собственно рабочей, во-вторых, можно было вести восстановительный обжиг. Сосуды подобного типа не боятся задымления.

Вероятно, появление печей с крупным резервуаром рабочей камеры и толстым купольным сводом связано с расширением ассортимента крупногабаритной продукции и изменением техники установки сосудов открытых форм. Гончар отказывается от подвешивания сосудов на штырях и устанавливает их непосредственно на под, который делается монументальным.

Одновременно с вышеуказанными функционировали и печи с прямоугольной рабочей камерой. Продухи в поду вертикальные, значит, как и печи варианта «б», эти горны были рассчитаны на вертикальное пламя с дымоходом вверх.

Аналогичные печи широко известны в гончарном производстве северного Хорасана. Большая группа их была вскрыта в мастерской западного рабада Султанкалы, датируемая XII — нач. XIII в. В комплексе находок наряду с керамикой был получен необычайно разнообразный набор штампов, включая калыбы для медника-ювелира[25].

М. Р. ТИХОНИН

К ИСТОРИИ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ГОРОДИЩА ШАХРУХИЯ.

Городище Шахрухия расположено в Ташкентской области, на правом берегу р. Сырдарья и состоит из частично сохранившейся в восточном углу цитадели, двух шахристанов и прилегающих к ним рабадов.

Цитадель возвышается над площадью первого шахристана на высоту до 2,5 м и отделена от него рвом глубиной до 3 м. Стены ее сохранились лишь в длину на 15 м. Высота шахристана — I в западном углу достигает 25 м, а к северо-востоку понижается до 12 м.

В северной части шахристана—I располагаются ворота, соединяющиеся пахсовой стеной с угловой башней. Вдоль внешнего фаса западной стены прослеживается сухое русло Шаркиясая, впадающее в Сырдарью. От ворот в юго-восточном направлении

---

[25] Лунина С. Б. Гончарное производство... С. 282—316.

протянулись остатки городской стены с башнями. Площадь шахристана—I — 16,7 га.

Шахристан—II протянулся от ворот шахристана—I на 250 м. Его северные ворота образованы отдельным укреплением и оконечностью обводной стены шахристана — II, которая огибает подковой территорию шахристана — II вдоль русла Бахорсая, образованного оборонительным рвом глубиной 15—18 м.

К городищу примыкают обширные рабады со следами жилых застроек, гончарного и стекольного производства[1].

На участке стены шахристана — II между двумя башнями, имеющем наилучшую сохранность, нами заложен разрез длиной 14 м, глубиной 6 и шириной 3 м.

Разрез сориентирован с северо-востока на юго-запад (см. Рис. 2 а.). С I по III ярус в разрезе зафиксированы остатки городской стены из пахсы и комков глины высотой до 1,2 м, ширина этой стены — до 1 м. Стена была построена на платформе, образованной при устройстве обводного рва, с внешним скосом 75, высотой до 4,5 м, шириной до 8 м.

Частично платформа состоит из архитектурных остатков предшествующих строительных периодов, но в свою очередь разрушена поздними керамическими печами, в которых встречены фрагменты керамики с орнаментом «басма», характерной для XVII—XVIII вв.[2]

Основание стены зафиксировано на уровне VII яруса, а на грани VII—VIII ярусов найдены остатки пола из жженого кирпича 22×14×3,5—4 см. Под полом находилось сливное устройство, сооруженное из хума с выбитым дном. Высота хума — 80 см, диаметр венчика — 40 см, диаметр основания — 30 см. На плечиках имеются две вертикальные ручки.

Горловиной хум опирается на три подпорки, сложенные из жженого кирпича того же формата, что и пол. Под сливным устройством зафиксирован натечный слой, из которого извлечены скелет курицы, 8 бараньих астрагалов, а также образцы стеклянной посуды:

1. Кружечка светло-зеленого стекла, высотой 6,5 см, диаметром края 6,5 см, с петлевидной ручкой с двумя отростками и налепом диаметром 1,2 см. Дно вогнутое. Толщина стенок — 1.1 мм. Вторая аналогичная форма сохранилась фрагментарно.

2. Бокал высотой 11 см и диаметром по краю 6 см. Резервуар, суживающийся книзу, переходит в ножку. Сосуд украшен тремя поясками из стеклянных жгутиков. Второй подобный бокал представлен лишь основанием диаметром 6 см.

---

[1] Буряков Ю. Ф., Тихонин М. Р. Раскопки керамической мастерской конца XV — нач. XVI в. в Шахрухии//ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981. С. 58—64.

[2] Ерзакович Л. Б. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв.//Вестник АН КазССР. 1966. № 5. Рис. 2.

3. Фрагмент донца стакана диаметром 3,5 см, украшенный розеткой. Толщина стенок — 1 мм.

Подобные стеклянные формы известны по материалам Ташкентской области X—XI вв.[3]

С вышеописанного пола из жженого кирпича подняты фрагменты поливной керамики белой глазури, орнаментированные строенными точками черного и красного цветов, покрытые зеленой глазурью с процарапанным орнаментом. Подобная керамика известна по материалам Согда X в.[4], Шаша X—XI вв.[5]. Она имела широкое распространение в предмонгольский период[6]. Соответственно этим периодом и датируются в разрезе слои, предшествующие строительству стены шахристана — II.

На уровне IX яруса проходит водопроводная линия из глиняных кубуров вдоль городской стены с востока на запад. Диаметр кубуров — 10 см. Их лишь случайно не задело жерло гончарной печи, от которой сохранилась сильно ошлакованная топочная камера. В завале этой печи собраны незначительные фрагменты керамики XVI—XVII вв.: фрагменты тарелок с орнаментом «басма», пиалы, расписанные белой поливой с орнаментом из черной и синей краски. Они датируют время запустения пахсовой стены шахристана — II. Это подтверждается и тем, что в слоях заполнения над стеной также имеются многочисленные шлаковые отвалы, которые, на наш взгляд, сознательно насыпались перед фасом стены, образуя городской вал — фортификационное сооружение последнего этапа жизни города.

С целью более детального изучения воротного комплекса городища в северной оконечности стены шахристана — II был заложен раскоп 21 м². На глубине 25 см от уровня дневной поверхности зафиксирован пол из обломков жженого кирпича толщиной 4 см. Под ним — слой запустения толщиной до 50 см, под которым расположен еще один пол, вымощенный аналогично первому. В западном углу в полу имеется выемка, в которую было вставлено донце кувшина с процарапанной вихревой розеткой внутри, характерной для керамики XVI—XVII вв.[7]

В северной части шахристана — II, в непосредственной близости от оконечности городской стены отдельная возвышенность в плане овальной формы — 25×30 м в основании, высотой 4,5 м. Холм как бы продолжает линию стены, расположен на берегу Шаркиясая. По его дну сейчас проходит грунтовая дорога. Вдоль нее тянется цепочка маленьких холмов — остатки мелких строе-

---

[3] Буряков Ю. Ф. Археологические материалы по истории Тункета и Аблыга//Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1966. С. 141—142. Рис. 20, *13, 16, 18.*

[4] Древности Ташкента. Ташкент, 1976. С. 54. Рис. 23.

[5] Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979. С. 51.

[6] Там же. С. 53—56.

[7] Ахинжанов О. М. К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отрара//Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 50.

ний, напоминающих лавки торговцев. Это предположение подтверждается тем, что дорога выводит на обширную площадь, вероятней всего — базарную.

Вскрытие холма показало наличие отдельно стоящей башни, построенной из жженого кирпича 24×14×4 см на лессовом основании, в разрезе которого зафиксирована частично сохранившаяся вымостка из сырцового кирпича — 25×?×6 см.,— пол смытого помещения. Башня состоит из двух помещений — боевого и для отдыха воинов.

Боевая часть в плане дугообразной формы. Ее диаметр — 4,5 м. Стены сохранились на высоту 25 см. Сложены они из кирпича на глиняном растворе толщиной до 3 см. Под основанием стены — глиняная подсыпка с включением большого количества битой керамики XII—XIV вв.[8]. Пол в башне глиняный.

Помещение для отдыха шириной до 2 м и толщиной стен из пахсы до 1 м.

С северо-восточной стороны к башне примыкала частично сохранившаяся вымостка из обломков жженого кирпича того же стандарта, служившая открытой площадкой для стражников. С пола башни и с площадки собрана поливная керамика тимуридского времени — с черной и синей росписью бо белому фону, хорошо известная по материалам Ташкента, Самарканда, Ахсикета[9].

План этой башни аналогичен частично раскопанной в 1973 г. Ю. Ф. Буряковым[10]. Она является составной частью одного комплекса городской фортификации шахристана — II. Отличается лишь меньшими размерами, а также тем, что выстроена из жженого, а не из сырцового кирпича, что указывает на ее особое положение.

Для изучения укреплений шахристана — I нами заложен раскоп в его северном углу, где находится мощный угол обороны. (рис. 2 г). На глубине 70 см от дневной поверхности расположен слой уплотненной глины толщиной 10 см, примыкающий к пахсовой стене толщиной 1,5 м. Над ним — слой запустения из зольных линз, битого жженого кирпича, костей, фрагментов керамики и рыхлой глины. На глубине 75 см к стене примыкает пол, вымощенный жженым кирпичом 28×13×4 см.

В западной части раскопа к оборонительной стене примыкает стена из сырцового кирпича 30×16×7 см. Вдоль нее сохранились остатки глиняной суфы, с которой подняты фрагменты кера-

---

[8] Буряков Ю. Ф., Бурякова Э. Ю. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам площади Регистан в 1969—71 гг.)//Афрасиаб. Вып. 2. Ташкент, 1973. С. 187.

[9] Буряков Ю. Ф. Археологические материалы к топографии городища Шахрухия XIII—XVII вв.//Средневековая культура Казахстана и Средней Азии/Материалы Всесоюзного совещания 13—15 мая 1982 г. Алма-Ата, 1983. С. 174.

[10] Там же. С. 64—65.

мики «басма», аналогичной керамике с вышеописанных раскопов на шахристане — II XVI—XVIII вв.

По наружному северному фасу стены мы опустились до ее основания, выявленного на глубине 2 м. В северном углу стена поворачивает на восток, к воротам. Здесь зафиксированы остатки башни из сырцового кирпича, аналогичного кладке башни шахристана — II. Подстилающие слои представлены керамикой от узкогорлых кувшинов, известных на Афрасиабе и в ташкентском регионе в IX в.[11], фрагмент ручки светильника голубой поливы с гранёным резервуаром и лепестковым упором, датируемый XI в.[12] Там же встречен фрагмент блюда белой поливы с черным эпиграфическим орнаментом X—XI вв.[13]

Как видно, геометрическая форма шахристана — I и вышеперечисленная керамика свидетельствуют о формировании фортификационных сооружений домонгольского времени. Они же стали основой планировки и более поздней, тимуридской фортификации, строившейся и в шахристане — I, и в шахристане — II по единому типу.

Хотя Шахрухия довольно часто упоминается в исторических источниках, но до сих пор остаются не освещенными многие вопросы ее исторического развития, в том числе и фортификации. Эти пробелы восполняют данные раскопок.

После разрушения Бенакета монголами город возрождается вновь в конце XIII в.[14] В 1392 г. по приказу Тимура здесь возводятся крепостные стены и город обретает новое название — Шахрухия[15]. В этот период и в более позднее время правления Улугбека Шахрухия становится мощной крепостью на переправе через Сырдарью, а с XV в. — центром одноименного владения ташкентского региона[16], частью ташкентского вилайета Султан Махмуда[17]. В XVI в., при Шейбанидах, Шахрухия — вторая столица узбекских ханов ташкентской ветви и место пребывания их наследников[18].

Наиболее интенсивный рост Шахрухии отмечается в XVI—XVII вв.[19], когда сельская округа становится местом керамического и стеклоделательного производства[20]. Но в то же время сле-

[11] Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979. С. 21.

[12] Брусенко Л. Г., Галиева З. С. Материалы раскопок квартала X—XI вв. на городище Канка//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982. С. 132.

[13] Буряков Ю. Ф. Археологические материалы по истории Тункета и Аблыга. С. 138.

[14] Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. I. М., 1963. С. 96—97.

[15] Бартольд В. В. Улугбек и его время//Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 103.

[16] Там же. С. 105; Васифи Зайнутдин. Бадам-ал-Вакаи. М., 1961. Т. 1. С. 695—697; Т. 2. С. 13, 32.

[17] Бабур-намэ. Ташкент, 1958. С. 18—32.

[18] Болдырев А. М. Зайнутдин Васифи. Сталинабад, 1957. С. 186—212.

[19] Буряков Ю. Ф. Археологические материалы... С. 67.

[20] Буряков Ю. Ф., Тихонин М. Р. Раскопки керамической мастерской... С. 58.

дует отметить, что городские стены из пахсы, возведенные при Тимуре, приходят в негодность, а на их месте вырастает вал из земли с большим включением отходов керамического производства.

Вместе со рвом и параллельно идущим Бахор-саем вал до последнего периода играл роль оборонительного рубежа.

Стена тимуридского периода возводится на остатках архитектурных сооружений Бенакета XII— нач. XIII в.

В микрорельефе стены читается 21 башня из сырцового кирпича, в плане полукруглой формы, для ведения боя и отдыха воинов. Расстояние между башнями неодинаково, что диктовалось особенностями окружающего рельефа. Так, на восточном направлении перед рвом и Бахор-саем расстояние между башнями — 30—34 м, причем, каждая третья башня — несколько меньшего размера. В северо-восточном направлении башни расположены через 16—25 м. Они контролировали открытый участок местности перед городскими воротами, наиболее удобный для подхода противника.

Таким образом, система оборонительных сооружений Шахрухии сочетала в себе инженерные сооружения — рвы, стены с выступающими башнями, выносные башни, которые возводились из жженого кирпича и соотносились с особенностями местности, усиливающими оборонительные возможности города.

Фортификация шахристана — I и шахристана — II органически взаимосвязана между собой — башни шахристана — II контролировали дорогу, проходящую к базарной площади (открытое пространство), где находились также укрепленные башнями и пахсовыми стенами ворота шахристана — I, расположенные на значительной высоте.

При строительстве этих сооружений большое внимание уделялось приспособленности их к рельефу местности — стены как бы теряются за внешней стороной рва. Такая форма сооружений была обусловлена способом ведения войн того времени. Замена пахсовой крепостной стены насыпным валом являлась следствием многочисленных войн, когда на строительство новых стен и башен не хватало средств и времени. В то же время насыпные валы, достигающие значительной толщины, были более эффективным средством обороны против разрушительной силы артиллерийских орудий, которые довольно широко применялись в XVI—XVIII вв. при штурме городов.

Э. Ю. БУРЯКОВА, Т. И. ЛЕБЕДЕВА

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ЦИТАДЕЛИ ТИМУРА

После прихода к власти Тимур выбрал столицей Самарканд. Оборонительные стены Самарканда были уничтожены еще Чингиз-ханом. Тимур создает здесь укрепленную столицу: с 70-х го-

дов XIV в. восстанавливается городская оборонительная стена и возводится цитадель[1]. Ее заложили в западной части города, западная сторона цитадели являлась и городской стеной[2]. Являясь административным и в какой-то мере, военным центром Самарканда, цитадель обходилась молчанием в источниках. Авторы лишь ограничивались указанием на место расположения ее и кратким перечислением построек, находящихся в ней.

Первое упоминание о цитадели мы находим у испанского посла Рюи Гонзалеса де Клавихо, прибывшего в Самарканд ко двору Тимура в 1404—1405 гг., перед походом последнего на Китай. Тимур, принимавший послов в загородных дворцах-садах так и не впустил их в цитадель, сославшись на данный им обет вступить в город в день семилетия со дня похода в Турцию[3]. Клавихо пришлось ограничиться обобщающим описанием цитадели: «В конце города стоит замок, с внешней стороны как будто на плоском пространстве, но окруженный очень глубоким рвом, который образуется ручьем, и от этого рва замок делается неприступным. В нем царь хранил свою казну, и туда не входил никто, кроме алькада и его людей; в этом замке царь держал около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки и стрелы...»[4]

Следующее описание Самарканда и его цитадели дает Бабур. Его сообщение относится к концу XV—нач. XVI в. Он упоминает четырехэтажный Кок-Сарай, построенный Тимуром, отмеченный гордой и мрачной славой, где восходили на престол правители и уничтожались свергнутые. Второй дворец был жилым. Об оборонительной системе цитадели вскользь упоминает Бабур в связи с побегом Байсункар-мирзы из дворца Бустан-Сарая: «...выбрался (Байсункар) по ложу водопровода на крепостной вал, выходивший к Гатфару, бросился с двойной стенки вала и направился в Ходжа Кафшир»[5].

Из этого источника мы узнаем, что в 1495—1496 гг. оборонительная стена на севере цитадели была двойной. После Бабура описания цитадели Тимура появляются только в XIX в. По этим источникам, цитадель по площади 34 га оставалась прежней (рис. 1), только многократно ремонтировались ее стены. Арк окружен глубоким рвом, заполнявшимся водой Навадона. Вход в цитадель (довольно крутой) со стороны Регистана осуществлялся через мост, перекинутый через ров. Эти ворота, называвшиеся Самаркандскими, располагались рядом с ханакой шейха и почитаемого святого Нур-ед-дина Басира[6]. Вторые ворота ци-

[1] См.: Бартольд В. В. История Туркестана. Ташкент, 1922. С. 43; Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета//СКСО. Вып. VII. С. 17.
[2] Вяткин В. Л. Указ. соч. С. 17.
[3] Клавихо Г. Дневник путешествия ко двору Тимура. Спб., 1881. С. 331.
[4] Там же. С. 330—331.
[5] Бабур-намэ. Ташкент, 1958. С. 50, 60.
[6] Вяткин В. Л. Указ. соч. С. 17.

тадели (Бухарские) были деревянные и имели предвратные круглые башни. Стены имели зубцы и фланкирующие выступы[7], а также круглые башни[8]. Оборонительная стена цитадели показана на картинах Верещагина В. В., участвовавшего в обороне Самар-

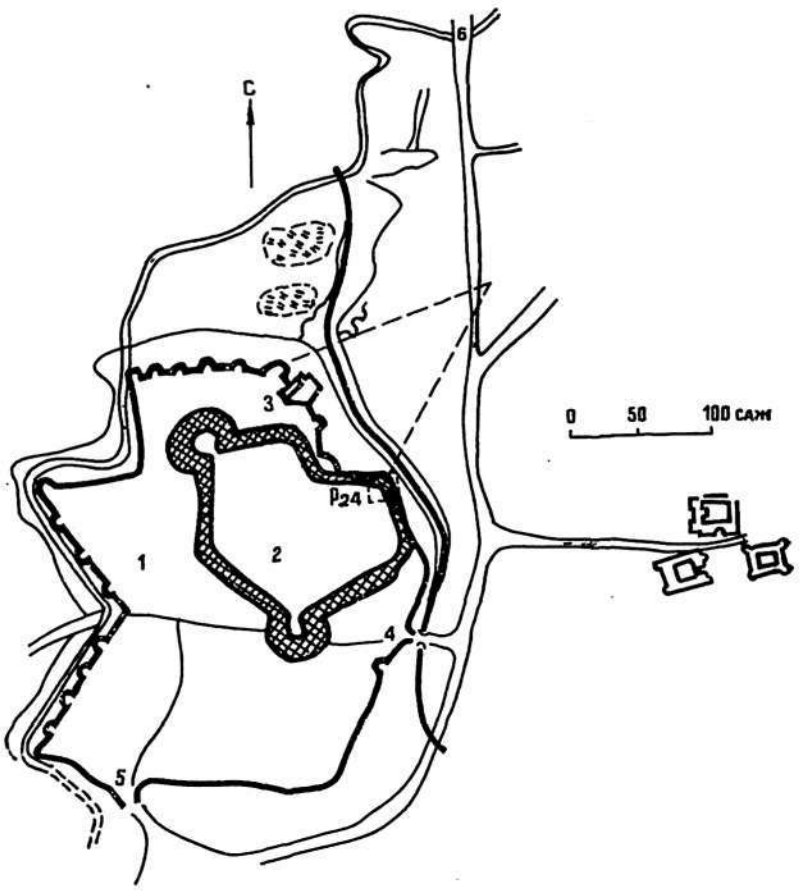


Рис. 1. План цитадели Тимура 1875 г.; план русской крепости:

1 — цитадель Тимура; *2* — русская крепость; *3* — водопровод; *4* — самаркандские ворота; *5* — бухарские ворота; *6* — ворота Шейх-заде.

кандской цитадели 2—8 июля 1868 г.[9] Внутренняя часть цитадели, по состоянию на вторую половину XIX в., делилась на две половины: в южной части цитадели находились жилые кварталы[10], в северной — административная часть с дворцом хана. Во дворце хана имелся тронный зал с кок-ташем (упоминающийся еще со времени Тимура), за стеной зала находилась баня эмира.

[7] Костенко Л. Р. Туркестанский край. Т. 1. Спб., 1880. С. 439.
[8] Там же.
[9] Лебедев А. К. Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1958. С. 113.
[10] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Спб., 1865. С. 105.

После занятия цитадели русскими войсками во дворце эмира был размещен госпиталь, а в бане — мертвецкий покой. На северо-востоке цитадели располагался сарбазский двор, к западу от

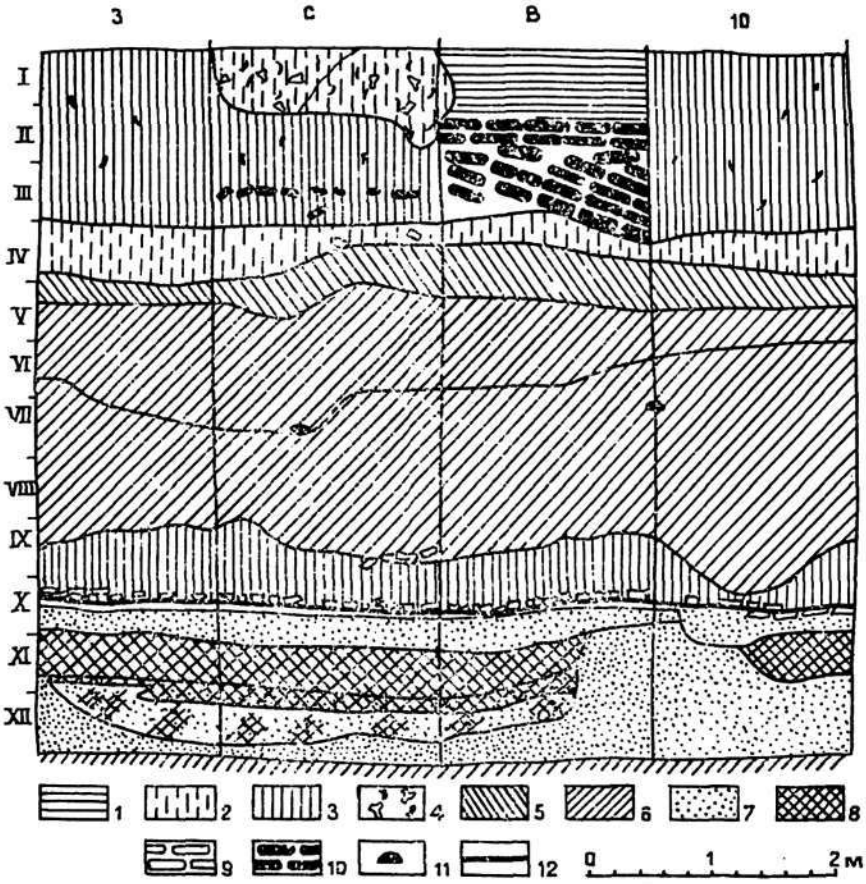


Рис. 2. Развертка шурфа № 1:

1 — пахса; *2* — рыхлая земля; *3* — желто-серая земля с битым кирпичом и керамикой XIV—XVI вв.; *4* — мусорная яма с керамикой XIX в.; *5* — плотная серо-зеленоватая земля; *6* — слой кладбища; *7* — крупный желтый песок; *8* — зеленоватая земля с пятнами материкового лесса; *9* — жженый кирпич; *10* — сырцовый кирпич; *11* — захоронение; *12* — уровни обжигания.

него — пороховой склад и площадь с памятниками погибшим русским воинам[11], русская церковь[12] и русская школа. До прихода русских в северо-восточной части цитадели действовал зиндан. Это все, что нам известно о цитадели Тимура из источников.

[11] Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. Спб., 1876. С. 199.

[12] Костенко Л. Р. Указ. соч. С. 440.

В настоящее время, в связи с работами по благоустройству города, на территории бывшей Тимуридской цитадели нами были проведены раскопки, которые дали следующую картину: найдены остатки двойной оборонительной стены русской крепости (южная рондель), баня эмира бухарского, построенная в XVIII в., северо-западнее от нее — часть стены и вымостки двора «тронного зала» (подтвердившие, что дворец эмира с «тронным залом» был построен не ранее XVIII в.), под ним прослеживается четырехметровая стратиграфия жилых кварталов с узкими улочками, хауз XVI в., водосток того же времени, хауз и баня XIV в.; квартал керамистов конца XVIII — сер. XIX в., подвал XIX в. и др.

В данной статье нам хотелось бы уделить наибольшее внимание оборонительной системе цитадели. Три полевых сезона, параллельно с другими археологическими объектами, велись раскопки на оборонительной стене в северо-восточном углу восточного фаса цитадели. Остатки ее прослеживаются и в северо-восточной части цитадели под современными жилыми кварталами. Здесь же, под этими кварталами, должны быть остатки водопровода, дворца Бустан-Сарая и северной части русской крепости.

Остатки оборонительной стены были обнаружены во время обследования котлована под гараж Самаркандского облисполкома и прилегающей к нему местности. Восточнее котлована, по краю обрыва, над ютящимися под ним жилыми домами была обнаружена мощная кладка из сырцового кирпича. Это навело на мысль об оборонительной стене, а также, исходя из рельефа местности, — о возможности нахождения здесь угловой башни.

Раскопки начали весной 1982 г. Был заложен раскоп № 24. Кроме вскрытой башни, двойных оборонительных стен и межстенных подсобных оборонительных помещений на северо-западном участке раскопа были заложены шурф № 1, доведенный до материка, и дополнительный шурф № 2 в подсобном помещении 1 для проверки наличия захоронений (часть кладбища была зафиксирована в шурфе № 1), сделаны разрезы оборонительных стен, а также шурф № 3 — для выяснения характера заполнения межстенного пространства двойной восточной оборонительной стены.

Шурф № 1 (рис. 1) дал полную картину обживания территории данного участка цитадели Тимура с X в. н. э. до постройки оборонительных стен включительно.

У самого подножия небольшой возвышенности естественного происхождения протекает арык Навадон, от которого она плавно повышается в западном направлении. Возвышенность образовалась на мощном слое древних намытых песчаных отложений (песок крупный, желтый, иногда настолько спрессованный, что встречаются куски абразивного камня). Эта мощная песчаная подстилка прослеживается на всем участке раскопа. Над песком — лёсс до 5—6 м в центре цитадели. На нашем участке его почти нет. Над песчаным слоем в шурфе — тонкий слой зелено-

ватого с желтоватыми пятнами материкового лёсса. Над этим слоем обнаружена вымостка из битого жженого квадратного кирпича, вероятно подводившая к роднику. Родниковая зона наблюдается и в наше время к северу от этого места и к юго-востоку (родник Чашма у арыка Навадон). В юго-западном углу шурфа эта вымостка перекрывает четыре жженых кирпича формата 22×22×4 см, здесь же обнаружен фрагмент керамики X—XI вв. н. э. Это позволяет сделать вывод о начальном этапе обживания родниковой зоны. Жженый кирпич такого же формата обнаружен в траншее № 1 над остатками жилых слоев X—XI вв. Выше по северному склону холма обнаружено мусульманское кладбище.

Дополнительный шурф № 2, заложенный в помещении 1 на проверку захоронений, дал к двум детским и двум взрослым захоронениям из шурфа № 1 дополнительно два захоронения новорожденных, одно детское и одно захоронение подростка. Детские захоронения однотипны: труп уложен на правый бок лицом к западу в позе внутриутробного положения; взрослые — на правом боку или на спине лицом к западу. Сопровождающий инвентарь в захоронениях отсутствует. К югу от оборонительных стен первого строительного периода захоронений нет. На южном участке раскопа вскрыты остатки нескольких мусорных ям и бадрабов с керамикой XII—XIII вв. и XIII — первой пол. XIV в. В одной из них (тр. № 1) найдена монета второй половины XIII—пер. пол. XIV в. н. э. Здесь же, в траншее, прослеживаются жилые слои с линзами очагов. Скорее всего, прочное обживание здесь начинается в это время. К северу от поселения, на склоне холма, возникает кладбище.

При Тимуре начинается строительство оборонительных стен цитадели. Исследование их показывает, что они имели три строительных периода, первый из которых характеризует круглая угловая башня с мощными оборонительными стенами сложной конструкции.

Первый строительный период. В первую очередь была воздвигнута внутренняя оборонительная стена из пахсы — 2,1 м в основании, с внутренней стороны цитадели стена вертикальная, с внешней наклонная к основанию. Пахсовая часть стены восточного фаса цитадели сохранилась на 3 м, северный участок — от 3 м до 45 см. Пахса ярко-желтого цвета. Вторая, внешняя оборонительная стена (восточный фас цитадели) проходит по краю обрыва, на расстоянии 1,85 м от пахсовой стены, параллельно ей. Сложена из сырцового кирпича 40×27×7,9 см, смешанной кладкой — четыре ряда ложком, один тычком (считая от основания), затем семь рядов тычком. Толщина кладки сохранилась на 2 м. Стена примыкает к круглой оборонительной башне, сохранившейся также лишь на половину диаметра, часть ее со стороны Навадона разрушилась. Башня сохранилась на высоту 1,55 м и то в ее нижней части, построенной по склону холма, ниже уровня

пола входного коридора (рис. 3). Толщина стены башни 0,85 м (сырцовый кирпич 37—40×24—27×6—8 см) кладка ее аналогична кладке внешней оборонительной стены. Внутренняя часть башни до уровня пола первого этажа заложена амортизационной кладкой: чередующиеся слои битого сырцового кирпича с песчаными прослойками. Керамический материал из этих прослоек XII — пер. пол. XIV вв. Стена башни в процессе строительства дважды утолщалась, достигнув в конечном итоге 3,75 м. Размер сырцового кирпича из второй обкладки башни 27×36—38×8 см, встречается 40×?×6 см, в третьей обкладке 40×28×7—8 см. Толщина второй обкладки башни 1,1 м, толщина третьей обкладки 1,8 м. В башню с запада из межстенного пространства вел сводчатый коридор высотой 2,25 и шириной у входа в помещение башни 0,9 м. В коридоре прослеживаются семь уровней полов общей толщиной 0,8 м. Южную стену коридора представляет кладка из сырцового кирпича 38—34×24—25×6—8 см. Эта кладка относится к периоду второй обкладки башни и перекрывает часть межстенного пространства между оборонительными стенами восточного фаса цитадели. Далее, за этой кладкой, межстенное пространство заложено амортизационной кладкой, идентичной амортизационной кладке в башне. Она наблюдается на всем протяжении вскрытой двойной оборонительной стены восточного фаса цитадели (13 м). От поворота башни к западу (северная часть оборонительной стены) — оборонительная стена совершенно иного типа. Здесь, вплотную к пахсовой стене пристроена стена из сырцового кирпича 36—38×27—26×7—8 см, толщина пристройки 3,8 м. Общая толщина внутренней стены достигла 5,84 м (по верхней, сохранившейся части стены). Поперечный разрез (тр. № 2) в самом западном участке стены дал несколько иную картину: к пахсовой стене были сделаны две пристройки. Первая — сырцовым кирпичом формата 40×28×8 см, желтого цвета, толщиной 1,8 м, в нижней части под этой пристройкой уложен битый жженый кирпич, низ стены облицован жженым кирпичом 18—20×32—34×3,5—4,5 см. Эта стена после разрушения была обложена сырцовым кирпичом 40×26×8 см вперемежку с обломками. Толщина достройки-ремонта — 2,24 м по уровню основания первой пристройки к пахсе, вторая пристройка перекрывала ее. Общая ширина внутренней оборонительной стены составила по уровню основания 6,7 м. Внешняя оборонительная стена здесь нами не обнаружена, но в более поздних подсобных помещениях (2 и 3), прилегающих с севера к этой стене, прослеживается хорошо утоптанное (как в сводчатом коридоре башни) бывшее межстенное пространство. Ширина его — 3 м (в помещении 2).

Второй строительный период. С северной стороны к башне пристраивается новая оборонительная стена из сырцового кирпича 40×40×7—8 см и 30×30×7—8 см, послойно, толщиной 4,5 м. В 8 м от башни она поворачивает к западу и перекрывает терри-

торию бывшего кладбища. Кладка стены закрывает сводчатый проход в башню, который явно перестает функционировать. На его месте возникает помещение 7 размером 2,5 м×1,35 м, высотой 1,8 м со сводчатым входом в башню шириной 0,9 м и высотой 1,5 м. За период его функционирования накапливается девять уровней полов, общей толщиной до 0,6 м. Перекрытие плоское, сохранились пазы балок с их полуистлевшими остатками диаметром 10—13 см. Сводчатый вход в башню в конечном итоге превращается в амбразуру 0,9×0,3 м. На последнем полу отчетливо видны следы ремонта западной стороны помещения пахсой (0,45 м). Мелкие фрагменты керамики, найденные на полах помещения первичного сводчатого входного коридора в помещение первого этажа башни, относятся к X—XIV вв. н. э. Ранний материал, скорее всего, попал вместе с глиной, которая бралась непосредственно около крепости с заселенных ранее участков.

Новая оборонительная стена присоединила бывший участок кладбища 10—12 м к территории цитадели. Здесь строится треугольное помещение с суфой. Размеры помещения велики: восточная сторона — 12,5 м, западная — 9,55 м и южная — 9,25 м. Восточной стороной помещения являлась оборонительная стена, сложенная из сырцового кирпича 40×30×7—8 см, южной — наклонная, облицованная снаружи ремонтной пахсой, внутренняя оборонительная стена, западная сторона треугольного помещения сложена из сырцового кирпича 37—38×27—30×7—8 см. Толщина западной стены составляла 1,76 м и переходила в продолжение оборонительной стены. Вдоль восточной стены была выложена суфа из сырцового кирпича (38—39×30—32×7 см) размерами 1,97×4,35 м×0,6 м, толщина обмазки — 2 см. По краю слеплен небольшой валик. На суфе были обнаружены сложенные в угол булыжники весом до 5—6 кг. Булыжники были рассыпаны также и по полу с южной стороны суфы. Треугольное помещение просуществовало непродолжительный период времени, вскоре его разделили на три помещения: треугольное помещение 1 с сообщающимся с ним помещением 2 и изолированное помещение 3. Южная стена помещения 1 с проходом в помещение 2 была сложена из сырцовых кирпичей 40×40×8—9 см и 30×30×8—9 см, чередующихся через ряд. Толщина стены — 1,7 м, ширина прохода — 0,54 м. Восточная часть этой стены перекрыла южную часть суфы. Оставшийся в помещении 1 кусок суфы продолжал использоваться для хранения булыжников, уложенных на ней между восточной и южной стеной. Над полом помещения 1 у западной стороны суфы была найдена монета 764 г. х. (1362—63 гг.) или 766 г. х. (1364—65 гг.), чеканенная в Хорезме, а также две монеты над галькой, уложенной на суфе (Чагатаиды, Самарканд, втор. пол. XIII — пер. пол. XIV в.).

Помещения 2 и 3 имеют смежную стену из сырцового кирпича 29—32×34—36×7—8 см, сложенную вперевязку с южной стеной помещения 1. Эта стена построена на 15—20-сантиметровом под-

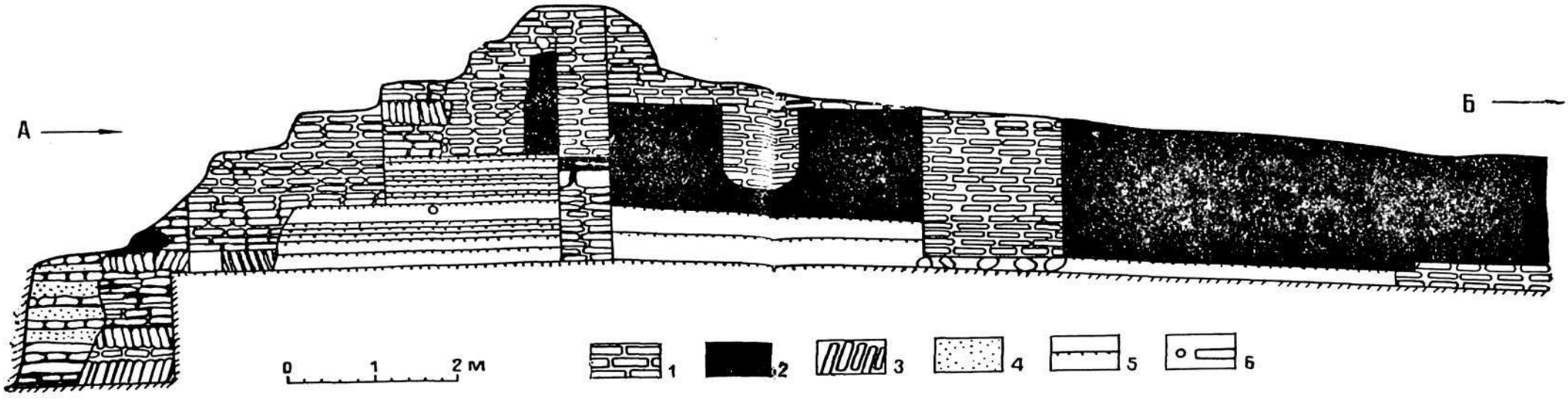


Рис. 3. Архитектурный разрез С — 10 раскопа:
1 — сырцовый кирпич; 2 — пахса; 3 — жженный кирпич; 4 — песок; 5 — пол; 6 — балка.

сыпном слое, в котором видны скатившиеся с суфы крупные булыжники. Помещения эти неправильной формы. Размеры помещения 2: северная сторона — 3,65 м, восточная — 2,55 м, южная — 3,87 м, западная сторона — 3,1 м. Наилучшая сохранность восточной части помещения — в 1,9 м, западная же сторона (возможно, здесь был проход) сохранилась на высоту 15—20 см. Помещение 3, смежное с пом. 1 и 2, не имеет с ними сообщения. Глухие стены его, сохранившиеся на значительную высоту, наводят на мысль, что сообщение с этим помещением шло сверху. Размеры его — 2,4×2,23×3,8×2,3. Южная стена имеет наклонную плоскость, которая создается пахсовым тонким слоем в 20—30 см, подремонтированным к внутренней стене. В отличие от первых двух помещений оно имеет два уровня полов. В северо-западном углу просматривается юго-западный угол суфы. Юго-восточный угол был разрушен в период функционирования большого помещения и позже был отремонтирован пахсой. После постройки пом. 3 уровень пола поднимается на 30—35 см.

Спустя небольшой промежуток времени, все три помещения подверглись сильному разрушению. Особенно пострадали пом. 1 и 2. В помещении 1 была разрушена верхняя часть оборонительной стены, частично западная стена: она осталась целой на высоту 13 слоев кирпича. В пом. 2 западная стена была разбита почти до основания, сильно попорчен северо-западный угол до прохода в пом. 1.

В пом. 3, вероятно, от сильных сотрясений, позднее вновь развалился юго-восточный угол, его снова подмазывали глиной. Потребовала ремонта южная стена помещения, которая была покрыта слоем хорошо промешанной глины. Пом. 3 после ремонта продолжало еще функционировать, в то время как пом. 1 и 2 прекратили свое существование. Пом. 1 засыпается обломками битого сырцового кирпича с разрушенных стен; керамика в завале XV—XVI вв. н. э. Кирпичный бой перекрыл оставшиеся не использованными булыжники на суфе, на полу помещения встречались полусгнившие деревянные конструкции, очень много было их найдено и в завале пом. 2.

Третий строительный период. В пом. 2 разрушенный северо-западный угол и проход в пом. 1 был закрыт сырцовым кирпичом, возможно, это был упавший большой кусок западной стены. Западная стена пом. 1, переходящая к западу в оборонительную стену, была зачищена и над ней, а также над частью пом. 1 и 2 была уложена и утрамбована земля: грязно-серого цвета со значительным количеством мелкого боя керамики XIII—XIV вв. н. э. Над этим слоем начинаются слои с керамикой второй половины XVIII—XIX вв. н. э.

В пом. 3, в юго-западной его части обнаружена нижняя часть ямы диаметром 0,8—0,9 м (возможно, остатки бадраба), прорезавшая оба пола помещения. В ней найдена керамика XV—XVI вв. и кусочки высохшей деформированной кожи. Остатки ямы относятся явно к периоду заброса этого помещения. Выше уровня верхнего пола на 0,85 м вскрыт уровень обживания помещения 3 во второй половине XVIII—XIX в. Выше уровня пола пом. 3 на 1,33 м вскрыт уровень обживания территории цитадели

керамистами с их каркасными жилищами и обжигательными печами во второй половине XVIII—XIX в., когда пом. 3 полностью перестает использоваться. Этот уровень проходит над его западной стеной. Под постройками и печами исчезают остатки пом. 3, полностью — северная внутренняя оборонительная стена. Здесь обнаружены остатки отопительных камер пяти печей, пять мусорных ям, заполненных гумусом с керамикой XVIII—XIX вв., имеется небольшое количество припасов керамиста, одна из ям дала монету, чеканенную в Бухаре в 1805—1808 гг. Многочисленные остатки керамических печей были ранее зафиксированы вблизи бани XVIII в. на протяжении 100 м в северо-восточном направлении и непосредственно к югу от бани, что дает возможность говорить о наличии в это время на территории цитадели квартала керамистов. По стратиграфическим наблюдениям, здесь было три периода обживания территории керамистами — со второй пол. XVIII по сер. XIX в. н. э. В это время функционирует оборонительная стена восточного фаса цитадели и северная внешняя оборонительная стена.

Следующие крупные перестройки относятся ко второй половине XIX в. и связаны с возведением русской крепости.

В юго-восточной части раскопа обнаружен башнеобразный выступ с внешней обводной площадкой. Диаметр выступа — приблизительно 20—30 м, отличительной особенностью выступа является способ его сооружения. Он вырублен в накопившихся до этого времени культурных слоях. Вырубка прорезала двойную стену и опущена была до материкового плотного спрессованного песка. Здесь полукруг заканчивался и поворачивал прямой вырубленной в песке стеной на юг, повторяя направление бывших тимуридских стен цитадели. На обводной площадке (ширина ее — 1,98—2,87 м), в месте ее поворота на юг, несколько позже (уровень постройки выше уровня площадки на 58 см) было построено пом. 4 из битого и целого жженого кирпича размерами 17×31×4,5 см, использованного с каких-то построек караханидского времени, кое-где в кладке видны несколько жженых кирпичей (26—27×12,5—13×6 см). На уровне основания стены, под полами помещения, с севера на юг, проложен сток с наклоном в южную сторону из керамических кобуров, диаметром 15—20 см, длиной 50—60 см. В помещении три основных уровня пола в виде прослоек из мягкой серо-желтоватой земли. На последнем из них найдена монета второй половины XIV в. и 20 неиспользованных патронов (с непробитыми капсулами) от русской винтовки системы Бердан с клеймами Тульского оружейного завода. В слоях над обводной площадкой под пом. 4 и над полами помещения собрана однотипная керамика, характерная для конца XVIII—начала XIX в.

К последнему периоду обживания этой территории относятся пом. 5 и 6, сложенные из сырцового кирпича одного формата (18×36×7—8 см). Размеры помещений — 7,3×4,5 м, толщина

стен — 0,93—1,08 м; сохранились стены на высоту 0,45 м, ориентировка стен по странам света с отклонением от линии севера на 40—50° к западу, вход у юго-восточной стороны. В заполнении помещения найдена керамика XIX в., непосредственно над стенами — современное стекло, фрагменты пластмассовых изделий. Северо-восточный угол помещения перекрыл мусорную яму, заполненную хозяйственными отходами, керамикой XIX в. В яме найдена стеклянная бутылка с надписью: «Лимонная минвода» буквами дореволюционного русского алфавита. От помещения 6 сохранился только северо-восточный угол. Скорее всего, это было хозяйственное помещение. Формат кирпича — 16—17×34—35×8 см. Здесь, севернее помещения, обнаружена вымостка двора таким же сырцовым кирпичом. Над пом. 3 в самых верхних слоях была вскрыта мусорная яма, в которой найдена трехкопеечная монета 1935 г.

Анализ археологических данных, полученных в процессе раскопок, и данных источников, дает возможность восстановить во времени существовавшие цитадели средневекового и позднесредневекового Самарканда. Цитадель Тимура возводилась по всем правилам военно-инженерного искусства. Она была построена на самом высоком месте города (рис. 1), была обнесена двойной оборонительной стеной, на исходящих углах цитадели были сооружены круглые башни. Имелись предвратные круглые башни. Кроме этого, башни были возведены в наиболее стратегически важных участках цитадели: по западному участку цитадели, где она примыкала к городской оборонительной стене и повторяла ее конфигурацию, по всей ее северной части, к которой примыкал жилой квартал Гатифар. На западном участке башни располагались через 50—60 м, а на северном еще чаще, через 40 м. Северный участок оборонительной стены цитадели был наиболее уязвимым, он находился в непосредственной близости к северо-западной части городской оборонительной стены, кроме того, противник имел от ворот Шейх-заде через мост Гатифар и одноименный квартал, примыкающий к цитадели, прямой подход к ее северным стенам. Поэтому северный участок оборонительных стен цитадели Тимура наиболее укреплен близкорасположенными башнями. Серьезное значение имела и защита водоснабжения цитадели. В любом укрепленном городе обычно имелись тайники на берегах рек, откуда жители добывали воду. Изнутри города к источнику вела, как правило, подземная галерея[13]. Такой источник имела и цитадель Тимура. Подземная галерея почти в рост человека вела от северо-восточного угла цитадели к Бустан-Сараю[14]. Мощную оборону источника воды создавали две башни в северо-восточном углу и в северо-восточном углу фаса цитадели (Р—24) и дополнительная башня, расположенная в 50—60 м южнее источника воды. Башни на северо-восточном углу

[13] Яковлев В. Эволюция долговременной фортификации. М., 1931. С. 24.
[14] Бабур. Указ. соч. С. 50.

и северо-восточном углу фаса кроме функции защиты источника воды имели важную цель перекрытия подступа к цитадели из ворот Шейх-заде. Расстояние от этих исходящих углов цитадели до дороги, ведущей от северных городских ворот Шайх-заде к восточным, самаркандским воротам, составляло 350—400 м. Элементарные военно-инженерные расчеты показывают, что для обеспечения перекрытия дороги противнику от ворот Шейх-заде башни близлежащих исходящих углов цитадели должны были иметь метательные орудия. Кроме этих задач, башня на северо-восточном углу фаса цитадели (Р—24) должна была осуществлять фланкирование фаса цитадели. Длина куртины между этой башней и предвратной башней самаркандских ворот цитадели составляла 50 м, дополнительной башни здесь не требовалось[15].

Круглыми башнями были укреплены также Бухарские ворота и юго-восточный исходящий угол цитадели. Распределение построек внутри цитадели также соответствовало правилам классического военно-инженерного искусства: одна часть цитадели — более укрепленная (в данном случае северная) отводилась административным и военным постройкам, а южная часть ее имела жилой характер, где обитала более зажиточная часть населения Самарканда и где могла найти защиту от врага в случае захвата самого города противником довольно значительная часть остального населения Самарканда.

Вполне возможно, что в начальный период цитадель в южной ее части имела также незастроенный участок, предназначавшийся для укрытия населения города и скота. Но по крайней мере в последующее время цитадель имела «массу частных построек и поэтому была известна под именем внутреннего города, а собственно город — под названием внешнего города»[16].

Строилась цитадель в то время, когда огнестрельное оружие только появлялось, но широкого применения еще не получило[17]. Поэтому стены и башни возводились по нормам средневекового оборонительного искусства: стены должны были иметь высоту не менее чем в три раза превышающую ширину, для подъема на стены у башен строились лестницы, наверху стены имели брустверную стенку с зубцами и площадку вдоль бруствера для стрелков. Башни были массивные, расширяющиеся книзу, имели несколько этажей, верхнюю площадку с парапетом, и служили для обороны крепости и сообщения с полем, с внутренней частью крепости, а также с крепостной оградой поверх стен[18].

---

[15] Военная энциклопедия. Пб., 1911. Т. IV. С. 429.

[16] Вяткин В. Л. Кандия Малая//СКСО. Вып. VIII. 1906. С. 277.

[17] Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси. Л., 1976; Беленицкий А. М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XVI вв.//Известия Тад. фил. АН СССР. № 15.

[18] См.: Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. Спб., 1858; Кюн Ц. Краткий исторический очерк долговременной фортификации. Спб., 1897; Военная энциклопедия. Т. IV, Пб., 1911.

Участок оборонительных стен с башней на исходящем северо-восточном углу фаса цитадели был важным в стратегическом плане пунктом цитадели Тимура, где сочеталась стрелковая защита с камнеметной при преобладании последней. Как уже говорилось раньше, на этот участок приходилась одна из самых тяжелых нагрузок:

1) защита оби-мури, подававшего воду в цитадель;

2) перекрытие пути противнику к цитадели в случае падения ворот Шейх-заде;

3) фланкирующая защита куртины северной половины фаса цитадели.

Обстрел пространства от дороги до входа водопровода в цитадель осуществлялся с северной стены восточного фаса цитадели. С внешней стены, вероятнее всего, велся обстрел из ручного метательного оружия (камон, чарх, тахш)[19] и с помощью луков и стрел. С верхней площадки северной внутренней, утолщенной стены, противника поражали из метательных орудий (аррода)[20]. Участок стены фаса цитадели, примыкающий к башне, явно предназначался для артиллерии. Устройство и планировка крепости Тимура в целом не оставляет сомнения в том, что она построена была в то время, когда огнестрельное оружие еще не оказывало решающего влияния на фортификацию Средней Азии. Но один элемент в конструкции участка стены восточного фаса цитадели на территории нашего раскопа наводит на мысль о возможности использования огнестрельного артиллерийского оружия[21]. На эту мысль наталкивает характер заполнения межстенного пространства. Способ увеличения верхней площадки стен для установки метательных машин применялся и раньше. Для этого две параллельные стены соединяли поперечными и заполняли промежуток землею[22].

Метательные машины изучены довольно слабо, по имеющимся данным, они могли иметь большие размеры и вес, но не обладали отдачей[23]. Огнестрельные же орудия обладали сильной отдачей и требовали в обязательном порядке, в случае установки на стенах или ронделях, амортизирующей площадки. Вот именно такой амортизирующий характер имеет заполнение межстенного пространства (в виде прослоек песка, перемежающихся прослойками битого сырцового кирпича) участка остаточного фаса цитадели, примыкающего к нашей башне. Такую же амортизационную прокладку имеет под полом помещение первого этажа башни (толщина 1,5 м). Так что, вполне возможно, что здесь были установлены орудия типа раъд. Устройство башни было пол-

[19] Беленицкий А. М. Указ. соч. С. 22.
[20] Там же.
[21] Там же.
[22] Яковлев В. Указ. соч. С. 16.
[23] Надин В. А., Скорик В. М., Шегерян В. М. Артиллерия. М., 1972. С. 13.

ностью подчинено обслуживанию камнеметов и фланкированию куртин северной и восточной стен.

Башня, как описывалось ранее, сохранилась только до уровня пола первого этажа и частично в северо-западной части. Более сохранным оказался входной сводчатый коридор из межстенного пространства. Скорее всего башня имела три этажа. Нижний, видимо, был со сводчатым перекрытием, судя по внутреннему диаметру башни (3 м), верхние имели не более трех-четырех бойниц. Наверху башни была площадка с парапетом. Предназначалась ли она для установки камнеметного орудия или только для стрелковой обороны, сейчас сказать трудно. Кроме этого, она являлась прекрасным наблюдательным пунктом, охватывая северную и частично восточную части города. Сообщение с верхними этажами осуществлялось из южной стены коридора в месте стыка башни с внутренней оборонительной стеной и, вероятно, посредством деревянных внутрибашенных лестниц.

В таком состоянии данный оборонительный участок цитадели просуществовал довольно длительный период, в сводчатом коридоре башни накопилось семь уровней полов, указывающих на интенсивную жизнедеятельность в оборонительном сооружении.

При изучении немногочисленных доступных нам источников бросается в глаза тот факт, что несмотря на мощную фортификацию, цитадель со времени Тимура до прихода в Самарканд царских войск вроде бы осаде не подвергалась. Между тем археологические данные дают иную картину: цитадель подвергалась штурму с северо-восточной стороны. В лихорадочной поспешности происходит перестройка северной внешней оборонительной стены, примыкающей к башне. Вероятно, она была настолько разрушена, что восстанавливать ее не имело смысла. На ее месте строится новая стена, закрывшая вход в башню. Здесь же сооружается большое треугольное помещение с суфой для хранения булыжников — ядер камнеметных орудий. Военные события, надвигающиеся на цитадель, были столь велики и значительны, что потребовались помещения для своеобразного арсенала. Подготовка к защите в цитадели столицы проводилась явно перед самыми военными событиями. О спешном характере оборонительных работ говорят обнаруживающиеся архитектурные ошибки — толщина стены в северном углу треугольника составляет всего 20 см. Размеры помещения настолько велики, что при прямом попадании кровля его не выдержала бы собственной нагрузки. В треугольном помещении производятся дополнительные перестройки — прямо через суфу строятся стены, необходимые для укрепления перекрытий. Но и эти меры не помогли. Во время начавшихся военных действий стена и два подсобных помещения сразу же были разбиты. В помещении 1 не успел даже образоваться утоптанный пол. Во время боя хлынула волна битого сырцового кирпича, в помещение 2 вместе с перекрытием попали целые куски стен. Меньше всего пострадало третье.

После военных действий два помещения восстанавливать не имело смысла. Не очищая их, над завалом была построена внешняя оборонительная стена, в помещении 3 провели ремонт — подняли пол, облицевали южную стену помещения тонким (20—30 см) слоем пахсы. Время этих событий установить довольно трудно — нумизматический материал, обнаруженный здесь, ограничен первой половиной XIV в. Керамика из заполнения пом. 1 и 2 датируется XV—XVI вв. Одно несомненно, что эти события происходили во время феодальных смут в прежде могучей, а затем непрочной державе Тимура. Начавшиеся еще в конце правления Улугбека, они в дальнейшем способствовали падению династии Тимуридов и установлению власти Шейбани-хана. Вполне возможно, что попытки укрепить город и цитадель производились с целью противостоять грозному завоевателю, осадившему Самарканд[24]. Но известно, что Шейбани-хан получил Самарканд без боя. Разрушения в цитадели, возможно, произведены Бабуром, который был тайком впущен самаркандцами в городские ворота в отсутствие Шейбани-хана. Бабур уничтожил небольшой гарнизон города в 600 человек[25]. После смерти Шейбани-хана начались феодальные междоусобицы между султанами Шейбанидами. Та же картина продолжалась и при Аштарханидах, приведя в окончательный упадок Самарканд и его цитадель в XVIII в.[26] В 1740 г., во время похода Надир-шаха, в Самарканде «совершенно не было жителей, кроме цитадели, где поселилось около 1000 семейств»[27].

С середины XVIII в. в Бухарском ханстве начинаются попытки преодоления феодальной раздробленности. Централизаторская политика Мухаммед-Рахима и других мангытских ханов привела к оживлению жизни и в Самарканде. Сюда возвращаются жители, покинувшие ранее город и переселяются также принудительно из других районов Бухарского ханства. Ярко отражен этот период и в северо-восточной части восточного фаса цитадели. Здесь поселяются ремесленники. Остатки печей наблюдаются здесь над бывшими тремя подсобными помещениями, над тройной стеной и южнее.

После захвата Самарканда царскими войсками в цитадели разметился русский гарнизон. «Генерал фон Кауфман, уйдя из Самарканда, допустил стратегическую ошибку»[28]. Воспользовавшись наступлением русских к Зирабулаку, шахрисабзские беки осадили цитадель Самарканда[29]. Художник-баталист В. В. Вере-

---

[24] История УзССР. Т. 1. С. 512.
[25] Бабур-намэ. С. 102.
[26] Бартольд В. В. История Туркестана. Ташкент, 1922. С. 49.
[27] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 99.
[28] Художник Верещагин в Туркестанском крае//Звезда Востока. 1955. № 5.
[29] История русской армии и флота. Т. XII. М., 1913. С. 88.

щагин, участвовавший в защите цитадели[30], создал несколько картин, на которых прекрасно видно состояние южного участка крепостной стены цитадели[31].

Крепостная стена высотой 6—8 м изнутри крепости облицована пахсовыми блоками. В исходящих углах цитадели — круглые башни с зубчатым парапетом. Стены башен расширяются книзу. Высота башен равна высоте оборонительной стены, которая имеет брустверную стенку с зубцами, вдоль нее — площадка для солдат.

В 1878 г. стены старой калы были срыты и на ее месте была построена русская крепость[32] небольшого размера, с двумя двойными пахсовыми стенами, с двумя ронделями[33]. Заполнены ронделя прослойками целого и битого жженого и сырцового кирпича. Предназначены они для установки артиллерии. Ронделеобразный выступ был сделан и на месте нашей системы оборонительных сооружений. Здесь только она была вырублена (см. план южной части раскопа), захватив и часть оборонительных стен с башней тимуридского времени. В верхней части рондель была засыпана тонкими чередующимися слоями комковатой серо-зеленоватого цвета земли и желтого лесса. Позднее на обводной площадке ее было построено помещение из жженого (в основном битого) кирпича. В его полах обнаружены патроны от однозарядной винтовки типа Бердан, состоявшей на вооружении русской армии в 70—90 г. XIX в.

Последним этапом обживания данного участка бывшей цитадели Тимура являлись жилые помещения с хозяйственными постройками в нач. XX в., уже на развалинах русской крепости. Таковы далеко не полные сведения о цитадели Тимура, полученные в период раскопок 1982—1984 гг.

М. И. ФИЛАНОВИЧ, У. АЛИМОВ

К ОБНАРУЖЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БАНИ В ТАШКЕНТЕ

В процессе археологических исследований 1981 г. в Ташкенте получены примечательные факты к истории жизни города в эпоху средневековья. В срезе котлована под новое здание художественного училища им. Бенькова (в районе бывшего Карасташа) обнаружены оборванные кладки из жженого кирпича на протяжении более 15 м[1]. Уже первые расчистки убедили в их принад-

---

[30] Лебедев А. К. Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1958.

[31] См. картины: «У крепостной стены», «Пусть войдут» и «У крепостной стены», «Вошли!» (1871 г. Третьяковская галерея); Лебедев А. К. Указ. соч. С. 113.

[32] Массон М. Е. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои//Труды САГУ им. В. И. Ленина. Ташкент. 1956. С. 59.

[33] Энгельс Ф. Фортификация//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 328.

[1] Обнаружены кладки лаборантом В. Карасевым.

лежности к системе жаропроводных ходов подземной части здания средневековой бани. Двухлетние раскопки не только подтвердили это определение, но выявили планировку самого здания, а сопровождающий археологический материал позволил отнести постройку к концу XV—XVI в.[2]

Полная расчистка остатков здания позволила реконструировать его план подпрямоугольного абриса, приблизительно (21,5×19,5 м), с компактно сгруппированными внутренними помещениями. Местами стены сохранились на 3—4 кирпича, но часто помещения верхнего яруса можно реконструировать лишь по фундаментам и отопительным ходам подземной части.

Баня делится на две части (рис. 1): неотапливаемую (помещения I—III) и отапливаемую, бóльшую по площади (помещения IV—VIII).

Здание ориентировано по странам света, попасть в него можно с запада через два входа шириной по 0,9 м, оформленных широкими пилястрами (шириной 2 м).

Перед зданием, несомненно, располагался айван, о чем свидетельствует выстилка пола кирпичными плитками на уровне вестибюля, а также небольшой круглый резервуар на квадратном постаменте (0,7×0,7 м) у главного входа, находившийся под крышей. В южной части горизонтальной стены был еще один вход, уравновешивающий разбивку фасада, но вводящий в какое-то подсобное помещение, не связанное с собственно банными комнатами.

Через оба входа здания можно было попасть в два неотапливаемых помещения, сообщающихся узким проходом (0,9 м).

Центральное помещение (I) — вытянутый по оси многогранник (5,5×2,5 м), южная часть которого приподнята в виде суфы, облицованной плитками жженого кирпича, как и нижняя часть стен. Плитки того же формата, что и выстилка пола (26×26×5 см), тщательно отшлифованы и подогнаны друг к другу, укреплены на ганчевом растворе. Северная часть помещения оформлена в виде ниши, внизу также облицована кирпичами, а выше обложена майоликовыми плитками. Орнамент, набранный из удлиненных плиток, создававших бордюр из шестиугольников, образующих панно, сплошным многоцветным ковром покрывал внутреннюю часть ниши и, возможно, стены комнаты, что придавало интерьеру красочность и парадность. Безусловно, это был вестибюль, он же служил комнатой отдыха. Примечательно наличие над суфой двух небольших нишек с ванночками размером 0,9×0,6 м.

Из комнаты № 1 два прохода 0,8 м шириной выводили в помещения II и IV. Первое — прямоугольного плана (4×2,5 м) — снабжено также выходом на айван. Половину комнаты занимает суфа-лежанка высотой 0,25 м. Возможно, здесь также использо-

[2] См. первичную публикацию. Филанович М. И. Новое о городской культуре Ташкента // ОНУ. № 3. 1982. С. 39.

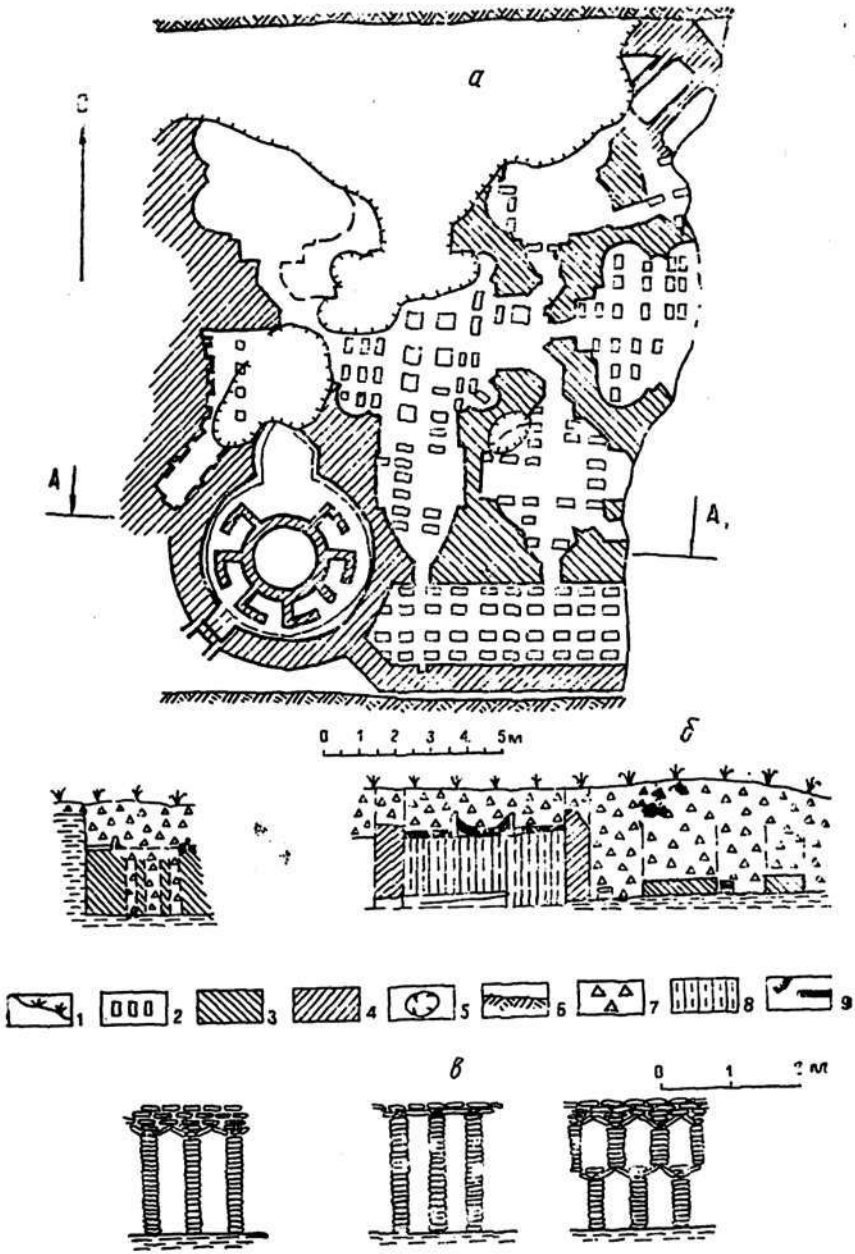


Рис. 1. План помещений бани:

1 — дерновый слой; *2* — кирпичные подпольные устои (ходы); *3* — стены бани; *4* — подпольные перегородки; *5* — яма и обрыв слоя; *6* — край раскопа; *7* — завал со строительными остатками; *8* — плотная земля; *9* — пол и обмазка резервуара.

вались для облицовки стен майоликовые плитки, найденные в завале. Здесь же был обнаружен ряд фрагментов панжары, что указывает на наличие в комнате окна. Вблизи связывающего помещения прохода обнаружена печь-тандыр, видимо, слегка согревавшая эти неотапливаемые помещения. Судя по конструкции, она была поставлена здесь на поздних этапах функционирования бани.

Сохранность помещения IV, в которое вел второй проход из вестибюля, не позволяет восстановить его размеры и план. Судя по фундаменту, это была подквадратная комната с полукруглыми нишами в углах. Только ее план и пустота под полом указывают на то, что она также отапливалась подпольной системой, но была самой удаленной от топки и потому слабо прогревалась. Из этой комнаты можно было попасть в западный айван центрального моечного зала и, не входя в зал, пройти еще в одно неотапливаемое помещение, круглое в плане. Хорошо сохранившаяся комната диаметром 4,75 м была снабжена круглым же бассейном (диаметром 2,2 м) с холодной водой в центре и с шестью кабинами, отделенными от бассейна тонкими кирпичными перегородками. В полу у конца стен шла сточная канавка, собиравшая воду, видимо, из всех моечных помещений и выводившая ее наружу из круглой комнаты, для чего внизу стены имелось отверстие, а далее, вне здания — кирпичный сводчатый тазар и поглотительный колодец.

Выявлено, что пол комнаты, выстланный уже ранее описанными кирпичами, покоился, как и дно бассейна, на слое плотно утрамбованной глины (рис. 1, б). Очевидно, тот же слой подстилал пол других холодных помещений; внутренность бассейна тщательно промазана несколькими слоями серого водостойкого раствора. Отапливаемую часть бани представляла система помещений, формирующихся вокруг центрального зала крестообразной планировки. Наиболее горячие комнаты сосредоточивались в восточной части, где, очевидно, располагались топки. О планировке этой части, равно как об исходной точке отопления, можно судить лишь по подземной сложной системе ходов.

Отапливаемая часть, кроме помещений, включала систему ванн, располагающихся вдоль южной и восточной стен здания. Зафиксированы три крупные ванны, еще две можно реконструировать по остаткам и несколько мелких. Центральный зал — миансарай (пом. V) — это такая же подквадратная комната со скругленными углами, как и все другие, только увеличенная по всем четырем осям айванами, из которых два, расположенные по меридиональной оси — наиболее глубокие, похожие на вытянутые комнаты. Южный айван и комнаты VII—VIII, куда можно было попасть через восточный айван зала, имели доступ к пяти ваннам. Очевидно, воду оттуда можно было черпать через окошки, как можно судить по этнографическим примерам баньхаммам. Видимо, ванны содержали горячую воду разной темпе-

ратуры и, судя по направлению жаровых ходов, подогретый воздух поступал под них из центральной части подпольной системы. Самая горячая вода находилась, очевидно, в ваннах восточной стороны и помещения VII и VIII были самыми жаркими, так как располагались непосредственно над топкой. В юго-восточной части открыт и колодец, бывший источником наполнения ванн. Ванны представляли из себя резервуары с кирпичными стенками, тщательно промазанными цементным серым раствором, местами порой в 15—18 слоев. По форме они приближались к современным ваннам. Их размеры 3×2,5×0,1 м. Три ванны вдоль южной стены сообщались при помощи водопроводных труб. В ташкентской бане они заменяли собой один общий бассейн для подогрева воды. Система ванн более совершенна, чем наличие одного бассейна, т. к. позволяет иметь емкости с водой различной температуры. Мелкие ванночки сгруппированы по 4 или 5. Одна группа расположена между холодными и горячими помещениями. Причем две, видимо, были доступны из вестибюля, а две другие — из западного айвана миансарая. Другая занимала северо-восточный угол и была доступна из комнаты VI с умеренной температурой.

План всех помещений в основном реконструируется по фундаментам.

Предполагается традиционное перекрытие куполом.

Центральный зал, судя по завалу штукового декора, был богато украшен. Стены промазаны водостойким раствором розового цвета. Таким же раствором обмазана внутренняя часть купола и на этот розовый фон нанесен резной штуковый гирих. Вогнутые продолговатые доли штука с ячейками гириха, повторяющие изогнутость купола, обнаружены в обильном завале ниже пола зала.

Отопительная подпольная система бани сохранилась достаточно, чтобы дать представление о своей сложности и развитости, о несомненном мастерстве сооружения ходов и глубоком знании мастерами законов тяги. Прежде всего поражает монументальность всей системы необычайной сложностью и высотой ходов, достигавшей 1,9 м, так что взрослый человек, не сгибаясь, мог входить в нее для чистки, ремонта и регулирования жара и тяги.

Система состоит из кирпичных столбиков, регулярно поставленных в пространстве, образованном стенами фундамента комнат (рис. 1, в). Эти подземные комнаты соединены проходами, повторяя план наземных. Перекрытие ходов осуществлялось крупными кирпичными плитами или кирпичами обычных размеров, укрепленными в виде двускатной крыши. Некоторые ходы выводились в два этажа, причем верхний ряд по отношению к нижнему ставился в шахматном порядке. Над перекрытием накладывалось до 3—4 рядов кирпича, образующих пол моечных помещений. Употреблялись специальные кирпичные заслонки в

ходах, с помощью которых регулировали тягу и управляли жаровым потоком.

Датировка бани определяется анализом ее планировочных конструкций, декора и археологическим материалом, собранным в процессе раскопок.

По данным раскопок, реконструируется план бани, свойственный периоду развитого средневековья (рис. 2). Довольно четкий

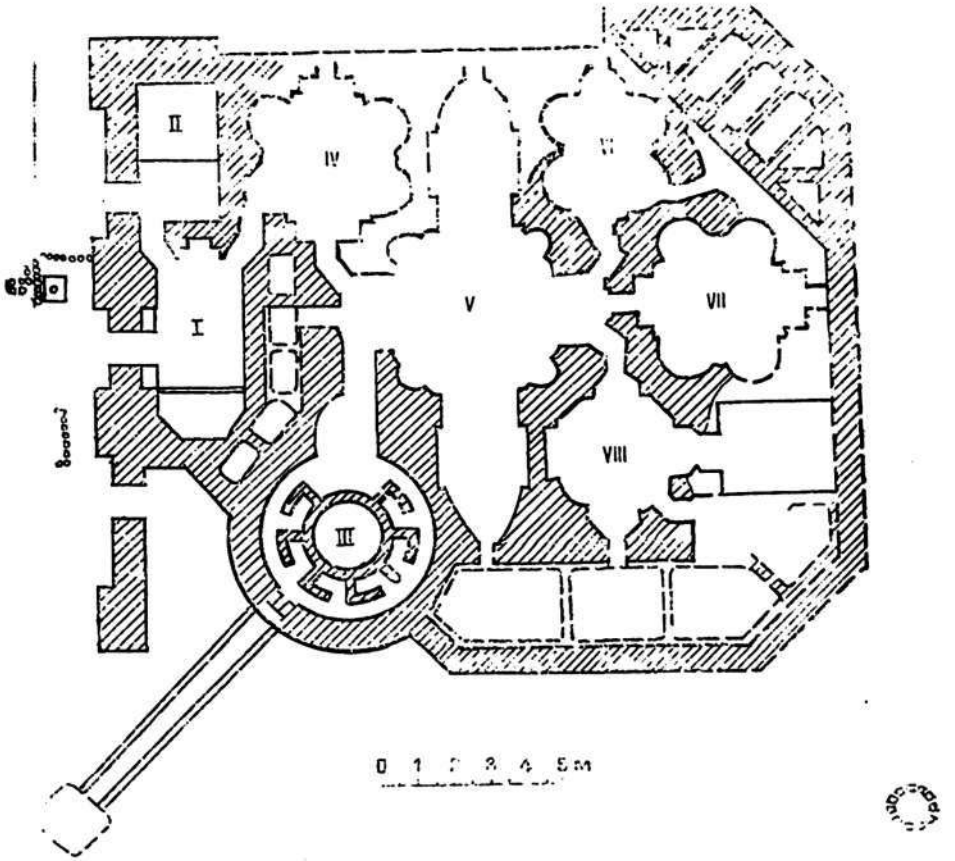


Рис. 2. Реконструкция планировки бани.

прямоугольный абрис здания не свойствен баням XVIII—XIX вв., которые представляли собой довольно аморфный конгломерат построек, полузаглубленных в землю для удержания тепла. Прямоугольный план сохранился в эпоху позднего средневековья лишь в постройках Крыма, Кавказа, Поволжья (Феодосия, Великие Булгары, Баку и т. д.). Однако внутренней разбивкой интерьера баня Карагаша отличается от них (крестообразным миансараем, многогранными комнатами). Их система регулярных прямоугольных помещений больше тяготеет к плану, свойственному постройкам XI—XIII вв. как кавказским (Гру-

зия), так и среднеазиатским. Примером последних могут служить бани, открытые в Таразе, Новой Нисе, Лашкари Базаре, Афрасиабе, Хульбуке. Наиболее характерный пример сохранившейся бани этого периода — сооружение в комплексе газневидского дворца в Лашкари Базаре[3]. Для него характерно сочетание трех отапливаемых прямоугольных комнат с нишами, в которых расположены ванны с подогретой водой, и двух холодных помещений. Из последних одно служило вестибюлем — раздевалкой с суфой вдоль стены и поглотительным устройством в центре. Второе — туалетной комнатой для интимных омовений. Все три отапливаемые комнаты покрыты гидравлической штукатуркой. Они объединены системой отопления и подогрева. От топки округлой формы отходят три основных жаровых канала, пересекающихся поперечными, с ответвлениями под ванны. Внутри стен проложены дымовые и обогревные трубы. Над топкой помещен резервуар, куда вставлялся металлический котел. От него по трубам вода поступала в ванны всех отапливаемых комнат. Здесь видно радикальное отличие от ташкентской бани не только в планировке помещений, но и в наличии отопительных коридоров, а не столбиков с ходами, которые в принципе ближе античному гипокаусту, хотя Д. Шлюмберже употребляет этот термин для определения отопительной системы бани в Лашкари Базаре. Вторым аналогичным примером можно назвать баню, открытую в цитадели Новой Нисы XII в.[4] Здесь также отмечено помещение с нишами на осях, но шире применены ванны, появились мелкие ванночки для настоев. Здесь также округлая топка, система жаропроводных каналов и вертикальных ходов в стенах. Того же планировочного ряда постройка XI в., открытая в Таразе[5]. Прямоугольное здание с такими же помещениями, наличие крупных ванн и мелких корытец, обогревные подпольные коридоры и внутристенные кобуры создают элементы сходства. Все эти бани были богато украшены росписью, резным и лепным штуком.

Ташкентская баня отличается от них, примыкая к сооружениям XIV—XVI вв., из-за наличия миансарая. Зарождение этого принципа наметилось в предшествующую эпоху. Примеры центрального помещения с нишами (прообраз миансарая), в которых расположены резервуары с горячей водой, дают бани Булгар XIV в.[6], Отрара, Эль-Мусайад в Каире[7]. Бани этого времени

[3] Schlumberger D. Lashkari Bazar une résidence royale ghaznévide et ghoride//MDAFA, t. XVIII. 1. A. L'architecture. Paris. 1978. P. 55—56.

[4] Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Нисы//Труды ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949. С. 241—245.

[5] Бернштам А. Н. Баня древнего Тараза//ТОВЭ. II. М., 1940. С. 177, 178.

[6] Калинин И. Ф., Смирнова А. П. Реконструкция булгарской бани XVI в.//КСИИМК. XIII. М.—Л., 1946. С. 26—29.

[7] Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар в XIII—XV веках. Алма-Ата, 1987. С. 112 и сл.; Prisse d'Avennes. L'art arabe d'après les monuments du Caire depuis le VII-e siècle jusqu'à la fin du XVIII e. Paris, 1877, p. 147, fig. 16.

Бухары, Шахрисабза, Балха, развивая принципы построения вокруг миансарая, несколько изменили и систему отопления, наряду с жаровыми коридорами стали использовать ходы между столбиками. Им свойственны крупные резервуары, устройство малых ванночек налицо лишь в банях Отрара, которые датированы концом XIII в., т. е. более ранним временем[8].

Сравнительный ряд можно продолжить за счет сооружений Каира, Дамаска, османских бань Турции, Азербайджана и др. стран Востока[9]. Однако ближе всего ташкентская баня стоит к бухарским баням Сарафон, где наличествует также круглая комната с кабинками и бассейном холодной воды. Столь близкое сходство не исключает мысли о единой строительной школе мастеров, возводивших подобные сооружения в Бухаре и Ташкенте. Исход этого элемента планировки обнаруживается в бане Отрара, которую исследователи датируют концом XIII—XIV в. и которая обогревалась системой ходов, как в Ташкенте. Здесь, правда, круглый бассейн с холодной водой, обведенный суфой, а не кабинками, заключен в квадратный объем помещения, система же водоотвода также проходит через эту комнату. Авторы относят комнату к типу зала для отдыха, что в свете более поздних примеров не совсем так. Это были комнаты туалета и бритья.

Ташкентская баня как бы синтезировала многие достижения протяженной эпохи эволюции этих сооружений.

Принадлежа к новой категории бани с миансараем, она компактно вписана в прямоугольный объем, как баня Тараза, имеет крупные резервуары, как современные ей сооружения, но и мелкие ванночки, как баня Нисы и Отрара. Кроме того, она обладает преимуществом в устройстве развитой и усложненной системы очень высоких ходов, не имеющей аналогов.

Датировку сооружения уточняет набор материала из раскопок. Это, в основном, керамика — фрагменты блюд и каса, белофонные с синими растительными побегами, выполненные в провинциальном варианте подражания минскому фарфору. Встречена также керамика с рисунком марганцевого тона, голубым орнаментом, темным рисунком по голубому фону. В целом комплекс относится к концу XV—XVI в. Примечательна находка небольшого сосудика на высоком поддоне, видимо, косметической принадлежности, украшенного по светлому фону расплывчатыми цветами (рис. 3). Майоликовые плитки с орнаментом, состоящим из полос растительного рисунка в желтых, белых, черных тонах по синему фону, шестигранников с геометрическим рисунком в тех же тонах, выполнены на весьма посредственном

[8] Foucher A. La vielle Route l'Inde de Bactres à Taxila, v. 1. Paris, 1942, pl. 115; Акишев К. А. и др. Цит. соч. с. 113, рис. 41.

[9] Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии XV в. Ташкент, 1976. С. 51; Sourdel D. et A. La civilization de l'Islam classique. Paris, 1976, p. 413.

качественном уровне. Они характеризуют периферийную школу мастеров майолики, не выдерживая сравнения со столичными самаркандскими образцами. Примечательна находка единственного экземпляра подтреугольной формы плитки с резьбой по терракоте, политой синей глазурью. Возможно, плитка сохрани-

Рис. 3. Керамика из раскопок бани.

лась от какого-то более раннего сооружения, возможно, здания бани. Основное же раскопанное здание, видимо, относится к XVI в.

Архитектурные остатки в дополнение сравнительных данных позволяют реконструировать ташкентскую баню как сооружение, где из холодных комнат, постепенно адаптируясь, посетители переходили в горячие, и наоборот (рис. 2). В. Л. Воронина о банях XIX в. замечает, что помещения для мытья в них всегда сопровождались каркасными пристройками. Одна с балочным потолком на колоннах — помещение чайханы и парикмахерской[10]. Не исключено, что постройка на колоннах предваряла баню на Карагаше и в пространстве перед входом был установлен резервуар с ароматическим раствором.

[10] Воронина В. Л. Об узбекских банях//СЭ. № 1. М.—Л., 1951. С. 119.

Комната I предназначалась для отдыха и раздевания, здесь на суфе был доступ также к ванночкам с настоями и ароматическими растворами. Соседняя комната III могла соответствовать люнги-хана, комнате, где получали набедренную повязку люнги, изар. Комната IV, где температура была несколько выше, видимо, соответствует пой-шуй для мытья ног и отдыха после возвращения из бани в раздевалку. Она предшествует центральному залу V (катта гумбаз) с высокой температурой. Это — паровая и массажная, где, видимо, как в турецких банях, посередине располагалась эстрада для массажа. Находящаяся в стороне холодная комната с кабинками предназначалась для интимного туалета и омовений. Комнаты VI, VII, VIII с разной температурой предназначались для мытья, через них осуществлялся доступ к ваннам и ванночкам. Большое число ванночек в этой бане подтверждает сведения средневековых авторов, в частности «Трактата о гигиене» Ибн Сины, в котором говорится об использовании соленой, квасцовой, серно-нефтяной, железистой воды. Ибн Сина описывает также растворы, полученные кипячением серы и золы, меди, железа, купоросной воды с отваром шиповника и лавра[11]. Для всех этих снадобий необходимы были небольшие резервуары.

Для мытья, видимо, тогда использовались шерстяные рукавицы, деревянные и керамические тазы. В. Л. Воронина отмечает наличие в банях XIX—XX вв. помещений для молитвы. Плохая сохранность караташской бани не позволяет судить об этом, но не исключено, что подобные помещения входили в состав ее комнат. То же отмечает для бань Бухары Борнс[12].

Многое из архитектурного устройства бани восстанавливается по остаткам. Уже говорилось о решетке — панжара, богатой резьбе по ганчу на куполе. Многое из внешнего облика можно восстановить и по изображениям бань на восточных миниатюрах XV—XVI вв.

Реалистично переданные художниками узорные вымостки полов, изразцовые панели, расписанные орнаментом стены, круглые окна, стрельчатые арки входов дают бесценный материал для реставрации.

В связи с исследованием ташкентской бани хотелось бы вернуться к затронутому в литературе вопросу о времени появления бань на Востоке и их связи с античными термами.

В основном преобладает точка зрения, сформулированная в частности А. Мецем[13], что горячие бани появились на Востоке с VIII в. н. э., с утверждением ислама, широко распространились в IX—X вв. по всем мусульманским странам. Они явились продолжением традиций греко-римского мира, где термы были неотъемлемой частью античных городов и вообще античной культуры.

---

[11] Абу Али Ибн-Сина. Канон врачебной науки. Кн. 1. Ташкент, 1954. С. 198.

[12] Воронина В. Л. Об узбекских банях. С. 118.

[13] Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1973. С. 311.

Традиция не прерывалась лишь на территориях, бывших под контролем Византии. Сомнения в этом плане высказаны В. Л. Ворониной, которая считает, что римляне сами восприняли ранее существующие традиции, которые имеют древневосточные корни[14]. Однако подкрепляющих примеров, которые могли бы быть проанализированы и убедительно, документально показали генетическую связь античных бань с купальными устройствами, бытовавшими на Древнем Востоке, нет. Гораздо легче поддается такому анализу связь поздневосточных бань с античными сооружениями.

Почти все исследователи находят общее в структуре и системе гигиенической процедуры мусульманских бань и терм.

Накоплен обширный материал, позволяющий также поэтапно проследить эволюцию прототипа с изменениями и новыми достижениями, которые вносят новые запросы эпохи, ее технические и строительные возможности.

Ближний и отчасти Средний Восток сохранили руины городов с остатками римских терм, например бани Дура Европос, Антиохии на Оронте первых веков н. э. и др. Наиболее отдаленные от греко-римского мира примеры бань античности мы находим и в Средней Азии, в городах, заселенных греческими колонистами, первые из которых пришли с Александром Македонским.

Наиболее показательны бани, раскрытые французскими археологами в Южной Бактрии, на городище Айханум (Афганистан), где они входили в комплекс дворцовых построек и жилых домов горожан и датируются примерно 150 г. до н. э. Они демонстрируют единый и довольно простой принцип устройства: три комнаты, расположенные анфиладой — раздевалка, моечный зал, комната водоснабжения, из которой через окошко осуществляется доступ к очагу, нагревающему воду на кухне[15]. Пол, выложенный мозаикой из галек в двух последних комнатах, заполнен орнаментом и персонажами греческого морского фольклора. Он на 0,3 м выше глинобитного пола раздевалки, стены же покрыты штуковой обмазкой и окрашены в красный цвет. Грязная вода отводилась открытым стоком через кухню.

Как видно из описания, здесь не применяли принцип горячей отапливаемой бани, который был широко распространен в это же время во всем греко-римском Средиземноморье.

Рассмотрим в основных чертах принципы построения и структуру римских терм. Судя по античным источникам, независимо от того были ли это скромные частные бани, описанные, например, Сенекой, или общественные сооружения, о которых пишет Плиний-младший, и вплоть до роскошных обширных терм императорской эпохи, воспетых Марциалом и Стацием, соблюдался единый принцип построения, предусматривавший постепенную

[14] Воронина В. Л. Об узбекских банях. С. 116.

[15] Bernard P. Campagne de fouilles 1975 à Ai Khanoum (Afganistan). Comptes rendus d'Académie des inscriptions et belles lettres. Paris, 1976, p. 291, 292.

адаптацию: от холодного через умеренное в теплое или горячее и обратно. Бани были и теплые, и горячие. Принцип соблюдался, но количество помещений в бане варьировало и проблема типологии структурного построения терм, как отмечают исследователи, остается одной из не разработанных до конца[16]. Выделяется до 6 главных типов, в том числе предусматривающих построение в линию, по кольцу и др.

Наиболее распространенная структура предусматривала, после входа и зала ожидания для слуг и провожатых, аподитерий — зал-раздевалку, самое просторное помещение терм, занимавшее обычно от одной трети до половины общей площади здания. Эта комната обычно украшалась росписями и мозаиками, оборудовалась лежанками и обязательно была связана с бассейном холодной воды. Аподитерии городских бань, а также роскошных терм императорского Рима и других городов строились как богато украшенные салоны с просторными бассейнами для плавания и купания.

Второе помещение — фригидарий — также холодный зал с холодным бассейном. Далее тепидарий — зал с умеренной температурой. Горячими залами были кальдарий с одним или несколькими резервуарами горячей воды, смежный с ним судаторий с аудацио — комнатой с сухим жаром и лаконикой — парной. Нормальной схемой для римских бань считалась последовательность Ф—Т—К, отвечающая принципу постепенной адаптации. Некоторые исследователи греческих бань считают эту последовательность типично римской, противостоящей обычаю греков, которые отстаивали иной переход — от горячей бани к холодной.

Плиний-младший, Лукиан и др. рекомендуют римский план бань. Витрувий дает много интересных деталей и советов по устройству этих бань. В частности входной фасад рекомендовалось обращать к юго-западу, чтобы освещать здание с зимнего заката[17]. Баню следовало помещать на возвышенном месте, чтобы избежать сырости, вход и залы должны быть очень высокими и светлыми. Главное обогревающее устройство терм — подземный гипокауст, который Витрувий и Палладий советуют устраивать таким образом: пол выкладывается кирпичом или черепицей с наклоном в сторону очага, на пол ставят столбики из кирпича и покрывают двумя слоями черепицы, поверх которой устраивают глиняный пол, выкладывая его сверху мрамором[18]. Над подпольной топкой устанавливается на медном листе металлический котел, к которому подведена трубка, наполняющая его водой, по другой трубке вода вводится в баню в том же количестве, в котором поступает.

Горячие помещения бани оформлялись округлой абсидой и

---

[16] Les terms romains par Alexandru Suceveanu, Histria, VI, Bukharest, 1982, p. 63.

[17] Витрувий. Десять книг об архитектуре. М., 1936. С. 106.

[18] Там же. С. 107; Архитектура античного мира. М., 1940. С. 200.

делались узкими, т. к. лучше сохраняли жар. По тем же соображениями лаконика должна была быть круглой. В середине ее купола оставлялось отверстие с подвешенным под ним на цепях медным щитом, поднятие и опускание которого регулировали нагрев.

Выработанные античным миром традиции устройства горячих бань продолжены в Византии. Средний Восток и Центральная Азия не практиковали широко строительства заведений с горячими ваннами, что, видимо, в значительной степени связано с господством зороастризма. Так, в сасанидском Иране жрецы запрещали осквернять одну из священных стихий этой религии—воду—купанием и мытьем в банях. Первое упоминание о банях в Иране относится ко времени Кавада (V в. н. э.)[19]. Появившиеся с распространением ислама на Востоке горячие бани поэтому именовались ромейскими (т. е. византийскими)[20]. Как они были связаны с принципом устройства античных терм можно проследить на одном из самых ранних примеров такой бани, открытой в руинах замка Каср-эль-Хейр Эль-Гарби, который лежал на пути из Дамаска в Пальмиру (датирован эпохой Омейядского халифата)[21]. Баня, вплотную примыкая к замку дворцового типа, в плане приближается к прямоугольнику. Она также четко делится на две части: холодную и отапливаемую. Исследователь бани Д. Шлюмберже находит ряд принципиальных точек соприкосновения с античным каноном устройства: в наличии обширного зала-раздевалки со скамьями и небольшим, правда, бассейном (аподитерий), другая несколько на отшибе комната с некоторой натяжкой может считаться фригидарием, но по обнаруженной нише (михраба) не исключена ее новая функция — комнаты для молитвы. Отапливаемая часть бани включает три теплые комнаты, как и термы, где теплых помещений несколько, но они уже отошли от классического типа. Одну комнату с горячими бассейнами можно связать с кальдарием, а другую, расположенную рядом с котельной, автор считает лаконикой. Последнюю, слабо отапливаемую комнату, он допускает возможным считать преемницей фригидария. Однако вероятнее видеть в ней умеренно прогреваемый тепидарий. Автор подчеркивает, что по приемам строительства баня остается почти античной моделью. Устройство гипокауста, нагревательных труб в стенах, использование мраморных облицовок, росписи стен — типичны для терм.

Краткий обзор позднеантичных и раннесредневековых терм Сирии, приведенный Д. Шлюмберже (бани Дура Европос, Антиохии на Оронте, Сержила, Косейр эль-Амра, Хаммом ас-Сарах и др.), показывает, как они постепенно с IV—V вв. н. э. по VIII в. трансформировали и теряли холодный зал — фригидарий

[19] Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 307.

[20] Мец А. Цит. соч. С. 311.

[21] Schlumberger D. Les fouilles de Qasr el-Heir el Gharbi (1936—1938). Syria, t. XX, 3 fasc. Paris, 1939, p. 213, и сл.

с бассейном. Тем не менее внешний абрис и внутренний план с характерными для терм округлыми абсидами (например, бани Косейр аль-Амра) не оставляют сомнения в первоисточнике.

Таким образом, рассмотрение уже одной из форм культуры раннесредневекового Востока показывает, сколь неразрывно ее достижения связаны с наследием античной цивилизации.

На территории Средней Азии отсутствуют промежуточные звенья эволюции горячих бань. Для эпохи раннего средневековья известны лишь холодные бани. В Пенджикенте открыта на объекте III ванна, обмазанная ганчем, соединенная со сточной ямой[22]. Сооружения, интерпретируемые как банные на Афрасиабе конца VIII — нач. XI вв., сохранили лишь частично крупные помещения и резервуары, облицованные водостойким раствором, поэтому нельзя сказать присутствовала ли в них отапливаемая часть.

Самые ранние бани с резервуарами, суфами, сливными устройствами и обогревом посредством системы кобуров и желобов, открытые на Афрасиабе и территории современного Самарканда, относятся к IX и X—XI вв.[23] Таким образом, тип горячей бани, известный на Ближнем Востоке в VIII в., в Средней Азии распространился по крайней мере с начала IX в. Бани, обнаруженные на Афрасиабе, будучи общественными, обладали системой отдельных номеров, но основным принципом устройства примыкали к типу бань Новой Нисы, Тараза, Лашкари Базара, где подогрев осуществлялся по коридорам и перекрытым желобам.

Как было показано, здание ташкентской бани относится к новому типизированному классу этих сооружений с крестообразным миансараем, широко распространившемуся по всему Востоку и Средней Азии с XIV—XV вв. Даже в этом столь удаленном от прототипа варианте угадывается в планировке, устройстве и технических нормах связь с античными термами. Так, на примере ташкентской бани мы видим обращение входного фасада на закат, стремление к максимальной освещенности внутренних помещений (окна в куполе, решетки-панжара), парадное убранство и удобство раздевалки или зала для отдыха. Почти идентичные древним правила указывают средневековые источники. Ибн Сина подчеркивал, что в хорошей бане должен быть яркий свет и просторный предбанник, украшенный красивыми картинами. Та же схема адаптации от холодного через умеренное к горячему и обратно, планировка, где раздевалка и соседняя комната выполняют функции аподитерия, комната IV — своего рода тепидарий, а центральный зал и помещения VI—VIII с системой бассейнов выполняют роль кальдария, лаконики, т. е. многих теплых комнат, свойственных термам. Фригидарий был утрачен в типовой

[22] Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1981. С. 56.

[23] Шишкина Г. В. Городской квартал VIII — начала XI вв. на северо-западе Афрасиаба//Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973. С. 130; Бурякова Э. Ю. Раскопки бань на территории средневекового Самарканда//ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 162.

схеме еще в V—VIII вв. В обогревательной системе можно найти тот же гипокауст (столбики с ходами между ними), который частично опять сменил в XV—XVI вв. жаропроводные коридоры. При этом абрис помещений со скругленными углами и вытянутый план айванов миансарая передают тот же принцип устройства овальных узких комнат для лучшего удержания жара. Безусловно, ряд частных новшеств отвечает запросам новой эпохи (круглая комната с кабинками, комната для молитвы). Следует также не забывать, что бани, в огромном числе строившиеся в городах Востока, с X в. отвечали предписаниям ислама и кроме своего основного назначения выполняли роль лечебных заведений, а также были своего рода клубами.

Следует упомянуть еще одно обстоятельство, связанное с местом ташкентской бани в городской топографии. Здание было расчищено внутри слегка возвышенного прямоугольника, четко обрисованного в старогородской застройке (до ее сноса) улочкой Караташ. Сохранилось его старое название — Иски урда, в котором нашла отражение топографическая достопримечательность, связанная с местом старой крепости. Обнаружение здесь бани конца XV—XVI в. сразу навело на мысль о существовании здесь средневековой цитадели (урды) Ташкента этого времени, и комплекса дворцовых сооружений, в который и входила баня. О том, что баня была не общественного пользования, а предназначалась для узкого круга знатных лиц, свидетельствуют ее небольшие размеры и изысканность украшения интерьера. Подобный пример мы встречаем в тимуридской цитадели Самарканда[24]. Подтверждением места цитадели Ташкента в это время служат отчасти сведения источника, повествующего о том, что кокандцы вошли в Ташкент в 1811 г. через Бешагачские ворота (ближайшие к Караташу) и расположились в крепости. Разгромив город, они разорили и цитадель. Анализ археологического материала, собранного в раскопе бани, показывает, что она функционировала на протяжении XVI, XVII и XVIII вв. Никакого материала более позднего, связанного непосредственно со зданием, не встречено.

Типичная для Ташкента XIX в. и начала XX в. керамика, повсеместно встречаемая в старом городе и хорошо узнаваемая, обнаружена на участке с руинами бани лишь в ямах, пробивших ее конструкции и подчас уничтоживших их до материка.

Наблюдения стратиграфического порядка в процессе раскопок позволяют считать, что цитадель XV—XVI вв., в состав которой баня входила, занимала прямоугольник, отмечавшийся в застройке Караташа в Бешагачской даха и существовала наряду с вновь построенной в XVIII в. урдой Юнуса-ходжи, расположенной на правом берегу Анхора. Когда по приказу Алим-хана последняя была «стерта с лица земли», очевидно, была разгромлена и первая.

---

[24] Бурякова Э. Ю. Цит. соч. С. 162, 163.

Б. Д. КОЧНЕВ

ЗАМЕТКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ НУМИЗМАТИКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ, ЧАСТЬ 9 (САМАНИДЫ, КАРАХАНИДЫ, АНУШТЕГИНИДЫ)

Саманидский чекан Узгенда.

Когда речь заходит о саманидском удельном чекане, прежде всего имеются в виду многочисленные фельсы Ферганы и ферганских городов Ахсикета, Кубы и Насрабада, выпущенные в IX—X вв. Публикуют их уже более полутора столетий отчасти зарубежные, но в основном отечественные и советские нумизматы (Х. М. Френ, Ф. Соре, В. Г. Тизенгаузен, Ст. Лэн-Пуль, А. К. Марков, Р. Р. Фасмер, А. А. Быков, И. Г. Добровольский, Б. Д. Кочнев и др.). Больше всего сделано в этой области Е. А. Давидович, которая по существу впервые обосновала выделение данной группы, описала многие неизвестные монеты, уточнила, исправила и дополнила чтение значительного числа изданных фельсов, а главное — весь этот материал всесторонне изучила, осмыслила и объяснила, показав, какой это первоклассный источник для истории Ферганы IX—X вв. и для характеристики института феодальных пожалований за службу в государстве Саманидов[1]. Однако Е. А. Давидович вовсе не касалась саманидских фельсов Узгенда. Их немного, особенно в сравнении с медными монетами Ферганы или Ахсикета, но и они заслуживают внимания, тем более, что все относятся к группе удельного чекана. Часть их опубликована, часть описывается впервые.

1. Узгенд, 312/924—25 г.[2]

Л. ст., поле: Малик; об. ст., поле: Наср; круг. лег.: ал-Амир Наср б. Ахмад.

2. Узгенд, [3]72/982—83 г.[3]

Об. ст., поле: ал-Амир ас-Саййид Нух; круг. лег., ал-Амир Билгатегин б. Тогрыл Маула Амир ал-Муминин.

---

[1] Давидович Е. А. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах//Тр. АН Тадж ССР. Т. XXVII. Сталинабад. 1954. С. 69—117; Она же. Ферганские Саманиды по нумизматическим данным//ЭВ, XI. М.—Л., 1956. С. 14—26; Она же. Владетели Насрабада (По нумизматическим данным)//КСИИМК. Вып. 61. 1956. С. 107—113; Она же. Саманидские монеты Кубы//СА. 1960. № 2. С. 254—257; Она же. Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии X в.//ППВ. Ежегодник. 1969. М., 1972. С. 110—141; Она же. Новые данные по истории Саманидов (клад медных монет IX—X вв. из Самарканда)//Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977. С. 112—125.

[2] Фельс опубликован нами (Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 6//ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 196—202) с описанием. Поэтому здесь оно и не приводится.

[3] Монета издана (Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. С. 973, № 1 (4-е добавление)), но с неверной датой — 362 г. х. (см.: ГЭ, инв. № 1877).

Об. ст. В поле: لله
محمد
رسول الله
الا مير السيد
نوح

Кругом, в обрамлении как на л. ст.:

مما امر به الا مير بلكه تكين
بن طغرل مولى امير المومنين

Л. ст. В поле: لا اله الا
الله وحده
لا شريک له

Кругом, между двумя линейными ободками: بسم الله ضر
بهذا الفلس
باوز كند سنة اثنى و سبعين

3. Узгенд, 377/987—88 г.[4]

Л. ст., поле: Аяч ал-Хаджиб; круг. лег.: ʻАбд ал-Малик...; Об. ст., поле: Нух б. Мансур, ʻАббас; круг. лег.: ал-Амир.... тегин (?)

Об. ст. В поле как № 2, но две нижние строки иные:

نوح بن منصور
عباس

Кругом: مما امر به الامير لسكل(؟) الكو (؟) فسكن (؟) سنة سبع و

Л. ст. В поле как № 2, но вверху добавлено لح (?), внизу الحاجب Кругом:
... الله ضر بهذا الفلس باوز كند
فى ولاية عبدالملک...

4. Узгенд, 378/988—89 или 380/990—91 г.[5]

Л. ст., поле: ?; Об. ст., поле, Нух б. Мансур, Аяч (?); круг. лег.: ал-Амир ʻАбд ал-Малик б. Нух.

Об. ст. В поле как № 3,но нижняя строка иная: ايج (؟)

Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками:

مما امر به الامير عبدالملک
بن نوح ايده الله و ...

سبعين و ثلثمائة

Л. ст. В поле, в точечном треугольнике, вписанном в точечный круг, неясное слово (слова?). По сторонам круга треугольником:

/الله وحده/ لا اله الا Кругом:
لاشريک له
... هذا الفلس باوز كند سنة
ثمانين (؟)
(ثمان و بعين ؟) و ثلثمائة

[4] Два однотипных фельса опубликованы В. Г. Тизенгаузеном (Tiesenhausen W. Melanges de numismatique orientale (Premier article)//Extrait de la Revue de la numismatique belge. № 47. 1875. С. 17—18) по сохранившемуся в рукописях Х. М. Френа описанию, проверить которое мы не могли, т. к. нынешнее местонахождение экземпляров, виденных Х. М. Френом в коллекциях гр. Толстого и С. И. Шодуара, нам не известно.

[5] Монета из собрания Музея истории народов Узбекистана в г. Ташкенте (далее — МИУз), инв. № 8/58а.

Все в линейном ободке.

5. Узгенд, 380/990—91 г.[6]

Л. ст., поле: ?; об. ст., поле: Нух б. Мансур, Аяч ал-Хаджиб; круг. лег.: ал-Амир 'Абд ал-Малик б. Нух.

Л. ст. В поле, в точечном треугольнике, неясная надпись в две коротких строки. По сторонам как № 4, но легенда сохранилась полностью. Кругом, в обрамлении как у № 2:

بسم الله ضر بهذا الفلس باوزكند

سنة ثمانين و ثلثمائة

Об. ст. В поле как № 3, но нижняя строка иная: ايج الحاجب

Кругом, в обрамлении как на л. ст., как № 4, но после слова «Нух» — не сохранилось.

Как мы постарались показать при публикации фельса 312/924—25 г., слово «Малик», помещенное в поле л. ст., есть имя происходившего из тюрок Малика б. Шукр-тегина, которому саманидский государь Наср б. Ахмад пожаловал за службу Узгенд. На монете 372/982—83 г. кроме Саманида Нуха б. Мансура упомянут эмир Билга-тегин б. Тогрыл, «клиент повелителя правоверных». И наличие при имени этого правителя титулатуры, и включение его в круг. лег. об. ст. с вводной формулой «Из того, что приказал...» свидетельствуют о том, что Билга-тегин в Узгенде обладал бо́льшими правами, чем Малик, и что именно ему принадлежала монетная регалия.

Намного труднее разобраться с фельсами 377/987—88 г. Дело в том, что это единственный случай в саманидской нумизматике, когда первая часть выпускных сведений помещена на аверсе, вторая, начинающаяся формулой «Из того, что приказал...», — на реверсе, причем каждая из них включает упоминание правителя. Надписи фельсов удельного чекана могут отражать двух-, трех- и даже четырехступенчатую иерархию, в нашем же случае имеет место пятиступенчатая.

Верхнюю ступень занимает Нух б. Мансур, саманидский государь, вступивший на бухарской престол в 365/975—76 г. или 366/976—77 г. в возрасте 13 лет[7]. Упомянутый в круг. лег. л. ст. 'Абд ал-Малик есть, несомненно, тот самый 'Абд ал-Малик б. Нух, который фигурирует в надписях следующих фельсов и который приходился Нуху б. Мансуру сыном, причем не старшим: его брат Мансур б. Нух родился раньше[8]. В любом случае в 377/987—88 г. 'Абд ал-Малику не было и десяти лет. Тем не менее перед его именем стоит выражение فى ولاية не встречающееся на

[6] Фельс хранится в Доме-музее С. П. Бородина в г. Ташкенте (КП № 11140), передан С. П. Бородину В. П. Турчинским, который нашел его в 1969 г. в районе г. Намангана.

[7] Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. 1. М., 1963. С. 312. О времени вступления Нуха на престол см.: Давидович Е. А. Монеты Ферганы... С. 136. Примеч. 57.

[8] Бартольд В. В. Туркестан... С. 327.

саманидских монетах, но для понимания его статуса очень важное. Х. М. Френ и Штикель полагали, что оно относится к заведованию монетным двором, К. Торнберг и О. Кодрингтон — к наместничеству, В. Г. Тизенгаузен переводил словами «в правление», «при управлении». Рассмотрев значительный нумизматический материал, в том числе среднеазиатские монеты VIII—IX вв., Р. Р. Фасмер заключил: «...после слов فى ولاية названы как раз те лица, которые в это время правили данными областями» в качестве «губернаторов», наместников[9]. Как бы ни переводить это выражение — «в правление» или «в наместничество» — ясно, что оно должно вводить упоминание лица, которое назначено центральным правительством на пост наместника для осуществления реальной власти в подведомственной ему области. Столь же ясно, что ʻАбд ал-Малик б. Нух, малолетний принц, осуществлять власть в Узгенде реально не мог, и что утверждение его в должности наместника государственным актом, официальным документом (каким была монета) — по существу фикция. Как видно из рассказа Байхаки, подобное случалось не только в Саманидском государстве. В 423/1032 г. Газнавид Масʻуд назначил правителем Хорезма Харуна, сына прежнего хорезмшаха Алтунташа, однако в жалованной грамоте хорезмшахом был назначен газнавидский царевич Саʻид сын Масʻуда, который так ни разу и не выехал в Хорезм, скончавшись в 430/1038 г. «неопытным юношей»[10]. Более чем вероятно, что и малолетний ʻАбд ал-Малик б. Нух в 377—380/987—91 гг. оставался в Бухаре, числясь тем не менее наместником Узгенда и занимая вторую ступень феодальной иерархической лестницы, отраженной легендами фельсов 377/987—88 г.

Вопрос о месте в иерархии проясняют рассказ о Саʻиде б. Масʻуде, высокое происхождение ʻАбд ал-Малика и предшествующая его имени формула فى ولاية, если же исходить лишь из той позиции, в которой стоит его имя, то пришлось бы отвести ему менее высокое место: по наблюдениям Е. А. Давидович, л. ст. саманидских фельсов менее «почетна», чем об. ст.[11] Как показал проделанный ею анализ надписей этих монет, в тех случаях, когда на реверсе упомянуто три лица, то вторую и третью ступень занимают соответственно лица, упомянутые в круг. лег. и в поле об. ст. (после саманидского эмира)[12]. Если в нашем случае нет отклонения от закономерности, то третью (после ʻАбд ал-Малика) ступень иерархической лестницы, зафиксированной надписями

---

[9] Фасмер Р. К нумизматике халифов//Записки коллегии востоковедов. Т. V. Л., 1930. С. 478—479. (Там же литература вопроса).

[10] Байхаки Абу-л-Фазл. История Масʻуда (1030—1041)/Пер. с перс., введ., комм. и прил. А. К. Арендса. Изд. 2-е. Дополненное. М., 1969. С. 445, 689—690, а также 487, 532, 624, 640, 653, 680.

[11] Давидович Е. А. Монеты Ферганы... С. 134—135.

[12] Давидович Е. А. Монеты Ферганы... С. 136—137.

фельсов 377/987—88 г., следует отвести правителю с титулом «эмир», имя которого (с тюркским компонентом «тегин»?) разобрать не удается, а четвертую ступень — некоему ʻАббасу. В самом низу пирамиды оказывается правитель, упомянутый двумя частями в поле л. ст., внизу — ал-Хаджиб, вверху — слово, прочтенное Х. М. Френом как لج ; по аналогии с фельсом 380/990—91 г., где в поле об. ст. отчетливо видно أيج , мы предлагем читать его как имя أيج — Аяч.

Надписи монеты 380/990—91 г. фиксируют меньшее число членов феодальной иерархии. На первом месте, конечно, саманидский эмир Нух б. Мансур, на втором по-прежнему ʻАбд ал-Малик б. Нух, имя которого включено в круг. лег. об. ст. после формулы «Из того, что приказал...» Имя и титул Аяча перешли из поля л. ст. в поле реверса, а сам он, следовательно переместился с пятого на третье место. Окруженная символом веры центральная аверсная легенда не читается, но, судя по аналогичным примерам, в такой позиции должно было стоять упоминание какого-то лица — очевидно, четвертого члена иерархии. То же их число фиксируют и надписи фельса № 4, только имя Аяч читается здесь без полной уверенности.

В рукописных источниках сохранились некоторые сведения о хаджибе Аяче, известном сановнике и полководце позднесаманидского времени. Когда в 382/992 г. первый караханидский завоеватель Мавераннахра Бугра-хан Харун двинулся на Бухару, против него был послан хаджиб Аяч с большим войском, но потерпел полное поражение и вместе с другими военачальниками попал в плен[13]. Как большинство сановников того времени, Аяч принадлежал к числу выслужившихся из гулямов военачальников тюркского происхождения, роль которых в Саманидском государстве особенно возросла во второй половине X в. Это видно и по монетам: на фельсах Ферганы и ферганских городов отмечены имена таких известных сановников-тюрок, как Бакр б. Малик, Мансур б. Байкара, хаджиб Таш. Теперь в этот список можно включить хаджиба Аяча, который подобно перечисленным вельможам тоже был жалованным владетелем, т. е. получил Узгенд в качестве пожалования за службу.

Судя по фельсам 377—380/987—91 гг., его положение здесь не оставалось неизменным даже на протяжении этого короткого отрезка времени: с пятой ступени феодальной иерархической лестницы Аяч к 380/990—91 г. (или даже раньше) поднялся на третье, причем одновременно сократилось число членов иерархии — с пяти до четырех. Соответственно увеличился объем его

---

[13] Ибн ал-Асир. Китаб ал-камил фи-т-тарих/Извлеч. в пер. с ар. К. Б. Старковой//Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973. С. 56; Бартольд В. В. Туркестан... С. 320.

прав, привилегий и доходов. Впрочем, вскоре Аяч был лишен всяких прав на Узгенд, но не саманидским эмиром, а уже упоминавшимся Караханидом Бугра-ханом Харуном, который, не позже 381/991—92 г. захватив Фергану, выпустил там в этом году дирхемы[14].

Небольшая группа узгендских фельсов 377—380/987—91 гг. интересна еще и тем, что впервые демонстрирует пример пятиступенчатой иерархии и случай, когда небольшой удел (Узгенд, очевидно, с округой) оказывается в совместном владении трех, а формально даже четырех правителей. Впервые же мы видим в роли главного из владетелей малолетнего царевича; стоящие перед его именем формулы «в наместничество» («в правление») и «из того, что приказал выбить] эмир...» аттестуют его как владетеля монетной регалии и носителя реальной власти в пределах объекта пожалования, чего на самом деле, конечно, не было и быть не могло. Этот прецедент заставляет также задуматься, является ли он единственным в своем роде и нет ли подобных случаев в уже известном удельном чекане Ферганы и ферганских городов X в.

Титул «Гази» на караханидских монетах

Рукописные источники особо подчеркивают благочестие первых Караханидов, естественное, как отметил еще В. В. Бартольд, для кочевников, сравнительно недавно принявших ислам[15]. Вполне понятно, что многие караханидские правители стремились исполнить одну из основных обязанностей мусульманина — ведение «священной войны», «войны за веру» (джихад или газа, газва), тем более, что она приносила и территориальные приобретения. Впрочем, «войны за веру» не всегда были успешными для Караханидов. Так, по мнению О. Прицака, именно в борьбе с «неверными» погиб в 388/998 г. верховный каган Караханидского государства Арслан-хан ʿАли[16]. Письменные известия о войнах Караханидов с «неверными» (в основном сведения Ибн ал-Асира) неоднократно привлекались исследователями. Есть, однако, и нумизматические свидетельства таких войн — немногочисленные монеты с титулом «Гази».

6. Испиджаб, 398/1007—08 г. Дирхем[17].

Об. ст., поле: вверху — Мут; внизу — Ахмад б. ʿАли Гази; круг. лег.: ал-Амир ас-Саййид ал-Малик ал-Музаффар Кутб ад-Даула Наср ал-Милла.

---

[14] Ишанханов С., Кочнев Б. Древнейшие караханидские монеты// ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979. С. 142, 146, 147.

[15] Бартольд В. В. Туркестан... С. 329.

[16] Pritsak O. Die Karachaniden//Der Islam. Bd. XXXI/1. Berlin, 1953. S. 25—26.

[17] Монета из Чимкентского клада (МИУз, инв. № 391/71).

Л. ст. В поле: ~~لا اله الا الله~~

وحده لا شريک له

Выпускные сведения — квадратом:

بسم الله ضر /بهذا الدرهم /
باسبيجاب سنةثمان / و تسعين
وثلثمائة

Все в линейно-насечном ободке.

Об. ст. В поле: مت

محمد رسول
الله القادر با لله
احمد بن على
غازى

Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним линейно-насечным ободками:

مما امر به الا ميرالسيه
الملک المظفر قطب الدولة
مصر الملة

В слове, помещенном в верхней части поля об. ст., мы видим имя Мут, принадлежавшее, по нашему мнению, непосредственному владетелю Испиджаба[18]. Титулатура, включенная в круг. лег. реверса принадлежит, как это давно уже доказано, Ахмаду б. 'Али, упомянутому вторично в поле об. ст. после халифа. Нижнюю строку поля реверса составляет слово «Гази», которое может относиться и к самому Ахмаду, и к его вассалу, но не любому, а лишь уже упомянутому на монете. Как показывают наблюдения над караханидской монетной титулатурой, принадлежность неперсонифицированного титула типа «тегин», даже проставленного изолированно в поле л. ст. или об. ст., всегда уточняется другими надписями той же монеты[19]. Те же наблюдения убеждают в том, что, когда какой-либо элемент титулатуры (или имя) вынесен в верхнюю часть реверсного поля, в большинстве случаев он относится к правителю, упомянутому в нижней части того же поля. Отсюда следовало бы приписать титул «Гази» Муту, однако многообразный чекан Испиджаба 398/1007—08 г. и соседних лет демонстрирует немало примеров нарушения этого правила. Кроме того, сам титул «Гази» («воитель за веру») более пристал, конечно, не мелкому удельному правителю, который, очевидно, даже не происходил из Караханидов и в подавляющем большинстве случаев упомянут на монетах только под именем, без всякой титулатуры, а его сюзерену, верховному кагану Караханидского государства Ахмаду б. 'Али. Наконец, о последнем точно известно,, что он воевал с «неверными», хотя и несколько позднее (об этом ниже). Таким образом, наи-

[18] См.: Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 8/ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1986.

[19] Кочнев Б. Д. Вопросы атрибуции раннекараханидских монет//Бартольдовские чтения — 1984/Тезисы докладов и сообщений. М., 1984. С. 46.

более правдоподобно проставленный на дирхеме . Испиджаба 398/1007—08 г. титул «Гази» относить именно к Ахмаду б. ʿАли.

Ни на каких иных монетах Ахмада, весьма многочисленных и многообразных данный титул не представлен. Это обстоятельство позволяет предполагать, что появление его связано с конкретным событием — походом против «неверных», который состоялся в 398/1007—08 г. или незадолго до того.

Свидетельств предполагаемого похода нет в письменных источниках, которые донесли до нас рассказ о другой войне Ахмада б. ʿАли с неверными. Сведения о ней содержатся в сочинениях трех авторов — Ибн ал-Асира, Ибн ал-Ибри (Барэбрея) и, главное, Утби, современника событий. По их данным, в конце правления Тоган-хана (Ахмада б. ʿАли) в его владения с востока («со стороны Сина») вторглась огромная орда «неверных» тюрок в сто тысяч (Утби) или даже триста тысяч шатров (Ибн ал-Асир). На призыв Тоган-хана о помощи откликнулись сто двадцать тысяч добровольцев из соседних стран ислама. Вместе с ними караханидское войско двинулось на «неверных», остановившихся в восьми днях пути от Баласагуна, а затем в течение трех месяцев преследовало врага. Наконец, в решительной битве «неверные были разгромлены, потеряв будто бы двести тысяч убитыми и сто тысяч пленными (и эти, и иные цифры выглядят завышенными), а в руки мусульман попала огромная добыча[20].

Описанные события Ибн ал-Асир и Барэбрей (в арабской версии) датируют 408 г. х. Эту дату принял, например, О. Прицак[21], М. Н. Федоров же, указав, что Ахмад б. ʿАли в то время не мог преследовать противника из Баласагуна, принадлежавшего тогда Арслан-хану, счел сведения о походе Ахмада легендарными[22]. При этом М. Н. Федоров не объяснил, почему в рассказе о борьбе с «неверными» к легенде обратился не только Ибн ал-Асир, но и Утби, современник событий, в общем хорошо осведомленный о караханидских делах. Уж скорее следовало предположить, что неверна традиционная датировка войны с «неверными», тем более что Ибн ал-Асир в другом месте приводит иную дату — 403/1012—13 г., а Барэбрей в сирийской версии называет 1325 г. селевкидской эры, который частично приходится на 1013 г., но в основном на 1014 г. н. э., т. е. примерно соответствует 404 г. х. При таком разнобое трудно сделать уверенный выбор, хотя, похоже, две последние даты ближе к истине. На это как будто намекает следующий факт. На протяжении многих лет на монетах Ахмада б. ʿАли проставлялась его кунья Абу Наср и только на одном из дирхемов 405/1014—15 г. (наимено-

---

[20] Бартольд В. В. Туркестан... С. 341; Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 155.

[21] Pritsak O. Die Karachaniden. S. 30.

[22] Федоров М. Н. Междоусобная война 1012—1016 гг. в государстве Караханидов//Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975. С. 106—107.

вание монетного двора не сохранилось)[23] появляется вторая кунья — Абу-л-Музаффар; в сущности это лишь по форме кунья, по существу же — лакаб, с примерным значением «победоносный». Как представляется, появление новой куньи может свидетельствовать о какой-то крупной победе, не исключено, той самой, о которой сообщают рукописные источники.

Есть еще одно известие об Ахмаде б. ʿАли как воителе за веру. Как рассказывает Ибн ал-Асир, после смерти его брата Насра б. ʿАли (403/1012—13 г.), враждовавшего с Махмудом Газнави, Тоган-хан предложил последнему прекратить распри и предпринять походы на Индию, тогда как сам он будет совершать походы на тюрок; «оба занялись завоеванием неверных»[24]. Ясно, что это случилось не ранее 403/1012—13 г., но, вероятно, несколько раньше упомянутого трехмесячного преследования. Как показывает описанная монета с титулом «Гази», Ахмад б. ʿАли вел войну за веру уже за несколько (по крайней мере за пять) лет до этой даты.

Тот же титул мы видим на обломке дирхема с именем его брата Мухаммада б. ʿАли.

7. Город? 3... г. х.[25]

Об. ст., поле: ...Мухаммад б. ʿАли Гази: круг. лег.: ...ʾал-Малиʾк ал-Музаффар...

Л. ст. В поле — символы веры (фрагмент). От расположенной квадратом легенды с выпускными сведениями сохранилось:

... ين و ثلثمائة

Все в линейно-насечном ободке.

Об. ст. В поле: . . . . . .

. . . . .

محمد بن علی

Кругом, в обрамлении как у № 1:

. . . ک المظفر . . .

Частично уцелевший в круг. лег. об. ст. титул «ал-Малик ал-Музаффар» в конце IV в. х. принадлежал Ахмаду б. ʿАли. Его вассалом в надписях описанной монеты выступает его брат Мухаммад б. ʿАли, после упоминания которого стоит титул «Гази», в данном случае относящийся, конечно, к Мухаммаду, а не Ахмаду. Письменных известий о Мухаммаде б. ʿАли почти нет, да и имеющиеся относятся уже к V в. х., поэтому для определения времени и примерного места выпуска нашей монеты необходимо обращаться к нумизматическим данным. Все известные дирхемы Мухаммада конца IV в. х. биты в Таразе и Испиджабе, причем большинство их — таразского происхождения; судя по монетам, Тараз оставался постоянным его владением не менее

[23] Дирхем из Тойтюбинского клада 1968 г. (МИУз, инв. № 392/472). Данный клад, как и вышеупомянутый Чимкентский, готовятся к изданию Г. Алимовым и нами.

[24] Ибн ал-Асир. Китаб ал-камил фи-т-тарих. С. 57.

[25] Монета из второго Таразского клада, хранящегося в Джамбулском областном краеведческом музее (КазССР).

20 лет (394—415/1003—25 гг.), тогда как Испиджаб принадлежал ему лишь временами[26]. Самая ранняя изданная монета с именем Мухаммада — фельс Илака 387/997 г.[27], древнейший выявленный дирхем чеканен в Испиджабе в 389/998—999 г.[28], но поскольку описанная монета происходит из клада, в котором нет дирхемов ранее 393/1002—03 г., а таразские и испиджабские дирхемы отосятся к началу V в. х., скорее всего ее следует относить к 390-м гг. х., причем ближе к их концу. Таким образом, наиболее вероятным местом ее чеканки можно считать Тараз или Испиджаб, а временем выпуска — 390—399/999—1009 гг. Очевидно, около рубежа X—XI вв. где-то на северо-западных границах Караханидского каганата и вел Мухаммад б. ʿАли те военные действия против «неверных», которые позволили ему принять титул «Гази».

Это не просто новый факт его биографии. Для характеристики раннекараханидской удельной системы существенно, что войну за веру мог вести даже такой не очень значительный удельный правитель, как Мухаммад б. ʿАли: владения его были сравнительно невелики, а принадлежавший ему в то время тюркский титул «Арслан-тегин» показывает, что тогда он занимал четвертую или даже пятую ступень феодальной иерархической лестницы — после Тоган-хана Ахмада, Кадыр-хана Йусуфа, илека Насра б. ʿАли и, возможно, Сирадж-ад-Даула Йинал-тегина (Мансура б. ʿАли?).

Установление того факта, что Арслан-тегин Мухаммад б. ʿАли был вождем за веру, невольно заставляет вспомнить рассказ Махмуда Кашгарского об Арслан-тегине, который с сорокатысячным войском перешел реки Или и Ямар (Эмиль? Обь?) и одержал победу над огромной армией кафиров (численностью будто в семьсот тысяч человек) во главе с Бука-Будрачем. Ко времени Махмуда Кашгарского, составившего свой «Словарь тюркских наречий» в 464—466/1072—74 гг., вокруг этого события успел сложиться цикл легенд, но оно, по мнению Б. В. Бартольда, произошло сравнительно незадолго до написания труда Махмуда, беседовавшего с одним из участников похода[29]. О. Прицак счел возможным отнести этот поход ко времени правления Тогрыл-хана (451—467/1059—75 гг.) и его сына Тогрыл-тегина (467/

[26] Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в.//НЭ. Т. X. М., 1972. С. 146—147; Кочнев Б. Д. К методике исследования раннекараханидских монет как исторического источника//Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 116, 118.

[27] Давидович Е. А. О монетах дихканов Илака конца X — начала XI в. (к методике их интерпретации М. Н. Федоровым)//Древность и средневековье народов Средней Азии. М., 1978. С. 80—82.

[28] Массон М. Е. Кладик дирхемов конца X — начала XI в. из города Янги-Юль Ташкентской области//История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 240.

[29] Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии//Соч. Т. V. М., 1968. С. 86 (также примеч. 73 на с. 85).

1074—75 г.)[30], но никак не обосновал такое уточнение. Совершенно иначе — второй половиной X в. — датирует то же событие О. Караев[31], однако и он по существу ничем не аргументирует свою точку зрения. Она получила бы право на существование, если бы удалось доказать тождество Арслан-тегина Мухаммада б. ʿАли и Арслан-тегина, упомянутого Махмудом Кашгарским. Казалось бы, непреодолимых препятствий для такого отождествления нет: Махмуд все же мог говорить с участником событий рубежа X—XI в. Однако победитель Бука-Будрача воевал на северо-восточных границах каганата, где у Мухаммада б. ʿАли не было владений ни в ту пору, ни позднее.

Известен еще один Арслан-тегин, которому Арслан-хан Сулайман б. Йусуф, по данным Ибн ал-Асира, отдал в 435/1043—44 г. «многое из Страны тюрков»; одновременно Бугра-хан Мухаммад б. Йусуф получил Тараз и Испиджаб, а Тоган-хан — Фергану, себе же Арслан-хан оставил Баласагун и Кашгар[32]. Государство Арслан-хана включало тогда Фергану, Шаш с Илаком, Испиджаб, Тараз, Тянь-Шань с Семиречьем и западную часть Восточного Туркестана. В число владений Бугра-хана входил в то бремя, как мы знаем по монетам, также Шаш[33], а значит на долю Арслан-тегина остаются скорее всего какие-то северо-восточные земли Караханидского каганата.

Конкретизировать представления о его владениях позволяют нумизматические данные, исправляющие кстати одну существенную неточность Ибн ал-Асира; он называет Арслан-тегина братом Арслан-хана, тогда как надписи тункетских дирхемов 444/1052—53 г. именуют Арслан-тегина Ахмадом б. Мухаммадом; ясно, что Ахмад приходился Бугра-хану Мухаммаду сыном, Арслан-хану же племянником, а не братом[34]. Если на монетах Тункета Ахмад выступает вассалом отца, то на выпущенных в 443/1051—52 (?) г. дирхемах Маргинана Абу-л-Музаффар Арслан-тегин сюзерена не упоминает[35]. На тункетских монетах с титулом «Арслан-тегин» связан лакаб Сана ад-Даула, на других, близких по времени, с ним соединен иной лакаб — Шамс ад-Даула, который на многих дирхемах 440-х гг. х. связан с титулом «Арслан-

[30] Pritsak O. Die Karachaniden. S. 41.

[31] Караев О. История Караханидского каганата (X — начало XIII вв.). Фрунзе, 1983. С. 107—112; История Киргизской ССР. В 5-ти т. Т. 1. Фрунзе, 1984. С. 291—294.

[32] Ибн ал-Асир. Китаб ал-камил фи-т-тарих. С. 60.

[33] Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах (по нумизматическим данным) // Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979. С. 156.

[34] Кочнев Б. Д. Новые данные по генеалогии и хронологии Караханидов // Фольклор, литература и история Востока // Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент. 1984. С. 371.

[35] Винник Д. Ф., Федоров М. Н. Два клада караханидских дирхемов с городища Шиш-Тюбе // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 75; на хранящихся в Институте археологии АН УзССР (инв. №№ 5071, 5082) экземплярах есть плохо сохранившаяся дата.

илек»[36], тоже принадлежавшим, следовательно, Ахмаду б. Мухаммаду. Никто, кроме Шамс ад-Даула Арслан-илека, не упомянут на монетах Барсхана 448—449/1056—58 гг.[37], а на дирхемах Уча 448/1056—57 г.[38] помещены титулы «Арслан-илек» (об. ст.) и «Малик ал-Машрик» (л. ст.), из коих второй, вероятно, также относится к Ахмаду б. Мухаммаду. Наконец, имя Ахмад стоит на близких хронологически, но не сохранивших даты монетах Куз Орду (Баласагуна)[39]. На ряде дирхемов с неуцелевшими выпускными сведениями кроме Арслан-тегина упомянуты его вассалы[40].

Таким образом, в 440-х гг. х. (хотя, вероятно, и не одновременно) Ахмад б. Мухаммад владел Маргинаном (Фергана), Тункетом (Илак), Барсханом (Прииссыккулье), Учем (Восточный Туркестан) и даже столичным Баласагуном (Чуйская долина). Очевидно, его владения были еще более значительны, причем включали уделы, управлявшиеся вассалами. Иногда он сам оказывается вассалом по отношению к своему отцу, чаще же в монетных надписях вообще не упоминает сюзерена, выступая тем самым если не совершенно независимым, то весьма самостоятельным правителем, «царем Востока» (если мы правильно относим к нему титул «Малик ал-Машрик»). После 440/1048—49 г. (когда на монетах в последний раз упомянут Тонга-хан) и до 448/1056—57 г. (когда был свергнут Арслан-хан) Ахмад б. Мухаммад занимал третье, а затем в течение по крайней мере 15 месяцев второе место в феодальной иерархии Восточнокараханидского каганата. Наконец, его обширные владения располагались именно в северо-восточной части каганата и представляются достаточными для того, чтобы обеспечить содержание сорокатысячной армии (впрочем, и эта цифра, быть может, завышена). Все сказанное кажется нам достаточно убедительным для отождествления Арслан-тегина Ахмада б. Мухаммада с Арслан-тегином, упомянутым у Махмуда Кашгарского.

Правда, мы не имеем прямых нумизматических или письменных свидетельств участия именно Ахмада в войне за веру, но косвенные, пожалуй, есть. Можно предположить, что включение в легенды маргинанских дирхемов Ахмада куньи Абу-л-Музаффар связано не с победой вообще, а с победой над неверными. Кроме того, есть дирхем, битый в Уче в 445/1053—54 г. с упоминанием анонимного «Гази»[41], возможно, идентичного Ахмаду б. Мухаммаду, который определенно владел Учем в 448/1057—58 г.

[36] Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада караханидских дирхемов XI в. из Киргизии//НЭ. Т. XI. М., 1974. С. 194—195.

[37] Там же. С. 182.

[38] Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. 4.1//ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978. С. 125.

[39] Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада...С. 183.

[40] Там же. С. 190.

[41] Сведениями об этой монете, найденной на Краснореченском городище в Чуйской долине, мы обязаны любезности алмаатинского коллеги В. Н. Настича; ему же принадлежит восстановление даты, от которой уцелело слово, обозначающее единицы.

Данная монета могла быть выпущена и Арслан-ханом Сулайманом б. Йусуфом: он определенно владел Кашгаром и Хотаном[42], а значит ему же могли принадлежать и другие города Восточного Туркестана, в том числе Уч. Независимо от решения вопроса о том, относится ли здесь титул «Гази» к Ахмаду б. Мухаммаду или Сулайману б. Йусуфу, остается несомненным чрезвычайно редкое использование данного титула на караханидских монетах — всего три случая на десятки тысяч экземпляров. Следует напомнить при этом, что у Ахмада б. ʿАли и Мухаммада б. ʿАли, определенно ставивших на своих монетах титул «Гази», а также Ахмада б. Мухаммада и Сулаймана б. Йусуфа, один из которых чеканил дирхемы с тем же титулом, монетная титулатура очень многообразна. Велико число титулов и на монетах неоднократно воевавшего за веру[43] Кадыр-хана Йусуфа б. Харуна, но среди них нет «Гази». И если допустить, что Караханиды редко получали право на титул «Гази», остается непонятным, почему, даже получив такое право, они столь редко проставляли этот титул на своих монетах.

Самаркандские фельсы Мухаммада б. Текеша

Вопрос о монетах, обслуживавших в XII—начале XIII в. мелкую розничную торговлю в Мавераннахре, поставлен Е. А. Давидович. Как удалось ей показать, сферу серебряного обращения обслуживали преимущественно медные посеребренные дирхемы чекана Караханидов, а затем также Ануштегинидов. В этих монетах абсолютно преобладала медь (бронза), но коль скоро внешне они выглядели (по крайней мере первоначально) серебряными и имели завышенный принудительный курс, должны были чеканиться и чисто медные монеты, фельсы. Таких фельсов Е. А. Давидович в свое время выявила два типа — чекана Караханида Ибрахима б. ал-Хусайна (Самарканд, 595/1198—99 г.) и Ануштегинида Мухаммада б. Текеша (Бухара, 608/1211—12 г.)[44].

В 609/1212 г. Мухаммад б. Текеш казнил последнего самаркандского Караханида ʿУсмана б. Ибрахима и окончательно присоединил к своим владениям Самарканд, где осуществлял регулярный и очень интенсивный выпуск медных посеребренных дирхемов. Они известны в очень большом числе и целыми кладами, и отдельными экземплярами[45]. Учитывая же, что самаркандский монетный двор в течение ряда лет чеканил фельсы и при Ибра-

---

[42] Ибн ал-Асир. Китаб ал-камил фи-т-тарих. С. 59.

[43] Там же.

[44] Давидович Е. А. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв.//НЭ. Т. II. М., 1960. С. 105—110.

[45] Федоров М. Н. Мухаммад хорезмшах и чекан Самарканда в конце первого и во втором десятилетии XIII в.//ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 162—170.

химе, и при его сыне 'Усмане[46], следовало ожидать продолжения здесь производства фельсов и при Мухаммаде б. Текеше. Однако самаркандские его фельсы долго не удавалось выявить. Такая монета оказалась в частной коллекции В. Е. Гладушко (г. Самарканд). Вот ее описание.

8. Самарканд, 61[1]3/1216—17 г.

Л. ст., поле: ас-Султан Мухаммад б.; Об. ст., поле: Султан Текеш.

Л. ст. В поле: جلالى السلطان محمد بن

Кругом, между внутренним двойным (внутри линейный, снаружи точечный) и внешним неясным ободками:

. . . ، هذا الفلس بس . . .

Об. ст. В поле, в квадрифолинейном картуше, вписанном в линейный круг: سلطان تكش

Внизу колечко. Кругом, в линейном ободке: ... سنة ثلاث ...

От наименования монетного двора уцелел только начальный «син», но, учитывая место находки (район самаркандского вокзала, 1979 г.) и отсутствие среди среднеазиатских известных монетных дворов Мухаммада б. Текеша[47] других пунктов с такой начальной буквой, можно с полной уверенностью считать местом производства данного фельса именно Самарканд. Столь же надежно восстанавливается и дата, от которой сохранилось лишь слово, обозначающее единицы — «три». Мухаммад б. Текеш, правивший в 596—617/1200—1220 гг., в 603/1206—07 г. еще не владел Самаркандом, принадлежавшим тогда Караханидам, а значит единственной возможной датой остается 613/1216—17 г.

В неразобранной части нумизматической коллекции Государственного музея истории культуры и искусства УзССР (г. Самарканд) нами обнаружен еще один фельс того же типа с несохранившимися выпускными сведениями. Однотипность позволяет считать местом выпуска и второго экземпляра Самарканд, но дата при этом могла быть иной: монеты одного типа иногда чеканились в течение нескольких лет.

На обоих экземплярах хорошо заметны насечки-риски, столь характерные для саманидских и караханидских фельсов, в том

[46] Шишкина Г. В. Клад медных монет с Афрасиаба//ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 116—117, 121—122. Нами выявлены также новые фельсы с несколькими датами.

[47] Хорезм, Бараб, Бухара, Вахш, Самарканд, Термез, Узджанд, Чаганийан. См.: Давидович Е. А. Мухаммад б. Текеш и последние Караханиды (нумизматические коррективы)//Тезисы докладов научной конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии». Ташкент, 1985. С. 42.

числе относящихся к концу XII — началу XIII в. Позднекараханидские медные посеребренные дирхемы не имеют таких рисок, которые, следовательно, являются надежным критерием различения фельсов и тех дирхемов, на которых не уцелели следы серебрения и не сохранился (или не проставлен) термин «дирхем». Теперь ясно, что таким же критерием могут служить насечки и для ануштегинидских медных монет. В недавно изданном Е. А. Давидович и К. К. Поповым кладе из-под Ургенча преобладают медные монеты Мухаммада б. Текеша типа I без термина «фельс» или «дирхем», но публикаторы на основании ряда соображений считают более правдоподобным относить их к числу фельсов[48]. Это вполне вероятно, хотя настораживает такая существенная деталь, как упоминание халифа, совершенно не свойственное всем позднекараханидским фельсам и характерное для дирхемов. Для окончательного решения вопроса о том, относятся ли монеты типа I к числу фельсов или дирхемов, важно установить, имеются ли на них насечки-риски.

А. А. АБДУРАЗАКОВ

ХИМИЧЕСКИЕ СОСТАВЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ СТЕКОЛ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Химический анализ как метод исследования древних стекол открывает новые возможности в объективном освещении истории стекольного производства прошлого. В отличие от типологического метода, основанного на изучении внешних признаков стеклянных изделий, химический анализ раскрывает внутреннюю сущность находок, их вещественно-материальную основу. На основании данных химических анализов можно сделать важные заключения о локальных и хронологических особенностях древних и средневековых стекол[1].

Первые опыты использования химического анализа для исследования стекол целого региона были предприняты автором ранее[2]. Однако за последние годы накопился ряд новых данных, требующих специального рассмотрения в широком историческом и региональном плане.

В настоящее время известны химические составы стекол 31 образца из 10 памятников Средней Азии, относящиеся к раннесредневековому периоду — V—VII в. или к началу VIII в., т. е. от эфталитского периода и до завоевания Средней Азии арабами. Анализу подвергались стекла Южного Согда — Еркургана, Кош-

[48] Давидович Е. А., Попов К. К. Клад медных монет Мухаммада б. Текеша (1200—1220) из-под Куня-Ургенча (источниковедческая характеристика)//ПИВ. Ежегодник. 1976—1977. М., 1984. С. 92—100.

[1] Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Средневековые стекла Средней Азии. Ташкент, 1966. С. 19—34.

[2] Абдуразаков А. А. Особенности химического состава стекол раннесредневекового Согда//ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981. С. 126—133.

тепе-2, Аултепа, Центрального Согда — Афрасиаба и Пенджикента, Тохаристана — Балалыктепа и Хосияттепа, Ферганы — Кувы, Чача — Лашкерек, Хорезма — Курганча.

Классифицируя имеющиеся химические анализы стекол по содержанию в них главных стеклообразующих компонентов, т. е.

Таблица 1

Сводная таблица химических типов раннесредневековых стекол Средней Азии (V — нач. VIII вв.).

пп №№	Химические типы стекол	Памятники и датировка	Кол-во анализов	Общее кол-во образцов, входящих в данную группу
1	$Na_2O—CaO—MgO—SiO_2$	Коштепа-2 в Кашкадарье (V — VI вв.)	1	3
		Аултепа « (V — VI вв.)	1	
		Пенджикент (VII—нач. VIII в.)	1	
2	$Na_2O—CaO—Al_2O_3—SiO_2$	Коштепа-2 в Кашкадарье (V—VI вв.)	2	2
3	$Na_2O—K_2O—CaO—Al_2O_3—SiO_2$	Балалыктепа (V—VI вв.)	1	
		Афрасиаб (нач. VIII в.)	4	5
4	$Na_2O—K_2O—CaO—MgO—SiO_2$	Еркурган (V—VIII вв.)	1	
		Пенджикент (нач. VIII в.)	3	4
5	$Na_2O—K_2O—CaO—MgO—Al_2O_3—Fe_2O_3—SiO_2$	Хосияттепа (VII—VIII вв.)	1	
		Афрасиаб (нач. VIII в.)	2	3
6	$Na_2O—K_2O—CaO—MgO—Al_2O_3—SiO_2$	Хосияттепа (VII—VIII вв.)	1	
		Лашкерек Ташкент. обл. (VII—VIII вв.)	1	
		Курганча (VII—нач. VIII в.)	1	6
		Пенджикент (VII—нач. VIII в.)	1	
		Афрасиаб (нач. VIII в.)	2	
7	$Na_2O—CaO—MgO—Al_2O_3—SiO_2$	Кува (VII в.)	1	
		Пенджикент (VII—нач. VIII в.)	1	2
8	$Na_2O—CaO—MgO—Mn_2O_3—SiO_2$	Пенджикент (VII—нач. VIII в.)	1	1
9	$Na_2O—CaO—Al_2O_3—F_2O_3—SiO_2$	Еркурган (IV—V вв.)	1	1
10	$Na_2O—K_2O—CaO—MgO—Fe_2O_3—SiO_2$	Хосияттепа (VII—VIII вв.)	1	1
11	$Na_2O—CaO—MgO—Al_2O_3—Mn_2O_3—SiO_2$	Пенджикент (VII—VIII вв.)	1	1
12	$Na_2O—K_2O—CaO—Al_2O_3—Mn_2O_3—SiO_2$	Афрасиаб (нач. VIII в.)	2	2
			31	31

химических окислов, содержащихся в составе стекол в количестве 3% и более, была составлена табл. 1.

Как следует из табл. 1, на основе изученных 31 образца стекол раннесредневекового периода в Средней Азии устанавливается существование с V по начало VIII в. стекол 12 химических типов. Из них два состава (№ 1 и № 4) встречались ранее в Средней Азии, начиная с эпохи поздней бронзы. Согласно прове-

денным анализам, первые шесть химических типов присутствуют и среди стекол античного времени. Таким образом, здесь наблюдается непрерывная связь составов от древности по раннесредневековый период.

Наряду с отмеченными, в раннесредневековье встречаются также и совершенно новые для Средней Азии химические составы: № 7, 8, 9, 10, 11 и 12. Стекла, относящиеся к типу № 7, встречались ранее только среди стекол древнего Египта[3]. Сходный с типом № 8 состав в одном экземпляре найден среди стекол из Ниппура (Месопотамия), датируемых временем около 250 г. н. э., а также в двух экземплярах — среди стеклянных изделий Кавказа из Самтаврского могильника, датируемого I—VIII вв. н. э.[4]

Образцы, относящиеся к типу № 9, в других странах найдены лишь среди стекол древней Индии (по одному экземпляру) — Древней Агры, Копиа (V в. до н. э.) и древнего Ассама[5].

Шестикомпонентные стекла типов № 10, 11 и 12 нигде прежде не встречались ни в нашей стране, ни за рубежом.

Таким образом, количество образцов, принадлежавших последним шести химическим типам (№ 7—12), на других территориях ничтожно мало относительно всего имеющегося в мире материала (более 1000 анализов). В среднеазиатских памятниках — Афрасиаб, Пенджикент и Кува найдены следы производства стекла. Все это дает основание предполагать, что здесь не может идти речь об импорте стеклянных изделий из других стран. Скорее всего появление новых шести типов стекол в Средней Азии нужно рассматривать как результат экспериментального поиска мастерами-стеклоделами новых рецептов и совершенствования известных составов.

Рассмотрим основные составы стекол, найденные на территории Средней Азии в раннесредневековый период.

1. $Na_2O—CaO—MgO—SiO_2$. Это один из древнейших составов. Стеклообразующая основа данной группы стекол состоит из четырех химических компонентов — окисей натрия, кальция, магния и кремнезема. Как видно из табл. 1, данный состав в раннесредневековье распространялся только на памятниках Согда — Коштепа-2, Аултепа, Пенджикент. Подобные составы давно известны в Средней Азии и ранее были обнаружены среди стекол памятников эпохи поздней бронзы (сумбарские могильники) и античности (Старая Ниса — II в. до н. э. и Кой-Крылганкала — I — нач. II в. н. э.). Они встречаются и в других странах мира. Сюда относятся 37 образцов из 241 анализированных стекол древ-

---

[3] Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969. С. 212.

[4] Там же. С. 200, 236; Бахтадзе Р. А. Изучение химического состава стеклянных изделий, найденных в Самтаврском могильнике//Вестник Гос. музея Грузии. XVIII—Б. Тбилиси, 1954 (на грузинском языке).

[5] Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. С. 206—210.

него периода. Особенно их много среди стекол древнего Египта из Горуб-Мединед (XV в. до н. э.), Тель-эль-Амарна (с XIV в. до н. э. и поздних), Фив (XV в. до н. э.), из Ниппура (XIV в. до н. э. и около 250 г. до н. э.), древнеассирийских из Нимруда (700—630 гг. до н. э.) и древнеиндийских из Ахичхатра (VII в. до н. э.) и Кармир-Блура (VII в. до н. э.).

Накопленные в настоящее время материалы дают основание высказать предположение о существовании в античности больших и значительных центров стеклоделия по крайней мере на территории Парфии, Бактрии, Согда и Хорезма. Возможно поэтому названный состав, возникший в Средней Азии первоначально под воздействием стеклоделия стран древневосточной цивилизации, прежде всего древнего Египта, начал разрабатываться на месте. Другими словами, обнаружение данного состава в Средней Азии может указать на знакомство среднеазиатских стеклоделов с рецептами и традициями стеклоделия стран древневосточных цивилизаций и постепенное освоение их производства на месте.

2. $Na_2O—CaO—Al_2O_3—SiO_2$. Четырехкомпонентные стекла, основа которых состоит из окисей натрия, кальция, глинозема и кремнезема, также являются одним из древних составов, освоенных человечеством. Подобные стекла в древности широко были распространены на территории Египта со времен XII династий (около 2000 г. до н. э.) и XX династий (1200—1090 гг. до н. э.), в таких его городах, как Горуб-Мединед (XV в. до н. э.), Фивы (XV в. до н. э.) и Элефантина (II—I вв. до н. э.). Крупные производства данного состава стекла широко представлены на территории древней Индии — в Копиа (V в. до н. э.), Таксиле (IV в. до н.).), Каузамби (II в. до н. э. — II в. н. э.), Агре, Ассаме и Наланде[6].

Стекла данного химического типа выявлены также и в странах Европы. В частности, они обнаружены среди древнеримских и западноевропейских стекол из Кельна (II в. н. э. и I—V вв. н. э.), Майнца (I—IV вв. н. э.), Салоны (II в. н. э.), Закжова (Сакрау), в Комарово (III—IV вв. н. э.) и в Крыму — Херсонесе (III—IV вв.)[7]. Таким образом, названный состав представлен 53 образцами из 241. Определенное распространение получили такие составы и в Средней Азии, особенно в разных частях Бактрии — Тилля-тепа (Афганистан) и Дальверзинтепа (Узбекистан) начиная с I в. до н. э.— I в. н. э., в раннесредневековый период он обнаружен на территории Коштепа-2 (Южный Согд).

Пока очень трудно ответить на вопрос о происхождении стекол данного типа в Средней Азии, ибо на территории долины Кашкадарьи следов стеклянного производства прошлого не обнаружено. Возможна следующая версия. Состав, возникший в Индии под влиянием наиболее ранних центров стеклоделия — древ-

[6] Там же. С. 206—211.
[7] Там же.

него Египта, постепенно проник на территорию древней Бактрии в раннюю пору Кушанской империи, когда между этими территориями установились самые тесные взаимоотношения и рассматриваемые районы входили в единое Кушанское царство. В раннесредневековый период данный рецепт стекла или готовое изделие из Бактрии могло доставляться до памятников долины Кашкадарьи. Вообще высокое содержание глинозема (Al_2O_3) в составе древних стекол более характерно для стеклоделия древней Индии. Заключение о влиянии традиций индийского стеклоделия на состав стекол древней Бактрии подтверждается и другими археологическими данными[8].

3. $Na_2O—K_2O—CaO—Al_2O_3—SiO_2$. Пятикомпонентные стекла, в их основе — окислы натрия, калия, кальция, глинозем и кремнезем. В других странах они встречаются очень редко. Из 241 анализа древних стекол к этой группе относятся только 6 образцов древнеиндийских — из Каузамби (II в. до н. э.— II в. н. э.), Арикамеду (V в. н. э.) и Удайгири (древнего периода) и 3 образца древнеримских — из Альзея и Салоны (II в. н. э.)[9]. В то же время их находки в Средней и Центральной Азии более многочисленные, особенно в памятниках древней Бактрии и лишь одно такое стекло встречено в Парфии, на территории городища Старая Ниса (II в. до н. э.). Стеклянные изделия античности, входящие в данную группу стекол, химическими анализами установлены в следующих памятниках древней Бактрии — Старом Термезе (II в. до н. э.), и Дальверзинтепа (I в. до н. э.—I в. н. э.) в Узбекистане, Дильберджин-тепа (II—III вв. н. э.), Кона-Масчит (III—VIII вв. н. э.), Сурх-Котале (I в. до н. э. — II в. н. э.), Ак-Купруке-I (III—IV вв. и V—VI вв. н. э.) и Балхе в Афганистане.

Если тщательно сравнить результаты анализа стекол Средней и Центральной Азии с имеющимися в литературе данными, то они резко отличаются от выше отмеченных стекол древней Индии и Рима по количественному содержанию отдельных стеклообразующих компонентов и по их композиции. Скученность единообразного состава стекол в целом ряде памятников одного историко-культурного региона — Бактрии — может указывать на самобытность состава для данной территории. Тем более, есть прямые доказательства существования стеклоделия в первых веках нашей эры на территории Древнего Термеза в квартале металлистов[10].

4. $Na_2O—K_2O—CaO—MgO—SiO_2$. Пятикомпонентные натриево-калиево-кальциево-магниево-кремнеземные стекла почти не встречаются в других странах древнего мира. Сходные составы

---

[8] Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 220—221.

[9] Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. С. 228.

[10] Князев П. И. Разведочно-археологические работы в квартале металлистов древнего Термеза//Труды АН УзССР, ТАКЭ. Т. II. Ташкент, 1945.

есть в двух экземплярах древнекавказских стекол из Кармир-Блура, относящихся к VII в. до н. э. Стекла данного типа обнаружены в двух экземплярах среди стекол эпохи поздней бронзы в Сумбарских могильниках[11]. В античности, по данным Ю. Л. Щаповой, основанных на спектральных анализах, они встречаются в одном экземпляре среди древнехорезмских стекол из Кой-Крылганкала (I — начало II в. н. э.)[12] и в числе бактрийских стекол из Ак-Купрука-I (III—IV вв. н. э.) в Афганистане[13].

В раннесредневековый период данный состав становится известным в Согде (Еркурган и Пенджикент). Позднее, начиная с IX в., он превращается в один из главных составов в обширных районах Средней Азии. Учитывая его отсутствие в других странах древнего мира и чрезмерную распространенность в Средней Азии, можно предположить, что он возник в античности, непосредственно в указанном регионе.

5. $Na_2O—K_2O—CaO—MgO—Al_2O_3—Fe_2O_3—SiO_2$. Подобные семикомпонентные стекла с высоким содержанием окиси железа в других странах вообще отсутствуют. В небольших количествах в античности подобные стекла вырабатывались в Средней Азии, в Парфии (Старая Ниса) и Бактрии (Шамшир-Гар). В раннесредневековый период этот состав получает распространение в другом памятнике Бактрии — Хосияттепа (VII—VIII вв. н. э.) и доходит до Согда (Афрасиаб). В общем данный состав и в Средней Азии обнаружен в небольшом количестве и, возможно, эти находки представляют собой результат экспериментального поиска новых составов мастерами-стеклоделами Средней Азии.

6. $Na_2O—K_2O—CaO—MgO—Al_2O_3—SiO_2$. Стекла данного состава сложные и состоят из шести стеклообразующих компонентов. В древности они почти не вырабатывались. Аналогичное стекло только в одном экземпляре встречено среди древнеиндийских стекол из Таксилы (IV—III вв. до н. э.)[14]. Таких стекол в античности почти нет и среди среднеазиатских стекол. Встречено только одно — в Ак-Купруке-1 в Афганистане и относится к III—IV вв. н. э.[15] Но начиная с раннесредневекового периода данный состав получает широкое распространение в целом ряде памятников, расположенных в различных частях Средней Азии: Тохарис-

---

[11] Галибин В. А. Спектральный анализ находок из Сумбарских могильников//Хлопин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Приложение 2. Л., 1983. С. 224—227.

[12] Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э.//Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. V. С. 145—146.

[13] Kobert H. Brill. Report on Chemical analyses of some glasses from Afghanistan. Transaktions of the Americal Philosophical Societi. Vol. 62. Pt. 4 (1972). P. 51—53.

[14] Lal B. B. Examination of some ancient Indian glass specimens. Ancient India. New Delhi. 1952. N 8. P. 17.

[15] Kobert H. Brill. Report on Chemical...

тане — Хосияттепа (VII—VIII вв.), Чаче — Лашкерек (VII—VIII вв.), Хорезме — Курганча (VII — нач. VIII в.), Согде — Пенджикент (VII— нач. VIII в.), Афрасиаб (нач. VIII в.) Большой интерес вызывает периодизация перечисленных памятников: все стекла датируются VII—VIII вв. н. э. Сам собою напрашивается вывод о том, что хотя истоки появления данного состава лежат где-то в памятниках Бактрии, главным образом он сложился и стал развиваться в Средней Азии начиная с VII—VIII вв. Следовательно, на примере стеклоделия можно заметить, что в указанный период уровень развития производительных сил в различных областях Средней Азии был очень высок, поэтому имелась возможность вырабатывать стекла по единой традиции и с единым рецептом на обширных территориях.

Таким образом, в раннесредневековый период на территории Средней Азии хотя и встречаются стекла 12 химических типов, из них практическое значение имели только 6 составов. Из них № 1 и № 2 могли возникнуть в Средней Азии первоначально под воздействием более развитых центров стеклоделия — древнего Египта и Индии и затем их производство было налажено на месте. Влияние специфической особенности составов стекол Индии особенно ярко прослеживается в химических типах стеклянных изделий Бактрии. Вообще проведенные анализы наглядно показывают, что Бактрия, трансформируя многие достижения стеклоделов стран древневосточной цивилизации, вносила значительные коррективы, которые затем распространялись на другие районы Средней Азии. Так создавались местные варианты стекол первого и второго химических типов. Составы стекол остальных основных химических типов (№ 3, № 4 и № 6) сформировались главным образом на территории Средней Азии, особенно в Бактрии и затем этот опыт стекольной технологии распространился на обширной территории Средней Азии.

М. А. РЕУТОВА

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕАКЦИИ ПОЛИУРЕТАНООБРАЗОВАНИЯ В ЛЕССОВЫХ ОБЪЕКТАХ

Теоретические основы реставрации памятников архитектуры начали складываться еще в середине прошлого века[1]. К середине нашего века сформировалась достаточно конкретно теория научной реставрации. Особые успехи в этом направлении были достигнуты в советской реставрационной школе, где уже в 60-х годах возможность применения различных методов реставрации была признана, а затем и развита в более или менее законченную теорию[2].

[1] Михайловский Е. В. Реставрация памятников архитектуры (развитие теоретических концепций). М., 1971.

[2] Михайловский Е. В., Филатов В. В. Методика реставрации памятников архитектуры. М., 1977.

Однако вопросы сохранения археологических памятников сырцовой архитектуры практически оставались вне поля зрения специалистов. Эта проблема была поднята сравнительно недавно. Об ее актуальности говорят международные совещания, посвященные охране и консервации раскопанных объектов сырцовой архитектуры. Только за последние десять лет было проведено пять таких совещаний в различных странах мира.

В реставрационной практике существует много методов. Однако в отношении археологических сооружений выбран один — метод консервации, который позволяет сохранить в памятнике архитектуры все или почти все его особенности, дошедшие до наших дней.

В резолюциях указанных конференций рекомендовались меры по сохранению памятников путем обратной засыпки грунтом, возведения перекрытий различными видами временной защиты, химической обработки с возведением защитной кровли и т. д., были приняты и специальные рекомендации — не производить археологические раскопки объектов, содержащих остатки строений сырцовой архитектуры, если вслед за этим не будет осуществляться консервация объекта, согласно всем нормам реставрационной практики[3].

Последнее не всегда выполнимо в наше время, т. к. жизнь требует более интенсивного изучения древнейших памятников культуры. В результате на повестке дня возникает вопрос о значительном расширении исследований по разработке методов консервации объектов, возведенных из лесса и лессовидных суглинков. Определенные положительные результаты в этой области уже достигнуты[4]. Однако они носят предварительный характер и являются началом глубоких научных разработок.

В последние годы внимание исследователей привлекают полимеры на основе диизоцианатов, которые используются в качестве герметизирующих материалов (4). Продукты реакции — полиуретаны — имеют низкое влагопоглощение, достаточную морозоустойчивость, хорошие адгезионные свойства и высокую износостойкость[5]. Благодаря этим свойствам полиуретаны сделались объектом исследования как консерванты для закрепления пористых материалов, в частности, лессовых.

Изучалась возможность стабилизации лессовых структур растворами диизоцианата и диэтиленгликоля, в результате взаимо-

---

[3] Conservation on archaeological excavations. Rome, 1984. P. 110.

[4] Абдуразаков А. А., Камбаров М. К., Ходжимуратова Д. Х., Пилосов М. Л. Способ закрепления пористого материала: Автор. свид. № 325822; Японский патент № 55—163151. ПУ — композиции для герметизации. Хани Кнеси, Кубета. Сигеру и др.//РЖХим. 14 С, 1983; Японский патент № 55—11031. Клеевые композиции, отверждаемые в присутствии воды. Симидзу Сигэо//РЖХим 6 Т, 379 П. 1983; Хоменко В. П., Деминов М. С. и др. Герметизирующая мастика. Автор. свид. № 2854011//РЖХим 8 С, 1983.

[5] Технология пластических масс/Под ред. акад. В. В. Коршака. М.: Химия, 1985. С. 185.

действия которых образуется полиуретан. Катализаторами данных реакций служат обычно третичные амины и оловоорганические соединения. В данном случае использованы амины — триэтиламин и пиридин.

В процессе проведения расширенных исследований по выявлению возможной деструкции, влагопоглощения и т. д. необходимо выявить оптимальные концентрации реагентов, способствующих более полному протеканию реакции на значительной глубине внутри лессовых материалов. Для этого, используя установленную ранее оптимальную концентрацию диизоцианата — 30%-ный раствор в м-ксилоле[6], проводили закрепление на модельных образцах с растворами диизоцианата и растворами гликоля различных концентраций. О результатах исследования свидетельствуют следующие данные:

Конц. гликоля $C_{спир.}$, %	*Мех. проч. на сжат., кг/см²*	*Конц. гликоля* $C_{спир.}$, %	*Мех. проч. на сжат., кг/см²*
0	14,32	5	61,18
0,5	52,23	10	46,04
1	57,98	20	44,18

Из вышеприведенных данных видно, что оптимальной концентрацией гликоля является его 5%-ный раствор, при котором достигается наибольшая механическая прочность на сжатие — 61,18 кг/см² и образование полимера происходит на достаточной глубине внутри капиллярных пор лессового материала (1,7 см.).

Археологические объекты, находясь в естественных условиях, подвергаются воздействию различных агрессивных сред: влаги, минеральных солей, минусовых и плюсовых температур при одновременном влиянии влаги и т. д., которые вызывают значительные разрушения. Этими причинами обусловлена необходимость изучения влияния вышеперечисленных факторов на структуру полимерного покрытия.

Как было установлено, наибольший вред памятникам наносит влага, которая понижает прочность сырца вплоть до 200%[7]. Уменьшение прочности сокращает противодействие сырца осадкам, отчего стены размываются и в конце концов полностью разрушаются. Поэтому поверхностное покрытие, образуемое в результате полимеризации мономера, внутри объекта должно быть гидрофобно и в то же время иметь свободные поры для выхода на поверхность влаги, находящейся внутри стены и минеральных солей, вызывающих в противном случае расслаивание и растрескивание закрепленной поверхности.

Эксперименты должны были определить влияние влаги на прочность образцов. Изучение старения полимерного покрытия

---

[6] Ильхамов Ш. Исследование полимеризации диизоцианатов в порах сырцовых материалов и разработка методов химической консервации лессовых исторических памятников: Автореф. дис. ...канд. хим.-тех. наук. Ташкент, 1981.

[7] Clifton I. R., Davis F. L. Mechanical properties of adobe Technical Note 996, National Bureau of Standards. Washington, D. C., 1979.

на основе диизоцианат_ и гликоля на лессовом материале проводили во влажной камере Г—4, где подлерживалась постоянная температура (60°С) и влажность (100%). Закрепленные образцы находились там в течение трех месяцев. Изучение прочности на сжатие показало, что в первые два месяца явной деструкции не наблюдалось. Прочность образцов колебалась в пределах 56—59 кг/см², к концу третьего месяца значения ее несколько снизились (47,81 кг/см²). Визуальные наблюдения показали, что образования трещин и расслаивания не произошло, цвет образцов остался естественным. Все это говорит о том, что химические связи, образованные в результате реакции полиуретанообразования, прочны и устойчивы к воздействию температуры и влаги.

При испытании закрепленных образцов особое внимание уделяется влиянию влаги и морозоустойчивости как основных факторов разрушения. С этой целью были поставлены опыты, выявляющие воздействие влаги в совокупности с переменным замораживанием и оттаиванием. В результате проведенных экспериментов было установлено, что закрепленные образцы выдерживают 21 цикл попеременного замораживания и оттаивания, проведенного согласно ГОСТу 7025—67.

Как было указано выше, полимерное покрытие должно быть гидрофобно и в тоже время иметь капилляры для свободного выхода влаги, содержащейся внутри стены, т. е. обладать хорошей водоотдачей. Именно плохая водоотдача (при значительной влажности внутри стены) является причиной растрескивания закрепленной поверхности, что еще более усугубляет процесс разрушения по сравнению с незакрепленной.

Выяснено, что образцы, имеющие полимерное покрытие на основе полиуретанов, характеризуются низкой степенью водопоглощения, которое составляет 1,4%, и достаточно высокой водоотдачей — 1,36%.

Таким образом, на основании проведенных исследований можно сделать вывод о том, что реакции полиуретанообразования диизоцианатов с диэтиленгликолем вполне обеспечивают консервацию сырцовых сооружений. На основании полученных результатов проведено закрепление около 12 кв. м. участков на памятнике Ак-тепа в г. Ташкенте. Наблюдения над ними продолжаются.

В. Д. РУЗАНОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧИМБАЙЛЫКСКОГО КЛАДА

Одной из центральных находок, характеризующих материальную культуру степных племен эпохи бронзы Ташкентского оазиса, является Чимбайлыкский клад (рис.). Вещи этого клада неоднократно привлекались исследователями для решения вопросов культурной принадлежности племен данной территории, связей,

хронологии и металлообработки[1]. Некоторые выводы авторов выдержали проверку временем, другие были высказаны, на наш взгляд, преждевременно и их правомерность вызывает сомнение.

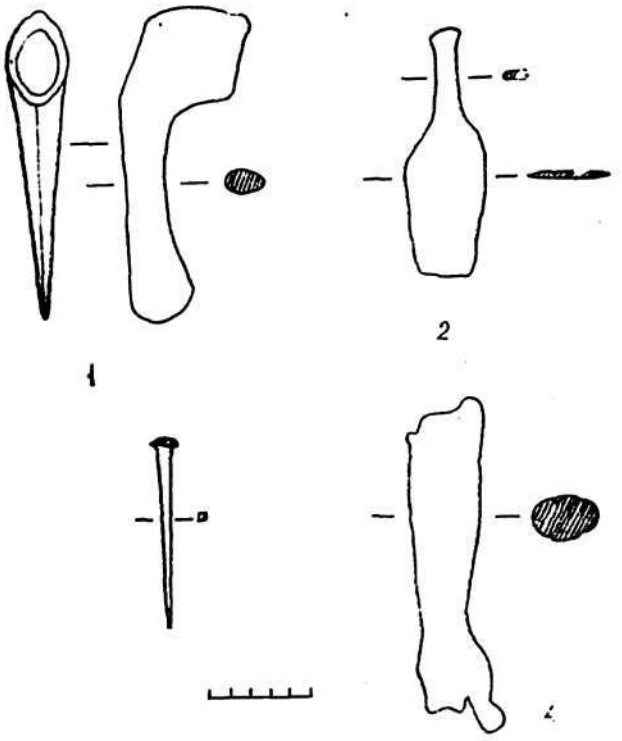


Рис. Чимбайлыкский клад.

Например, это касается вывода о местном происхождении Чимбайлыкского клада[2], с которым связана версия общего исторического характера: о принадлежности Ташкентского оазиса «к территории формирования широковислообушных топоров»[3].

[1] Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней Азии. М., 1916; Воронец М. Э. Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР//Тр. ИИА АН УзССР. 1. Ташкент, 1948; Череножкин А. И. Согд и Чач// КСИИМК. Вып. XXXII, 1950; Формозов А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры//КСИИМК. Вып. XXXIX, 1951; Оболдуева Т. Г. Погребения эпохи бронзы в Ташкентском оазисе//КСИИМК. Вып. 59, 1955; Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы//МИА. Вып. 118. 1962; Литвинский Б. А. и др. Древности Кайрак-Кумов. Т. XXXIII. Душанбе, 1962; Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии//САИ. Вып. ВЧ—9. М., 1966; Аванесова Н. А. К вопросу о вислообушных топорах андроновского культурного массива//Тр. СамГУ. Новая серия. Вып. 348. Самарканд, 1978.

[2] Воронец М. Э. Браслеты бронзовой эпохи... С. 69.

[3] Кузьмина Е. Е. Металлические изделия... С. 11.

Решение этой проблемы стало возможным после изучения химического состава металла изделий клада и сопоставления с химико-металлургической характеристикой металлических предметов из памятников не только Ташкентского оазиса и прилегающих к нему районов[4], но и весьма отдаленных областей[5].

Таблица

Спектральный анализ металла изделий Чимбайлыкского клада

Шифр лабор.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag
18814	основа	—	—	—	—	0,03
18826	—/—	12,0	0,04	—	0,0005	0,004
18816	—/—	0,02	0,06	—	0,01	0,2
18823	—/—	0,09	1,0	—	0,03	0,1

Шифр лабор.	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
18814	—	—	1,2	0,003	—	—
18826	—	—	0,03	—	—	0,001
18816	0,15	0,7	0,003	0,008	—	0,002
18823	0,15	2,2	0,03	0,02	0,004	0,002

Примечание: Количественный спектральный анализ предметов клада Чимбайлык был произведен автором в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР. Находки хранятся в Музее истории народов Узбекистана (г. Ташкент).

Шифр лаборатории	*Наименование предмета*	*Шифр музейный*
18814	слиток меди	188/161
18826	топор	259а/3
18816	нож	259а/1
18823	булавка	259а/2

Прежде всего рассмотрим химический состав металла, из которого сделаны вещи Чимбайлыкского клада (таблица).

Первое, что обращает на себя внимание при анализе таблицы — своеобразие состава металла слитка. Он представляет собой «чистую» медь, лишенную многих, учитываемых нами, примесей. Здесь отсутствуют олово, свинец, цинк, висмут, сурьма, мышьяк, кобальт и золото. Незначительно содержание никеля (тысячные доли процента). Однако высока концентрация железа (1,2%). Состав топора отличается от слитка металла. Это орудие изготов-

[4] Рузанов В. Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1982; Его же. К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры// СА. 1980. № 4. С. 55—64; Рындина Н. В. и др. Результаты химико-технологического исследования находок из Шамшинского клада//СА. 1980. № 4. С. 154—172.

[5] Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.

лено из высокооловянистой бронзы с содержанием олова 12%. Кроме олова зафиксированы свинец, висмут, серебро, железо и золото, концентрации которых невелики.

Иными химико-металлургическими показателями характеризуется металл двух других предметов клада — ножа и булавки. Различия заметны в распределении концентрации большинства микропримесей. Здесь отмечено высокое содержание серебра (от 0,1% до 0,2%). Зафиксированы такие примеси, как сурьма и мышьяк, которые отсутствуют в предыдущих находках. При этом следует отметить их высокую концентрацию: сурьмы — 0,15%, мышьяка — 0,7% и 2,2%.

Таким образом, анализ химического состава металла предметов клада, сделанных на медной основе, позволяет высказать следующее: во-первых, медь находок относится к разным рудным источникам; во-вторых, резкое различие в содержании железа в металле слитка и топора дает основание считать, что медь слитка не использовалась при отливке топора; в-третьих, предметы клада изготовлены из двух типов сплавов: топор — из оловянистого, а булавка и нож — из мышьяково-сурьмянистых.

Теперь сравним состав металла предметов Чимбайлыкского клада и изделий из других памятников севера Узбекистана и сопредельных с ним районов. В первую очередь это касается меди степных культур. По набору примесей медь слитка и топора не находит химических аналогий среди спектрально изученного металлического инвентаря степных племен. Правда, незначительными включениями микропримесей обращает на себя внимание ряд изделий кайраккумской культуры. Вероятно, они были сделаны из металла, выплавленного из руды Наукатского месторождения медистых песчаников. Однако последние отличаются пониженным содержанием серебра и присутствием сурьмы и мышьяка, что не характерно для состава меди топора и слитка. От чимбайлыкских находок отличен цветной металл изделий из погребений Искандер и Аурахмат, а также металл степных культур западной и центральной части Узбекистана[6]. Не находим мы химических параллелей в металле Киргизии[7]. Не обнаруживает он соответствий в меди и бронзах земледельческих племен юга Узбекистана.

В противоположность слитку и топору химические характеристики ножа и булавки чимбайлыкского комплекса близки к металлу группы изделий степных племен центральной части Узбекистана и культур «расписной» керамики Ташкентского оазиса и Ферганы конца II — начала I тыс. до н. э. Для этой группы также характерны сравнительно высокие концентрации сурьмы, мышьяка, серебра и висмута (сотые и десятые доли процента).

---

[6] Рузанов В. Д. История древней металлургии... С. 9—10; Его же. К вопросу о металлообработке... С. 58—61.

[7] Рындина Н. В. и др. Результаты химико-технологического исследования... С. 154—156.

Примерно в таких же пределах фиксируется содержание никеля, железа, олова и свинца.

Итак, сопоставление химического состава металла изделий чимбайлыкского комплекса с металлом из памятников Средней Азии эпохи поздней бронзы показало своеобразие меди слитка и топора. Видимо, данное обстоятельство может служить основанием для утверждения об этих вещах как импортных. В противоположность им химическое сходство металла ножа и булавки с группой изделий Ташкентско-Ферганского региона указывает на их возможную связь с местным производством.

Чимбайлыкский широковислообушный топор — единственная находка в Средней Азии. Такая форма известна в культурно-определенных памятниках и среди случайных находок Южного Урала, Приуралья и Поволжья. Исследователи обычно связывают сложение этого типа топоров с деятельностью литейщиков андроновской и срубной культур[8]. Наиболее полно металлический инвентарь культур Урала и Поволжья разобран Е. Н. Черных[9]. Автор проанализировал спектральным методом большую серию металлических изделий, в том числе металл вислообушных топоров.

По своему химическому составу урало-поволжские топоры различаются между собой, что свидетельствует о различных источниках металла для этих находок. В числе таких источников — месторождения медистых песчаников Юго-Западного Приуралья[10]. Сопоставление металла топоров данного источника (группа МП) с металлом ташкентской находки показало ее сходство по химическому составу. Полученные данные являются важным аргументом, подтверждающим правомерность нашей версии об импортном происхождении топора из чимбайлыкского комплекса. Очевидно, эта вещь была привезена из Южного Урала или Приуралья, или, возможно, Поволжья. Правда, в качестве косвенного свидетельства местного изготовления топора можно рассматривать наличие слитка в кладе. Однако аналитические исследования не подтвердили связи между слитком, как исходным сырьем, и топором, что делает маловероятным вывод о местном подражании северо-западным образцам. Остаются для нас неизвестными химические аналогии металлу слитка из этого клада.

Чимбайлыкский черенковый, двулезвийный нож с листовидным клинком так же, как и топор, находит прямые аналоги в материалах памятников Волго-Уралья. Такие ножи встречаются в срубной и приказанской культурах, среди случайных находок Приуралья и Зауралья[11]. От прочих двулезвийных, черенковых

[8] Шилов В. П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье//МИА. Вып. 60. 1959; Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала... С. 112—113; Аванесова Н. А. К вопросу о вислообушных топорах... С. 26.

[9] Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья.

[10] Там же. С. 48.

[11] Там же. Рис. 57, *1*—*7*. С. 66.

ножей без перекрестья и ребра по клинку они отличаются широкой пяткой черенка.

В отличие от топора принадлежность ножа и булавки к химическим группам определяется не столь ясно. Металл этих изделий находит химические соответствия, с одной стороны, в меди некоторых предметов культур крашеной керамики Ташкентского оазиса и Ферганской долины и степных племен Центральнозарафшанского района (могильник Чакка), с другой,— в металле группы ВК (волго-камская), распространенной в волго-камском бассейне[12]. Это обстоятельство не позволяет делать конкретного вывода о происхождении этих вещей, поскольку можно полагать в равной степени либо их импортный характер, либо местное изготовление. Думается, ответ на этот вопрос может быть получен только после металлографического исследования находок, что позволит выявить приемы их обработки и сопоставить эти данные с техническими навыками исполнения подобных изделий, которыми пользовались мастера очагов металлургии Волго-Уралья.

Н. Ю. НЕФЕДОВ

ПРИГОРОДНЫЙ ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС ГОРОДИЩА ЕРКУРГАН

В последние годы в связи с освоением земель Каршинской степи Институтом археологии АН УзССР начато планомерное обследование территории пригорода Еркургана, одного из древнейших городских центров Средней Азии. Судя по разведочному осмотру, пригородные постройки располагались вокруг городища небольшими группами, каждая из которых состоит в настоящее время из нескольких крупных и мелких бугров. Характер микрорельефа позволяет предположить в структуре пригорода отдельно стоящие дома с примыкающими к ним небольшими хозяйственными пристройками. Подобное расположение в более позднее время наблюдается в пригороде Пенджикента, который, однако, отличается как размерами домов, так и их архитектурно-планировочным характером[1].

Раскопочные работы производились в наиболее густо заселенной части пригорода, к западу от Еркургана. Здесь, в 600 м от внешней крепостной стены, на территории Касанского утиного комплекса, расположена группа из трех больших и четырех маленьких холмов, составлявших, видимо, три отдельных хозяйства. Раскоп был заложен на овальном в плане бугре 35×25 м, высотой около 2 м. В процессе работ вскрыто частично и полностью 17 помещений жилого, хозяйственного и культового назначения

[12] Там же. Рис. 28. С. 33.

[1] Большаков О. Г., Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента//МИА. Вып. 66. М.—Л., 1958. С. 155—193.

На основании стратиграфии в настоящее время можно выделить пять периодов функционирования комплекса (рис. 1).

К первому периоду относятся архитектурные остатки пяти помещений — 1, 9, 15, 16, 17. В шурфе, заложенном в северной части помещения 1, обнаружена ранняя стена из сырцового кирпича с пристроенной к ней суфой шириной 0,5 м и высотой 0,6 м. В северо-западной части основного здания к данному периоду, судя по уровням полов, относятся помещения 15 и 17, которые, вполне возможно, были частями одного Г-образного коридора.

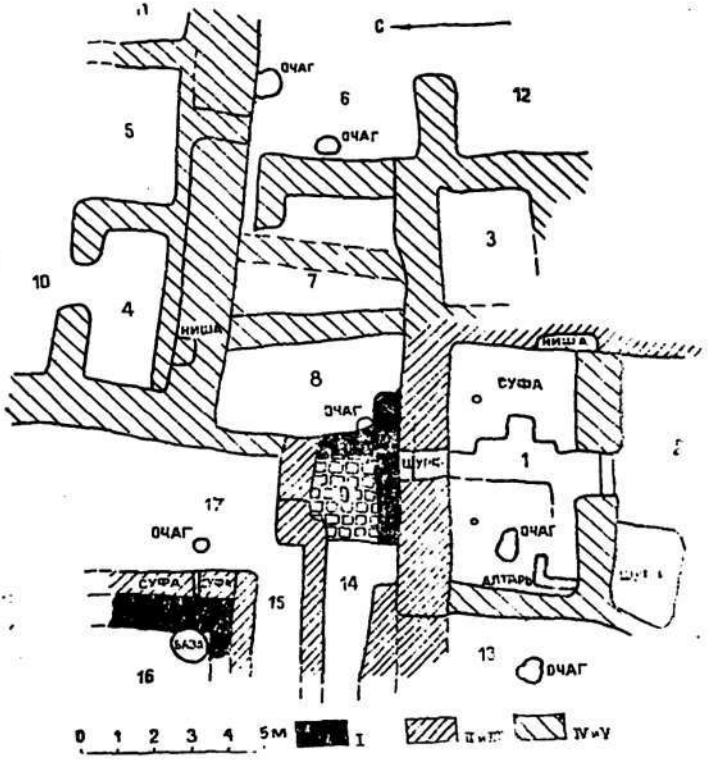


Рис. 1. План жилого комплекса.

В северном участке коридора к его западной стене была пристроена суфа шириной 0,75 м. Южная часть ее очень низкая, к северу высота суфы резко увеличивается. Помещение 16, находящееся западнее 17, первоначально имело вид, отличавший его от остальных. Судя по заполнению, его стены, пол были покрыты слоем тонкого ганча. В юго-восточном углу была найдена база от колонны, подпиравшей перекрытие. База торовидная, диаметр — 1,10 м. Возможно, помещение имело значительные размеры.

Во втором периоде здание впервые подверглось крупной перепланировке, которая почти не затронула северо-западную группу (помещения 15—17). Здесь происходило только постепенное

наращивание слоев штукатурки. В конце периода суфа в помещении 17 покрывается слоем ганчевой штукатурки и окрашивается в черный цвет. Ганчем были покрыты и стены. В заполнении найдено большое количество штукатурки, зачастую окрашенной в красный цвет. В помещении 1 к северной стене пристраивается ремонтная кладка, которая существует до конца функционирования здания. Суфа полностью перекрывается кладкой. В восточной части помещения 1, в стене сооружается ниша шириной 1,5 м и глубиной 0,5 м. Дно ее располагалось выше уровня пола. Возможно, подобных ниш в интерьере помещения было несколько. К этому же периоду можно отнести и помещения 9 и 14, расположенные между северо-западной группой и помещением 1. В южной стене помещения 14 также встречена ниша. Вероятно, эти помещения во втором периоде были единым коридором, ширина которого равна 1,5—1,25 м, прослежен он на протяжении 6,5 м. Уровень пола позднее неоднократно поднимался.

К третьему периоду в помещении 1 относится часть большой ступени, примыкавшей к середине северной стены. На ступени найдено прокаленное пятно с золой и углем. Видимо, здесь возжигался огонь. Можно предположить, что эта ступень существовала и ранее. Судя по наблюдениям, в северной стене помещения была ниша, которая исчезла в результате позднейших перестроек. Анализируя планировку, мы видим здесь композиционное решение, аналогичное святилищу городского храма Еркургана (раскоп 1, «Восточный холм»), близкое и по величине, но датируемое более ранним временем. К этому же периоду относятся и фрагменты настенной живописи, частично поднятой из заполнения между полами и, судя по их расположению в заполнении, покрывавшей некогда северную стену. На одном из фрагментов (наибольшие размеры 27×19,5 см) изображены две красные полосы шириной 5 см, окаймляющие черную полосу шириной 13 см. На черной полосе нанесен геометрический орнамент в виде меандрового сплетения двух узких белых полос шириной 0,8—0,9 см (рис. 2). В месте сплетения они образуют свастики, чередующиеся с розетками двух типов. Первый тип розетки состоит из четырех сердцевидных лепестков, образующих в совокупности крест. Второй тип, более сложный, имеет еще четыре миндалевидных, включенных между сердцевидными, лепестка.

Изображения свастики и меандровые сплетения линий известны у народов Евразии с глубокой древности[2]. Подобный нашему орнаментальный мотив встречается и в искусстве Бактрии и Парфии в I в. н. э. Так, орнаментальная полоса, состоящая из чередующихся свастик и розеток, была изображена на ножнах кинжала из погребения знатного воина, раскопанного на Тилля-тепе в Афга-

[2] Андроновская культура. Археология СССР//Свод археологических источников. В 3—2. Вып. 1. М.—Л., 1966. С. 13; Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951. С. 77.

Рис. 2. Фрагмент росписи из помещения 1.

нистане[3], а подобное расчленение орнаментируемого пространства свастикой обнаружено в декоративной отделке дворца в Кухи-Ходжа[4]. О популярности этой композиции в античное время свидетельствует использование ее в мозаичной выкладке пола в римской бане в Помпеях[5].

В третьем периоде в помещении 9 никаких существенных изменений не происходит. В помещении 14 уровень пола был поднят на 30—40 см. В северо-западной группе, в помещениях 15 и 17, производится ремонт стен. Здесь обкладываются кирпичом-сырцом северная и западная стены. В помещении 17 под этой кладкой исчезает суфа. Значительно поднимается уровень пола. Вблизи стены сооружается очаг.

Генеральной перепланировке здание подвергалось в четвертом строительном периоде. Помещение 1 резко уменьшается в размерах (4,10×7,25 м). Оно перегораживается меридиональной стеной на две части. Под значительно поднятым полом исчезают пристроенная к его северной стене ступень и ниша в восточной стене, которая закладывается. Проход между 1 и возникшим 2 помещением оформляется ступенькой. Следует отметить, что в данный период интерьер помещения 1 менялся дважды. Первоначально вдоль его северной стены стояли две деревянные колонны, углубления от которых найдены в полу. Возможно, они служили опорами для какого-то легкого перекрытия, так как их диаметр незначителен — 10 см. В дальнейшем всю восточную половину помещения занимает фигурная суфа, а стены помещения покрываются орнаментальными росписями геометрического характера. Их остатки находились как над полом, так и на поверхности суфы.

О характере перестроек в северо-западной части бугра в этот период судить невозможно. Здесь все разрушено склоном холма. Можно предположить, что продолжают функционировать помещения 9 и 14, но их планировка остается прежней.

Большие изменения произошли в северо-восточной и восточной частях здания. Стена, разделяющая их, была построена именно в четвертом периоде, доказательством чему служит то, что основание стены находится на уровне пола данного периода. В северо-восточной части к этому времени относится помещение 4, довольно обширных размеров. В юго-западном его углу находилась ниша шириной 0,75 м и глубиной 0,5 м. В восточной части обнаружен обломок обмазки колонны или полуколонны, состоящий из слоев саманной и ганчевой штукатурки. Возможно, крышу подпирали колонны. Восточная группа состояла из помещений 6 и 8 и была соединеная с вышеописанным помещением 4 проходом. Помещение 8 в плане квадратное (4,5×4,5 м). Помещение 6 имело

---

[3] Bactrian Gold. Leningrad, 1985. P. 220, 248.

[4] Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. 1. М., 1964. С. 140. Табл. 11.

[5] Henry Thedenat. Pompei. Paris, 1906. Fig. 58. P. 106.

ширину 4,5 м, длина с запада на восток неизвестна, так как его восточная часть срезана склоном холма.

В последнем, пятом периоде происходят дальнейшие перестройки. В помещении 1 вновь поднимается пол, в результате чего фигурная суфа и ступеньки прохода исчезают. В юго-западном углу возводится алтарь в виде Г-образной пахсовой рубашки, внутри которой находился небольшой глиняный куб-подиум (25×25×25 см). Видимо, на нем длительное время возжигался огонь, так как поверхность и верхние части стенок значительно прокалены. Ремонтируется южная стена помещения, которая возводится на предварительно подрубленной более ранней стене и становится немного уже. Северо-западная группа помещений полностью забутовывается. Данный участок выполнял в этот период, скорее всего, хозяйственное назначение, так как на поверхности забутовки найдено очень много ткацких грузил из необожженной глины. Помещение 4 делится на два самостоятельных. Его южная стена ремонтируется пахсовой кладкой и становится толще почти на полметра, вследствие чего исчезают ниша и проход в помещение 6. Уровень пола поднимается почти на 0,5 м. В восточной группе стена, отделяющая помещения 6 и 8 убирается и образовавшееся пространство делится на три помещения, в 6 найдено два очага. По характеру находок помещения 7 и 8 можно интерпретировать как жилые, а помещение 6 — хозяйственное.

На юго-востоке оконтурены два помещения (3 и 12), но их очертания выяснены предварительно. К тому же пока неясно, возведены они в IV или V строительные периоды.

Таковы основные этапы функционирования данного пригородного сооружения. Что касается времени возведения и обживания здания, то здесь мы имеем надежный датирующий материал только для двух последних строительных периодов. Судя по керамическому материалу, четвертый период может быть датирован II—III вв. н. э., а последний, пятый период — III—IV вв. н. э. Композиционное построение орнамента из помещения 1 позволяет, учитывая популярность этого мотива в искусстве Центральной Азии в первые века нашей эры, предварительно отнести третий строительный период к I—II вв. н. э. Начало обживания данного участка, возможно, приходится на последнюю треть I тысячелетия до н. э. Материал этого времени имеется в нижних слоях шурфа, а также в переотложенном виде в помещениях.

Оглавление Ашхабад 22, I, 1988.

1). В. Ионесов. Новые исследования поселения эпохи бронзы Анаурским ЧБ. стр. 3 – 13.

2) Т. Ширинов, Ш. Шайдуллаев. К вопросу о керамике поселения периферийной Кушрутепа, стр 13 – 26

3). Абдуллаев К.: О керамике Геранга в Бактрии (Некоторые вопросы типологии), Ашхабад, 1988, стр. 26 – 34.

4). И. Р. Пидаев. Раскопки эпохи поселения в северо-западной части городища Дашлы. стр. 34 — 44.

5) И. Ф. Ивашенцев, О. Н. Исаенкова. Раскопки городища Сарыкамышлы, стр. 44 — 59.

6). Г. А. Колесов. Определение некоторых физико-механических характеристик в ранжированной серии керамики ~~стр~~ Сапалы и Согр, стр 59 — 66.

7). А. Г. Бердимурадов, Ш. Х. Пидаев. Этнический состав. стр. 66 — 74.

8). Т. Аннаев, А. Бекмухамедов, Ш. Рахманов. Жилой комплекс. стр. 75 — 86.

9). С. В. Попарев. К вопросу определения площади поселения. стр. 86 – 90.

10 А. В. Павленкова, О. Ш. Расулова. Основные черты Сарыкамышской, стр 91 — 101.

11). Х. Г. Кулиев. Новые находки энеолитических памятников Южной Туркмении 1985-86 гг. и некоторые вопросы хронологии и периодизации. стр. 101 — 108

12. Ю.Н. Данилевский. Новые палеолитические археологические материалы, стр. 108 – 118

13) М.Х. Исамиддинов, Р.Х. Сулейманов. Результаты археологического обследования правобережья Нижнекарадарьинского Мангышлака, стр. 118 — 131

14. Н.В. Пищулина. Материалы археологического изучения и горячего Мангышлака в палеолите, стр. 131-138

15) Ю.Ф. Буриков, К.Т. Бранишева. К изучению палеолитических пещер среднего течения р. Сокыша – Шахрухан. ИМКУ, 22, 1988, стр. 138-155

16). М.Р. Тихонов. К палеографии позднечетвертичного оледенения горного Мангышлака, стр. 155-160

17). Ю.Ф. Буриков, Г.И. Медведев. Обследование пещеры Шатырь, стр. 160-176

18) М.И. Филиппова, Г. Данилов. Геоморфологическое описание пещеры Шатырь, стр. 176-190

19). Б.Д. Калиев. Заметки по среднепалеолитическим материалам пещеры Сарыаспан, часть 4. (Скребла, шарошки, микропластины), стр. 191 – 205

20) А.Н. Кобузарский. Животные остатки из среднепалеолитических отложений пещеры Сарыаспан, стр. 205-211

21) Рецензия на: Материалы результаты исследования позднего палеолита Поволжья и Среднего Дона, стр. 211 – 214

22) В.Ф. Гусаков. К вопросу о хронологической позиции мангышлакского палеолита, стр. 214-218